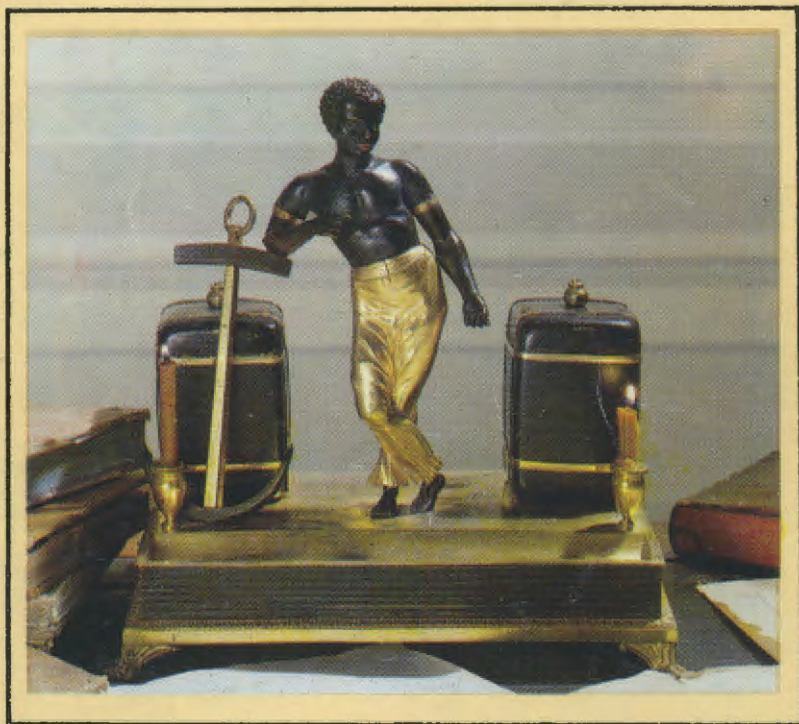

ПУШКИНСКИЙ МУЗЕУМ

ВЫПУСК 1

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А.С.ПУШКИНА

ПУШКИНСКИЙ МУЗЕУМ

Альманах

«Дорн»
Санкт-Петербург
1999

**Редакционная коллегия
«Пушкинского Музеума»:**
Е.А.ВИЛЬК, Р.В.ИЕЗУИТОВА,
С.М.НЕКРАСОВ (председатель), В.П.СТАРК

**Научный редактор
Р.В.ИЕЗУИТОВА**

**Ответственный редактор
С.М.НЕКРАСОВ**

**Составитель указателей
Г.Г.МАРТЫНОВ**

В год 200-летия А.С.Пушкина приветствую выход в свет первого выпуска альманаха «Пушкинский Музеум».

Надеюсь, что этот выпуск положит начало новому периодическому изданию старейшего в России пушкинского музея, который по богатству уникальной пушкинской коллекции не имеет себе равных.

Хочу пожелать авторам и читателям альманаха действенной любви к Пушкину и ярких впечатлений от встречи с ним в залах Вашего прекрасного музея и на страницах Ваших изданий.

Председатель Пушкинской комиссии

Российской Академии наук,

академик

 /Д.С.Лихачев/

ПРЕДИСЛОВИЕ

Альманах «Пушкинский Музеум» продолжает традиции тематических сборников Всероссийского музея А.С.Пушкина и прежде всего фундаментального издания «Пушкин и его время», вышедшего из печати более 30-ти лет назад. Приуроченный к 200-летию со дня рождения поэта «Пушкинский Музеум» подводит итоги творческой работы научных отделов музея за последние годы. Памятуя известное высказывание Пушкина, писавшего, что «альманахи сделались представителями словесности» его времени, редколлегия «Пушкинского Музеума» стремилась представить деятельность музея в широком общекультурном контексте, не ограничиваясь исключительно искусствоведческими и музейными проблемами. В альманахе помещены научные публикации, исследовательские статьи, литературно-критические эссе, популярные и документальные очерки, что позволяет значительно расширить его читательский адрес. Среди его участников не только сотрудники Всероссийского музея А.С.Пушкина и других музеев Санкт-Петербурга, но и видные деятели культуры, писатели, ученые-пушкинисты, краеведы. Широкий состав авторского коллектива и разнообразный характер работ определяет структуру альманаха, состоящего из 8-ми разделов, которые характеризуют главные направления научной деятельности коллектива музея.

Альманах открывается разделом «Пушкин и наша культура», в котором публикуются статьи, заметки, небольшие эссе, принадлежащие перу современных писателей, критиков и деятелей культуры, размышляющих на пушкинские темы по самому широкому кругу проблем его творчества и искусства нашего времени.

Второй раздел («Дела музейные») посвящен изучению коллекций музея, публикации новых документальных материалов, проблемам методической и экспозиционной работы. Построенный только на материалах Всероссийского музея А.С.Пушкина, он демонстрирует разнообразие форм музейной работы.

В особый раздел «Поиски и находки» выделены архивные разыскания и документальные находки в фондах музеев, архивохранилищ и библиотек Санкт-Петербурга и за его пределами, имеющие непосредственное отношение к экспозициям и фондам нашего музея. Здесь также помещены статьи, посвященные некоторым музейным атрибуциям.

Раздел «Перечитывая Пушкина» затрагивает сложные проблемы творческой эволюции Пушкина, важные для понимания личности поэта и его взаимоотношений с русским обществом того времени. В нем предлагаются новые трактовки ряда стихотворений Пушкина, уточняются их датировки и адресаты.

Следующий раздел, тесно связанный с предыдущим («Вокруг Пушкина»), характеризует поэта среди его современников. Материалы этого раздела вводят в число его знакомых нескольких неизвестных ранее лиц, расширяют наши представления о круге творческого общения Пушкина.

В раздел «Среди новых поколений» вошли статьи, раскрывающие значение Пушкина для развития русской культуры, начиная с конца XIX в. и вплоть до наших дней. Здесь характеризуются юбилейные торжества 1899 г. в русской провинции, роль поэта в философских исканиях Серебряного века, а также фестивали и праздники наших дней, протекающие с широким участием школьников и лицеистов Санкт-Петербурга и Царского Села.

Последним разделом альманаха по традиции являются «Публикации». Здесь наибольший интерес представляет биография сына поэта Александра Александровича Пушкина, написанная его сыном Николаем и дополненная важным документом — послужным списком А.А.Пушкина.

Традиционным завершением альманаха станет раздел «Хроника», который в настоящем, первом выпуске «Пушкинского Музеума» посвящен экспедиции на родину А.П.Ганнибала — прадеда А.С.Пушкина, состоявшейся в апреле 1999 г. Впредь в этом разделе будут представляться важнейшие события, связанные с именем Пушкина в России и за рубежом.

Все цитаты из произведений А.С.Пушкина даются по Большому академическому 16-томному Полному собранию его сочинений (1937—1949) с указанием в тексте номера тома (римской цифрой) и страницы (арабской).

Раздел «Перечитывая Пушкина» затрагивает сложные проблемы творческой эволюции Пушкина, важные для понимания личности поэта и его взаимоотношений с русским обществом того времени. В нем предлагаются новые трактовки ряда стихотворений Пушкина, уточняются их датировки и адресаты.

Следующий раздел, тесно связанный с предыдущим («Вокруг Пушкина»), характеризует поэта среди его современников. Материалы этого раздела вводят в число его знакомых нескольких неизвестных ранее лиц, расширяют наши представления о круге творческого общения Пушкина.

В раздел «Среди новых поколений» вошли статьи, раскрывающие значение Пушкина для развития русской культуры, начиная с конца XIX в. и вплоть до наших дней. Здесь характеризуются юбилейные торжества 1899 г. в русской провинции, роль поэта в философских исканиях Серебряного века, а также фестивали и праздники наших дней, протекающие с широким участием школьников и лицеистов Санкт-Петербурга и Царского Села.

Последним разделом альманаха по традиции являются «Публикации». Здесь наибольший интерес представляет биография сына поэта Александра Александровича Пушкина, написанная его сыном Николаем и дополненная важным документом — послужным списком А.А.Пушкина.

Традиционным завершением альманаха станет раздел «Хроника», который в настоящем, первом выпуске «Пушкинского Музеума» посвящен экспедиции на родину А.П.Ганнибала — прадеда А.С.Пушкина, состоявшейся в апреле 1999 г. Впредь в этом разделе будут представляться важнейшие события, связанные с именем Пушкина в России и за рубежом.

Все цитаты из произведений А.С.Пушкина даются по Большому академическому 16-томному Полному собранию его сочинений (1937—1949) с указанием в тексте номера тома (римской цифрой) и страницы (арабской).

ПУШКИН И НАША КУЛЬТУРА

Д.А.Гранин

ВБЛИЗИ ПРЕСТОЛА

В 1999 г. мировая культура отмечает два юбилея: 250 лет со дня рождения И.В.Гете и 200 лет со дня рождения А.С.Пушкина. Оба гения схожи хотя бы тем, что значили они в формировании духа и самосознания своих народов. Не мое дело сравнивать их творчество, их жизнь, их взгляды. Меня заинтересовало другое: недавно мне пришлось участвовать в разговоре на расхожую тему «Художник и власть», и вспомнился эпизод, вычитанный у Р.Роллана в книге о Л. ван Бетховене.

В 1812 г. в Карлсбаде встретились Гете и Бетховен. Во время их прогулки произошла любопытная сцена. На аллее показалась императорская фамилия. Увидев их издали, Гете оставил руку Бетховена и отошел на край дороги. Как композитор не уговаривал его, Гете не двигался. «Тогда,— пишет Бетховен,— я надвинул шляпу на самые брови, застегнул сюртук и, заложив руки за спину, стремительно двинулся в самую гущу сановной толпы. Принцы и придворные стали шпалерами, герцог Рудольф снял передо мною шляпу, императрица поклонилась мне первая. Великие мира сего знают меня. Я имел удовольствие наблюдать, как вся эта процессия продефилировала мимо Гете. Он стоял на краю дороги, низко кланяясь со шляпой в руке. И задал же я ему головомойку потом...».

Сцена выразительна, хотя, возможно, Бетховен приукрасил ее. Но суть различного отношения к власти имущим она выражает. Бетховен верно замечает по этому поводу, что короли могут заводить себе ученых и тайных советников (имея в виду должность Гете), но они не могут «создавать великих людей, таких людей, чей дух поднимался бы выше этого великосветского навоза».

Поведение Бетховена мне всегда было симпатичнее, но позже я понял, что суждение мое поверхностно. У Гете была своя немалая правда. Десять лет своей зрелой жизни он потратил, управляя Саксен-Веймарским герцогством, занимаясь акцизом, финансами, рекрутскими наборами. Он был политиком на практике, старался что-то сделать, и это не прошло бесследно, пропитав его цинизмом. Конечно, глупо считать Гете рабелепным, скорее он исполнял светские условности, от которых не был свободен. Политика, участие во власти — этим он купил себе условия работы. За все надо платить, он платил разочарованиями. Бетховен — бедностью. Пятьдесят лет Гете прожил в Веймаре, окруженный секретарями, чиновниками,

придавал блеск и славу двору герцога, награждаемый орденами, званиями, и стал духовным властелином чуть ли не всей просвещенной Европы.

Дом Гете в Веймаре при жизни хозяина выглядел музейно — античные статуи, картины, залы, библиотека, сад — там я невольно припомнил Михайловское: место ссылки Пушкина, его несвободу, забытость, затерянность.

Царский двор не прочь был приручить Пушкина и даже старался, пока не убедился, что это невозможно. Не годился он для придворной службы. А ведь нуждался и в хорошем жалованье, и не чужд был тщеславия, и не прочь был получать чины и награды. Но что-то мешало ему стать при дворе своим. Физиономия власти для Пушкина была не столько физиономией царя Николая, сколько холодно-бездушной высокомерной личиной А.Х. Бенкендорфа.

Непричастность к власти не была для Пушкина органична. Но это не было непричастностью к политике. Судьбы друзей-декабристов, повешенных и сосланных, мучили его всю жизнь. Странное чувство вины перед ними не отпускало его.

«Чтобы что-то создать, надо чем-то быть», — утверждал Гете. Этим *быть* определяется нравственная роль Пушкина в России. Влияние личности Пушкина также велико, как влияние его поэзии. Почему так жадно припадает именно к истории его личности поколение за поколением, ко всем подробностям его жизни, к жизнелюбию его духа? В них находят если не ответы, то пример, так нужный в нашей духоте, приниженности, пример свободного и цельного человека. И независимости от двора. Он, истый аристократ, не суетился у трона. Да, Пушкин зависел от политики, от власти, зависел, как все мы до сих пор зависим — тягостно, унижительно. Таково, видимо, состояние граждан каждого недемократического общества. Но он восставал перед этой свинцовой зависимостью:

Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

Часто приводимая эта цитата «замылена», исчезает ее глубинный смысл. Между тем, слова Пушкина до сих пор остаются вызовом нашим расхожим представлениям о роли поэта. Не должен он служить не только властям, но и народу. Не для него он пишет. Его взаимоотношения с властью проходят не через народ; если народ ждет призывов, лозунгов, то не дело поэта отзывать на эти ожидания. Долг поэта — в самовыражении, в том, чтобы прислушиваться к себе, к своим сокровенным чувствам, там может оказаться и гражданское чувство, а может оно и не быть. Лучше всего, когда дух человеческий может выразить то, что отражается в нем. В Пушкине отражалось и время, и политические страсти, он не отшельник, гражданский дух его кипит. В одном из своих последних стихов («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») он признается, что его этический долг был «милость к падшим призывать» и восславить Свободу.

Нет противоречия с тем, чтобы «себе лишь угождать» и «милость к падшим призывать», милосердие к декабристам — это стремление жжет его душу, это и была служба себе, он этим угождал требование своего гения.

Тоталитарная власть любит себя объединять с народом, преуспела в этом и советская власть, да и нынешняя тоже заверяет, что она — лучшее выражение народных чаяний. Власть привлекает художника к себе, уверяя, что, служа ей, он служит народу. Она подкупает, дает звания, награды, делает его депутатом, тайным или явным советником. Часто, очень часто художник тешит себя надеждой, что ему-то удастся что-то существенное сделать для свободы демократии. Так тешил себя Г.Р.Державин, стараясь стать советником Екатерины II. У нее в советниках служили и Вольтер, и Дидро. Великие советники украшали императрицу, но нисколько не действовали на ее политику.

Принято считать, что с Гете вопрос ясен, поскольку он служил, был тайным советником, значит совмещал творчество с властью. Но не будем упрощать. Да, Гете в этом несравним с Бетховеном или Шиллером. Но когда в 1802 г. Гете попросили помочь новому союзу германских князей, он ответил, что считает невозможным объединение для совместной деятельности князей и писателей. Вкус власти быстро приелся Гете. Всеобъемлющий гений его устремился в науку, естествознание. Богатство его творческой личности с большой радостью соединило в себе поэзию с наукой, с учением о цвете, с ботаникой. Вера в благотворность своего участия в государственной власти оказалась беспочвенной. Смысл всякой власти сводился к корысти и упрочению несправедливости. Чем дальше, тем глубже становились его сомнения в счастливом исходе человеческой истории.

Не забудем, что Пушкин ведь тоже служил по Министерству иностранных дел, получал жалование и, тем не менее, так и не сумел почувствовать себя чиновником. Не был приручен, ждал минуты «вольности святой» и «нетерпеливою душой внимал Отчизны призывание».

Гете и Пушкин — современники. Гете жил в сравнительно просвещенной Германии, Веймарский двор обеспечил ему благополучие, покой, его не терзала цензура, не мучили заботы о хлебе насущном, он счастливо путешествовал по Европе, он был свободным гражданином, недаром считал себя космополитом — гражданином мира. Ничего этого не было у Пушкина, он был лишен всех этих прав и этой свободы. Для него власть воплощали жандармский корпус Бенкендорфа, сыщики, доносители, виселица, где качались пять казненных друзей, царь — его личный жестокий цензор, ссылка...

Если взглядеться повнимательнее в жизнь Гете, оказывается, проводимые им реформы даже в масштабах маленького Веймарского герцогства вязли в застойном болоте. В конце концов он понимал, что нельзя поступать своим талантом ради попыток одолеть рутину существующего строя. Не раз он совершает бегство в культуру Востока, в античность, словно осуществляя заветную мечту Пушкина:

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественной природы красотам
И пред созданьями искусств и вдохновенья

Трепеща радостью в восторгах умиления —
Вот счастье! вот права...

Это удалось Гете, и не получилось у Пушкина. Но здесь они сошлись в своих стремлениях, здесь слилось их понимание счастья и прав поэта на свободу от всего — от властей, гражданских долгов, право на дерзкое — угождать лишь зову своего гения.

Казалось бы олимпиец, пример удачливого гения, пребывал в разладе с самим собою куда больше, чем Пушкин. Его гений недаром называли «насмешливым, презирающим мир». Жизнь Гете была полна компромиссов, но величайшее его произведение «Фауст» — бескомпромиссное постижение трагичности судьбы человека и человечества. Пушкина поразила именно смелость Гете в «Фаусте».

Надежды Пушкина на гуманное правление Николая I не оправдались, самодержавие оставалось верно себе, оно не слышало призывов поэта.

Гении нужны властям лишь для украшения правления. Их лучше держать в отдалении, как это было у Фридриха Великого и Екатерины Великой с Вольтером, у Наполеона — с П.С.Лапласом. Ссылаются на М.В.Ломоносова, приставленного ко двору, исполнителя льстивых од вельможам, но Пушкин резко отверг подобные обвинения: Ломоносов, писал он, «не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей». И далее он приводит ответ Ломоносова графу И.И.Шувалову, который вздумал над ним подшутить: «Я, ваше превосходительство, не только у вельмож, но ниже у Господа моего Бога дураком быть не хочу».

Поэт Пушкин был независим, человек Пушкин зависел от власти, у нее он просил милосердия своим друзьям, это был его долг, и он не мог от него освободиться.

Что мог Пушкин? Лишь одно — снова и снова взывать к милосердию, уговаривать царя дать амнистию сосланным декабристам. В стихотворениях «Стансы», «Пир Петра Первого», в «Капитанской дочке» приводил благородные примеры. Все было напрасно. И он понял, успел понять тщетность своих надежд.

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу.

Через сто с лишним лет другой великий поэт скажет еще резче:

Власть отвратительна,
Как руки брадобрея.

Поэту его гений указывает и путь, и компромиссы. Не нам судить, кто из них прав, мы можем лишь пытаться постичь их муки и свершения.

Первый министр Веймарского правительства — это создало для Гете обеспеченное положение. В натуре его соединились дарования художника и общественного деятеля. И все же разочарование во власти настигло Гете. Рано или поздно это должно было случиться. Так же как гений и злодейство

несовместны, так несовместны власть и творчество. Возврат к политике стал немислим, осталась только жалость о годах, потраченных его гением на суетные дела маленького герцогства. Мы жалеем об этом больше, чем он. Так или иначе, художнику приходится сталкиваться с властью. У Пушкина была своя система отношений, у Гете — своя, и власти были разные, и традиции. Величавый олимпиец, кумир Европы, увенчанный наградами, обласканный правителями, и другое солнце русской поэзии, «гуляка праздный», вызывающий недовольство царя, никак не прирученный, дон-жуан, остроумец, дуэлянт, никогда не дающий себя в обиду, слишком похожий на бунтаря — оба они могли идти на сделки, бывали «среди детей ничтожных мира» тоже ничтожными. Но не в творчестве! Поэзия освобождала их от всех обязательств, страхов и компромиссов, никакая власть не могла достать их в служении музам, в этом они сходились.

Посылать свет в глубины человеческого сердца, заставить вибрировать душу, проникать в нее путями, неведомыми никому — ни одна в мире власть не могла сравниться с их властью.

А.Г.Битов

ПУШКИН И ДЮМА (Пушкин во Франции)

Итак, я жил тогда в Одессе...

А.С.Пушкин.

«Путешествие Онегина»

Где помещается заграница невыездного?

Откроем «Словарь языка Пушкина». Великолепная вещь!

Англия — между *ангелом* и *аневризмой*.

Америка (САСШ) — между *севером* и *сегодня*.

Германия — между *гением* и *героизмом*.

Греция — между *грехом* и *грибом*.

Испания — между *искушением* и *исписанностью*.

Италия — между *Итакой* и *Иудеей*.

Китай — между *кистью* и *кифарой*.

Париж — между *парнем* и *париком*.

Франция — между *франтом* и *фрау*.

По количеству упоминаний Испания почему-то уступает Италии: 32 < 45, а Англия их превосходит: 120. Но чаще всего упомянута Франция: вместе с Парижем, 333 раза!

Без Парижа, во всяком случае, он своего выезда не мыслил. Уже в Лицее (где по-французски знали все), мальчика Пушкина прозвали Французом: тот для него был как родной, и это именно ему было предназначено поднять родной язык до уровня литературного французского...

Французскую литературу, особенно поэзию, он меньше жаловал. Возможно, ревновал.

«В начале 1827 г. в Москве читал лекции о французской поэзии некто Декамп (обожатель В.Гюго и новейшей школы и отвергавший авторитеты Буало, Расина и пр.) <...> В самую первую лекцию <...> Пушкин смеялся над бедным французом и притом почти вслух. Это совсем уронило лекции. Декамп принужден был не докончить курса, и после долго в этом упрекали Пушкина».

Это своеобразный ритм: как только Пушкин окрыляется надеждой, что его выпустят, так пишет восторженные стихи про Европу, а как только

снова убеждается, что его опять не выпускают, — столь же антагонистические.

«При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в отношении суда его над чужестранными писателями» (князь П.А.Вяземский). Не могу представить себе, что это делалось по расчету, ради показной верноподанности (это был бы наш советский опыт); скорее это анекдотическое, одесское: «Не очень-то и хотелось».

Хотелось. И очень. Кроме легальных прошений (например, в Китай), столь же спонтанных планов побега (отвалов). Через Дерпт (якобы лечить «аневризму»). В Грецию, в Америку...

Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь. <...> когда-нибудь прочтешь его («Евгения Онегина». — А.Б.) и спро-

сишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? В нем дарование приметно — услышь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница (1826).

Кто знает край, где небо блещет... (1828)

Поедем, я готов<...>
В кипящий ли Париж<...>
Повсюду я готов. Поедем... (1829)

Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом... (1834)

Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественно-го мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние (1836).

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды <...> (1836).

Но варварство англичан может еще быть извинено предрассудками века... Спрашивается, чем извинить малодушную неблагодарность французов? (1837)

В год смерти Пушкина состоялось торжественное открытие первой в России железной дороги между Санкт-Петербургом и Царским Селом (где Лицей). Присутствовали император и весь двор. Невозможно представить себе этот поезд без Пушкина! Он бы радовался, как ребенок (или был бы столь же разочарован).

Так же невозможно представить себе Пушкина, так и не побывавшим в Париже!

В 1851 г. он, сменив перекладных на однодневный поезд, катил бы по маршруту Петербург — Москва, поглядывая в окно и заговаривая с пассажирами, пока не зачитался бы прихваченной в дорогу книжкой: «Тремя мушкетерами». А прибыв наконец в сам Париж, как бы он сдружился с их автором! Это легко себе представить: их породнили бы африканские дедушки, жизнелюбие, темперамент и курчавые волосы. Пушкин и раньше предпочитал драмы Дюма драмам Гюго. Дюма переделал бы «Бориса Годунова» для Комеди Франсез и перевел «Капитанскую дочку» в «Дочь капитана»; Пушкин потребовал бы поменять имя героя в «Графе Монте-Кристо»... И это Пушкин сопровождал бы Дюма по России и Грузии, и они вдвоем впервые достигли бы Астрахани и впали вместе с Волгой в Каспийское море.

А там и до Персии рукой подать...

Но нет! Обратю в Марсель!

Ницца!!

Я.М.Гордин

ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ ХАОСА (Пушкин и мы)

Россия походила бы на хаос...

А.С.Пушкин (1826)

*Стабильность режима — первое
условие народного счастья.*

А.С.Пушкин (1831)

16 марта 1830 г. Пушкин писал П.А. Вяземскому: «Государь уезжая оставил в Москве проект новой организации, контр-революции революции Петра. <...> правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы» (XIV, 69).

Все эти «предметы» обсуждались в «Комитете 6 декабря», созданном Николаем I в 1826 г. для выработки проекта неотложных реформ. Главным идеологом комитета был М.М.Сперанский.

Идеологические отношения Пушкина и Сперанского не изучены сколько-нибудь серьезно. Между тем, драматическая фигура реформатора, удивительным образом сочетавшего в своем сознании глубокое знание и понимание России и стоящих перед нею фундаментальных задач с утопическими надеждами на их скорое и безболезненное решение, постоянно возникает в общественном бытии Пушкина с конца 1820-х гг. и связывается с главными его политическими идеями и надеждами.

Для того, чтобы прояснить исходные посылки рассуждения, надо напомнить малоизвестное обстоятельство — с конца 1820-х гг. император и А.Х.Бенкендорф смотрели на Сперанского как на одну из опор системы. В представленном Николаю I «Кратком обзоре общественного мнения за 1827 г.» шеф жандармов писал, анализируя состояние умов: «Довольные, во главе которых стоят граф Кочубей, группирующий вокруг себя многочисленных знатных особ всех возрастов, и г. Сперанский, на которого нужно смотреть как на опору всех умных и даровитых людей среднего класса, как, например, литераторов, купцов и гражданских чиновников. Значительное число их в трудных случаях жизни обращаются к нему как к оракулу, доверяя ему свои опасения, свои надежды и свои самые сокровенные мысли.

Он доступен, популярен и приветливо идет навстречу этому доверию. К его словам относятся как к пророчеству. Он, по-видимому, вполне предан Е. В. Государю Императору и существующему строю, поддержанию которого он посвящает все свои силы».¹

На рубеже 1820—1830-х гг. Пушкин, как известно, сделал попытку «подружиться с властью», войти в личные отношения с императором. В его письмах к близким друзьям встречаются полушутливые, полусмушенные фразы о расположении к нему Николая I. Так, 21 июля 1831 г. он писал П. В. Нащокину: «Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики <...>» (XIV, 196).

Позиции Пушкина и Сперанского по отношению к власти — как принципу! — оказались в этот момент чрезвычайно близки: равновесие, стабильность во что бы то ни стало. Более того, в том же июле Пушкин отправил письмо Бенкендорфу, в котором просил о пожаловании ему двух чинов — титулярного советника и коллежского асессора — формально выслуженных с 1817 по 1824 гг., пока он не был исключен из службы. Он хотел официально включиться в государственную систему с тем, чтобы писать историю Петра Великого, имея статус историографа, как Н. М. Карамзин.

Личные отношения со Сперанским начались, очевидно, с конца 1820-х гг. В первой дневниковой записи за 1834 г. Пушкин сообщает: «Встретил Новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc.». То есть, они обсуждали огромный спектр важнейших исторических и политических проблем. Народный мятеж, верховенство законов, возможность единения царя и общества, конституционные иллюзии... Тема «А. П. Ермолов» могла включать в себя как проблему вытесняемых из истории крупных личностей, так и проблемы сугубо имперские — Ермолов заложил основы завоевания Кавказа, развил и укрепив принципы генерала П. Д. Цицианова, и он же показал всю грядущую кровавость и мучительность этого завоевания.

Судьба Михаила Михайловича Сперанского (1772—1839), повторившего в некотором роде на русской гражданской службе карьеру Бонапарта, разночинца, проделавшего путь от избы бедного сельского священника до высот власти второго человека в Империи, должна была волновать Пушкина, как волновала его судьба Наполеона. Высший взлет и глубокое падение — могучая игра исторического случая всегда крайне занимала Пушкина. Судя по записи в дневнике, он расспрашивал Сперанского относительно обстоятельств его ссылки, но, увы, не зафиксировал подробностей, кроме одной, чисто анекдотической ситуации. Сперанский явил тип бесстрашного деятеля-реформатора, который задумал и начал грандиозное преобразование всех сторон русской жизни, холодным умом математика и богослова отделив рациональность замысла от реальности исполнения, и стал, соответственно, великим и горьким примером в истории российских реформ. Мечтавший о благе страны, о гражданских правах для всех, о динамичной экономике и уравновешенной политической системе, он стал предметом общественной ненависти, что предопределило его падение.

Есть все основания полагать, что, обдумывая пути реформирования России, да и вообще размышляя о дальнейшем пути страны, Пушкин учитывал

драматический опыт Сперанского — и не только в аспекте человеческих взаимоотношений с обществом и государством, но и как чисто «технологический» урок.

Судя по письмам Пушкина жене, в 1830-е гг. Сперанский вошел в его обычный дружеский круг: «Вчера видел я Сперанского, Карамзиных, Жуковского, Вельгорского, Вяземского — все тебе кланяются». Очевидно, Сперанский был знаком и с Наталией Николаевной.

20 марта 1834 г. Пушкин записал в дневник: «В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своем изгнании в 1812 году <...> Сперанский у себя очень любезен. Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования как гении Зла и Блага. Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени» (XII, 323—324).

Любопытно это — «историю *моего* времени». Не «*нашего* времени». Сперанский чувствовал себя человеком предшествующей эпохи. И Пушкин с ним соглашается. Опыт Сперанского — это уже исторический опыт.

Пожалуй, первое прямое обращение к опыту Сперанского встречаем в записке «О народном воспитании», и обращение это полемическое.

В записке есть известное рассуждение о чинах, которое начинается словами: «Чины сделались страстию русского народа...». Речь идет о получении чинов путем формальной выслуги, о том, что не по заслугам полученные чины дают власть и выгоду людям без соответствующих способностей и достоинств. За этим пассажем явно стоит память о знаменитом указе 3 апреля 1809 г., подготовленном Сперанским и потрясшим общество. По нему отменялась практика получения военных и гражданских чинов через чины придворные. Так, 18-летний С.С.Уваров, будущий министр народного просвещения, став камер-юнкером, автоматически получил право на гражданский чин статского советника — чем и воспользовался. При Павле I были случаи, когда юный камергер, перейдя в военную службу, получал немедленно чин генерал-майора и претендовал на командование крупными воинскими соединениями.

Указ 3 апреля, восстановивший против Сперанского придворную аристократию, потерявшую важнейшую привилегию, мотивировался теми же аргументами, которые привел Пушкин в своей записке.

Пушкин писал: «Конечно, уничтожение чинов (по крайней мере, гражданских) представляет великие выгоды...». Речь шла, естественно, не просто о ликвидации названий — титулярный советник или коллежский асессор, а о вещах более серьезных. Суть дела разъяснил товарищ Пушкина по Лицею М.А.Корф в написанной им биографии Сперанского. Пушкин после фразы, приведенной выше, говорит: «Того хотел Петр Великий, того требовало тогдашнее состояние России». Корф фактически отвечает ему: «В продолжение почти столетия, протекшего со времени Петра Великого, распорядок чиновпроизводства и вообще чинов по гражданскому ведомству далеко уклонился от первоначальной идеи табели о рангах 1722-го года. Тогда *ранги*, т. е. чины, означали — как видно из их названий — самые места и не имели значения отдельного. Чин давался только должностию и без нее не мог быть получен ни выслугою, ни особенными служебными отличиями. Коллежский регистратор был регистратор коллегии; коллежский асессор —

ассессор или заседатель коллегии, точно также как военный прапорщик есть прапорщик, поручик — поручик и т. п. Но потом все это постепенно перемешалось и изменилось... С этого времени чины сделались почетными титулами и чем-то самобытным, совершенно независимым и отдельным от мест». ² Вот против этого бытования чинов, оторванных от реалий службы, готовил решительную атаку Сперанский, а Пушкин через полтора десятилетия его идею поддержал.

Но Пушкин 1826 года — не Сперанский 1809-го. Его девизом были историческая осмотрительность и осознание *границ возможного*. В документе чрезвычайной значимости — заметках «О дворянстве», которые, несмотря на предельную конспективность, являют собой стройную историческую и политическую концепцию, Пушкин — в начале 1830-х гг., — перечисляя важнейшие с его точки зрения события русской истории и ключевые фигуры, назвал среди них Сперанского. Обычно эта фраза переводится с французского как «Сперанский, приткный и безвестный попович». В таком переводе характеристика реформатора имеет скорее пренебрежительный оттенок. Но французское слово *turbulent* может быть переведено — исходя из известного нам отношения Пушкина к Сперанскому — более точно: «энергичный, бурный». Однако в любом варианте это понятие связано с активной стремительной деятельностью. Но именно стремительность реформ молодого Сперанского и вызывала, очевидно, сомнения зрелого Пушкина.

После фраз о принципиально полезном уничтожении существующей системы чинов идут слова (в черновом варианте), свидетельствующие о тревожной настороженности Пушкина: «Россия походила бы на хаос; никто бы не знал ни что он такое, ни что другие; долго беспорядок был бы чрезвычайный». Смысл понятен — даже благие реформы необходимо соотносить с ближайшими последствиями, с воздействием на общественное сознание.

В записке «О народном воспитании» Пушкин резко вмешался в великий спор Сперанского и Карамзина, который трактатом «О древней и новой России» немало способствовал падению Сперанского и пресечению его реформ. Но если ведущей идеей Карамзина была преждевременность любых перемен, опасность любых фундаментальных изменений системы — пороки которой Карамзин, впрочем, прекрасно видел, — то Пушкин считал ситуацию, в которой находилась страна, и направление, в котором двигалась Россия, — катастрофическими, требующими принципиальной корректировки. Его противоречия со Сперанским были скорее тактического характера и касались методов, а не сути реформ.

Любопытные результаты дает и сравнение другого знаменитого указа от 9 августа 1809 г., вышедшего из-под пера Сперанского, с некоторыми идеями пушкинской записки.

Указ от 9 августа требовал, чтобы для получения чина коллежского ассессора, после которого начинались чины, дававшие право на занятие ответственных должностей, претендент сдавал довольно сложный экзамен или предъявлял свидетельство об университетском образовании. Таким способом реформатор хотел обновить русское чиновничество, начать процесс замещения невежественных ретроградов молодыми образованными людьми. По отношению к старому чиновничеству указ был жестоким и, естествен-

но, вызвал яростное сопротивление. После падения Сперанского его действие фактически прекратилось.

Пушкин и здесь по видимости выступил против Сперанского, но по сути развил его глубинную идею: «Уничтожить экзамены. Покойный император, удостоверясь в ничтожестве ему предшествующего поколения, желал открыть дорогу просвещенному юношеству и задержать как-нибудь стариков, закоснелых в безнравствии и невежестве. Отсель указ об экзаменах, мера слишком демократичная и ошибочная, ибо она нанесла последний удар дворянскому просвещению и гражданской администрации, вытеснив все новое поколение в военную службу. А так как в России все продажно, то и экзамен сделался новой отрослью промышленности для профессоров».

Пушкин, таким образом, вполне разделял взгляды Сперанского на русское чиновничество и понимал его благое намерение. (Не желая опровергать опального реформатора, он приписывает идею указа царю, хотя авторство Сперанского ни для кого не было секретом.) Но он видел несоответствие идеи и возможности ее реализации в конкретных условиях. Зная состояние дворянского образования, значительная доля которого приходилась на образование домашнее, Пушкин понимал, что молодым дворянам трудно будет конкурировать с разночинцами, для которых образование — единственный путь к карьере и дворянскому достоинству. Отсюда и слова о демократичности указа. Будучи уверен, что Россию может спасти только просвещенное дворянство, он предлагал для реализации замысла Сперанского другой путь — введение государственного образования, которое, давая решающие преимущества для гражданской карьеры, вытеснило бы порочное домашнее воспитание и обеспечило государство плеядой деятелей европейского типа: «<...> молодой человек, не воспитанный в государственном училище, вступая в службу, не получает впредь никаких выгод и не имеет права требовать экзамена» (XI, 45), то есть сделать успешную карьеру мог только человек с государственным образованием. Конечно же, за всем этим стоит величественная тень Царскосельского Лицея, сама идея и проект которого принадлежали Сперанскому. Пушкин предлагал сделать Лицей образцом для всей системы образования.

В 1826 г. — после страшного декабристского урока — Пушкин воспроизводит идеи реформатора, но подходит к ним с трезвой осторожностью, тщательно взвешивая возможность их реализации в конкретных условиях.

С этого времени — последнее десятилетие жизни — Пушкин бился над трудно разрешимой задачей: отыскать такие способы реформирования государственной и общественной системы, которые не обрушили бы ее на голову обществу, не были чреваты хаосом.

Одним из детонаторов возможной катастрофы было крепостное право. Александр I пропустил наиболее подходящий момент для начала либерализации в этой сфере — 1815 г. В середине 1820-х гг. было уже совершенно ясно, что консервация рабства ни к чему хорошему не ведет. А.Х. Бенкендорф, располагавший обширной информацией о настроениях в разных слоях населения, назвал в 30-е гг. крепостное право «пороховым погребом под государством», указав, что армия тоже состоит из крестьян.

Однако, сознавая это, власти не знали, как приступить к процессу освобождения, не взорвав при этом все здание.

Мстила за себя запущенность роковой проблемы, преступное запоздание крестьянской реформы. И Пушкин, при всей его неприязни к рабству (еще в заметках 1822 г. он утверждал: «<...>политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян»), осознавал, какие опасности таит в себе его отмена.

В записи, датированной 1825—1826 гг., он сформулировал мысль, которая на первый взгляд парадоксальна и для Пушкина выглядит странной: «Я предполагаю в условиях деспотического государства существование рабов и людей свободных, т. е. таких, коих собственность и воля зависят от законов монарха и таких, которые являются собственностью каких-либо лиц».

Но это почти буквальное повторение мысли Сперанского: «Я хотел бы, чтобы кто-нибудь указал мне, какая разница в отношениях крепостных к их господам и дворян к неограниченному монарху. Разве последний не имеет над дворянами такой же власти, как они над своими рабами?.. Первые свободны только сравнительно с последними...».

Пушкин в это время не был еще знаком со Сперанским, вышеприведенный текст — один из набросков, которые были опубликованы через много лет после смерти того и другого. Мысли двух этих людей шли в одном направлении.

Пушкин в той же записи говорит: «Этот порядок приближается к патриархальному строю, избавляет правительство от бесконечного количества затруднений, потрясений, упрощает управление и придает ему большую мощь».

Итак, остерегайтесь уничтожать рабство, особенно в монархическом государстве.

Свобода крестьян».

Чтобы точно понять смысл данной цитаты, надо обратить внимание на первую фразу — то, о чем говорит Пушкин, справедливо «в условиях деспотического государства». Освободить крестьян, оставив в неприкосновенности общую деспотическую систему, значит разбалансировать ее, спровоцировать хаос.

Весьма близкое по смыслу положение сформулировал Сперанский: «Что такое образование, просвещение для народа раба, как не средство живо почувствовать свое несчастное положение, как не источник волнений, которые могут только способствовать еще большему его закреплению или подвергнуть страну всем ужасам анархии».

Неважно, что в одном случае речь идет об освобождении, а в другом — о просвещении. Пушкин и Сперанский утверждают — изменить положение крестьян можно только в контексте всеобъемлющих перемен. Несоответствие одного фундаментального элемента принципам всей системы приводит к внутреннему напряжению, «потрясениям», «волнениям», «хаосу», «анархии», пользуясь терминами цитированных мыслителей.

Вспомним, что даже относительная свобода крестьян в СССР периода НЭПа, не соответствующая жесткости общей системы, привела в конце 1920-х гг. к ее кризису, который был разрешен И.В.Сталиным методом массового насилия — коллективизация, раскулачивание.

И Сперанский, и Пушкин понимали единство и связанность всех сфер — политической, культурной и, в не меньшей степени, — экономической.

Близко знавший многих лидеров декабризма, лишенный романтических иллюзий относительно подоплеку политических движений вообще и декабристского в частности, Пушкин понимал, что одной из основных причин образования тайных обществ было вытеснение дворянства из политической и экономической жизни страны, следовавшее за этим разорение дворянства — особенно среднего слоя. Он понимал, что в конкретной российской ситуации возмущенное, загнанное в угол дворянство опаснее недовольного крестьянства, ибо способно к организованной, осмысленной, идеологизированной противогосударственной деятельности. Предсказанный Жозефом де Местром «Пугачев с университетским дипломом» перешился и Пушкину. Можно сказать, что оба они как бы провидели явление В.И.Ленина.

Фундамент вулканического состояния русского общества складывался из нескольких пластов. Одним из них было глубокое финансовое неблагополучие.

Декабристы на следствии прямо об этом говорили. После суда правитель дел следственной комиссии А.Д.Боровков получил задание подготовить свод мнений осужденных по наиболее болезненным проблемам русской государственной жизни. Боровков выполнил работу со свойственной ему точностью и серьезностью. Свод мнений открывался следующим текстом: «Начало царствования императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами: все сословия радовались; все ожидали благоденствия России. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на упадок кредита; все свободно говорили, что думали, и все ко многому хорошему ждали еще лучшего. К несчастью, обстоятельства к тому не допустили — надежды остались без исполнения. Неудачная война 1807 года и другие многостоящие (sic! — Я.Г.) расстроили финансы».³

Первой из причин крушения александровских реформ назван финансовый кризис.

И это вовсе не было демагогией побежденных мятежников. Через много лет сколь лояльный системе, столь и осведомленный М.А.Корф так характеризовал финансовую ситуацию эпохи наполеоновских войн: «Положение наших финансов, вследствие прошедших войн и других причин, более отдаленных, было в то время самое печальное. Издавна принятая система покрывать годовые дефициты новыми выпусками ассигнаций и такими же выпусками совершать почти все главные обороты казны, возбуждала основательные опасения людей более дальновидных».⁴

Корф не преувеличивал. Внимательный наблюдатель, обладавший широким кругозором информаторов, сардинский посол Жозеф де Местр писал в сентябре 1809 г.: «Невероятное печатание денег, вызванное войнами в чужих краях, и приостановление торговли из-за войны с Англией каждый день усиливает внутренние тяготы, я бы даже сказал внутреннюю чахотку, съедающую нас. Нет никакого предела изготовлению бумажек и, следовательно, падению оных. Рубль упал до 28 или 29 су (с 72); те, у кого 10 рублей, 10 тысяч, 400 тысяч, все они с беспокойством заглядывают в свои шкатулки и, быть может, через три или четыре месяца окажутся в одинаковом положении. Бумажные деньги изъязвляют подобно раку: не имеющий ничего другого не имеет ничего».⁵

В 1810 г. доходы российского бюджета должны были, по предварительным подсчетам, составить 125 млн. рублей, расходы — 230 млн., то есть

дефицит намечался в 105 млн. При этом на казне висел накопившийся государственный долг в 577 млн.!

Это был крах. Александр I поручил Сперанскому спасти финансовую систему Империи. Сперанский выступил как первый русский монетарист. Его гениальной идеей была жесткая бюджетная экономия. Он ратовал за уничтожение необеспеченных ассигнаций и законодательный запрет на печатание новых, за интенсивное введение в оборот металлической монеты и за начало широкой «приватизации» — продажу в частные руки казенных земель и лесов. Именно продажу, а не дарение, что широко практиковалось царствующими особами.

Сперанскому удалось в 1811 г. обеспечить относительно сбалансированный бюджет. М.А. Корф писал: «Неотразимая сила событий и государственных нужд, приведшая правительство к необходимости огласить состояние дел и принять столь решительную меру, осталась для большинства публики, как и часто бывает, непонятною; видели лишь временные неудобства и тяжелые пожертвования, привязывались мимоходом к новым, небывалым выражениям, и на таких привязках строили самые нелепые толкования, которые врагами Сперанского выставлялись в виде общего мнения и государственной тревоги <...>».

В марте 1812 г. Сперанский был обвинен в государственной измене и отправлен в ссылку. Его финансовые реформы сыграли в этом не последнюю роль.

Для Пушкина финансовый кризис 1810-х гг., продолжившийся после Отечественной войны и заграничных походов и помимо всего прочего стимулировавший оппозиционное движение стремительно разоряющегося дворянства, был близкой, но — историей. Однако в середине 1820-х гг., когда он вплотную подошел к своему новому качеству политического и исторического мыслителя, положение ничуть не улучшилось. В 1825 г. — в последний год жизни — Александр I затребовал, как когда-то от Сперанского, рецепты спасения финансовой системы от другого политического и экономического либерала — адмирала Н.С. Мордвинова. Последний осенью того же года представил огромный фолиант — подробную программу. Но кроме этой официальной программы, 31 октября — меньше трех недель до смерти Александра — он отправил императору личное письмо, в котором и содержалось главное и единственно радикальное предложение. Оно было такого свойства, что даже решительный и прямой Мордвинов не считал возможным представлять его в виде официального документа. Центральный и самый краткий абзац этого письма гласил: «При столь очевидной невозможности прибегнуть к иным способам для достижения ежегодных остатков в Казначействе, самая необходимость вынудит обратиться к уменьшению издержек по военному департаменту, на который употребляется половина почти собираемых Государственным казначейством доходов, а если причислить к отпускаемым на сей департамент из Казначейства сумм и все то, чего стоит народу прокармливать, отопить, осветить и снабдить подводами войска, то содержание армии в совокупности стоит не менее сложности всей суммы, равняющейся годовому государственному доходу».⁶

Этот печальный вывод не был чем-то небывалым в российской экономической мысли. За десять лет до того — в январе 1816 г. — уже цитированный

Жозеф де Местр писал: «По правде говоря, у Императора вообще нет ни одного настоящего министра, а сам он не занимается никакими другими делами, кроме военных. Сейчас у него миллион и сто с чем-то тысяч солдат. Один человек представил ему о неизбежной необходимости уменьшить сие число, на что он ответил: “Не говорите мне этого, я, напротив, буду увеличивать их каждый год”. Все-таки, я думаю, Императору придется остановиться. <...> Весьма затруднительно описать положение сей страны: это огромная армия, крестьяне и коронованный генерал! Нет ни дворянства, ни гражданского сословия. Внутри полная анархия. Рассказывают о совершенно невообразимых делах. Как-то, оказавшись за столом рядом с одной важной особой, я сказал: “Весьма затруднительно понять, к чему приведет сия чрезмерная армия”, — на что он ответил мне: “Увы, милостивый государь, все очень просто: государственные доходы составляют 400 миллионов, столько же стоит армия”. Все крупные собственники разорены. У каждой страны свой Бог, но для русского Бога очень много дел».⁷

Итак, за десятилетие Александр I и в самом деле не только не сократил военные расходы, но постоянно их наращивал, и к 1825 г. снова возникла необходимость в срочных мерах. А мнение «важных особ» относительно доли военных расходов в бюджете осталось неизменным — фактически 100 процентов!

Финансовая политика Александровского царствования — за исключением немедленно оборванной попытки Сперанского оздоровить финансы и сбалансировать бюджет — только усугубляла общую катастрофичность положения. В обзоре политической и экономической ситуации за 1828 г. А.Х. Бенкендорф писал: «Какое преимущество представляет собой хорошо составленный бюджет, если он не соответствует действительности? Теперь придется силой вышибать каждый рубль. Изданный в этом году указ касательно мероприятий против тех, кто не платит повинностей, вызвал ропот среди бедных классов. Со всех сторон кричат: “Думают как взять, а не думают откуда”. В течение тридцати лет налоги все возрастали, но никто не думал о том, чтобы облегчить народу его бремя. К чему это приведет? К общему банкротству».⁸

Роль финансов в политическом состоянии государства была Пушкину, разумеется, совершенно ясна. 30 мая 1831 г. в заметках о Великой Французской революции, перечисляя главные ее причины — «несчастия последних годов царствования Лудовика», — он на первое место ставит «истощение казны».

Когда Пушкин говорил о разорении дворянства как о революционизирующем факторе, то он отнюдь не был одинок. У него был влиятельный единомышленник — граф Бенкендорф, симпатизировавший, как мы помним, Сперанскому. Подводя итоги своих «социологических» наблюдений за несколько последекабристских лет, шеф жандармов писал Николаю I в 1829 г.: «Банкротство дворянства, продажность правосудия и крепостное право — вот элементы, которые “русские патриоты” считают возможным использовать в подходящий момент, чтобы возбудить волнения в пользу конституции».⁹ Банкротство дворянства — на первом месте...

«Русскими патриотами» Бенкендорф саркастически называл приверженцев адмирала Мордвинова.

Пушкин вообще внимательно следил за финансовым фактором в экономической и общественной жизни России. 14 декабря 1833 г. он записал в дневнике: «Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян,— эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о снискании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать и никто не в состоянии будет отвратить от них голода. Все это очень соблазнительно» (XII, 317).

К тому времени, когда отношения Пушкина и Сперанского стали дружескими, а беседы касались важнейших аспектов истории и политики России, Пушкин размышлял над многими предметами, которые входили в реформаторский проект молодого Сперанского.

Одним из замыслов Сперанского в 1800—1810-е гг. было формирование третьего сословия. Позже он пытался осуществить эту идею в Комитете 6 декабря, о чем писал Пушкин в цитированном письме П.А.Вяземскому от 16 марта 1830 г. Третье сословие, рождающееся не за счет поглощения дворянства, было мечтой и Пушкина. В известной дневниковой записи о споре с великим князем Михаилом Павловичем — 22 декабря 1834 г., именно на этот год приходятся столь значимые встречи со Сперанским,— читаем: «Великий князь был противу постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers état, сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя <...> Что касается tiers état, что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много» (XII, 334—335).

Генеральной мыслью Пушкина, считавшего, что родовое дворянство должно быть костяком общества и государства, было «ограждение дворянства» от размывания его выходами из других сословий, выслуживших чины. Отсюда идея почетных граждан — третьего сословия, существующего параллельно с дворянством и выполняющего свою особую функцию.

У них были и общие фундаментальные идеи, касающиеся социально-политической структуры общества. В грандиозном проекте 1809 г. Сперанский планировал создать в России аристократию, основанную, по английскому образцу, на праве первородства. Неотчуждаемые политические права подкреплялись нерасчленяемостью имений. Пушкин постоянно говорил о катастрофических для дворянства последствиях дробления имений, распределяемых между многими наследниками. Он был убежденным сторонником системы майоратов. Сперанский предполагал именно это. Оба они считали, что только так может возникнуть сила, способная мягко, лояльно, но естественно ограничить самодержавие.

Все это должно было прекратить отчуждение дворянства от власти и предотвратить гибельное развитие событий, которое оба предчувствовали.

Пугачевщина, мятеж 14 декабря, бунт военных поселений — эти кровавые уроки были следствием неточной, неорганичной социальной, сослов-

ной, финансовой, общеэкономической политики власти, по мнению и Пушкина, и Сперанского. Оба они предлагали схожие варианты выходов из тупика, в котором металась Россия.

Была еще тяжкая проблема бюрократии, оседлавшей с тяжелой руки первого императора государство и отрывавшей его от страны, к ужасу всех трезвых и благонамеренных элементов русского общества. Глава политической полиции М.Я. фон Фок в письме к А.Х. Бенкендорфу так сформулировал представления, доминирующие в обществе: «Бюрократия, говорят, это гложущий червь, которого следует уничтожить огнем или железом; в противном случае невозможны ни личная безопасность, ни осуществление самых благих и хорошо обдуманных намерений, которые, конечно, противны интересам этой гидры, более опасной, чем сказочная гидра. Она ненасытна; это пропасть, становящаяся все шире, по мере того, как прибывают бросаемые в нее жертвы<...>». ¹⁰

Сперанский, попытавшийся ввести хищную бюрократическую стихию в четкую систему и отдать ее под контроль представительных учреждений, вчистую проиграл в 1800—1810-е гг. В 1830-х гг. проигрывал Пушкин, пытавшийся убедить общество в опасности нового явления — сращения «новой знати» с имперской бюрократией.

В 1831 г. Пушкин сформулировал плодотворное противоречие: «Стабильность режима — первое условие народного счастья. Как согласовать ее с возможностью бесконечного совершенствования?» (XII, 196). Речь шла о модели необходимых реформ, которая при этом не взорвала бы страну.

Среди неприменных условий именно такого реформирования, не угрожающего стабильности, Пушкин называл цензуру. И многократно настаивал на этом условии, опираясь на авторитет Н.М. Карамзина, который говорил, что если в России отменят цензуру, он с женой и детьми уедет в Турцию.

В «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин изложил свое кредо: «Мысль! Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: *в пределах закона при полном соблюдении условий, налагаемых обществом*» (XII, 264).

То, что говорилось о литературной сфере, органично распространялось на все остальные сферы общественной жизни — высокая степень личной свободы и независимости внутри четко регламентированной и рационально организованной государственной системы. «Певцом империи и свободы» назвал Пушкина мудрый Георгий Федоров, точно схватив суть явления.

Человек, как и его мысль, должен быть свободен в пределах закона. В России представление о законах и законности было туманным и хаотичным. Одним из жизненных подвигов Сперанского был впервые в русской истории собранный, систематизированный, выстроенный Свод законов Российской империи, над которым Сперанский трудился во 2-й половине 1820-х — начале 1830-х гг.

Теперь пора вернуться к подзаголовку статьи — «Пушкин и мы».

Как видим, роковые проблемы, над которыми бился Пушкин, следуя опыту Сперанского, — иногда сознательно, иногда интуитивно, — стоят перед нами и сегодня: страх перед таящимся на глубине хаосом, финансовые катастрофы, вызываемые нерациональным построением бюджета (непомер-

ные военные расходы, в частности), неумение соотнести свободу слова с реальным состоянием общества и т. д. и т. п.

Все это свидетельствует о цельности исторического процесса, капитальности стоящих перед нами сегодня проблем, корни которых уходят в толщу столетий, и о прозорливости первого человека нашей культуры, уроки которого мы легкомысленно не ценим.

¹ Красный Архив, 1929. Т. 37. С. 143.

² Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 176.

³ Русская Старина, 1898. Т. 96. С. 353.

⁴ Корф М. Указ. соч. С. 188.

⁵ Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 124.

⁶ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 44. Л. 4.

⁷ Местр Ж. де. Указ. соч. С. 282.

⁸ Красный Архив, 1929. Т. 37. С. 116.

⁹ Там же. С. 165.

¹⁰ Русская Старина, 1881. Т. 32. С. 544.

М.Н. Кураев

«ЗАВЕТОВ ГРЯДУЩЕГО ВЕСТНИК...»

Мне шесть лет. Брату семь с половиной. Если мы ложимся спать вовремя и без понуканий, умываемся, а не мажем мокрой ладошкой друг другу нос, чтобы, избави Бог, не прогнать «сонючку», складываем одежду на стулья, а не срываем и не раскидываем по комнате наперегонки, если день прошел без драк и маминых слез, а главное — папа вернулся с работы не слишком поздно, он приходит к нам в детскую и при погашенном свете рассказывает...

Мама читает нам книжки, а папа только рассказывает, огромная разница!

Он рассказывает в темноте, а нам кажется, что просто вспоминает про то, «как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам». Мы уже привыкли к тому, что иногда рифмованные рассказы прерываются короткими репликами, без которых вот и в нынешней истории и «вещий», и «цареградская броня», и «волхвы», и, тем более, «щит на вратах Цареграда» будут только сбивать с толку. Коротко, с инженерной точностью, не разрушая рассказа, а как бы раздвигая его, позволяя заглянуть за слова, отец объясняет все непонятное, от чего сказание обретает весомость несомненного факта и поражает воображение своей реальностью.

Важно и присутствие затаившего дыхание брата. С ним мы будем полночи шепотом обсуждать услышанное. Без ночного собеседника, понимающего с полуслова, готового вместе с тобой в качестве «отрока-друга» войти в историю и повернуть все к лучшему, к счастливому концу, душа не вынесла бы груза отечественной истории, свалившейся на тебя всей тяжестью своей торжественной правды: «Олег усмехнулся, однако чело и взор омрачились думой. В молчаньи, рукой опершись на седло, с коня он слезает угрюмый...». Ничего подобного в маминых сказках нет. Там никто в молчании, опершись на седло, с коня не слезает. Там: «Царь с царицею простился, в путь дорогу снаряжился...». А здесь: «И верного друга прощальной рукой и гладит и треплет по шее крутой!»

Завтра Сергей, прежде чем уйти в школу, сдернет прощальной рукой с меня, цепляющегося за утренний сон, одеяло и скажет: «Прощай, мой товарищ, мой верный слуга...». Теперь *это* уже наше!

Мы уже большие, мы знаем, что никаких кудесников и волшебников нет, слава Богу, у нас уже две войны за плечами, финская и с немцами,

блокады хлебнули, эвакуацией наелись, и вдруг — кудесник-то прав: «...и вскрикнул внезапно ужаленный князь».

Мы спрашивали отца, почему князь Олег не отбежал, мог в конце концов отпрыгнуть, видел же, что гробовая змея ползет из черепа, она ведь шипела, предупреждала? А отроки-други, эти-то куда смотрели?!

Отец отвечал странно, обычно ответы его на наши вопросы были предельно ясными, а тут: «Надо думать, ребятаки, когда кудри “белы, как утренний снег”, особенно не попрыгаешь. Да и от судьбы не отбежишь...». И странное дело, ответы эти делали и самого отца причастным к событиям несомненным и удивительным.

И вот твоя душа уже на перепутье, простой и ясный мир становится странным. Твое воззрение на мир, еще не окостеневшее, но обретшее известковую плотность, проходит испытание на прочность.

Мы неплохо ориентировались в этом мире, мы знали, что имена секретаря горкома Стальнова, начальника милиции Соколова, начальника ОРСа, ведавшего послевоенным распределением продовольствия, товарища Горькавого — вселяют трепет, почтение, а если надо, то и страх. А тут: «Волхвы не боятся могучих владык...».

Мы знали, что слава измеряется количеством орденов и медалей, количеством наград, и вдруг: «...и княжеский дар им не нужен». А что же им нужно? Для чего они вообще живут?

В нашем воображении кудесник был неотличимо похож на нищих стариков, немощных и жалующихся, что забредали к нам во двор с тряпичными сумками, никогда до полна не загруженными хлебными корками, и вдруг: «...любимец богов! ...заветов грядущего вестник! ...мудрый старик!».

Молочными зубами, приспособленными к пище временной, приспособленными к сиюминутной реальности, не разгрызть, не понять серьезную взрослую правду, что принадлежит истории, поэзии, всем нам в веках минувших и во временах грядущих.

За годы войны понятие *наши* стало таким простым и обиходным заменителем понятий *советский, русский, красный*, но князь Олег тоже *наш*. Это было первое, быть может, прикосновение к Отечеству во всей полноте и неисчерпаемости этого понятия, и ощущение своей причастности и обреченности, истории и судьбе, скрепленное голосом и авторитетом отца, стало плотью и кровью.

«Бойцы вспоминали минувшие дни...» — на отце была шерстяная офицерская гимнастерка с отложным воротником и споротыми погонами подполковника, — «и битвы, где вместе рубились они».

В неразличимой темноте детской спальни Он был с нами в эту ночь в затерянном среди заполярных сопок поселке, высвеченном малиновыми и зелеными всполохами северного сияния, беззвучно скользящими по черному, как провал, небу.

Как щедро и легко Он отдал в эту ночь нашему отцу своего «Вещего Олега»!

Это и есть минуты, когда дух нации является неразделимым и вечным, соединяя в одно и воителя-князя, и чудотворного поэта, и строителя-отца, знавшего, из какого материала возводить не только гидростанции в тундре, но и наши с братом души.

А.П.Петров

**«ВЕСЬ МОЙ ДАЛЬНЕЙШИЙ ПУТЬ
СВЯЗАН С ЭТИМ ИМЕНЕМ...»**

Я думаю, что если бы вся русская классическая музыка состояла только из произведений, написанных на пушкинские сюжеты или стихи, то и тогда она имела мировую славу. У нас в России, наверное, трудно найти композитора, который бы ни разу не обращался к творениям великого поэта.

Когда четырнадцатилетним мальчишкой я начал сочинять музыку, моя тетушка подарила мне большой однотомник поэта, надписав поистине пророческие для меня слова: «Пусть гений Пушкина, начиная с порога нового этапа твоей жизни, вдохновляет тебя, Андрей, на всем дальнейшем творческом трудном пути».

Так и случилось. Весь мой дальнейший путь связан с этим именем. В начале были романсы, юношеский балет «Станционный смотритель», музыка к драме «Болдинская осень». Позднее, большой вокально-хореографический спектакль «Пушкин» — о жизни, творчестве и судьбе поэта, музыка к фильму «Последняя дорога». Сейчас — работа над «Капитанской дочкой». Мне кажется, что русские композиторы, как из «евангелия», черпают из Пушкина высокое вдохновение для своего творчества.

ДЕЛА МУЗЕЙНЫЕ

С.М.Некрасов

ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ КАК ОСНОВА ЛИТЕРАТУРНО- МОНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

19 октября 1879 г. в Императорском Александровском Лицее состоялось открытие первого в России музея А.С.Пушкина. Инициаторами его создания выступили профессора и воспитанники учебного заведения, которое некогда закончил Пушкин, и вся история которого была пронизана памятью о великом поэте. Лицейская инициатива была поддержана коллекционерами и многочисленными поклонниками творчества великого поэта. И уже через 10 лет, в 1889 г., его фонды насчитывали 1679 единиц хранения.¹

В специально изданном к 100-летию со дня рождения поэта и 20-летию музея «Описании Пушкинского музея», составленном воспитанниками 51-го курса под редакцией заведующего музеем И.А.Шляпкина, отмечалось: «Двадцатый (1899) год существования Музея является совершенно исключительным по количеству новых поступлений. Благодаря пожертвованиям как бывших и настоящих лицеистов, так и посторонних лиц, и приобретениям на средства Лицея, Puschkiniana пополнилась 450 новыми номерами <...> Таким образом, к 1 апреля 1899 года в инвентаре Музея значилось 2254 номеров».²

Фонды Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея изначально формировались как монографические. Их богатство и разнообразие позволили уже в XIX в. приступить к осуществлению важнейшей общенациональной задачи — созданию литературной экспозиции, посвященной жизни и творчеству Пушкина. На академической выставке 1899 г., а также на выставке «А.С.Пушкин и его современники», организованной Пушкинским Домом в 1922 г., на Юбилейной выставке в Москве в 1937 г. и в залах Александровского дворца в городе Пушкине в 1949 г. были предприняты попытки приблизиться к новому типу пушкинского музея, как музея литературно-монографического.

Однако только созданной в 1967 г. литературно-монографической экспозиции «А.С.Пушкин. Личность. Жизнь и творчество» удалось стать реальным воплощением этой идеи литературного музея. Именно в 1960-е гг. были разработаны основные принципы создания литературно-монографической экспозиции, которая строилась как монографическое повествование о судьбе поэта и его поколения, выработаны главные критерии отбора экспозиционного материала.

Это прежде всего подлинность экспонатов (за исключением рукописей Пушкина, представленных в копиях, выполненных на архивной бумаге, оригиналы которых хранятся в Пушкинском Доме), их современность пушкинской эпохе, создание историко-литературного и мемориального контекста в экспозиции (портрет, пейзаж, рукопись, книга, предмет быта и т. д.). Важным принципом создания экспозиции стал широкий сквозной показ рукописей поэта, как наглядный образ творческого процесса писательского труда. Рукописи воспроизводились в размер оригинала и в точном соответствии с цветом и фактурой бумаги, которой пользовался поэт. Рукописи Пушкина благодаря обилию рисунков, обладающих собственной эстетической ценностью, на редкость экспозиционны, а их разнообразие позволяет органически включить рукописный текст в экспозицию практически каждого зала, сделав его неотъемлемой частью единого научно обоснованного художественного решения.³

В литературно-монографической экспозиции 1967 г., размещенной в Церковном флигеле Екатерининского дворца, этот прием был реализован наиболее удачно. Особый акцент при этом был сделан на использование рабочих тетрадей Пушкина, муляжи которых, представленные в основных разделах экспозиции, становились своего рода способом проникновения в творческую лабораторию великого поэта.

Создатели литературно-монографической экспозиции Всероссийского музея А.С.Пушкина, которая к 200-летию поэта по решению Юбилейной Пушкинской комиссии будет размещена в залах 2-го и 3-го этажей дома на Мойке, 12, учитывая то обстоятельство, что ныне рабочие тетради Пушкина факсимильно изданы и стали доступны специалисту и любителю пушкинского творчества, отдают предпочтение рукописям текстов, которые при жизни поэта не воспроизводились или имеют существенные разночтения с известным печатным текстом. Место и форма подачи рукописи определяется степенью ее связи с общим экспозиционным решением зала. Это может быть и элемент настенной экспозиции или интерьерного узла, и специально выделенное пространство в горизонтальной витрине.

Важным условием восприятия творческой биографии является показ жизни и творчества писателя в историко-культурном контексте, материализованном в музейной экспозиции предметами быта, художественными произведениями декоративно-прикладного искусства. Чем богаче и разнообразнее этот историко-культурный фон, тем более глубоко и всесторонне мы можем показать жизнь и творчество писателя, те историко-культурные реалии, что отразились в его произведениях. Особое значение при этом имеют мемориальные предметы, которые нередко становятся смысловым стержнем в экспозиционном и художественном решении интерьера, выявляя содержащиеся в них различные ипостаси своей полифункциональности.

В работе над новой литературно-монографической экспозицией, посвященной жизни и творчеству Пушкина, которая будет завершена к 200-летию поэта, неукоснительно соблюдаются научно обоснованные принципы построения экспозиционного сюжета и стилистические приемы его выражения, соотношенные со стилистикой и эстетикой пушкинской эпохи⁴.

Таким образом, новая экспозиция базируется на традициях, выработанных предшествующим опытом, и развивает их в русле современных пред-

ставлений о Пушкине, существенно расширивших сферу его влияния на духовную жизнь нашего общества.

За последние десятилетия наука о Пушкине обогатилась рядом новых концепций его творческого развития, фундаментальными исследованиями его обширного рукописного наследия, важными архивными публикациями. Этот разнообразный историко-литературный и источниковедческий материал необходимо использовать, и он уже применяется в работе над новой монографической экспозицией.

Кроме того, мощное развитие музееведения за последние годы, обобщение опыта других пушкинских музеев, активные международные контакты Всероссийского музея А.С.Пушкина внесли свои существенные коррективы и в характер построения экспозиции, и в ее художественное решение.

Наконец, размещение новой экспозиции в совершенно иной, чем во флигеле Екатерининского дворца, архитектурно-мемориальной среде, а также принимая во внимание то обстоятельство, что за 30 лет, прошедших с момента создания литературной экспозиции в 1967 г., в фонды музея поступило около 5 тысяч новых экспонатов, относящихся непосредственно к пушкинской эпохе, привели к тому, что новая литературно-монографическая экспозиция, размещенная на 2-м и 3-м этажах мемориального здания на Мойке, 12, будет заметно отличаться от своей первоосновы.

Архитектурный облик дома на Мойке, 12 — памятника русского зодчества 2-й половины XVIII — начала XIX вв. — не терпит радикальных изменений и даже сколько-нибудь заметного вмешательства в его историческое пространство. И это также не может не повлиять на специфику построения новой экспозиции. Это особенно очевидно, если принять во внимание тот факт, что главной историко-мемориальной доминантой дома на Мойке является последняя квартира Пушкина, восстановленная в точном соответствии с планом В.А.Жуковского, в которой прошли последние 4 месяца жизни Пушкина.

Решение проблемы «сосуществования» двух экспозиций — мемориальной и литературной — в одном здании и непосредственном соседстве, создает особые, дополнительные трудности, но вместе с тем избавляет от необходимости вводить в новую экспозицию подробный рассказ о дуэли и смерти Пушкина и предшествовавших им трагических событиях. Тема дуэли дается в литературной экспозиции коротко и лаконично, вне каких бы то ни было подробностей, а акцент переносится на идею бессмертия великого поэта и его жизни в памяти новых поколений.

Важно, однако, стремиться к тому, чтобы литературная экспозиция не превратилась в своеобразное «предисловие» к мемориальному музею-квартире поэта, а мемориальная экспозиция не выступала бы в роли «дополнения» к экспозиции литературной. Это принципиально важно, так как у литературной и мемориальной экспозиций различны принципы построения, цели и задачи, стилистика, художественное решение и даже характер экскурсий.⁵

Но, разумеется, каждый, кто пожелает, сможет после знакомства с основной литературно-монографической экспозицией, рассказывающей о жизни и творчестве поэта, посетить его мемориальную квартиру или, наоборот, побывав в мемориальном пространстве последней квартиры Пушкина, познакомиться затем с литературно-монографическим музейным по-

вествовани­ем о его судьбе, развернувшим­ся в залах 2-го и 3-го этажей знаменитого особняка на Мойке, 12.

В отличие от других музейных пушкинских экспозиций (в Михайловском, Бернове, Болдине, Кишиневе, Одессе и т. д.) с их специфическим, локальным уклоном и четкими темпоральными рамками, основная экспозиция Всероссийского музея А.С.Пушкина вбирает в себя биографический материал в целом: недаром Всероссийский музей А.С.Пушкина считается ведущим пушкинским музеем России. Не только потому, что его коллекции позволяют хронологически последовательно, полно и целостно воссоздать музейными средствами жизненный и творческий путь поэта на фоне богатой событиями и социальными катаклизмами эпохи 1-й трети XIX в., но и представляют свободу творчества, поиска новых экспозиционных приемов и широкие возможности выбора наиболее выразительного образно-художественного языка для воплощения задуманного тематического плана.

Отобранный для включения в экспозицию материал диктует и собственные законы осмысления феномена Пушкина: через реликвии, предметы быта, книги и рукописи заново открываются страницы жизни поэта и тайны его творчества. Музейный экспонат выступает овеществленным знаком пережитого поэтом духовного состояния, подобно тому, как хранящийся во Всероссийском музее А.С.Пушкина отпечаток знаменитого перстня-талисмана (подаренного Пушкину графиней Е.К.Воронцовой) воскрешает романтически прекрасный женский образ в ореоле драматически окрашенных одесских воспоминаний. Предполагается включение в экспозицию целого ряда бесценных пушкинских реликвий, хранящих аромат подлинности, причастности к жизни великого поэта.

Новый вариант литературно-монографической экспозиции имеет не только иную, по сравнению с прежней, географию размещения (Петербург вместо Царского Села), но и новую топографию, зависящую от архитектурных и планировочных возможностей здания на Мойке, 12. Экспозиция 1967 г. располагалась в Церковном флигеле Екатерининского дворца на трех этажах и в 27-ми, по большей части небольших, залах.

Новое экспозиционное пространство занимает два верхних этажа здания на Мойке, 12, и включает в себя 18 залов. Его освоение потребовало укрупнения самого масштаба общего сюжета экспозиции и отказа от некоторых боковых линий в его развитии, благодаря чему удалось более строго выстроить общий хронологический ряд музейно-монографического повествования, а также значительно сократить экспозиционные материалы, связанные с Лицеом и Музеем-дачей А.С.Пушкина в Царском Селе, обновленные мемориальные экспозиции которых открылись для посетителей соответственно в 1974 и 1981 гг.

Новое местоположение основной литературно-монографической экспозиции имеет немало достоинств: мемориальное здание в самом центре Петербурга в ореоле многослойных исторических ассоциаций, воскрешающих память о петровской эпохе и временах Екатерины II, с которыми связана деятельность пушкинских предков Ганнибалов. Из окон парадной анфилады этого дома открывается вид на один из прекраснейших уголков Петербурга, а близкое соседство с Зимним дворцом и Дворцовой пл. позволяют воочию представить исторический облик Северной Пальмиры. Город-музей окружа-

ет здание особой, петербургской атмосферой и эмоционально настраивает на восприятие экспозиции, художественное оформление которой выдержано в строгих классических формах петербургского ампира. Однако в основу литературной экспозиции, разумеется, положена биография Пушкина, гениальная личность поэта, наиболее полно отразившаяся в его творчестве.

Вход в новую музейную экспозицию определен наличием в здании старой лестницы XVIII в., которая будет дополнена традиционным в данном случае освещением и создаст иллюзию входа в жилые покои верхнего этажа, откуда начнется музейный рассказ о жизни и творчестве Пушкина.

В основу концепции новой монографической экспозиции положено представление об историческом развитии России как великой европейской державы, в связи с чем подчеркивается и акцентируется не только в первом зале, но и на всем экспозиционном пространстве особое значение петровской эпохи и петровских реформ, сообщивших ускорение процессу культурного развития России, приведших в движение подспудно дремавшие национальные силы и тем самым создавших предпосылки для появления уже на рубеже нового XIX в. колоссального культурного явления, каким стал для России Пушкин.

Сам поэт принадлежал по рождению и воспитанию к числу просвещенных, европейски образованных русских дворян, сознание которых было сформировано не только собственно русскими, но и европейскими культурными традициями.

Широкий исторический кругозор великого русского поэта делал для него доступным искусство разных стран и народов. Так называемый «протеизм» Пушкина и его «всемирная отзывчивость», выразившаяся в произведениях на темы европейского средневековья, во внимании к истории Великой Французской революции, к культуре Италии и Испании, не могут быть проигнорированы при создании новой экспозиции. Совмещение в личности Пушкина этих, казалось бы, столь разных начал дает возможность глубже раскрыть его связь со своим временем в самом широком его понимании. В пушкинском музее должен быть выражен пушкинский взгляд на события русской и мировой истории, и современная ему эпоха должна быть представлена в новой экспозиции глазами самого Пушкина.

Существенно важно дать в новой экспозиции «объемный» показ исторически значимых фигур эпохи, отношение к которым за последние годы меняется в сторону большей объективности. Это позволяет отойти от жесткой схематичности прежних идеологических концепций, носящих (за редчайшими исключениями) ярко выраженный антимонархический характер. Отношение же Пушкина к царствующим особам и некоторым государственным деятелям не было однозначно негативным и со временем претерпевало заметные изменения, уточнялось, корректировалось, как происходило, например, с оценками личности Екатерины II, а также его главного «гонителя» Александра I (от ранних нозлей и эпиграмм к тосту за царя в стихотворении «19 октября <1825 г.>» и т. д.).

Особенно сложный характер носили отношения Пушкина с Николаем I (надежды на реформаторскую деятельность монарха сменялись разочарованием, личное общение иногда углубляло разлад, а порою и помогало преодолеть обиды). В круг общения Пушкина следует включить чету великих

князей — Михаила Павловича и сочувствующую поэту Елену Павловну, найти место их портретам в основной экспозиции и еще раз вернуться к упоминанию о А.Н.Голицыне и А.С.Шишкове, к которым Пушкин со временем также «подобрел», и конечно же напомнить о таких уважаемых в России людях, как Н.С.Мордвинов и А.П.Ермолов. Одним словом, галерея лиц, так или иначе представленных в новой экспозиции, должна быть более обширной. Она позволит расширить рамки привычных представлений о круге общения Пушкина и о волновавших его проблемах русской и европейской жизни.

Характерная для последнего десятилетия тенденция к возрождению духовных начал в жизни нашего общества находит свое отражение во внимании авторов экспозиции к таким произведениям Пушкина, как «Свободы сеятель пустынной...» (1823), «Пророк» (1826), «В еврейской хижине лампада...» (1826), «Странник» (1835), Каменноостровский цикл 1836 г. и др., произведениям, связанным с библейскими и евангельскими сюжетами, а также сказывается в новой трактовке отношений Пушкина к православию и другим течениям христианства. Введение рукописного и изобразительного материала такого свойства обогатит представления о многогранном и общечеловеческом по своим устремлениям творчестве поэта, а главное — выведет его восприятие на современный уровень. Это позволит коснуться таких его сторон, которые прежде в значительной мере были табуированными, и наметить разные, в том числе и нетрадиционные, пути приобщения нашего современника к высоким духовным ценностям поэзии Пушкина.

Философские и религиозные искания московских Любомудров, братьев И.В. и П.В.Киреевских, П.Я.Чаадаева и других мыслящих людей России помогают глубже осознать нравственные идеалы и «дум высокое стремленье» как характерную особенность всего поколения пушкинских сверстников, а не только декабристов, оказавшихся на виселице, каторге и в ссылке. Окрашенные горечью и сомнениями размышления Пушкина о смысле жизни, целях и значении бытия в широком философском его понимании встречали живейший отклик у близких ему по духу современников, искавших выхода из тупиков российской действительности последекабрьских лет на самых разных путях. Средствами музейной экспозиции, особо выстроенным зрительным рядом необходимо передать тот напряженный нескончаемый диалог, который вел поэт со своим временем, с прошлым и будущим России. Воображаемыми и вполне реальными собеседниками были для него русские монархи — Александр I («Воображаемый разговор с Александром I») и Николай I (беседа в Чудовом дворце 8 сентября 1826 г.), полководцы (М.И.Голенищев-Кутузов, М.Б.Барклай-де-Толли) и государственные деятели, известные своей неподкупностью (Я.Ф.Долгоруков, Н.С.Мордвинов), царедворцы и вельможи (С.С.Уваров, Н.Б.Юсупов) и даже духовные пастыри (включившийся в диалог с поэтом и напечатавший свой ответ на пушкинские стихи «Дар напрасный, дар случайной...» митрополит Филарет (Дроздов), которому Пушкин смиренно и достойно ответил).

Слово великого поэта, призванного «глаголом жечь сердца людей», обращено к далеким потомкам. Оно запечатлено в книгах Пушкина, в журнальных публикациях и его рукописях. За последние годы текстологами-пушкинистами проделана огромная работа по изучению и публикации рабочих тетрадей поэта, фототипическое издание которых в 8-ми объемистых

томах вышло из печати. Подробно изучена история их заполнения. Ведется работа над новым академическим собранием сочинений поэта (уже появились тома, посвященные лицейской лирике, рисункам и разнообразным по своему назначению записям, сделанным «рукою Пушкина»). Это дает возможность внести некоторые коррективы в сквозной показ рукописей Пушкина в основной литературно-монографической экспозиции.

Таким образом, важнейшие этапы биографии Пушкина определяют сюжетную канву литературно-монографической экспозиции и, обогащенные уникальными материалами историко-культурного контекста, становятся ее основой. В то же время именно процесс творческого становления и развития поэта является главным ее содержанием, что предполагает наличие в литературно-монографической экспозиции не только многообразного рукописного и книжного материала, но и отдельных залов, посвященных творческой истории наиболее значимых, этапных пушкинских произведений («Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Медный всадник» и проч.), которые являются важным элементом музейного воплощения, процесса и результата литературного творчества, составляющего суть литературно-монографической экспозиции, посвященной жизни и творчеству Пушкина.

¹ Описание Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея. СПб., 1899. С. XIX.

² Там же.

³ Санасарян Т.К. Литературная экспозиция Всесоюзного музея А.С.Пушкина (Итоги и перспективы. Анализ образно-семантической структуры. Тематическое обоснование и маршрут новой экспозиции в доме Волконских). См. настоящий сб., с. 75–82.

⁴ См.: Ланда С.С. Проект экспозиции Всесоюзного музея А.С.Пушкина. // Архив Всероссийского музея А.С.Пушкина. Оп. 1. Ед. хр. 308.

⁵ Сансарян Т.К. Указ. соч.

Т.Г.Александрова

**ИЗ РУКОПИСНО-
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ
А.С.ПУШКИНА**

Рукописно-документальное собрание Всероссийского музея А.С.Пушкина занимает скромное (по количеству единиц) место в обширной коллекции изобразительных, иконографических и мемориальных материалов, связанных с жизнью великого русского поэта. Оно сформировалось за последние 45 лет и на сегодняшний день включает 19 фондов личного происхождения и ряд коллекций документально-рукописных материалов конца XVIII — начала XX вв.

Как известно, почти все пушкинские рукописи в России хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. В пушкинском фонде музея имеется лишь один пушкинский автограф, который был получен в дар от коллекционера П.В.Губара в 1965 г.¹ Это рисунок, изображающий В.К.Кюхельбекера и К.Ф.Рылеева на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. На нем подпись приятеля Пушкина Ф.Ф.Юрьева: «Кюхельбекер», «Рылеев». Ниже: «14 декабря 1825». Еще ниже подпись пушкиниста П.А.Ефремова: «Надпись сделана Федором Филипповичем Юрьевым, у которого Пушкин и сделал этот набросок, представляя, какими, по его мнению, были Кюхельбекер и Рылеев на Адмиралтейской площади. От Ф.Ф.Юрьева. Надпись его руки».

Пушкинский фонд включает и несколько записок при реликвиях, сохраненных друзьями и современниками поэта. Особый интерес среди них представляют автографы П.А.Вяземского. Три из них, датированные 1837 г., находились в витрине, хранившейся ранее в Остафьеве вместе с памятными вещами — жилетом Пушкина, в котором он был на дуэли, свечой с отпевания и перчаткой Вяземского (парная к ней была брошена им в гроб Пушкина).

Еще один автограф, также поступивший из Остафьева — записка Вяземского, прикрепленная к крышке деревянного ящичка с пятью щепками: «Праздник Преполовления за Невою. Прогулка с Пушкиным. 1828-ой год». Во время этой прогулки по Петропавловской крепости были подобраны пять щепок — в память о пяти казненных декабристах.

В этом же фонде хранятся два автографа И.С.Тургенева. Это удостоверяющие записки к двум пушкинским реликвиям — медальону с прядью волос поэта и перстню, так называемому «талисману». Оба автографа датированы 1880 г.

Такой же характер носят автографы: Н.И.Тарасенко-Отрешкова — две записки к перьям Пушкина, и А.А.Краевского — к свече с отпевания поэта.

Большая часть личных фондов относится к родственникам, друзьям и современникам Пушкина. Многие документы, хранящиеся в них, имеют историко-культурную и научную ценность.

В фонде Ганнибалов хранится Жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны Абраму Петровичу Ганнибалу на наследственное владение землями «Михайловской губы», выданная ему 6 февраля 1746 г. Несомненный интерес представляет письмо А.П.Ганнибала сыну Петру Абрамовичу от 10 ноября 1780 г. В этом же фонде находится письмо великого князя Павла Петровича 1775 г., в котором он извещает Ивана Абрамовича Ганнибала о принятии его в «число кавалеров ордена Святыя Анны».

Интересен и разнообразен по характеру документов фонд семьи Гончаровых. Его хронологические рамки — 1782—1898 гг. Это документы из обширного родового архива Полотняного завода. В фонде имеются письма нескольких поколений семьи. Здесь письма Александры Афанасьевны Нестеровой, урожденной Гончаровой, отцу Афанасию Абрамовичу (1705—1784) и брату Николаю Афанасьевичу Гончарову (ум. 1785) — прапрадеду и прадеду Н.Н.Пушкиной); переписка Афанасия Николаевича (1760—1832) и Надежды Платоновны (1765—1835) Гончаровых — деда и бабки Натальи Николаевны; переписка Надежды Платоновны с сыном Николаем Афанасьевичем (1787—1861), отцом Натальи Николаевны. Письма передают характеры этих людей, их взаимоотношения, атмосферу семьи, в которой выросла жена поэта.

В фонде находятся и служебные документы Николая Афанасьевича за период 1790—1812 гг. — аттестаты, паспорта об увольнении в отпуск, свидетельства о зачислении и окончании Пажеского корпуса, документы о награждении.

Большой раздел фонда составляют документы, раскрывающие имущественное положение семьи Гончаровых (1822—1898). Это документы о наследовании имений, межевые книги, списки долгов. Среди них — переписка и документы по выплате денежных сумм сестрам — Е.Н.Геккерна, Н.Н.Пушкиной, А.Н.Фризенгоф; требования барона Ж.К.Дантеса Геккерна на долю Екатерины Николаевны из доходов с гончаровских имений.

Еще одно значительное собрание — фонд Ростислава Родионовича Родионова, поверенного в делах поэта В.А.Жуковского, и его тестя художника Г. фон Рейтерна. Документы отражают деловые связи Жуковского с Россией во время его пребывания за границей, которые он вел через Родионова. После смерти Жуковского Родионов продолжал вести дела его семьи, являясь опекуном детей поэта. Одновременно, в 1840—1860-е гг., он ведет и дела фон Рейтерна, живущего в это время в Германии.

Помимо чисто финансовых документов, в фонде содержатся материалы, связанные с широкой благотворительной деятельностью Жуковского, документы по изданию, рекламе, продаже «Новых стихотворений» в 3-х томах и Полного собрания сочинений В.А.Жуковского в 9-ти томах (1849—1852). В фонде имеется несколько писем Жуковского, адресованных Родионову. Помимо Жуковского и фон Рейтерна, среди корреспондентов Родионова — П.А.Плетнев, племянница Жуковского А.П.Елагина, друг и первый биограф поэта К.К.Зейдлиц.

Не только бытовой, но и научный интерес представляют сохранившиеся в фонде списки книг и вещей Жуковского, переданных им на хранение в Мраморный дворец в связи с выездом за границу, а также списки вещей, посланных им в Россию из Страсбурга и Франкфурта-на-Майне в 1849 г.

В 1978 г. музеем был приобретен семейный архив Нащокиных. Материалы поступили от Веры Андреевны Зызиной, внучки друга Пушкина Павла Воиновича Нащокина. Основные документы архива — письма родителей жены Нащокина Веры Александровны (урожденной Нарской), адресованные в Тулу, куда уехали после свадьбы в начале 1834 г. молодые Нащокины. Из имеющихся в фонде 23-х писем 18 были опубликованы.²

Помимо писем, в фонде имеются семейные документы различного характера: копии решений, выданные Московским Дворянским депутатским собранием о внесении детей П.В.Нащокина в 4-ю часть Дворянской родословной книги Московской губернии; о перенесении П.В.Нащокина и его детей из 4-й в 6-ю часть родословной книги; свидетельство о рождении в 1847 г. дочери Нащокиных Екатерины, свидетельство о смерти в 1859 г. другой их дочери — Софьи.

В семейном архиве сохранились и документы прописки В.А.Нащокиной в обеих столицах в 1886—1900 гг. (она умерла в Петербурге в 1900 г.).

Фонд Малиновских составил из документов, поступавших в разные годы от потомков лицейского друга Пушкина И.В.Малиновского (1796—1873), сына первого директора Лицея Василия Федоровича Малиновского (1765—1814).

Здесь документы, связанные с выделением денежных пособий детям В.Ф.Малиновского, оставшимся сиротами. Сохранилась лицейская тетрадь по французской риторике (1817) Ивана Малиновского. Лицей заканчивал и младший сын первого директора — Андрей. В фонде имеется свидетельство об окончании им Царскосельского Лицея в 1823 г. с золотой медалью.

В комплексе материалов, поступивших в музей в 1994 г. из семьи Н.Б.Мешковой-Малиновской, наибольший интерес представляет завещание И.В.Малиновского, составленное им 1 октября 1863 г.

Из личных фондов современников Пушкина следует отметить еще несколько. В 1976 г. музей получил в дар от Василия Васильевича Ивашева, правнука декабриста В.П.Ивашева (1794—1840), небольшой семейный архив. Основные документы его связаны со службой Петра Васильевича Ивашева (1837—1896), сына декабриста, и его хлопотами о возвращении потомственного дворянства на основании манифеста Александра II от 26 августа 1856 г.

От потомков поступил в музей также семейный архив Хомутовых (от Ольги Борисовны Бредихиной). Это письма членов семьи Сергею Григорьевичу Хомутову в период его участия в Отечественной войне 1812 г. и первые послевоенные годы. Большая часть писем написана его сестрой Анной Григорьевной Хомутовой (1784—1856) — писательницей, автором «Записок», в которых она рассказывает о встрече с Пушкиным. В фонде находятся письма и Михаила Григорьевича Хомутова, также участвовавшего в военных походах 1812—1814 гг. в составе лейб-гвардии Гусарского полка. В лицейские годы в Царском Селе Пушкин общался со многими офицерами этого полка, был знаком и с М.Г.Хомутовым.

В ряде писем имеются приписки поэта И.И.Козлова, который был двоюродным братом Анны, Сергея и Михаила Хомутовых.

Разнообразные по характеру материалы входят в состав архивных коллекций — альбомы, документы, рукописные списки, ноты, письма.

Широкое распространение в пушкинское время имели домашние альбомы. Эти альбомы, заполненные стихами, пожеланиями друзей, рисунками — характерная черта быта и культуры того времени. Наряду со стихотворными и прозаическими записями, в них встречаются рисунки-сюрпризы, засушенные цветы, пряди волос.

Среди владельцев альбомов музейного собрания Лидия Блудова (1815—1882), младшая дочь графа Д.Н.Блудова (1785—1864), члена «Арзамаса», впоследствии — крупного государственного чиновника; графиня Паскалис, эмигрантка, воспитательница дочерей Сергея Васильевича (1786—1834) и Варвары Петровны (урожденная Алмазова; 1786—1857) Шереметевых; Е.Д.Неелова, из семьи царскосельских архитекторов Нееловых. Интересен альбом Иоганны Залесской Бонивентуры, заполнявшийся с 1818 по 1855 гг. В нем автографы А.Мицкевича, П.А.Вяземского, польского поэта М.Гославского, издателя петербургской польской газеты «Tygodnik Peterburgski» («Петербургский еженедельник»), Франтишека Малевского и его жены Елены Шимановской, дочери польской пианистки и композитора Марии Шимановской.

Не менее широко, чем альбомы, были распространены в быту рукописные списки произведений, не печатавшихся при жизни автора, а также списки с изданий, выходявших малым тиражом.

Наиболее ранним в собрании музея является список произведений Г.Р.Державина конца XVIII в.

Большая часть списков фонда сделана с произведений Пушкина. Это рукописные тетради, в которых переписывались в 1820—1830-х гг. поэмы Пушкина или роман в стихах «Евгений Онегин». Стихи Пушкина обычно включены в рукописные сборники вместе со стихами других поэтов — Е.А.Баратынского, К.Н.Батюшкова, В.Г.Бенедиктова, Д.В.Веневитинова, Д.В.Давыдова, В.А.Жуковского, П.А.Вяземского.

В фонде имеются четыре списка комедии «Горе от ума» А.С.Грибоедова, несколько списков с поэмами и думами К.Ф.Рыльева.

В большинстве своем владельцы списков неизвестны, поэтому особо следует отметить Надежду Анатольевну Пушкину, внучку Л.С.Пушкина. Ее рукописная тетрадь помечена 1893 г. и заполнена стихами А.Н.Апухтина, Вс.В.Крестовского, С.Я.Надсона, Н.П.Огарева, Е.П.Ростопчиной, К.М.Фофанова.

Из единичных поступлений в музей составилась фонд писем. В основном это письма писателей и деятелей культуры XIX—XX вв. Из коллекции И.С.Наумова были приобретены письмо И.И.Дмитриева П.А.Вяземскому (1829) и два письма В.А.Жуковского ему же (конец 1810-х гг.). От П.С.Котляревской, правнучки декабриста М.Ф.Орлова, поступили его письма жене Екатерине Николаевне, урожденной Раевской, и брату А.Ф.Орлову. От П.В.Губара музей получил письмо великого князя Николая Павловича матери, императрице Марии Федоровне (1824). Интересные материалы в разные годы поступали в музей из коллекции С.Л.Маркова. Среди них письмо Е.А.Баратынского П.А.Вяземскому 1831 г., несколько писем писателя и художника Ксавье де Местра, письмо А.А.Блока Е.П.Иванову.

Из единичных поступлений составилась и фонд бытовых документов. Его хронологические рамки — 1738—1910 гг. В фонд вошли документы различного характера: купчие, подорожные, отпускные, патенты на чин, грамоты на дворянство, дипломы, прошения.

Наибольший интерес для музея представляют документы, относящиеся к лицам из пушкинского окружения.

В фонде хранится Диплом на звание Действительного члена С.-Петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств А.А.Дельвига, выданный ему в 1818 г., и такой же Диплом, но на звание Почетного члена — С.Н.Глинки (1819); формулярный список преподавателя Лицея, профессора физико-математических наук Я.И.Карцева; указ о награждении орденом св. Анны I степени лейб-медика Н.Ф.Арендта, руководившего лечением раненного на дуэли Пушкина; жалованная грамота о возведении в дворянское достоинство лейб-медика В.Б.Шольца, первого из врачей, осматривавшего привезенного после дуэли Пушкина.

В 1962 г. музей приобрел несколько предметов мебели и быта, принадлежавших казанскому купцу Л.Ф.Крупенникову. Во время поездки в 1833 г. по местам пугачевского восстания Пушкин посетил 80-летнего Крупенникова, побывавшего в плену у Пугачева. В числе приобретенных вещей — два документа на имя Л.Ф.Крупенникова: купчая на приобретение с аукционного торга каменного дома в Казани и грамота на потомственное почетное гражданство.

На многих бытовых документах встречаются имена близких Пушкину людей. Привлекает внимание «Книга Санктпетербургской Епархии исповедовавшихся в 1795 г. (село Суйда с деревнями)». В ней записи об исповеди двоюродного деда Пушкина И.А.Ганнибала и семьи Арины Родионовны.

Среди свидетелей, подписавших купчую на продажу имения Прасковьи Васильевны Муравьевой-Апостол, — подпись дяди Александра Сергеевича поэта В.Л.Пушкина.

Несколько паспортов крепостных, отпущенных в услужение в Санкт-Петербург, подписаны Н.А.Загряжским, дядей Н.Н.Гончаровой.

Подпись псковского губернатора А.Н.Пешурова стоит на подорожной, выданной 30 января 1831 г. Надежде Гавриловне Вульф, помещице, знакомой Пушкина, для проезда из Пскова. «в здешний уезд и обратно». Еще одна подорожная для проезда из Кишинева в Одессу и обратно выписана на имя кишиневского приятеля Пушкина Н.С.Алексеева.

В документах самого разного характера встречаются имена людей, с которыми общался Пушкин в течение своей жизни. Эти документы значительно дополняют коллекцию музея, посвященную истории быта 1-й трети XIX в.

Публикуемые два документа хранятся в архиве Ганнибалов (Ф. 3. Д. 2 и 3). Они приобретены музеем в 1965 г. у потомков Ганнибала по линии Петра Абрамовича.

Письмо великого князя Павла Петровича будущего императора Павла I, является писарской копией, подписанной великим князем. Оно извещает о награждении орденом св. Анны I степени цейхмейстера (начальника артиллерии) Ивана Ганнибала (1735—1801), старшего сына А.П.Ганнибала.

Второй документ — письмо А.П.Ганнибала сыну Петру (1742—1826). Письмо написано крупным почерком, с характерным для XVIII в. написанием букв. А.П.Ганнибалу в это время 84 года — письмо написано за полгода до смерти. Несмотря на преклонный возраст, чувствуется, что он — глава семьи, рачительный, строгий хозяин. Бытовое содержание письма дает представление о личности и характере престарелого «арапа Петра Великого».

Письмо великого князя Павла Петровича И.А.Ганнибалу

Господин Цейхмейстер Ганнибал! Для изъявления вам особливаго Монаршаго Государыни моей Матери удовольствия, и ревности и усердной службы вашей, соизволяет ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО на принятие вас в число Кавалеров моего ордена Святыя Анны, знаки которого препровождаю Я к вам с тем, чтоб вы, возложя их сами на себя, носили к вящему поощрению вашему. В прочем я пребываю со всегдашним к вам доброжелательством.

Вашим благосклонным
Павел

в Москве
Сентября 1775

Письмо А.П.Ганнибала сыну П.А.Ганнибалу

Сын мой Петр Аврамович.

Присланное от тебя щет столярной работы в каменных покоях я видел весьма безмерная цена и мне несносная. Присем посылаю табель почему оне подрядчики требуют и почему довать на поле от меня написано в тойжи табели, а когда по моей цене показанной не возмут то и нужды до них нет и наши столяры по возможности могут поставлять хоть и нескоро и невдруг.

А тебе рекомандую сколко потребно поредить купить сухия доски сколко потребно для полов понели ставни и протчее.

Брат твой купил мне белей мех которой зимой негреит а летом непреит, того ради приторгуй белей мех сибирской по средней цене и ко мне отписать что требуют за такой мех.

А Евстрату без моего писма денег ниначто.

Ваш доброжелатель
отец А.Ганибал

Ежели можно достать Галанских селдей настоящих и постарайся <нрзб.> можно.

Ноября 10 дня
1780 года.

P.S. Письмо мое твоему брату Ивану ты держал у себя более двух месяцев и я уповаю чтоб оно и было послано.

Сыну моему Петру
Аврамовичу
Ганибалу
в Санкт Петербурхе

¹ Рисунок воспроизведен в кн.: Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М., 1980. С. 294.

² Пушкин. Исследования и материалы. Т. 11. Л., 1983. С. 296—322.

С.В.Павлова

НОВОЕ О ЛИЦЕЙСКИХ МАТЕРИАЛАХ

Среди лицейских реликвий есть вещи, оригиналы которых до нас не дошли, известные по фотографиям и литографическим изображениям. Среди них — вид лицейского зала, акварель, выполненная воспитанником 2-го курса Императорского Лицея Валерианом Лангером, и портрет директора Лицея Е.А.Энгельгардта на фоне лицейского зала работы неизвестного художника.

Особый интерес, конечно, представляет вид лицейского зала, где состоялось открытие этого учебного заведения и проходил знаменитый переводной экзамен, на котором юный Пушкин читал перед Г.Р.Державиным свои «Воспоминания в Царском Селе».

С этим залом было связано много дорогих воспоминаний у каждого лицеиста. Акварель В.П.Лангера — единственное достоверное изображение зала, и поэтому значение этого иконографического памятника трудно переоценить. По старой фотографии, сделанной с акварели, и литографиям П.Иванова и П.Бореля был возрожден при создании мемориального Музея-Лицея этот зал, исчезнувший в результате перестройки здания после перевода учебного заведения из Царского Села в Петербург.

Что же нам известно об истории бытования и местонахождения акварели Лангера?

Акварель, изображающая лицейский зал, хранилась у директора Лицея Е.А.Энгельгардта. В письме к Ф.Ф.Матюшкину бывший директор писал своему ученику о праздновании 25-й лицейской годовщины: «Я был один, убрался в свою келью, двери на замок; сел перед залой лицейской, окруженный многими из тех, кто там со мною жил, чувствовали, любили, и праздновал двадцатипятилетие один».¹

Еще одним доказательством того, что эта акварель Лангера хранилась у Энгельгардта, служит портрет Егора Антоновича, где он изображен на фоне лицейского зала. Об этом портрете сын Энгельгардта Владимир Егорович, подготовивший для публикации статью об отце, писал Я.К.Гроту: «Имея весьма схожий и отлично написанный масляными красками портрет Е.А.Энгельгардта, думаю, что не лишним приложить к рукописи фотографический снимок с этого портрета. <...> Егор Антонович написан <...> близ письменного стола, на стене висит картина, изображающая залу Лицея».²

Итак, после смерти Е.А.Энгельгардта в 1862 г. его портрет на фоне лицейского зала и, по всей вероятности, акварель с изображением зала находились у сына бывшего директора Лицея. Владимир Егорович, в прошлом сам лицеист, воспитанник 5-го курса, закончил учебное заведение в 1829 г. Поэт. Был женат на писательнице Софье Владимировне Новосильцевой, публиковавшейся под псевдонимом «Ольга Н.», сотрудничавшей в журналах «Отечественные записки», «Русский вестник» и состоявшей в переписке с С.Т.Аксаковым, Ф.М.Достоевским, И.С.Тургеневым, А.А.Фетом.

Новые сведения о местонахождении акварели Лангера, изображающей лицейский зал, содержатся в статье Николая Соловьева «Воспитанник Императорского Лицея Валериан Лангер», опубликованной в январской книжке журнала «Старые годы» за 1912 г.: «На лицейской же еще скамье Лангером была исполнена акварель, вид Лицейского зала, воспроизведенная с некоторым изменением на литографированной обложке нот на слова Дельвига: “Шесть лет. Прощальная песнь воспитанников Имп. Лицея 1817 г. Муз. Теппера” (печ. в лит. Давиньона), изданных в 1835 г. Оригинал акварели принадлежал Энгельгардту и в настоящее время находится в собрании г. Гамма в Берлине. Под рисунком подпись: “Шесть лет промчались как мечтанье / В объятьях сладкой тишины”. В углах надписи рукою Энгельгардта, года 1811, 1820, 1829».³

Комментируя этот отрывок из статьи Соловьева, авторы известных трудов о Царскосельском Лицее и его воспитанниках М.П. и С.Д.Руденские пишут: «Рассказывая об этой акварельной работе В.Лангера, Н.Соловьев, наверное, хорошо ее знал и, возможно, видел у Гамма в Берлине или имел с нее фотографический снимок».⁴ О Гамме Руденские дают следующую справку: «Александр Федорович Гамм — лицеист выпуска 1883 года. В 1907 году был русским консулом в городе Штеттине в Германии».⁵

Невольно возникает вопрос: почему столь дорогая лицейская реликвия оказалась у неизвестного лицеиста Гамма? Кто он такой, и как попала она к нему? Ответы удалось найти в родословной потомков директора Лицея Е.А.Энгельгардта.

Эта родословная была составлена внуком Егора Антоновича бароном Ф.Р.Остен-Сакеном в связи с учрежденной в 1877 г. князем А.М.Горчаковым в Императорском Александровском Лицее стипендии имени Е.А.Энгельгардта «с тем, чтобы на нее были определяемы по усмотрению и выбору Совета учебного заведения молодые дворяне преимущественно из числа потомков Энгельгардта, чтобы потомки бывшего директора получили тоже лицейское воспитание, какое в свое время Горчаков получил у Егора Антоновича».⁶ Родословная давала возможность Совету Александровского Лицея знать о возможных претендентах на стипендию Е.А.Энгельгардта из числа его потомков. И как следует из нее, А.Ф.Гамм — правнук Егора Антоновича, внук его младшей дочери Наталии. Гамм стал первым обладателем стипендии имени его прадеда в Александровском Лицее. К нему, единственному правнуку (были еще семь правнучек), к тому же бывшему лицеисту, и перешли семейные реликвии после смерти Владимира Егоровича, последовавшей в 1884 г.

И вполне понятен интерес к неожиданной находке — письмам А.Ф.Гамма к секретарю Пушкинского лицейского общества Павлу Евгеньевичу Рейн-

боту, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

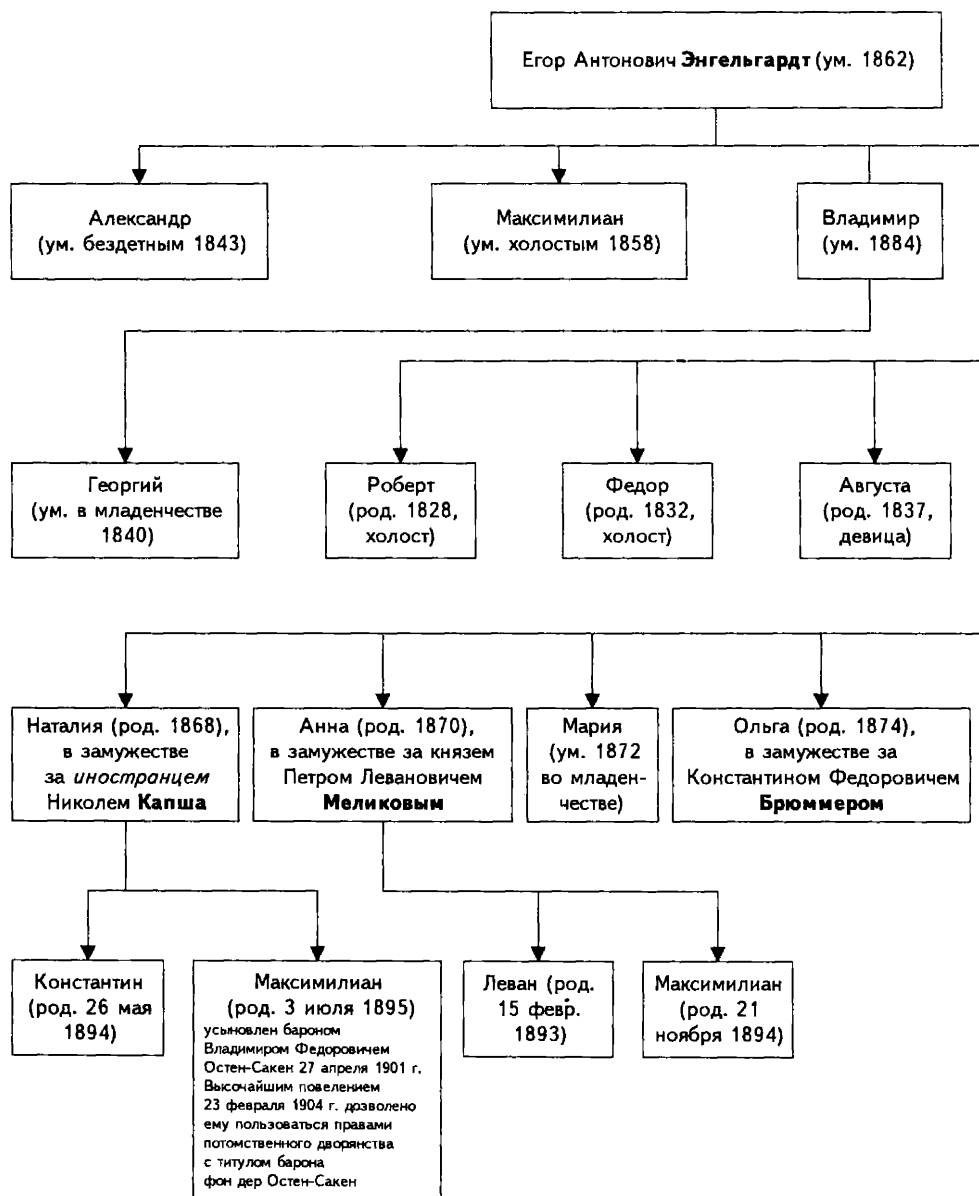
П.Е.Рейнбот был секретарем Пушкинского лицейского общества в период с 1899 по 1912 гг. В ведении общества находился Пушкинский музей Александровского Лицея, и Рейнбот много сил и внимания отдавал этому музею: собирал сведения о пушкинских и лицейских материалах, хранящихся в частных собраниях, вел переговоры с владельцами о приобретении необходимых материалов. Со многими владельцами он находился в переписке, поддерживая постоянную связь с потомками Пушкина и лицеистов. Конечно, Павлу Евгеньевичу было хорошо известно, где хранятся семейные реликвии Энгельгардтов.

Особый интерес к этим реликвиям возникает в связи с подготовкой празднования столетия Императорского Лицея и созданием в учебном заведении новой экспозиции Пушкинского музея, в которой значительное место уделялось Пушкинскому Лицею. Этим обстоятельством и было вызвано обращение П.Е.Рейнбота к генеральному консулу Российской империи в Берлине А.Ф.Гамму. Четыре письма Гамма Рейнботу — ответ на это обращение.

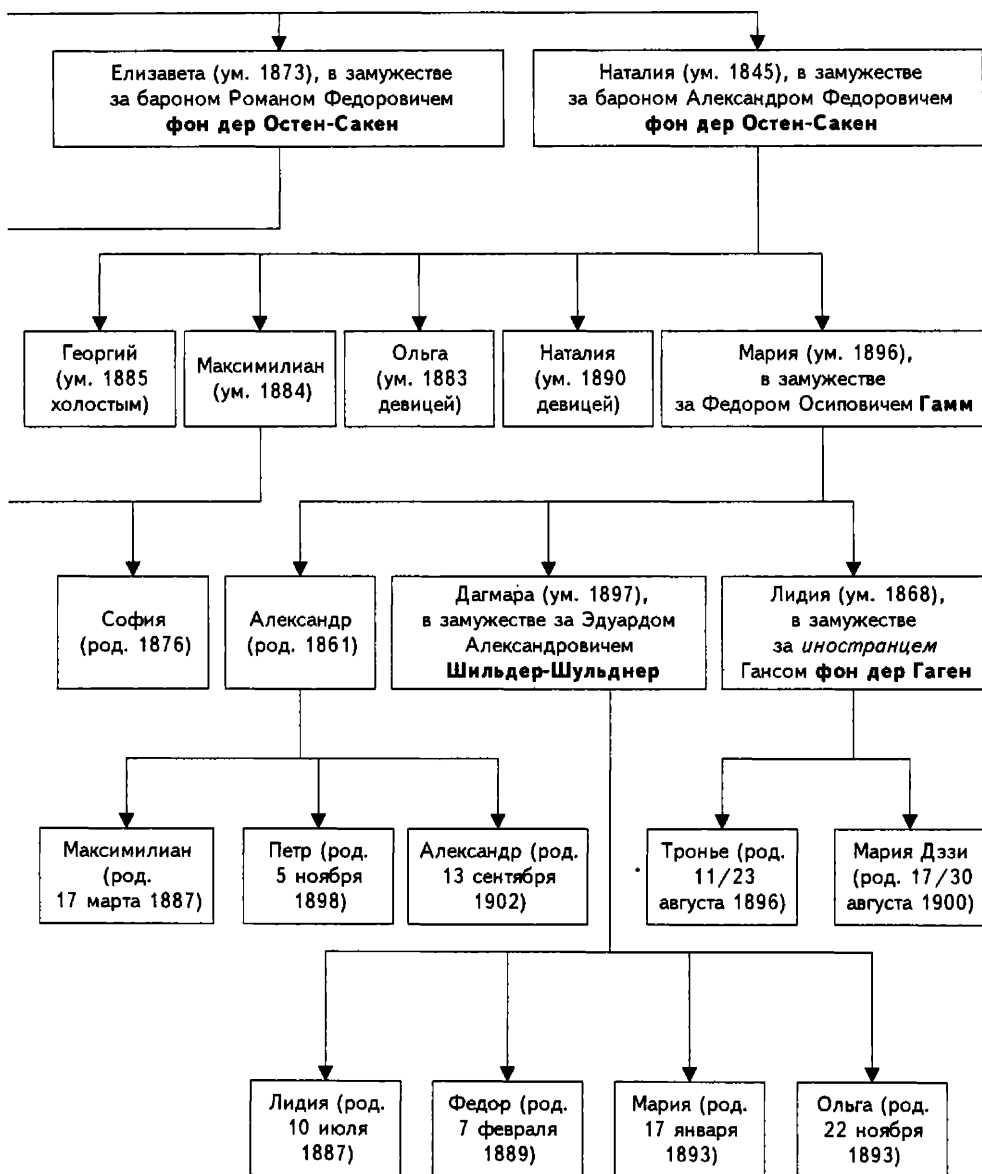
Первое письмо из Берлина датировано 19 февраля (4 марта) 1911 г.: «Милостивый государь Павел Евгеньевич! Анатолий Анатольевич Нератов⁷ переслал мне Ваше письмо от 4 февраля, и я постараюсь, насколько возможно, идти навстречу Вашим желаниям в виду наших общих лицейских интересов. Расстаться со своими семейными портретами на время я не решаюсь, у нас в сем, к сожалению, уже были потери драгоценных реликвий. Но я предлагаю Вам снять желаемые копии здесь, у меня есть хорошая художница, специалистка по копиям, работающая прекрасно и не дорого. Я ей показывал портрет Егора Антоновича, и она за точную копию с него той же величины возьмет 100 марок. Акварель лицейского зала, по тонкости архитектурных деталей требующая аккуратности чертежника в связи со знанием художника, представляет, конечно, гораздо больше работы и не может быть выполнена менее, чем за 325—350 марок. За художественную и точную работу я ручаюсь, так как видел много ее работ, она и для меня копировала. Рекомендацией может служить то же обстоятельство, что ей поручают снимать копии с картин и акварелей Королевского музея для воспроизведения красками в художественных изданиях. <...> Сначала я дам ей копировать портрет Егора Антоновича и пришлю его Вам, если работа понравится, можно будет ей передать и зал. Эта архитектура нарисована бледными красками и очень мягка по тонам, только зеленое штофное кресло на первом плане выделяется несколько сильнее, да синие фигуры-лицеистов. Ручаться я не могу, что зал нарисован В.Лангером, это утверждает барон Ф.Р.Остен-Сакен, и оно правдоподобно, так как этот лицеист много бывал у моего прадеда и написал его портрет. На портрете имеется подпись (?) Лангера VI и чужой рукой прибавлено: В.Лангер. Простите, милостивый государь, мою сдержанность <...> но я, право, дрожу над моими сокровищами, с которыми связано для меня столько воспоминаний, и я не могу решиться выслать их. Вы, может быть, поймете меня».⁸

Итак, Рейнбот, очевидно, зная, что передать семейные реликвии в Александровский Лицей Гамм не согласится, просит переслать их в Петербург для копирования, но Александр Федорович не решается и на этот вариант,

РОДОСЛОВНАЯ ПОТОМКОВ Е.А.ЭНГЕЛЬГАРДТА

(составлена Ф.Р.Остен-Сакеном в ноябре 1905 г.)

величины и такого фасона, как бумажная рамка. Все заключалось в рамку карельской березы самого простого образца, как бы 4 дощечки, склеенные по углам. Профиль дощечек такой: (следует рисунок дощечек и здесь же на полях рисунок рамки и колечка с виноградным листком. — С.П.). Висит рамка на бронзовом колечке, придерживаемом на рамке бронзовым виноградным листом, очень красивом в чисто ампирином стиле. К сожалению, эта рамка пропала, но я ее отлично помню. В Лицее следовало бы повесить портрет, по возможности, в подобной рамке. Про фотографию я написал особо». ¹²

Как видим, портрет Е.А.Энгельгардта, выполненный Лангером, в овале, акварель, директор — с Владимирской лентой. Есть подобный портрет и в собрании Всероссийского музея А.С.Пушкина, где значится как работа неизвестного художника. Он поступил в музей из Пушкинского Дома, куда в свою очередь был передан не из Александровского Лицея (как хотелось бы!), а из коллекции Т.Б.Семечкиной. Местонахождение копии, выполненной Гаммом для Пушкинского лицейского общества, установить не удалось. Портрет, хранящийся сейчас во Всероссийском музее А.С.Пушкина — еще одна копия, выполненная с оригинала В.П.Лангера.

Когда смотришь на акварельный портрет Е.А.Энгельгардта в овале, невольно встает перед глазами живописный портрет директора, написанный неизвестным художником для Александровского Лицея в связи с решением учебного заведения поместить «в одном из залов Императорского Александровского Лицея портретов бывших директоров оного, чтобы таким образом uproчить в сердцах воспитанников память о тех лицах, которые посвящали свою жизнь и деятельность их научному и нравственному развитию». ¹³

2 августа 1879 г. после получения официального разрешения портрет Е.А.Энгельгардта был помещен в Пушкинском зале Лицея вместе с портретами В.Ф.Малиновского, Ф.Г.Гольтгоера, Д.Б.Броневского и Н.И.Миллера.

Нет сомнений, что акварельный портрет Е.А.Энгельгардта работы Лангера, хранившийся в ту пору у сына бывшего директора, был использован при написании живописного портрета для Александровского Лицея.

Думается, следует уточнить и дату написания портрета, висевшего в учебном заведении: не 1-я и не 2-я половина XIX в., как обычно указывается, а 70-е гг. XIX в.

В последнем письме А.Ф.Гамма на особом бланке МИД Императорского Российского генерального консульства в Берлине написана история портрета Е.А.Энгельгардта на фоне лицейского зала, фотографию с которого Гамм посылает Рейнботу: «Портрет Егора Антоновича Энгельгардта. Этот портрет написан с натуры лакеем Егора Антоновича, художником-самоучкой, имя которого, к сожалению, забыто. Сходство и выражение лица, по свидетельству лиц, знавших моего прадеда, очень верно переданы, но во всем остальном, особенно в перспективе, заметна рука дилетанта, неумелая и непостижимая техники. С исторической точки зрения портрет потому представляет интерес, что на нем над письменным столом Егора Антоновича виден вид Царскосельского лицейского зала, акварельный рисунок, ныне находящийся у меня, фотографию которого я в прошлом году послал в Лицей». ¹⁴

Фотографию с этого интересного портрета Е.А.Энгельгардта имел не только Императорский Лицей. В фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина

хранится раскрашенная фотография с этого же портрета, приобретенная у Ирины Юрьевны Бартеневой из собрания Петра Ивановича Бартенева.

Какими же новыми сведениями обогатили нас четыре письма А.Ф.Гамма?

Во-первых, стало известно местонахождение лицейских реликвий.

Во-вторых, получены интересные сведения об акварели Лангера с изображением лицейского зала, в частности, описание акварели в цвете.

В-третьих, немногочисленный список работ Лангера пополнился еще одной — акварельным портретом Е.А.Энгельгардта.

В-четвертых, автор портрета Е.А.Энгельгардта на фоне лицейского зала — неизвестный художник-самоучка, служивший лакеем у Егора Антоновича.

Судя по родословной потомков Е.А.Энгельгардта, уже в начале XX в. почти все они проживали за границей. Не вернулся в Россию и А.Ф.Гамм. Это стало известно из документов, опубликованных в книге С.М.Некрасова «Лицей после Лицея» (М., 1997). В 1920-е гг. он проживал в Берлине, поддерживая отношения с бывшими выпускниками Лицея, оказавшимися после революции за рубежом. Переданные А.Ф.Гаммом председателю лицейского правления Объединения лицеистов за рубежом В.Н.Коковцеву все собранные им юбилейные лицейские издания легли в основу созданного за рубежом лицейского музея. В настоящее время материалы этого лицейского собрания находятся в Королевском военном музее в Брюсселе. Не были ли переданы впоследствии Гаммом его реликвии в этот музей? Остается лишь гадать. Но думается, что родственные чувства оказались сильнее, и реликвии, о которых идет речь, перешли к его сыновьям.

У А.Ф.Гамма было трое сыновей: Максимилиан, Петр и Александр. Если Александр Федорович привил своим детям такую же любовь и уважение к памятным семейным вещам, какие были свойственны ему, то есть надежда, что бесценные лицейские реликвии сохранились.

¹ Кобеко Д. Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. СПб., 1911. С. 351—352.

² Руденская М.П., Руденская С.Д. «Наставникам... за благо воздадим». Л., 1986. С. 219.

³ Соловьев Н. Валериан Лангер. СПб., 1912. С. 8—9.

⁴ Руденская М.П., Руденская С.Д. Указ. соч. С. 218.

⁵ Там же.

⁶ Стипендия имени Е.А.Энгельгардта в Александровском Лицее. СПб., 1905.

⁷ А.А.Нератов — воспитанник 39-го курса Лицея (выпуск 1883 г.), сокурсник А.Ф.Гамма, камергер, товарищ министра иностранных дел, член Пушкинского лицейского общества.

⁸ ИРЛИ. Ф. 665. Оп. 2. № 82. Л. 1, 1об, 2, 2об.

⁹ Там же. Л. 3об.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 4, 4об.

¹² Там же. Л. 6, 6об.

¹³ Памятная книжка Императорского Александровского Лицея на 1886 г. СПб., 1886.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 665. Оп. 2. № 82. Л. 8. Можно предположить, почему П.Е.Рейнбот, отказавшись от копии акварели с изображением лицейского зала, просил сделать ее описание в цвете. В Лицее была фотография с акварели, ранее присланная Гаммом, и Рейнботу эти сведения необходимы были, чтобы эту фотографию раскрасить.

Е.В.Пролет

**РИСУНКИ В.А.ЖУКОВСКОГО
ИЗ ФОНДА ОРИГИНАЛЬНОЙ
ГРАФИКИ ВСЕРОССИЙСКОГО
МУЗЕЯ А.С.ПУШКИНА**

Василий Андреевич Жуковский, как и многие поэты-романтики, отличался богатством художественной натуры и проявил себя в разных видах искусства. Хорошо известно, что с юных лет он занимался рисованием, позднее брал уроки у К.Зенфа и Н.И.Уткина, часто посещал мастерские живописцев, был дружен со многими из них. В 1821 г. в Дрездене Жуковский познакомился с Каспаром Давидом Фридрихом, который стал любимым художником поэта. Встреча с Герхардом фон Рейтерном (в мае 1826 г.) переросла в многолетнюю дружбу, позднее — в родство (напомним, что в мае 1841 г. В.А.Жуковский женился на его дочери Елизавете).

Творческое наследие поэта-художника ныне хранится в различных архивах, рукописных отделах и музеях (РНБ, ИРЛИ, ГРМ и др.). Всероссийскому музею А.С.Пушкина принадлежит 8 рисунков В.А.Жуковского, созданных им в разное время, в разной технике, в разных жанрах. Рассмотрим некоторые из них, начиная с довольно редкого для Жуковского жанра портрета.

Портрет А.Ф.Воейкова (1778/1779—1839) поступил в коллекцию Всесоюзного музея А.С.Пушкина в 1938 г. из Государственного Русского музея, куда был передан с собранием Е.Е.Рейтерна в 1918 г. На небольшом листке бумаги мы видим профиль мужчины средних лет. Крупные, несколько грубоватые черты лица, невыразительный взгляд. Особой симпатии изображенный не вызывает. Но на обороте находим надпись, сделанную рукой В.А.Жуковского: «Любезному почтенному Александру Федоровичу Воейкову от друга Ж.».

Авторской датировки портрет не имеет, время его создания условно обозначено в «Книге поступлений» музея как 1-я четверть XIX в. Но нам представляется возможным предположить, что портрет создан Жуковским в конце 1813 — начале 1814 гг., в короткий период наиболее тесных дружеских отношений с Воейковым, когда тот гостил в имении Протасовых Муратово. К 1814 г. относятся два послания поэта «К Воейкову»: «Добро пожаловать, певец...» (29 января) и «О Воейков! Видно нам...» (21 декабря).

Уже в апреле того же 1814 г. Жуковский в полной мере ощутил предательство приятеля, а позднее не раз заявлял, что Воейков для него не существует, что между ними нет ничего общего.

Но вернемся к портрету: перед нами «любезный друг» В.А.Жуковского, 35-летний А.Ф.Воейков в канун своей женитьбы — 14 июля 1814 г. он об-

венчался с младшей племянницей Жуковского, Александрой Андреевной Протасовой. Как и следовало ожидать, брак оказался несчастливый: «<...> как жить вместе подлости и благородству, черту и Ангелу, красоте и безобразию!» — удивлялся позднее Н.М.Языков. По многочисленным отзывам современников, единодушно восхищавшихся Александрой Андреевной («Светланой»), Воейков был человеком грубым, порочным, с репутацией доносчика и скандалиста. Накануне расставания с мужем, перед отъездом для лечения за границу, тяжелобольная супруга нашла на столе в кабинете Воейкова написанную им заранее эпитафию на ее смерть... Она умерла 26 февраля 1829 г. в Пизе и была похоронена на единственном в Италии православном кладбище в Ливорно. Врач К.К.Зейдлиц и граф Ксавье де Местр, ставшие свидетелями кончины А.А.Воейковой, в письмах к В.А.Жуковскому сообщали, что она погребена рядом с Михаилом Долгоруковым, а окружают ее могилу с большим крестом четыре кипариса и кусты роз.

Все эти детали мы видим и на рисунке, поступившем в собрание музея в 1971 г. Пейзаж был приобретен у частного лица; выполнен на бумаге с водяными знаками «J.WHATMAN 1823», на изображении справа внизу хорошо читается надпись карандашом: «Livourne. 3 Juin Joukoffsky. 1833». На подложке, к которой прикреплен этот рисунок, подпись повторяется: «Joukoffsky fec.».

Из дневника В.А.Жуковского известно, что во время путешествия по Италии в 1833 г. он неоднократно посещал и рисовал могилу А.А.Воейковой. Известно так же, что именно по желанию Жуковского памятник на могиле Воейковой повторял надгробие ее сестры Маши — Марии Мойер, умершей в марте 1823 г. и похороненной на русском кладбище в Дерпте. Ливорнийский рисунок В.А.Жуковского следует рассматривать как проект будущего живописного полотна: об этом говорят цветовые пометы на изображении, но ценен он еще и потому, что самого памятника, больше, к сожалению, нет. Он исчез, когда в 1908 г. кладбище ликвидировали.

Самым известным и значительным из рисунков Жуковского, входящих в собрание Всероссийского музея А.С.Пушкина, несомненно, является изображение Пушкина в гробу. Этот своеобразный графический реквием создан 30 января 1837 г., на другой день после смерти поэта и дня рождения самого Жуковского. Сын последнего — Павел Васильевич (1845—1912) вручил эту реликвию в 1908 г. А.Ф.Онегину. В составе знаменитой «онегинской» коллекции рисунок вернулся в Россию из Парижа в 1928 г., поступил в Пушкинский Дом, а позднее был передан Всесоюзному музею А.С.Пушкина.

1837-м годом следует датировать три пейзажа, выполненные В.А.Жуковским во время поездки по России в свите великого князя Александра Николаевича. Путешествие, длившееся с мая по декабрь 1837 г., завершило образование наследника, наставником которого был Жуковский. По плану поездки, в губернских городах останавливались на 2—3 дня. В Оренбургской губернии осмотр длился 13 дней. Как всегда, Жуковский много рисовал. Из принадлежащих музею путевых зарисовок поэта первая представляет собой широкую панораму города. Рисунок выполнен с балкона дома, подписан автором: «Оренбург Июня 14».

В сентябре Жуковский посетил Крым и знаменитый Балаклавский Георгиевский монастырь, основанный в 891 г. На обороте акварельного пейза-

жа, выполненного во время или вскоре после посещения обители (день известен из записи в дневнике — 13 сентября), рукой автора сделана надпись: «Георгиевский монастырь». Храм св. Георгия, изображенный Жуковским, был построен в 1809—1814 гг. по плану архитектора И. Домашникова. Напомним, что в сентябре 1820 г. здесь был Пушкин; дважды (в мае и октябре 1825 г.) сюда приезжал Александр I. А Николай I с императрицей Александрой Федоровной и наследником посетили монастырь 10 сентября 1837 г., за несколько дней до приезда туда Жуковского. В мае 1929 г. монастырь ликвидировали, организовав на его месте совхоз «Безбожник». Храм св. Георгия снесли. Не случайно уцелевшая акварель Жуковского вызывает особый интерес у крымских краеведов.

Третий из пейзажей Жуковского датирован автором 2 октября 1837 г.—этот карандашный рисунок запечатлел «вид Печерской Лавры из-за Днепра».

Пока не представляется возможным точно датировать две работы Жуковского: эскиз обложки к первому тому его сочинений (условно — 1840-е гг., до 1849 г.) и рисунок с изображением обелиска.

В целом, небольшое собрание рисунков В.А.Жуковского из фондов Всероссийского музея А.С.Пушкина представляет несомненный художественный интерес и привлечет внимание исследователей.

Рисунки В.А.Жуковского из фонда оригинальной графики Всероссийского музея А.С.Пушкина

1. *Воейков А.Ф.* 1-я треть XIX в. Бум., акв., тушь, кисть. 11,7 x 7,7 (л). На обороте чернилами: «Любезному почтенному Александру Федоровичу Воейкову от друга Ж.». КП-2747.

2. *Италия. Кладбище в Ливорно.* 1833 г. Бум., кар. 30,5 x 22,1 (л). Справа внизу карандашом: «Livourne. 3 Juin Joukoffsky. 1833». На подложке кар.: «Joukoffsky fec.». КП-23583.

3. *А.С.Пушкин в гробу.* 30.01.1837 г. Бум., кар. 12,5 x 17,5 (л. с из.); 13,7 x 18,9 (л). Слева внизу жел.-гал. чернилами рукою А.Ф.Онегина: «Рис. с натуры В.А.Жуковский Puchkiniana А.Ф.Онегина. Paris». КП-6090.

4. *Оренбург.* 1837 г. Бум., чернила, перо, кар. 25,1 x 18,3 (л). Справа внизу чернилами: «Оренбург Июня 14». КП-2730.

5. *Крым. Георгиевский монастырь.* 1837 г. Бум., акв. 18 x 25 (л). На обороте внизу карандашом: «Георгиевский монастырь». КП-13440.

6. *Киев.* 1837 г. Бум., кар. 18,1 x 25,2 (л). Внизу карандашом: «170 вид Печерской Лавры из-за Днепра Октябрь 2». КП-2729.

7. *Эскиз обложки к 1-му тому сочинений В.А.Жуковского.* 1840-е гг. Бум., тушь, перо. 20 x 14 (л). Над нижним рисунком: «I». КП-13501.

8. *Обелиск.* Без даты. Бум., кар., тушь, перо. 25,5 x 19,8. КП-23582.

Е.В. Карпова

НОВАЯ АТТРИБУЦИЯ СКУЛЬПТУРНОГО ПОРТРЕТА А.Х.ВОСТОКОВА

Портретный бюст поэта и филолога Александра Христофоровича Востокова (1781—1864) принадлежит Всероссийскому музею А.С.Пушкина с 1953 г., он был передан из музея Пушкинского Дома.¹ В XIX в., как и в начале нашего столетия, портрет стоял в конференц-зале Академии наук, рядом с мраморными и гипсовыми бюстами М.В.Ломоносова, Л.Эйлера, Г.Р.Державина, И.А.Крылова.²

Впервые скульптурный портрет Востокова был опубликован в 1899 г. как работа неизвестного мастера.³ Затем бюст воспроизводился в издании стихотворений А.Х.Востокова,⁴ где его автором был назван крупнейший скульптор-портретист Самуил Иванович Гальберг (1787—1839). Основанием для этой атрибуции послужили, по-видимому, дружеские и родственные связи Востокова. Известно, что первым браком он был женат на сестре художника Анне Ивановне Гальберг.

Принятая точка зрения бытовала более 60-ти лет несмотря на то, что бюст Востокова никогда не упоминался в посвященных Гальбергу биографических очерках, в его опубликованных письмах, в каталогах выставок или годовых отчетах Императорской Академии Художеств. Не значится он и в архивных документах, связанных с творческой деятельностью скульптора. Все это не случайно: художественное решение бюста лишь напоминает работы Гальберга, при более внимательном рассмотрении становится очевидным, что здесь традиционная форма бюста-гермы имеет несколько другие пропорциональные соотношения, не столь уверенной рукой моделировано лицо, по-своему трактованы глаза. Непосредственные натурные наблюдения, безусловно, чувствуются в этой работе, однако портрету Востокова явно недостает той эмоциональной выразительности, которую так ценили современники в произведениях Гальберга.

Подлинное имя портретиста помогло определить неопубликованное письмо Востокова, хранящееся в «Собрании автографов» Рукописного отдела Российской национальной библиотеки: «Любезный Константин Иванович! Ко мне обещал зайти завтра утром Самуил Иванович, чтоб посмотреть бюст, а потому и вы потрудитесь зайти ко мне в девять часов, не позже, и по освидетельствовании бюста Самуилом Ивановичем, примите меры завтра же убрать с квартиры моей вашу работу, потому что мы послезавтра переберемся на Петербургскую сторону всем домом, и бюст

не может остаться у нас долее. К услугам вашим готовый А.Востоков. 3 июня 1837 года».⁵

Ранее в архивной описи значилось, что это письмо адресовано «Константину Ивановичу Гальбергу», однако брата скульптора звали не Константин, а Карл (Карл Генрих), он учился в Сухопутном кадетском корпусе, служил в Департаменте герольдии и умер еще в 1830 г.⁶ Немаловажную роль при последующем уточнении фамилии адресата сыграла дата, проставленная на письме Востокова. Дело в том, что спустя несколько месяцев, в сентябре 1837 г., Совет Академии Художеств присвоил звание свободного художника Константину Ивановичу Терebeneву — «за бюст А.Х.Востокова».⁷ В академических документах сохранилось прошение, в котором Терebeneв сообщал о себе следующее: «Занимаясь скульптурою, я посещал рисовальные классы, представляя на экзамены мои рисунки, за которые и был переведен постепенно в натурный класс. Ныне же, желая получить звание Свободного художника, имею честь представить при сем в Совет Императорской Академии художеств бюст моих трудов, снятый с А.Х.Востокова, покорнейше прося по рассмотрении оногo, буде окажется достойным, почитать меня помянутым званием. Служащий в Министерстве иностранных дел коллежский регистратор Константин Терebeneв. Сентября ... дня 1837 года».⁸

Следует заметить, что А.Х.Востоков, к тому времени известный ученый, член-корреспондент Академии наук и хранитель манускриптов Императорской Публичной библиотеки, совсем не случайно стал позировать молодому художнику. Три десятилетия назад, в бытность свою в Академии Художеств, он жил в одной комнате с его отцом, И.И.Терebeneвым (1780—1815), знаменитым впоследствии скульптором и карикатуристом. Их дружба продолжалась и в дальнейшем, вплоть до неожиданной смерти Ивана Терebeneва. Востоков написал в память друга стихотворную эпитафию и некролог,⁹ всячески старался поддержать его семью и беспокоился о будущем детей. Вместе с графиней С.В.Строгановой он хлопотал о том, чтобы старший сын Терebeneва Владимир (1808 — ?), а позднее и самый младший — Александр (1814—1859) — были приняты в Академию Художеств. Последнему из них довелось «продолжить» славу отца собственными творениями — гранитными атлантами Нового Эрмитажа, скульптурным убранством Опекунского совета (ул. Плеханова, 1) и парадных залов Зимнего дворца, многими работами портретного жанра, и прежде всего посмертными изображениями А.С.Пушкина.

Судьба третьего брата — Константина Терebeneва (1811—1868) — с самого начала складывалась не слишком удачно. Судя по письму 1823 г., мать надеялась, что и ему удастся стать воспитанником Академии. Но, узнав «о состоявшемся вновь положении, что в оную не принимают вдруг по два брата», она обратилась к попечителю Петербургского учебного округа Д.П.Руничу «с усерднейшею просьбою» о принятии одного из сыновей «в здешнюю гимназию на казенный счет».¹⁰ Вероятно, ее просьба была удовлетворена. Константин получил образование, позволившее ему занять место коллежского регистратора в Департаменте народного просвещения.

Однако и его влекло художественное поприще, о чем он написал в прошении, поданном в марте 1832 г.: «Родитель мой художник Иван Иванович

Теребнев имел счастье воспитываться в Императорской Академии Художеств, где и кончил курс учения. Желая последовать его примеру и имея непреодолимую склонность и даже чувствуя себя несколько к тому способным, в чем может свидетельствовать еще в первый раз лепленный мною и представленный в Правление Императорской Академии Художеств следок (sic! — Е.К.) Германика, всепокорнейше прошу о неоставлении принять меня в число питомцев Академии Художеств или как оному благоугодно будет, дабы усовершенствовать чувственную оную способность на казенном иждивении и чрез то подать мне возможность таковое оказанное мне благодеяние со временем оправдать к пользе Отечества». ¹¹ Вскоре последовало решение «по уважении отличных природных способностей коллежского регистратора Теребнева в скульптуре, принять его в пенсионеры Академии». ¹² Тем не менее, полностью посвятить себя учебе так и не удалось, уже осенью следующего года Теребнев, «согласно желанию его», был уволен из Академии. ¹³

Право на профессиональную деятельность, полученное в 1837 г. с присвоением звания свободного художника, само по себе не могло обеспечить заказов; их, по всей вероятности, было очень немного. Используя любую возможность, Теребнев делал виньетки к небольшим изданиям, ¹⁴ рисовал портреты. Одной из наиболее распространенных подписных работ художника является литография с поясным изображением В.И. Карлгофа. ¹⁵ Для нас этот портрет примечателен, главным образом, тем, что Вильгельм Иванович Карлгоф (1799—1841), полковник, участник турецкой и польской кампаний, был заметной фигурой в литературных кругах Петербурга. Он писал стихи, рассказы и довольно активно печатался в конце 1820-х и в 1830-е гг. В доме Карлгофов (Фонтанка, 26) бывали А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, И.А. Крылов.

Важным фактом творческой биографии К.И. Теребнева стало изобретение им декалькомании — способа перевода на фаянс, фарфор, стекло литографированных изображений. ¹⁶ Некоторые технические подробности «нового способа украшения всякой посуды» были изложены в июньском номере «Художественной газеты» за 1840 г., где также отмечалось, что «г. Теребнев (изобретатель) и г. Семячкин, принявший в его деле коммерческое участие, получили уже от правительства привилегию». ¹⁷ Последняя была выдана на 10 лет, развернутая мастерами деятельность положила начало развитию в России этой полиграфической техники.

В 1847—1848 гг. в Петербурге было издано составленное Теребневым «Руководство к первоначальному изучению рисования». И хотя в целом рецензенты отнесли к этому опыту весьма критически — изложенный «образ преподавания» во многом противоречил традиционным установкам, А.Н. Майков все же отметил стремление автора отрезать обучение «от тяжелых условий рутины». ¹⁸ Теребнев предлагал, в частности, «не смотря ни на какой возраст начинать рисование прямо с натуры <...> Не утомлять ученика однообразием, и всего более бояться наскучить ему». ¹⁹

Можно предположить, что создатель портретного бюста Востокова с течением времени практически оставил эту область искусства. Во всяком случае в материалах Академии Художеств за 1858 г. он фигурирует совсем в ином качестве: коллежский асессор Константин Теребнев просит «о задаче ему программы на звание академика по части гравюрной архитектуры,

дозволив для того исполнить вид «портрика в саду Академии, с частью прилежащего к нему сада», или что Советом присуждено будет». По этому поводу было определено: «<...> художника Терebeneва признав назначенным в академии, дозволить исполнить для звания академика просимый им вид».²⁰

Умер К.И.Теребенева не позднее 1-й половины января 1868 г., что подтверждается свидетельством, выданным 19 числа того же месяца: «Предъявитель сего ученик Императорской Академии Художеств Платон Константинович Терebeneв есть сын умершего в Обуховской больнице коллежского асессора Константина Терebeneва, которого означенный сын хоронил на свой счет».²¹

По-своему любопытны документы, относящиеся уже к 1872 г., когда дочь художника обратилась в канцелярию Министерства Императорского двора «с просьбою об оказании ей, во внимание к ее бедности, пособия». Был послан соответствующий запрос, отвечая на который Правление Академии Художеств уведомяло, что «покойный отец просительницы, выпущенный из воспитанников Академии в 1837 г., действительно был хороший художник по живописи — но как кроме портретов частных лиц у него других заказов не было, и он должен был трудиться над таковыми работами, чтобы только иметь возможность существовать с семейством, то такое его положение не дозволило ему произвести серьезной работы, которая бы обращала особенное внимание...».²²

«Возвращая» К.И.Теребенева одно из самых значимых его произведений — скульптурный портрет А.Х.Востокова,— мы, в первую очередь, видим в нем исторический документ пушкинской эпохи. Но вместе с тем, нельзя не оценить и другой аспект, ведь речь идет о единственной в своем роде работе забытого мастера.

¹ Всероссийский музей А.С.Пушкина. КП-15585. Гипс. 60 x 38 x 26 см.

² Модзалевский Б.Л. Список портретов и бюстов, находящихся в Императорской Академии наук//Известия Императорской Академии наук. Т. 22. СПб., 1905. Янв. С. X. № 104.

³ См. Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Императорской Академии наук в С.-Петербурге. М., 1899. С. 20, № 633. С. 48.

⁴ Востоков А.Х. Стихотворения/Ред., вступ. ст. и примеч. Вл. Орлова. Л., 1935. Вкл. между с. 364—365.

⁵ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 512. Л. 1. На это письмо нам указала Б.А.Градова, которой я приношу самую искреннюю благодарность.

⁶ См.: Скульптор Самуил Иванович Гальберг в его заграничных письмах и записках. 1818—1828/Собр. В.Ф.Эвальд. СПб., 1884.

⁷ Юбилейный справочник Императорской Академии Художеств. 1764—1914. Ч. 2. Список русских художников/Сост. С.Н.Кондаков. Пг., 1914. С. 274; РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2215. Л. 10.

⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2205. Л. 67. Аттестат о присвоении К.И.Теребенева звания свободного (некласного) художника «во внимание к хорошим сведениям по части скульптуры» был выдан ему 31 октября 1837 г. «По силе всемилостивейше дарованной сей Академии привилегии» он давал скульптору право «пользоваться с его потомством вечною и совершенною свободою и вольностью, и вступить в службу, в какую сам, яко свободный художник, пожелает» (Там же. Л. 68).

⁹ См.: Востоков А.Х. Стихотворения. М., 1935. С. 328; Сын Отечества, 1815, № 4. С. 165; Переписка А.Х.Востокова в повременном порядке/С объяснит. примеч. И.Срезневского. СПб., 1873. С. XIII—XVI, 25.

¹⁰ ОР ГРМ. Ф. 14. Д. 150. Л. 1, 1об.

¹¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1507. Л. 22, 22об.

¹² Там же. Л. 23.

¹³ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1740. Л. 1, 2.

¹⁴ См.: Повести и сказки для детей: Подарок к празднику с 12 картинками. СПб., 1845.

¹⁵ Воспроизведен: Русские писатели. 1800—1917: Биографич. словарь. Т. 2. М., 1992. С. 485; Портрет В.И.Карлгофа находится в основном собрании Российской национальной библиотеки (Эосн/30-53. Инв. Эе 5897).

¹⁶ Мы чрезвычайно признательны Л.А.Тарасовой, которая обратила наше внимание на это изобретение К.И.Теребенева.

¹⁷ Способ литографирования на фаянсе, фарфоре, стекле//Художественная газета, 1840, № 12. С. 20. См. также: Немировский Е. К истории декалькомании//Полиграфическое производство, 1949, № 7. С. 28. Здесь нельзя не отметить, что до недавнего времени изобретателем декалькомании называли скульптора-монументалиста А.И.Теребенева (см. Книговедение: Энциклопедич. словарь. М., 1982. С. 529). Эта ошибка была исправлена в публикациях Т.А.Малининой (см.: Историзм в России: Стиль и эпоха в декоративном искусстве. 1820-е — 1890-е гг. Каталог выставки/Гос. Эрмитаж. СПб., 1996. С. 290).

¹⁸ <Майков А.Н.> Библиографическая хроника//Отечественные записки, 1848. Т. LVII. Апр. Отд. VI. С. 101.

¹⁹ Руководство к первоначальному изучению рисования/Сост. художник К.Теребнев. СПб., 1848. С. 8. Позднее им было подготовлено еще одно издание: Теребнев К. Домашний учебник для малолетних детей, в девяти частях. СПб., 1856.

²⁰ Петров П.Н. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. Т. 3. СПб., 1866. С. 307.

²¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 8«Т». Л. 11. Там же (л. 2) имеется еще одно примечательное в биографическом отношении «свидетельство», датированное 3 октября 1861 г.: «Дано сие родному сыну моему Платону Константиновичу Теребневу для проживания в С.-Петербурге на вольно-наемных квартирах впредь до получения откуда следует особого вида. Отец его, состоящий при Министерстве иностранных дел, за штатом, коллежский ассессор Константин Иванов Теребнев».

²² РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 51«Т». Л. 1, 2.

Ю.Г.Елатко

**НЕИЗВЕСТНАЯ ФОТОГРАФИЯ
ДЕКАБРИСТА С.И.КРИВЦОВА
(По материалам фотофонда
Всероссийского музея А.С.Пушкина)**

Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 12. Этот адрес хорошо известен россиянам. Здесь находится последняя петербургская квартира Пушкина, ныне воссозданная в том виде, какой она была при его жизни. Весь трехэтажный дом, дворовые флигеля и здание конюшни, относящиеся к середине XVIII в., занимает Всероссийский музей А.С.Пушкина. Основанный на материалах Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 г., посвященной 100-летию со дня смерти поэта, музей является обладателем бесценных пушкинских реликвий и художественных произведений пушкинского времени. В богатейших фондах хранятся десятки тысяч экспонатов: живописные портреты и пейзажи, акварели и рисунки, миниатюрные портреты, гравюры и литографии, предметы декоративно-прикладного искусства, старинные рукописи и книги.

На этом внушительном фоне собрание документальной фотографии выглядит весьма скромно, всего около 3-х тысяч единиц хранения. Фотографии самого поэта, увы, в музее нет. Всего 2 года не дожил Пушкин до изобретения дагерротипа. Зато есть фотопортреты вдовы поэта Натальи Николаевны, его детей Александра, Марии, Григория, Натальи, внуков, правнуков, друзей, декабристов. Среди декабристских фотографий наше внимание привлекла неопубликованная фотография Сергея Ивановича Кривцова.

Фамилия братьев Кривцовых хорошо знакома пушкинистам. Она упоминается в справочнике Л.А.Черейского «Пушкин и его окружение».¹ Старший Кривцов — Николай Иванович (1791—1843) участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. В битве под Бородино был тяжело ранен в руку и оставлен врачами в госпитале в Москве, занятой французами. Вместе с ним в госпитале оказались наполеоновские солдаты и офицеры. Страдание объединяет людей. Французские врачи лечили русского офицера, соседи по палате делились с ним скудной едой. Когда в Москву вошли русские войска, Николай Иванович спас больных французов от самосуда. Позже, в 1826 г., Карл X за этот мужественный поступок наградил Кривцова орденом Почетного легиона.

После окончания войны с Наполеоном Н.И.Кривцов служил по «дипломатической части», был тульским, воронежским и нижегородским губернатором. Среди его петербургских знакомых мы видим А.С.Пушкина, Н.М.Ка-

рамзина, А.И.Тургенева, В.А.Жуковского, графа В.А.Соллогуба. С Пушкиным, будучи в отъезде, Кривцов обменивался письмами. В 1831 г. получил от него в дар только что вышедший из печати экземпляр «Бориса Годунова».

Младший Кривцов — Павел Иванович (1806—1844) служил секретарем русского посольства в Риме и одновременно начальствовал над художниками, посланными в Италию Петербургской Академией Художеств для совершенствования своего мастерства. 17 апреля 1837 г. Павел Иванович, узнав о трагедии в Петербурге, писал из Италии А.И.Тургеневу: «Смерть Пушкина была для меня очень чувствительна; мы были так давно знакомы, и он всегда был так добр ко мне, что эта потеря, помимо национального чувства, заставившего меня оплакивать смерть нашего единственного поэта во цвете лет, была для меня настоящей скорбью».²

Средний из братьев Кривцовых — Сергей Иванович (1802—1864) получил образование в Московском университетском благородном пансионе и в Швейцарии в «Институте господина Фелленберга». Возвратившись в Россию, Кривцов избрал военную карьеру и служил в лейб-гвардии Конной артиллерии. Его имя вошло в историю декабристского движения.³

Двадцатитрехлетним молодым человеком Сергей Иванович, к удивлению братьев, не знавших, что в марте 1824 г. он вступил в петербургскую ячейку Южного общества, попал в одиночную камеру Секретной тюрьмы Петропавловской крепости. Николай I допрашивал подпоручика в одном из залов Эрмитажа, превращенного, как иронически сказал один из декабристов, в «съезжую». В сопроводительной записке к коменданту крепости А.Я.Сукину император писал: «Содержать строго, но хорошо».

Против С.И.Кривцова было мало улик. П.И.Пестель на одном из допросов показал: «<...> артиллерийский Кривцов был со мною ознакомлен через Матвея Муравьева и находился в полном революционном и республиканском духе».⁴ На заседаниях Следственной комиссии ему особо ставили в вину участие в обсуждении на квартире Ф.Ф.Вадковского вопроса об истреблении «святейших особ августейшей императорской фамилии во время бала в Белом зале Зимнего дворца и о провозглашении республики».⁵

Осудили С.И.Кривцова по 7-му разряду (всех «преступников» по степени вины разделили на разряды) к 4-м годам каторги с последующим пожизненным поселением в Сибири. Срок каторги по конфирмации (утверждая приговор Следственной комиссии, Николай I смягчил наказание всем осужденным) был сокращен до 2-х лет, а по коронационному помилованию — до 1-го года. От более серьезного наказания его, видимо, спасло то, что с 25 октября 1825 г. он находился в трехмесячном «домовом» отпуске у матери Веры Ивановны (урожденной Карповой) в селе Тимофеевском Болховского уезда Орловской губ., а потом гостил у брата-губернатора в Воронеже, и поэтому не участвовал в известных событиях на Сенатской площади. Спасло его и то, что на допросах он избрал верную тактику. На вопросы членов Следственной комиссии отвечал прямо и смело, доказывал несерьезность как самого движения, так и незначительное свое в нем участие. Сохранилась одна фраза, ставшая крылатой, будто бы сказанная им на одном из допросов: «Мне даже смешно казалось, что три или четыре прапорщика без имени, весу и дарований мыслят поколебать столетием основанную империю».⁶

Иконография С.И.Кривцова крайне бедна. До нашего времени дошло всего два его изображения. Одно из них — акварельный портрет, написанный художником-декабристом Николаем Бестужевым в Читинском остроге, хорошо известный по многочисленным публикациям.⁷

В начале 1828 г. закованный в кандалы художник приступил к созданию погрудных портретов своих товарищей по заключению. Кривцовский портрет был в числе первых работ, выполненных Бестужевым в Сибири, и оказался одним из лучших. Художнику удалось создать образ молодого бунтаря с открытым лицом, черными кудрявыми волосами, плечистого, крепко и ладно «скоренного», которого не сломали ни одиночная камера Петропавловской крепости, ни год каторжных работ.

Когда смотришь на бестужевскую работу, вспоминаются слова декабриста А.Е.Розена: «В первоначальном маленьком кругу нашем развлекали нас шахматы и песни С.И.Кривцова, питомца Песталоцци и Фелленберга; который бывало запоем “Я вокруг бочки хожу”, — то Ентальцев в восторге восклицает: “Кто поверит, что он в кандалах и в остроге”».⁸

Второе изображение С.И.Кривцова — это погрудная фотография, выполненная в 1860-е гг. И.Пекарским. Она хранится в фондах Государственного Эрмитажа в альбоме, заполненном исключительно фотопортретами декабристов. На его крышке выгеснена памятная дата: «14.XII.1825». Кому принадлежал этот уникальный альбом — неизвестно.⁹

Теперь к этим двум изображениям можно добавить третье. В фонде документальной фотографии Всероссийского музея А.С.Пушкина хранится небольшой фотопортрет Сергея Ивановича Кривцова, сделанный в Петербурге выдающимся русским фотографом Вильмом (Василием Андреевичем) Карриком (1827—1878).

На фотографии С.И.Кривцов запечатлен в кресле, поколенно, на нейтральном, светлом фоне, в темном сюртуке и жилете, в белой рубашке со стоячим воротником. На паспарту внизу марка ателье: «В.Каррик. Малая Морская, 19».¹⁰

Сравнивая бестужевский портрет и фотографию Каррика, видим, что жизненные невзгоды — каторга и Сибирь, служба рядовым на Кавказе и дальнейшая жизнь под надзором полиции — не ожесточили и не сломали декабриста. Он постарел и пополнил, его усы обвисли и поседели, волосы перестали виться и побелели, но взгляд из-под нависших бровей по-прежнему прям и мудр. Перед нами сильный человек, полный внутреннего достоинства.

После ареста в 1826 г. и ссылки в Сибирь родственники считали, что Сергей Иванович потерян для семьи. Жизнь рассудила иначе.

Живя в Сибири на поселении в Туруханске, затем в Минусинске, Сергей Иванович часто думал о матери, братьях и сестрах, тосковал о них. Родные ему помогали, посылали с оказией письма, деньги, отправляли посылки с продуктами и вещами. Незамужняя сестра Анна даже хотела поехать к нему, чтобы облегчить бытовую сторону жизни, но Сергей Иванович после долгих колебаний отклонил это заманчивое для него предложение.

Время в ссылке шло медленно, особенно зимой, когда день короток, а ночь длинна. Его все сильнее тянуло домой. Туда был только один путь — служба рядовым на Кавказе в действующей армии, участие в боевых дей-

ствиях против горцев. Далее следовало производство «за отличие» в офицеры и, наконец, если не убьет «злая» пуля, отставка с правом жить в своем имении. Кривцов прошел весь этот нелегкий путь.

С 1831 г. он «тянул лямку» солдата в 44-м егерском полку, входящем в Кавказский корпус. Будучи артиллеристом и желая служить по «специальности», после долгих просьб матери Кривцов был переведен в 20-ю артиллерийскую бригаду. За храбрость, проявленную в боях (однажды под ним убили лошадь, в другой раз он необычайно метко стрелял из легкого орудия), его наградили знаком отличия Военного ордена — солдатским Георгием, освобождавшим рядового от телесных наказаний.

Осенью 1837 г. в Ставрополе С.И.Кривцов познакомился с М.Ю.Лермонтовым. Н.М.Сатин, соученик обоих по Московскому университетскому благородному пансиону, вспоминал: «По окончании курса вод (в Пятигорске.— Ю.Е.) я переехал в Ставрополь. <...> Постоянно посещали нас (кружок молодежи, состоящий из офицеров Генерального штаба и Лермонтова.— Ю.Е.) еще два солдата декабристы: Сергей Кривцов и Валериан Голицын».¹¹ Один из сослуживцев Сергея Ивановича по Кавказу характеризовал его как «умного в разговорах, приятного в обществе и храброго в деле». С таким человеком Михаилу Юрьевичу Лермонтову было, о чем поговорить.

15 ноября 1837 г. С.И.Кривцов с товарищами праздновал свое производство в офицеры. Но еще долгих два года продолжалась его боевая служба, пока в 1839 г. состоялась отставка.

Распрощавшись с однополчанами, Сергей Иванович поехал домой. Как долог был этот путь, как хотелось скорей увидеть мать, брата и сестер. Наконец, после 14-летней разлуки он оказался дома в селе Тимофеевском в объятиях родных.

Н.И.Кривцов писал брату Павлу: «Сергей здоров физически и духовно — таково общее и главное впечатление. Прожив десять лет вне Европы, он тем не менее вполне осведомлен обо всем, что совершилось в ней за это время: создания новейшей литературы, успехи цивилизации, словом, все завоевания века ему знакомы и близки, и вернувшись в общество, он внешне будет на одном уровне со всеми, а по существу будет и выше общего уровня, благодаря размышлениям».¹²

Однако судьба не сулила ему спокойной жизни. В 1843 г. умирает старший брат, а через год скоропостижно скончался и младший. На руках Сергея Ивановича, находящегося под надзором полиции, оказалась старая мать и осиротевшие племянники, которым он заменил отца. Только в 1856 г., в день коронации императора Александра II, с С.И.Кривцова сняли полицейский надзор, вернули потомственное дворянство и право жить в обеих столицах.

Став полностью свободным человеком, Сергей Иванович в 1857 г. женился на дочери орловского губернатора Сафоновича Анне Валериановне. Жениху было 55 лет, невесте — 20. Невольно вспоминается картина В.В.Пукирева «Неравный брак» из собрания Третьяковской галереи. В отличие от «героя» этого полотна, Сергей Иванович не был ни богат, ни знатен, не занимал высоких государственных постов. Скорее всего ореол «мученика», «невинно пострадавшего» и высокие человеческие качества привели Анну Валериановну под венец с немолодым уже человеком.

Через три года Сергей Иванович с женой поехал в путешествие по Западной Европе. Он вел переписку с друзьями, из которой можно установить дату съемки в ателье Каррика. 12 июня 1860 г. Кривцов писал своему приятелю А.М.Устинову: «Вы не можете себе представить, как велико мое желание вернуться к себе домой. Я задержусь на два или три дня в Берне. Таким образом 30-го (июня.— Ю.Е.) я надеюсь прибыть в Санкт-Петербург». ¹³

Спустя 35 лет Сергей Иванович снова вступил на берега Невы. С волнением ходил он по знакомым улицам, узнавал и не узнавал их. Здесь прошли его молодые годы, здесь он мечтал с товарищами, будущими декабристами, о «свободе, равенстве и братстве». Петербург с тех пор сильно изменился. Появились новые здания, прекрасные дворцы, открылись роскошные магазины и рестораны. Многого надо было увидеть, когда-то еще удастся побывать в столице!

Прежде всего супруги Кривцовы пошли посмотреть новый, освященный 30 мая 1858 г., Исаакиевский собор — самый большой петербургский храм. Его золоченый купол они видели в Финском заливе, подплывая к городу. Храм поразил их своими размерами и восхитил красотой. Лучшие художники, скульпторы, мозаичисты, каменотесы работали над украшением Исаакия. Помолвившись и выйдя из храма на площадь, мощеную булыжником, Сергей Иванович с женой повернули на Малую Морскую улицу, чтобы пройти к Невскому проспекту. Там, на главной петербургской улице, находились самые модные магазины, которые хотела посетить супруга Сергея Ивановича.

Еще в первую прогулку по городу Кривцов обратил внимание на яркие, броские рекламные объявления, приглашающие «высокопочтенную публику» посетить ателье светописи, недолго посидеть перед съемочным аппаратом и получить недорогие фотографические карточки «отличного достоинства с ручательством за совершенное сходство». Светописью тогда называли новый вид искусства — фотографию, а фотографические кабинеты именовали «ателье светописи». На Невском пр. и прилегающих к нему улицах появились десятки подобных заведений.

На Малой Морской улице на фасаде дома № 19 супруги Кривцовы обратили внимание на стеклянную витрину с фотографическими портретами. Несмотря на долгое позирование (более одной минуты), люди на карточках выглядели естественно — видно, в этом ателье работал талантливый фотограф. Рекламная надпись приглашала всех желающих подняться на третий этаж и сняться в ателье В.Каррика.

Вильям Каррик был сыном «великобританского подданного», лесоторговца Александра Каррика. Представляя одну из английских торговых фирм, он постоянно жил в России — сперва в Кронштадте, потом в Петербурге. Когда А.Каррику настало время обзавестись семьей, он поехал на родину в Шотландию и там выбрал себе суженую. Вильям родился 31 декабря 1827 г. в Эдинбурге и в полугодовом возрасте был привезен родителями в Россию, которая стала его второй родиной. Здесь он вырос, ходил в частную школу на Васильевском острове. По настоянию родителей, мечтавших, чтобы сын получил «доходную» специальность, Вильям поступил в Петербургскую Академию Художеств на архитектурное отделение. Академию он окончил «с пра-

вом самостоятельно строить здания», но, как писал в письме к матери, «не имел к этому ни малейшей охоты».

Вскоре Каррик увлекся фотографией, поехал в Шотландию и получил там профессиональные навыки у известного фотографа Тунни. Вернувшись в Петербург, в 1859 г. он открыл свое первое ателье светописи на Малой Морской улице недалеко от Исаакиевского собора.

В те годы наибольшую трудность при фотосъемке представляло отсутствие искусственного освещения. Приходилось довольствоваться дневным светом. В пасмурные дни петербургские фотографы неделями сидели без работы, а значит, и без денег. Фотоателье специально устраивали на последних этажах в комнатах со стеклянным потолком, чтобы «поймать» солнечные лучи. В.Каррик в письмах к родным в Англию так и называл свою съемочную комнату — «стеклянной». Посетители независимо от чина и звания поднимались пешком на верхний этаж.

В письме к матери зимой 1863—1864 г. Вильям Каррик писал: «Князья, княгини, графы и графини, генералы, полковники, капралы и их дамы, включая лакеев, горничных, судомоек — все приходили к нашей мансарде и сидели в очереди, чтобы получить свои фотографии».

Пришел первым — обслужен первым, со всеми я одинаково любезен и стараюсь делать все, чтобы угодить им. Дни сейчас стоят великолепные, и процесс позирования и фотографирования проходит очень приятно...».¹⁴

С.И.Кривцов прибыл в Петербург в середине лета, когда в столице чаще всего светило солнце. Качество кривцовской фотографии свидетельствует, что фотографу и посетителю повезло с солнечным светом. Сергей Иванович заказал небольшие фотографии размером с визитную карточку. Они стали входить в моду среди петербуржцев с 1857 г. Визитные фотографии изготавливались в ателье десятками. Десять визитных карточек стоили около 5-ти рублей. Их дарили родственникам, друзьям, знакомым. Визитные фотографии хранили в специальных альбомах, которые были почти в каждом доме.

Побывать еще раз в Петербурге С.И.Кривцову не пришлось. Старость и болезни, нажитые в Сибири, давали о себе знать. Последние годы декабрист почти безвыездно провел в своем имении. Сергей Иванович успел потрудиться на ниве освобождения крестьян от крепостной зависимости. В 1861 г. собрание представителей дворянства Орловской губернии, оценив его личные качества, справедливость, беспристрастность и знание крестьянского быта, выбрало Кривцова членом «губернского по крестьянским делам присутствия».

«В этой должности, — вспоминал современник, — он не позволял себе никаких мнений против строгой справедливости».¹⁵ Эта словесная характеристика совпадает с образом старого декабриста, запечатленного на фотографии Вильяма Каррика.

Таким образом, визитный фотопортрет С.И.Кривцова, хранящийся в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина, можно датировать июлем 1860 г. Через несколько лет — 5 мая 1864 г. — Сергея Ивановича не стало.

Кто только не сидел перед камерой петербургского фотографа Вильяма Каррика! Ему довелось снимать Д.И.Менделеева, В.М.Гаршина, Н.А.Некрасова, венгерского художника Михая Зичи, работавшего при дворе импе-

ратора Александра II. Теперь к этим известным в русской культуре именам следует добавить декабриста Сергея Ивановича Кривцова, пушкинского современника.

¹ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 214—215.

² Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914. С. 265.

³ Декабристы: Биографич. справочник. М., 1988. С. 90—91.

⁴ Катанов В. Друзья на всю жизнь. Тула, 1975. С. 96.

⁵ Восстание декабристов. Документы. Т. 14. М., 1976. С. 378.

⁶ Гершензон М. Указ. соч. С. 144.

⁷ Бестужев Н.А. Портрет С.И.Кривцова. Бум., акв. 1828 г. ГМИИ им. А.С.Пушкина. Музей личных коллекций. Собрание И.С.Зильберштейна. О портрете см.: Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 131. Авторское повторение портрета, присланное в августе 1828 г. А.Г.Муравьевой матери декабриста В.И.Кривцовой, до 1917 г. находилось в собрании Е.Н.Орловой в Москве. Ныне местонахождение неизвестно.

⁸ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 224—225.

⁹ Декабристы и Сибирь. М., 1988. Ил. 15; Принцева Г.А. Декабристы в изобразительном искусстве. М., 1990. С. 212. № 33.

¹⁰ Фотограф В.Каррик. Портрет декабриста С.И.Кривцова. Кар., бум. 10,0 x 6,0. Июль 1860 г. С.-Петербург. Собрание Всероссийского музея А.С.Пушкина. КП-21934. Поступил в 1969 г. от Н.А.Дамье.

¹¹ Сатин Н.М. Отрывки из воспоминаний//М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 252.

¹² Гершензон М. Указ. соч. С. 271.

¹³ Шилов К.В. Отголоски декабризма в жизни усадебного дворянства. К портрету Сергея Кривцова//Освободительное движение в России. Вып. 6. Саратов, 1977. С. 15—31.

¹⁴ Из письма В.Каррика (С.-Петербург, зима 1863—1864 гг.). Лондон. Семейный архив внучатой племянницы Каррика — Фелисити Эшби. Сообщено автору в 1980 г.

¹⁵ Русский Архив, 1896, № 10. С. 168.

Е.Н.Монахова

**«СТАРИННАЯ ПЕТРОВСКАЯ ПЕСНЯ»
(Иллюстрация Н.К.Рериха
к стихотворению Пушкина
«Пир Петра Первого» в собрании
Всероссийского музея А.С.Пушкина)**

«На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати белых парусах.

Тонким голосом пелась старинная петровская песня. А кто пел? Того не помню. Вернее всего, Марья Ильинична, старушка, “гаванская чиновница”, приходившая из Галерной гавани посидеть с больным, сказку сказать и о хозяйстве потолковать.

Так и жили на Васильевском острове, на набережной против Николаевского моста. Наискось было новое адмиралтейство. На спуск военных судов приходили крейсера и палили нам в окна. Весело гремели салюты и клубились белые облачка дыма».¹

Так описывает Рерих одно из сильнейших впечатлений детства, прошедшего в северной столице России, на берегу Невы с ее державным течением. Эта картина — парусники на реке, клубы пушечного дыма с палуб и так же пышно клубящиеся облака — запечатлена художником в виде фрагмента облупившейся по краям мозаики на открытке, выпущенной в свет в 1903 г. в Петербурге Общиной Святой Евгении. И маленькая эта композиция, оригинал которой хранится в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина, является, пожалуй, единственной известной на сегодня иллюстрацией Рериха к пушкинскому тексту, исключая многочисленные эскизы костюмов и декораций к спектаклям на сюжеты Пушкина.

Последние до сего времени были мало изучены в России. Выставка «Неизвестный Рерих» и приуроченная к ней конференция во Всероссийском музее А.С.Пушкина (1996) впервые восполнили этот пробел.

Театральные обращения Рериха к творчеству Пушкина — тема для отдельного исследования. В данной работе речь идет о немногих, по сути единичных упоминаниях имени великого поэта в литературном наследии Рериха и о чуть ли не единственном его обращении как художника к пушкинскому произведению — стихотворению «Пир Петра Первого» (1835).

Редкость упоминаний Пушкина в рериховских текстах не значит, разумеется, что он игнорировал пушкинское наследие и не понимал его значения. Немногие высказывания художника-мыслителя свидетельствуют, что без

Пушкина не существовали для него ни русский язык, который он сопоставлял с языком Гомера, ни русская культура.

В «Листах дневника», в разделе, названном «Русский язык», Рерих пишет: «Истинно, великому народу дан и великий язык. Звучен язык Вергилия и Овидия, но ведь не свободен он, ибо принадлежит прошлому. Певуч язык Гомера, но и он в пределах древности. Есть соревнователь у русского языка — санскрит праотец. Но на нем даже в Индии уже не говорят. А ведь русский язык жив. Он живет для будущего. Он может обогащаться всеми новыми достижениями и сохранять свою прелесть. Он не останется в пределах Пушкина, ведь слишком много вошло в жизнь и требует своего выражения. Тем более нужно подтвердить основную красоту русской речи. И для всех славянских народов русский язык останется кормилом».² Комментарии здесь излишни.

Для Рериха понятие родного языка неразрывно с именем создателя этого языка — Пушкина. Он беспокоится: «Но скажут ли достаточно в русских школах о красоте своего языка? Скучные правила пусть придут после, а сначала, от первого дня, пусть будет сказано о красоте русской речи, о богатстве, о вместимости, о подвижности и выразительности своего родного языка. Нужно знать иностранные языки. Чем больше, тем лучше. Познавая их, русский человек еще более утвердится в сознании, какой чудесный дар ему доверен».³

Все это относится и к пушкинскому слову.

Но Рерих говорит о «пределах Пушкина», понимая под этими словами прошлое. Для него, так же, как и для Пушкина, история явилась предметом постоянного, неослабевающего интереса и непрерывных размышлений. В этом, думается, и следует искать невидимую, но крепкую нить, связывающую мир Рериха с необъятной Вселенной пушкинского гения.

Хочется думать, что дальнейшие открытия покажут новые аспекты этой взаимосвязи, а пока перед нами лишь одно произведение, известное на сегодняшний день как прямое обращение Рериха к пушкинскому стиху. И знаменательно, что это также и обращение к теме Петербурга.

Эскиз, хранящийся во Всероссийском музее А.С.Пушкина, представляет собой рисунок в размер открытки — 9,3 x 14,9 см — в мозаичной манере белилами и свинцовым карандашом. На голубой воде Невы изображены парусный корабль с палящими пушками и следующая за ним лодка с гребцами. Слева виднеется часть другого корабля и помещен щит с гербами Российской империи.

Слева и внизу стилизованная надпись — текст Пушкина (в старой орфографии):

Над Невою резво вьются
флаги пестрые судов.

Посередине на изображении помещены инициалы художника: «Н.Р.».

Поступило это произведение (КП-26370) в собрание пушкинского музея в Санкт-Петербурге в составе большой коллекции С.Л.Маркова, наряду с первоклассными произведениями современников Рериха: А.П.Остроумовой-Лебедевой, П.А.Шиллинговского, К.А.Коровина и многих других блестящих художников, от вдовы коллекционера В.В.Кильгаст в 1981 г.

Известно, что этот рисунок упомянут в «Списке оригиналов, выставленных и находящихся для продажи в городском складе Общины Святой Евгении (С.-Петербург. Морская, 38)».⁴

Открытка по этому эскизу Н.К.Рериха была отпечатана и выпущена в свет в 1903 г.⁵ Она выглядит, как часть драгоценной мозаики на городской стене, либо в интерьере петербургского здания эпохи модерна. Время ее создания приходится на тот знаменательный период в биографии художника, когда он был директором Школы Императорского Общества Поощрения Художеств и когда его мастерская помещалась в здании школы, в самом центре Петербурга. Высокий стеклянный потолок рериховской мастерской виден и сейчас с той стороны исторического здания, которая выходит на наб. реки Мойки, в водах которой отражаются — на некотором расстоянии, прорезанном перспективой Невского проспекта — и окна последней пушкинской квартиры.

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 78.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 156.

⁴ Открытое письмо, 1905, № 7.

⁵ Забочень О., Бабинцев Н. Произведения Н.К.Рериха на открытках//Советский коллекционер, 1982, № 20.

Т.Р.Мазур

КОМНАТНЫЕ РАСТЕНИЯ В ЖИЛОМ ИНТЕРЬЕРЕ XIX в.

В настоящее время известно много научных работ, посвященных исследованию интерьера XIX в. К ним, безусловно, относятся книги И.А.Бартенева и В.Н.Баташковой «Русский интерьер XVIII—XIX веков» (Л., 1977), Э.Я.Логвинской «Интерьер русской живописи первой половины XIX века» (М., 1978), Т.М.Соколовой и К.А.Орловой «Глазами современников. Русский жилой интерьер первой трети XIX века» (Л., 1982) и др. В этих исследованиях отмечается, что в 30-е годы XIX в. намечается тенденция распада классического стиля в убранстве жилых помещений. «Первые признаки распада появились еще в 30-х годах; архитектура стала утрачивать чувство масштаба — самого тонкого и важного инструмента архитектуры <...> всех вдруг потянуло на “уют”, захотелось мягкой удобной мебели, захотелось расставлять ее, как вздумается, будто бы беспорядок выражал либерализм и свободомыслие», — писал Е.Николаев.¹

Как полагают исследователи, появление элементов готики, сокращение парадных комнат в домах состоятельных людей, наполнение комнат многочисленными, казалось бы, лишними предметами обстановки и быта, — характерные признаки квартир людей разного достатка в Москве, провинции и даже в светском, классическом Петербурге. Вот как описан один из московских домов в книге «Рассказы бабушки»: «Дом Герардовых был в свое время одним из лучших домов в Москве: в зале стены отделаны под мрамор, что считалось тогда редкостью <...> Она (Екатерина Сергеевна Герардова. — Т.М.) одна из первых отступила от общепринятого порядка в расстановке мебели: сделала в гостиной какие-то угловые диваны, наставила, где вздумалось, большие растения, а для себя устроила против среднего окна этамблисмент <...>: два диванчика, несколько кресел и круглый стол, всегда заваленный разными книгами».² В комнатах начинают появляться уютные «уголочки», предназначенные для отдыха как хозяев дома, так и гостей, застекленные ширмы, мягкие диваны, поставленные в неожиданных местах, множество изящных безделушек. Все это, в зависимости от вкуса хозяйки дома, начинало удивлять или восхищать современников.

В фондах различных музеев сохранились изображения интерьеров, относящихся к 30—50-м гг. XIX в., которые безусловно подтверждают наличие изменений в оформлении жилых интерьеров дворянских домов и квартир, снятых внаем.

Рассматривая и анализируя эти изображения, можно сделать вывод, что именно в это время в интерьере жилых помещений появляется еще одна особенность — обилие различных комнатных растений. «Во второй четверти XIX века особое значение в интерьерах приобретает зелень. Она входила активным элементом в убранство комнат. Ранее зелень вводилась в интерьеры, как правило, в зимних садах и в оранжереях. Сейчас она проникает в гостиные и жилые комнаты. Зелень образует или трельяжи — своеобразные зеленые изгороди, или же уподобляется кусам».³

Петербург XVIII в. действительно поражал обилием садов, оранжерей, теплиц, где выращивались экзотические растения и цветы. «<...> Петербург был царством садов, <...> это был тот город грядущего будущего, о котором в настоящее время ведутся одни разговоры <...>».⁴

В 30-е гг. XIX в. культура цветоводства начинает постепенно внедряться во внутреннее убранство жилых помещений. С этого времени все чаще в комнатах, а не в привычных жителям города зимних садах и оранжереях, появляются жардиньерки, увитые плющом, цветы на окнах, трельяжи, образующие красивую зеленую изгородь, пальмы, стоящие на полу в деревянных кадках. Комнатные растения постепенно становятся неотъемлемой частью интерьера от самой скромной квартиры чиновника до изысканных покоев светской дамы.

Говоря о развитии комнатного цветоводства, следует отметить, что труды по этой теме, относящиеся к 1-й трети XIX в., малочисленны. В 1805 г. в Москве появилась работа Василия Левшина «Садоводство полное, собранное из опытов и из лучших писателей о сем предмете, с приложением рисунков». В предисловии автор писал: «Не отрицаю, что в сем издании моем могут быть неполности, однако же весьма небольшие, и потому, что одному человеку совершенну быть и погрешностей избежать не можно. По крайней мере, издавая сию книгу, стоившую мне много времени и трудов, удовлетворяю я усердию моему к общественным и частным пользам моего Отечества <...>».⁵ И далее: «Всем, занимающимся чтением Хозяйственных книг, известно, что донныне еще недоставало на нашем языке особливой и полной книги о садоводстве. Хотя же таковых две или три было в прошедшее время напечатано, например: “Городской и деревенский садовник”, также “Словарь Ботанического и Хозяйственного садоводства” и прочее».⁶

Вслед за книгой Левшина стали появляться и другие работы на интересующую нас тему: «Комнатный садовник», пер. с франц. (М., 1827), Работа Павла Шварца «Краткое руководство к содержанию и разведению лучших кустов» (М., 1821) и т. д. Безусловно, эти книги не могли удовлетворить запросы читающей публики. Да и сами авторы часто считали себя как бы первооткрывателями темы. «Наша отечественная словесность как ни обогащена сочинениями всякого рода, но не имеет никакой книги, которая бы могла служить руководством по сему предмету», — отмечал П.Шварц.⁷

Знакомясь с содержанием книг, надо отметить, что практически все они посвящены подробному описанию существующих видов тепличных растений. Тот же Шварц отмечал: «Не берусь описывать все роды цветов, но опишу лучшие из них; опишу единственно те, которые у меня есть или были; или те, содержание которых мне совершенно известно <...>».⁸

Несмотря на это замечание, поражает огромное количество названий выращиваемых в Петербурге растений. В 1838 г. читателям был представлен «Список растений в заведении Российского общества любителей садоводства 1837»,⁹ который насчитывает более 120 видов тепличных растений, деревьев и кустарников. Этот список представляет для нас большую ценность, так как благодаря ему точно известно, какие же растения были популярны в 1830-е гг. среди жителей Петербурга и других городов России. Назовем лишь некоторые из них: алоэ, драцена, бегония, сансевиера, традесканция, жасмины, дынное дерево, агава и проч.

Значительное место в книгах уделяется вопросу ухода за растениями как в тепличных, так и в домашних условиях. Авторы подробно останавливаются на особенностях подкормки, пересадки, поливки. Подчеркивается, например, что «<...> В Петербурге для поливки растений мы имеем прекраснейшую воду из Невы, речек и каналов».¹⁰ В книге П.Шварца, изданной в 1827 г., рекомендуется разводить такие цветы, как гиацинты, нарциссы, тюльпаны, ландыши: «Содержание луковичных растений несравненно легче всех других цветов; почти все без исключения могут содержимы быть в комнатах и не требуют большого присмотра. <...> заслуживают предпочтительно быть разводимы всеми желающими зимой и летом цветы в комнатах, особенно живущим в городах».¹¹ Он же дает читателям в 1821 г., в частности, и такой практический совет: «<...> при поливке больших померанцевых деревьев должно соблюдать ту осторожность, чтобы поливать понемногу около краев горшка, а чтобы земля вокруг растений оставалась сухою».¹² Кстати, книга Шварца, вышедшая в 1821 г., пользовалась большой популярностью. В списках подписчиков на это издание среди многих фамилий мы встречаем имена П.Н.Бестужева-Рюмина, Н.Н. и А.Н.Муравьевых. Это свидетельствует о все возрастающем интересе к разведению тепличных растений в зимних садах и в домашних условиях.

Нельзя не отметить, что в некоторых книгах, посвященных цветоводству и вообще ведению домашнего хозяйства, роль женщины, хозяйки определяется как первостепенная. «Хозяйка должна быть знающей, дабы быть супругу не только советчицей, но и заменить его. Во всех делах быть искусной, прилежной и заботливой», — писал в 1813 г. Василий Левшин.¹³ И, наверное, именно женщина, следившая за модой и любившая цветы, пыталась создать в доме атмосферу уюта и уделяла внутреннему убранству комнат большое внимание.

Естественно, этим искусством будущая хозяйка дома училась овладевать еще в детстве. Известно письмо А.Н.Гончарова внуку Дмитрию, написанное в 1820 г.: «<...> Милой Ташеньке по просьбе ее семян разных цветов посылаю. Рад тому, что она охотница до цветов, так же, как и я. Хотя тем веселюсь, что будет кому со временем и за моими цветниками присмотреть».¹⁴ Можно предположить, что надежды Афанасия Николаевича оправдались и, спустя многие годы, став замужней женщиной, Н.Н.Пушкина не утратила былую любовь к разведению цветов.

Авторы книг уделяли внимание не только вопросу ухода за растениями, но и размещению их в комнатах. В книге «Комнатный садовник» (М., 1827) читателям дается практический совет: «Полки для цветов, сделанные одна выше другой, были бы обращены к полудню, к востоку и западу, а не на север. Растения высокие должны стоять на нижней полке, так, чтобы не

закрывали листья растений, стоявших на второй полке. За неимением же таких полок <...> можно растения расположить так, чтобы низкие стояли спереди, а повыше сзади <...>». ¹⁵ В публичных чтениях Г.П.Успенского «Содержание растений в комнатах» отмечается: «Самое лучшее — ставить растения на окна или перед окнами на подставки или корзинах». Там же рекомендуются для разведения в комнатах растения умеренных и умеренно-теплых (тропических) стран: Среднего Китая, Японии, северных берегов Африки и др. ¹⁶

С годами книг, посвященных цветоводству, становилось все больше и, естественно, все больше внимания уделялось размещению растений в жилых помещениях и специфике ухода за ними. Кроме предложенных полок, которые ставились у окон, выходящих «отнюдь не на север», растения предлагалось ставить на подоконники. Используя многолетний опыт своих предшественников, А.Архипов в журнале «Русское садоводство» писал: «Растения нужно расставлять в комнатах так, чтобы они не стесняли друг друга. <...> В помещениях, где находятся каменные подоконники, растения ставить на них зимою положительно вредно. <...> А потому советуем на такие подоконники ставить деревянные скамеечки или кружки, на которых помещать растения». ¹⁷ Другой автор (Смирновский) также пишет об этом: «На подоконниках растения могут быть помещаемы только в том случае, если в комнатах не висят на окнах тяжелые, сплошные драпировки; обыкновенно подоконники они делаются настолько узкими, что между занавесками и стеклами остается очень небольшое пространство, где крупные растения не могут быть помещены, и где зимой, кроме того, слишком понижается температура. Если же вместо сплошных занавесок пользоваться раздвижными или даже ламбрикенами, закрывающими только верхнюю часть окна, — на подоконниках можно поместить и довольно крупные растения». ¹⁸ Устанавливать горшки на подоконниках Смирновский рекомендует на деревянную подставку, которая предохраняет подоконник от порчи, а растения — от соприкосновения с холодным подоконником, так как именно от этого страдает большая часть выращиваемых в комнатах растений. Далее автор пишет о возможности помещения растений в подвесных вазах или на подвешенную с помощью кронштейнов широкую доску.

Конечно, растения размещались в комнатах не только на подоконниках. Рассматривая изображения цветов в жилых интерьерах, находим в комнатах различные подставки, трельяжи, жардиньерки. «Чаще других можно встретить круглые жардиньерки, с подставками в несколько этажей, — пишет Смирновский. — Конечно, такие жардиньерки красивы, но растения, расположенные в части их, обращенной в комнату, страдают от недостатка света <...>. Поэтому, круглыми жардиньерками можно пользоваться почти исключительно для временного украшения комнат, а для постоянного размещения растений более пригодны продолговатые жардиньерки, <...> ширина которых сообразна с величиной растения, а длина приблизительно равна длине подоконника. <...> Высоких жардиньерок я не советовал бы делать, потому что в них на стенках горшком образуется легко плесень». ¹⁹

Далее автор останавливается на других декоративных подставках, распространенных для размещения комнатных растений: «Кроме жардиньерок для помещения растений пользуются разнообразными столиками; горшки

растений при этом помещают в более или менее изящные вазы. Я считаю, что вазы, в которых горшок растения помещается весь, далеко не способствуют развитию растения: между стенками вазы и горшком сосредотачивается затхлый, пропитанный плесенью воздух, который едва ли может способствовать благосостоянию наших питомцев. Поэтому надежнее помещать растения в низкие вазы или же совершенно без них». ²⁰ Какую же посуду следует считать наиболее пригодной для разведения цветов дома? «Для больших растений деревянная считается лучшей, как не бьющаяся, и в силу того еще обстоятельства, что стенки ее не так скоро нагреваются или охлаждаются. <...> Больше же всего расходуется глиняной посуды <...>. Фарфоровая и металлическая посуда, как самостоятельная, не годится, <...> вследствие закупоренности пор. <...> Глиняные горшки, покрытые глазурью, надо признать совершенно не пригодными». ²¹

В книгах также подробно описываются приспособления, которые позволяют создавать для выращивания растений в комнатах благоприятный температурно-влажностный режим. «Главное, на что следует обратить внимание при комнатной культуре растений, это — чрезмерная сухость воздуха: накаливаемые печи слишком высушивают воздух, и это вредно отзывается на растениях. <...> Лучшими в этом смысле печами являются голландские, изразцовые печи, во-первых, потому, что они равномерно нагревают воздух и отлично вентилируют его во время топки <...>» ²² Для устранения сухости воздуха рекомендуется создание специальных приспособлений: «<...> во всю ширину подоконника или доски, укрепленной перед окном, ставится цинковый ящик, ширина и длина которого соответствует величине подоконника, а высота равна 1—1½ вершкам. Ящик этот наполняется песком, который время от времени, по мере высыхания, поливается и увлажняет воздух. Подобное нехитрое приспособление позволяет выращивать в комнатах довольно прихотливые растения <...>». ²³

Естественно, уделяют внимание авторы и приобретению комнатных растений. Смирновский пишет: «Растения следует приобретать только в добросовестных, вполне зарекомендовавших себя садоводствах. Ни в коем случае не следует брать растений в цветочных магазинах, где растения стоят, главным образом, для декораций, а на них владельцы не обращают почти никакого внимания. Лучшее время для приобретения растений — начало лета». ²⁴

Итак, можно сказать, что к концу XIX в. читатели уже имели достаточно книг по комнатному цветоводству. Но несмотря на это, в докладе, сделанном от имени правления и прозвучавшем на Общем собрании Императорского Российского общества садоводства 26 апреля 1897 г., отмечалось: «Учебники и руководства наши или переводы иностранных работ, или компиляции из них. Среди пишущих садоводо-практиков — замечается, можно сказать, полное подражание западноевропейским образцам и рецептам, и только очень немногие лица с течением времени освобождаются от рутинных взглядов и примеряются к разным местным условиям». ²⁵

Безусловно, подражание западноевропейской моде оказало свое влияние на содержание известных книг по садоводству, изданных в России. Тем важнее являются работы художников, дающие прекрасную возможность как бы проиллюстрировать имеющиеся сведения об интересующих нас изменениях в жилом интерьере Петербурга, Москвы и других российских городов. Мы

можем увидеть, как выглядели трельяжи, увитые плющом, и цветочные горшки, стоящие на полу или на специальных подставках (Неизвестный художник. Гостиная в доме Юсуповых в Петербурге, 1832), как расставляли цветочные горшки в вазы (Кольман К. Гостиная в доме Юсуповых в Петербурге, 1833), как цветы могли размещаться на окнах (Толстой Ф.П. <?> В комнате за шитьем, 1-я четверть XIX в.; Зеленцов К.А. В комнатах, конец 1820-х гг.; Неизвестный художник. Гостиная в доме графов Рибопьер в Петербурге, 1830-е гг.).

В этой работе мы лишь коснулись одной, на наш взгляд, очень характерной особенности русского жилого интерьера XIX в.— введения в убранство комнат разнообразных живых растений, которые, безусловно, создавали в квартирах атмосферу уюта и теплоты.

¹ Николаев Е. Судьба классического интерьера//Декоративное искусство СССР, 1968, № 2. С. 27

² Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. Л., 1989. С. 317 (Лит. памятники)

³ Бартев И.А., Баташкова В.Н. Русский интерьер XVIII—XIX веков. Л., 1977. С. 103.

⁴ Старый Петербург. Садоводство и цветоводство в Петербурге в XVIII веке. СПб., 1913.

⁵ Левшин В. Садоводство полное, собранное из опытов и из лучших писателей о сем предмете, с приложением рисунков. М., 1805. С. 2.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Шварц П. Краткое руководство к содержанию и разведению лучших кустов. М., 1821. С. IV.

⁸ Там же. С. VI.

⁹ Список растений в заведении Российского общества любителей садоводства 1837. М., 1838.

¹⁰ Успенский Г.П. Содержание растений в комнатах. Публичные чтения. СПб., 1878. С. 5.

¹¹ Шварц П. Полное и подробное наставление о содержании и размножении всех известных цветочных луковиц. М., 1827. С. 3.

¹² Шварц П. Краткое руководство... С. 13

¹³ Левшин В. Полная хозяйственная книга. Т. 1. М., 1813. С. 191

¹⁴ Ободовская И., Дементьева М. Наталья Николаевна Пушкина. М., 1985. С. 37.

¹⁵ Комнатный садовник, или Наставление разводить разные растения, цветы и деревья в саду, цветнике, балконе, и особливо в комнатах на окнах. Пер. с франц. М., 1827. С. 21

¹⁶ Успенский Г.П. Указ. соч. С. 6.

¹⁷ Архипов А.//Русское садоводство, 1883, № 9. С. 2.

¹⁸ Смирновский. Комнатное садоводство. Практическое руководство для любителей комнатных растений (по М.Гесдерферу и др.). СПб., 1908. С. 6

¹⁹ Там же. С. 5.

²⁰ Там же.

²¹ Богданов М.//Вестник Императорского Российского общества садоводства, 1893. Дек. С. 560.

²² Смирновский. Указ. соч. С. 47.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Там же. С. 48.

²⁵ Свод русской литературы по технике садоводства/Под ред. И.И.Мещерского. Т. 1. СПб., 1900.

Т.К.Санасарян

**ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ
ВСЕСОЮЗНОГО МУЗЕЯ
А.С.ПУШКИНА**

(Итоги и перспективы. Анализ образно-семантической структуры. Тематическое обоснование и маршрут новой экспозиции в доме Волконских)

Любая реэкспозиция литературного музея в городе Пушкине не только не отменяет, но неукоснительно сохраняет все основные принципы, положенные в ее основу (разработанные в 1964 г. зав. отделом экспозиции С.С.Ланда). Эти принципы:

- подлинность всех экспонатов;
- их современность пушкинской эпохе;
- создание историко-литературного и мемориального *контекста* в экспозиции (изображение-портрет, пейзаж, лубок, рукопись, документ, книга, реликвия, предмет быта, мебель и т. п.);
- широкий, сквозной показ рукописей как наглядный образ писательского труда, творческого процесса.

Все это призвано раскрыть содержание, идею музея: Пушкин и Россия. Сквозные сюжеты экспозиции вскрывают параллельность отдельной человеческой судьбы и исторических судеб народа; Отечественная война 1812 г., крестьянская война Пугачева, создание тайных политических обществ, пик дворянской революционности 14 декабря 1825 г., европейские революции 1-й четверти XIX в.— все это не случайные фрагменты в музее о величайшем русском поэте, а взаимно-пересекающиеся, развивающиеся сюжеты.

Пятнадцатилетний опыт существования литературного музея в здании Церковного флигеля Екатерининского дворца (за это время он принял 1 миллион 200 тысяч посетителей) диктует необходимость подвести определенные теоретические итоги. Необходимо закрепить на будущее и проанализировать музей как целостную образную систему, построенную по определенным законам художественного зрелища.

Эта образная система имеет свои знаковые акценты, вокруг которых сосредоточены разнородные группы материалов.

Образы эти создаются определенными стилистическими приемами, соотнесенными со стилистикой пушкинской эпохи. Однако стилистика музейного образа отнюдь не равна стилизации. Стиль пластического решения улавливает в приметах времени лишь основное: стремление к ясной гармоничности всех частей, *непрерывность развития* музейного повествования в материале), стройность и четкость каждого отдельного приема, подчиненного в свою очередь системе. В техническом решении той или иной темы

сложность содержания не требует громоздкой конструкции, а только емкого и многозначного, но конструктивно-простого и легкопрочитаемого приема подачи музейного контекста.

Биография поэта в литературном музее как бы *проявлена его творчеством, прочитана через творчество*. Контекст экспонатов апеллирует к памяти и осведомленности посетителя. Зал «Евгений Онегин» строится по знаковой схеме ассоциативной памяти: эпоха самоиллюстрирует роман. Русская жизнь — столичная, уездная, крестьянская, литературная — явлена подлинными историко-культурными реалиями, с подчеркиванием в лицах современников их типологического, общего начала, и мысль об энциклопедическом значении романа не декларирована наглядной цитатой В.Г.Белинского, а возникает сама собою, воскрешая эту цитату в памяти посетителя.

Еще пример: зал «Пиковая дама» является материализованной иллюстрацией к тексту повести Пушкина. Кабинет старой графини, созданный усилиями экспозиционера и художника, переносит зрителя в соответствующую историческую эпоху, но экспонаты здесь — не реквизит, они обладают ароматом и чистотой исторических подлинников, а первое издание повести и «портрет прототипа» еще резче уточняют историко-культурное значение пушкинской прозы.

Экспозиция, как уже говорилось, развивалась по нескольким сюжетам. Но кроме явных, акцентированных, она насыщена еще и внутренними, скрытыми, на первый взгляд, связями. Так, *принцип параллельных биографий*, выраженный приемом сопоставления, отражает важнейшую идею экспозиции: Пушкин и его современники, Пушкин и декабристы.

Образ поэта строится как своеобразный эквивалент эпохи. Факты биографии, кроме буквального своего, личного смысла, обретают значение исторических и литературных вех, сопрягая искусство и судьбу поэта с историей и судьбой страны. Мы познаем Пушкина через эпоху, эпоху — через Пушкина. Это диалектика истории, но она отражена и экспозицией. Сквозные темы музея: Пушкин и народ; Пушкин и декабристы; Поэт и царь; Пушкин и современные ему литература и искусство, — развиваются в драматургическом единстве, параллельном, а не последовательном. Целостное решение темы не исключает простоты приема. Допустим, экспозиция показывает русский театр 1820-х гг. многозначно: как явление политической жизни, как явление общественное, как картину русской культуры на волне романтизма с его успехами в балете и драме, наконец, как дебют Пушкина на русской сцене... Прием прост. Зал строится как двойная экспозиция: сцена и партер. Выгородка «Сцена» несет весь контекст материалов по теме — искусство, выгородка «Партер» вводит зрителя в «театральные кресла» пушкинской поры. Здесь ходил по рукам портрет Лувеля с надписью «Урок царям», здесь создавались сценические и общественные репутации, отсюда ехали на собрания «Зеленой лампы» и к Е.И.Голицыной.

А.С.Грибоедов, А.А.Жандр, Н.И.Кривцов, А.А.Шаховской И.А.Крылов, С.П.Жихарев, А.С.Пушкин, А.Н.Оленин... За каждым этим именем, за каждым портретом — судьба, сложные литературно-общественные отношения.

По всему музею прослеживается *чередование «общих» и «частных» сюжетов*. Например, первый — вводный зал — посвящен обзору важнейших событий, предшествующих факту рождения Пушкина, а соседний, второй —

посвящен детству поэта в Москве, в доме отца. По архитектурному объему помещения эти комнаты равны, но благодаря пластическому приему первый кажется масштабней, крупнее второго. Во втором люстра, бархатная обивка стен, предметы мебели, семейные портреты как бы являются общественной метафорой человеческого детства с его уютом, радостным теплом и гармонией мироощущения. Известное равновесие достигнуто параллельными образами двух столиц — Москвы и Петербурга. При этом в обоих господствует розово-голубая гамма, соответствующая очарованности детского впечатления. Москва до пожара 1812 г. в торжественной и в то же время патриархальной тишине своего быта, Петербург — отрочески стройный, точно окрыленный дерзостными планами его строителей. Ритм экспозиции, ее контрапункт связан с законами человеческого восприятия, имеющего свои пороги, свою утомляемость, свою кульминацию. Поэтому значительным, центральным темам отводятся — естественно! — большие залы, ибо язык архитектурного пространства один из самых вычтенных для «прочтения», понимания музейного образа.

Мемориальный предмет организует все части экспозиции. Ему принадлежит первенствующее значение в ряду экспонатов. Он подается как смысловое ядро зала и подчас обрастает новыми значениями и оттенками, как бы укрупняя свою функциональную себестоимость. Так, пять щепок в черной коробке, подобранные Вяземским и Пушкиным в Петропавловской крепости в праздник Преполовения, воспринимаются как памятник верности поэта «товарищам братьям», изгнанникам и казненным.

Или другой пример: стол и кресло из кабинета Н.И.Тургенева организуют экспозицию зала «Северное общество». Выгородка, на которой размещены портреты декабристов, их рукописи, книги, проекты конституции, большая гравюра с видом на Инженерный замок — все эти предметы тяготеют к мемориальному центру и выстраиваются зрительно в подобие кабинета, того кабинета на Фонтанке, где, глядя в окно на «пустынный памятник тирана, забвению брошенный дворец», Пушкин обдумывал и писал оду «Вольность», где герои будущей 10-й главы «Онегина» спорили о республике и тираноубийстве.

В пустой темной комнате, посвященной болдинской осени 1830 г. — голый стол из чинарового дерева. На нем никакой бутафории. Это он, *тот* стол. На него облокачивался Пушкин, читал, писал. Это тоже памятник — памятник творческого труда.

Документ ведет исследователя к теоретическому выводу. Предмет материальной культуры, одушевленный принадлежностью к писателю, революционеру, художнику — ведет экспозиционера к выявлению скрытых в нем смысловых и эмоциональных связей и образов.

Именно в силу взаимосвязанности, взаимообусловленности всех экспонатов изъятие даже одного из них вызывает движение во всей цепи, перестраивает все отношения и акценты, а введение нового предмета вводит новые дополнительные оценки. Поэтому невозможно простое перемещение экспозиции из одного здания в другое. Подобное действие сопряжено с полным изменением *отношений* между темами, отдельными экспонатами и архитектурными объемами.

Таким образом, при строгом сохранении основных принципов прежней экспозиции, при том, что найденное членение сюжетов остается неизмен-

ным, при сохранении основных идейных акцентов, при иной группировке материалов, любая экспозиция в новых архитектурных условиях будет *новым* образом, *новой* зрелищной системой, *новым* выражением музейной идеи.

На первых этапах работы необходимо, поэтому, присутствие художника, ибо только совместная работа экспозиционера и художника оптимально решает задачи, предъявленные переездом в другое здание.

Изучив проектные чертежи 2—3-го этажей в доме Волконских, мы пришли к выводу, что заманчиво разместить литературный музей в обоих, заняв и на 3-м этаже половину помещений, но, возможно, целесообразнее остановиться только на одном — 2-м этаже. Это лишает нас ок. 300 кв. метров, остается ок. 610 кв. метров, но зато экспозиция обретает стройность и цельность. Правда, в Церковном флигеле ок. 1000 кв. метров, и потери в площади станут весьма ощутимыми, что повлечет за собой отказ от отдельных тем во имя емкости и четкости их членения. Тем не менее, предлагается маршрут, рассчитанный на полтора этажа, как оптимальный.

При условии, что музей будет иметь отдельный вход со двора (в левом флигеле, в углу, если стать лицом к Бироновым конюшням), его экспозиции принципиально не должны объединяться с мемориальной квартирой, не служить ни началом мемориального музея, ни дополнением к нему. У этих музейных организмов все разное — и цели, и принципы построения экспозиции, и маршрут, и эмоциональный строй, и характер экскурсии.

Экспозиция литературного музея «Пушкин. Личость и творчество» строится как монографическое повествование о судьбе поэта, судьбе его поколения — о России 1-й трети XIX в. При этом творчество Пушкина и мемуары его современников являются основой, почвой экспозиции. Однако *прочтение* исторических документов, мемуаров и наследия Пушкина *определяется современным состоянием исторической и литературоведческой науки*, ее поисками и законами, остротой нерешенных проблем. Тут музей подчас находит первое и вполне обоснованное решение не только в пластическом, но и в историко-научном плане. Так произошло в экспозиции зала «Сказки Пушкина», где сознательный отказ от прикладного иллюстрирования и поиск изобразительного решения привел к обнаружению в массе народного лубка XVIII в. (собрание В.И. Даля и М.П. Погодина) прямых источников пушкинских сюжетов. Тут и «жарты» (то есть неразрезанные лубочные книжки с гравюрами и текстом под ними, своеобразные «комиксы» XVIII в.), такие, как «Хозяин и работник» или «Сказание о Еруслане Лазаревиче», отдельные листы — «Славны богатырь Салтан Салтанович», «Королевич Гвидон», «Кот казанский — ум астраханский».

Именное заимствование образов раскрывает их семантику в народном сознании: «Салтан» — это султан турецкий, а по своей политической антипетровской тенденции — Мазепа, и лежащие у его ног порубленные казаки явно напоминают самого Петра I. Пушкин в корне меняет семантику образа, образ царя Салтана лишь отдаленно сохраняет тень троеженства (три сестры хотят быть царицами, и каждой воздается ее любимая функция). Это вполне славянский владыка, справедливый, хотя и воинственный, добрый, хотя и вспыльчивый («в гневе он начал он чудесить и гонца хотел пове-

силь»). На стыке метаморфозы лубка в пушкинскую сказку и строится музейный образец.

За 15 лет существования литературного музея в науке получили дальнейшее углубленное исследование темы «Пушкин — историк Пугачевского движения», «Пушкин над страницами истории своего рода, своей родины» Несомненно, обращение к этим сюжетам в новой экспозиции повлечет за собою включение целого пласта архивных документов, книг, портретов. Книги В.Овчинникова «Над пугачевскими страницами Пушкина» (1981), Н.Эйдельмана «Пушкин и декабристы» (1980), «Писатель и история» (1982), Н.К.Телетовой «Забутые родословные связи Пушкина» и др. дадут богатую почву для музейного поиска.

Прошли времена, когда музейная экспозиция была олицетворением герметичного мира старины, остановившегося мгновения истории. Современность напрямую вторгается в музейную тишину подлинностью исторического взгляда. Каково соотношение прошлого и настоящего, минувшего и сегодняшнего, как оно явлено в музейной экспозиции?

Острота этого вопроса очевидна. Наш музей, стоявший перед проблемой создания большой литературной экспозиции, посвященной величайшему из русских поэтов, должен был ответить на этот вопрос практикой и методологией своей работы.

Впервые в истории литературных музеев страны Всесоюзный музей А.С.Пушкина в решении образа литературной экспозиции поставил на должную высоту вопрос о культуре музейного первоисточника. Музей предложил качественно иную стилистику музея вообще.

В связи с этим необходимо остановиться еще на одной проблеме: нам представляется недопустимой практика копирования (для использования в экспозиции) тех материалов зрительного ряда, которыми музей не обладает, практика заемного, так сказать, использования чужих фондов. Тиражирование, клонирование экспоната ведет к инфляции подлинников. Музей тем и неповторим, что располагает уникальными первоисточниками культуры, в этом его достоинство и эмоциональная неповторимость.

Рядом с музейным подлинником *слову поэта* сообщается новое значение. Поэтому незаменима техническими средствами в музее личность экскурсовода. Он становится компонентом литературной экспозиции — не только информатором или комментатором давно отшумевших событий, ему доверено *главное средство воздействия — слово поэта*. Слову в музее тоже возвращена его себестоимость, его значение художественного оригинала. Здесь речь, беседа о поэте является составной частью экспозиции, она вскрывает заложенные в экспозиции смысловые связи и отношения. Самый сюжет экскурсии есть современное представление о прошедшем, связующее звено между поэтом и современным его читателем и почитателем.

Еще одна особенность экспозиции заключается в функциональном значении музея — как дома писателя, дома поэзии. Эта функциональность требует ввода в широкое, сквозное движение экспозиции *писательской рукописи, автографа*. И это единственный случай, когда копия допустима. Ибо рукопись писателя обретает новое значение: рукописи становятся *образом писательского труда*, явленным процессом творчества, мучительным и

счастливым. Писателя человек узнает по его книгам. Но глядя на его рукописи, он приобщается к таинству творчества.

Нам представляется, что все вышесказанное достаточно убедительно раскрывает понятие образно-семантического единства литературного музея. Только при таком подходе, на наш взгляд, литературная экспозиция перестает быть вспомогательной областью литературоведения — она становится самоценным явлением современной культуры. Книга являет нам результат писательского труда, музей — его источники, его истоки.

В связи с тем, что за истекшие 15 лет со дня открытия экспозиции в Церковном флигеле Екатерининского дворца в фонды музея поступило свыше 4 тысяч экспонатов, относящихся непосредственно к пушкинскому времени, нет сомнения, что при разработке нового литературно-тематического, а впоследствии экспозиционного планов, значительное число материалов будет учтено и включено в них. Целые гнезда материалов уже могут быть соотнесены с отдельными задачами.

Приобретение музеем детских миниатюрных портретов Н.И.Тургенева, Вяземских, Нащокиных и др. позволяют решить тему «Детство Пушкина» путем параллельного обращения к детству людей декабристского поколения: отцы и дети на грани веков, сеятели и сеянцы...

Приобретена целая группа материалов, относящихся к псковскому окружению Пушкина. Это живописные портреты семьи Пещуровых, миниатюрные портреты Яхонтовых, миниатюрный портрет Павла Исааковича Ганнибала и т. п.

После закрытия выставки «Первенцы свободы» из частных собраний были приобретены шкафы и стол декабриста В.П.Ивашева от Е.В.Черкезовой, из другой ветви ивашевского рода — Е.К.Решис и Е.Н.Александровой — пришли семейные портреты К.П.Ивашевой-Дедантю, ее шарф, цепочка из ее волос, портрет самого В.П.Ивашева (масло), его рисунки, документы семейного архива и т. п. Эти приобретения помогут в новой экспозиции создать, если позволит площадь, сибирский интерьер декабриста (на основе рисунков «Комната Ивашевых в Туринске» и «Камера декабриста в Петровском Заводе»).

Портреты И.М.Муравьева-Апостола (на обороте вмонтированы в медальон пряди волос его сыновей), Н.И.Тургенева (работы Эстеррейха), рисованные гербарии П.Брюсова (акварельный альбом сибирской флоры), берестяная шкатулка И.Д.Якушкина и проч. реликвии, наряду с вещами К.Ф.Рылеева и В.К.Кюхельбекера получают в экспозиции дома Волконских особый смысл.

Музей обогатился за эти годы редкими альбомами гравюр Д. де Мартре, литографированными альбомами Плюшара и А.Е.Мартынова. Обычаи, быт, этнография России 1794—1814 гг. отражены в листах гравюр альбомов Карнеева.

Исключительными по своей ценности были и книжные приобретения. Книги с владельческими и дарственными автографами включают такие раритеты, как надписи С.Л.Пушкина, В.А.Жуковского, А.Ф.Вельмана, Н.И.Тургенева и др.

Многое из разнообразного архивного фонда может быть включено в экспозицию. Это и документы архивов (Раль, Гончаровы, Ганнибалы), и исторические документы (Приказ о зачислении в полк дворянского недоросля, подорожные, кулинарные и медицинские рецепты и т. п.).

Пополнился и фонд рукописных сборников, содержащих известные, при жизни опубликованные, но в основном подцензурные стихи Пушкина, Рылеева, Мицкевича, Баратынского и др.

Такие отдельные портреты, как М.А.Яковлева — рисунок 1821 г., А.М.Колосовой (младшей) — холст, масло, займут свое место в темах, связанных с послелицейской жизнью Пушкина в Петербурге (1817—1820).

При изучении будущего экспозиционного помещения важнейшим моментом является установление маршрута экспозиции, ибо от логики маршрута в конечном счете зависит эффективность пластического решения, точность в акцентах экспозиционных тем, драматургия экскурсионного рассказа и, наконец, просто степень утомляемости посетителя.

Исходя из архитектурных особенностей дома № 12 по наб. р. Мойки, предлагается начать экспозицию с верхнего, 3-го этажа. В верхнем этаже она занимает 13 залов общей площадью 629 кв. метров, во 2-м этаже — 400 кв. метров; 156 кв. метров остается на этом этаже для экспозиции «Пушкин в русской культуре».

Залы верхнего этажа сюжетно обозначаются следующим образом:

1. Вводный зал (два окна во двор) — 17 кв. метров;
2. Детство. Москва — 20 кв. метров;
3. Петербург. 1811. Лицей. 1812 г. (два окна на Мойку, длинный, узкий зал) — 45 кв. метров;
4. Лицейское творчество (два окна на Мойку) — 23 кв. метра;
5. Знакомства в Царском Селе. «Арзамас» (два окна во двор) — 27 кв. метров;
6. Петербург. «Зеленая лампа». Театр (три окна во двор) — 36 кв. метров;
7. Петербург. Тайные общества. Дом Тургенева. Высылка. 1818—1820 годы (три окна на Мойку) — 35 кв. метров;
8. Крым. Раевские. Южные поэмы. Кишинев. Каменка. Греческое восстание (семь окон во двор) — 113 кв. метров;
9. Одесса. Онегин. Высылка на север (пять окон на Мойку) — 76 кв. метров;
10. Михайловское. Тригорское (пять окон на Мойку) — 60 кв. метров;
11. «Борис Годунов» (три окна во двор) — 21 кв. метр.

Экспозиция на этом этаже завершается темой «Восстание 14 декабря. Суд над декабристами».

12. Этот зал — 130 кв. метров (четыре окна на Мойку).

На 2-м этаже экспозиция имеет встречное движение — справа налево.

Аналогичный № 12 зал (130 кв. метров) посвящен возвращению Пушкина в Москву, его встрече с московским обществом и царем, следствию по делу «Андрея Шенье» и «Гавриилиаде». А.Мицкевич в Москве. Салон Волконской. Декабристки.

15. Декабристы в Сибири. «Путешествие в Арзрум» (пять окон на Мойку) — 60 кв. метров;
16. «Полтава». «Арап Петра Великого» (два окна во двор) — 21 кв. метр;
17. Женидьба. Болдино. «Евгений Онегин» (семь окон во двор) — 113 кв. метров;
18. Петербург. «Медный всадник» (пять окон на Мойку) — 72 кв. метра;
19. Пугачев (два окна на Мойку) — 20 кв. метров;
20. Петербург 1830-х гг. «Современник» (три окна на Мойку) — 37 кв. метров;
21. Пушкин — наш современник (завершает экспозицию и является переходом к следующей выставке; три окна во двор) — 36 кв. метров.

Некоторые залы велики по архитектурному объему, имеют много окон, но их экспозиционная площадь весьма невелика. Придется прибегнуть к членению пространства дополнительными перегородками и фанерными стенками, занавесами и т. п. Это задача для художника. Экспозиционер не предусматривает акценты. Так, переломным для поколения событием — восстанием 14 декабря 1825 г. — завершается целый этаж музея. Все залы, посвященные декабристам и Петербургу, располагаются по анфиладе вдоль фасада, окнами на Мойку, так, чтобы город выходил в экспозицию неким стилистическим элементом.

Последняя тема музея «“Современник” — ядро русской культуры» переключается со следующим залом: «Пушкин — наш современник». Тема дуэли и смерти опускается. Весь этот сюжет представлен в мемориальном музей-квартире на 1-м этаже. Нет нужды обращаться к нему в монографической экспозиции. Тема бессмертия поэта будет заявлена в зале «Пушкин — наш современник».

Работа заведующей экспозиционным отделом Всесоюзного музея А.С.Пушкина Татьяны Кузьминичны Санасарян (1937—1988) написана в 1981 г.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Г.М.Седова

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ ВИКОНТА Д'АРШИАКА И ДРУГИЕ НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЕГО БИОГРАФИИ

В фамильном архиве одного из современников Пушкина — барона Ф.А.Бюлера (Российский государственный архив древних актов. Ф. 186. Оп. 1) среди личных бумаг барона хранится неизвестный карандашный рисунок, имеющий подпись: «Le Vicomte d'Archiac». Подпись сделана рукой Бюлера. Вверху слева той же рукой и тем же карандашом проставлено: «1837».¹

Рисунок выполнен карандашом на 1/4 листа белой бумаги без водяных знаков. На нем изображен мужчина средних лет в профиль в полный рост. Он одет в светлый двубортный, слегка приталенный сюртук с небольшим отложным воротником более темного тона. Из-под расстегнутого сюртука виден короткий светлый жилет, застегнутый на мелкие пуговицы, расположенные в один ряд. Белая рубашка имеет высокий стоячий воротник (под горло), поверх которого повязан светлый галстук. Панталоны светлого тона слегка расклешены книзу и завершены стремешками, продетыми под каблук остроносых черных сапог. На голове у изображенного светлая фуражка с мягкой тульей, узким околышем и довольно крупным черным козырьком. Фуражка полностью прикрывает высокий лоб. Светлые волосы коротко пострижены, лицо обрамлено небольшой аккуратной бородкой.

Портрет находится в папке среди рисунков барона Ф.А.Бюлера. В основном, это его ученические работы на античные и библейские темы, а также несколько портретов современников, в которых автор пытался передать конкретные, индивидуальные черты. Но нигде, кроме указанного листа, нет имени изображенного.

Барон Ф.А.Бюлер — один из тех современников Пушкина, который побывал в траурные январские дни в доме поэта и в 1872 г. опубликовал свои воспоминания об этом.² Портрет одного из участников дуэли Пушкина — секунданта Дантеса виконта д'Аршиака — вполне мог оказаться в его архиве.

Проверить это предположение оказалось непросто. До настоящего времени пушкинистам не было известно ни одного изображения бывшего атташе французского посольства в Петербурге. Трудно было установить и возможное место встречи его с бароном Бюлером в 1837 г., поскольку биографические сведения об этом человеке, приведенные в литературе о Пушкине, оказались скудными и противоречивыми. Так, нет точного указания на дату

его рождения (дается, обычно, только год — 1811). По-разному трактуется время его кончины: в одних случаях — «не ранее 1847», в других — 1851 г. Нигде нет данных о его жизни после январских событий 1837 г., за исключением сообщения В.А.Соллогуба о его гибели на охоте.³

Самой большой трудностью оказалось выяснение полного имени виконта. Свои письма он подписывал кратко: «Le Vicomte d'Archiac». Так же называли его в своей переписке Пушкин и его современники. В материалах военного суда над участниками дуэли произошла путаница и с его титулом. Во время суда его именовали то виконтом д'Аршиаком (обычно при переводе на русский язык его писем), то «господином Д.Аршиаком» (главным образом — в показаниях К.К.Данзаса), но чаще всего — графом Даршиаком (XVI, 223—226).⁴ Биографы Пушкина также называют его «виконт д'Аршиак», либо просто «д'Аршиак». Изредка перед фамилией ставят инициал «О.» (например, в Полн. собр. соч. Пушкина при публикации его переписки за январь 1837 г.). В некоторых изданиях «О.» расшифровывается как начало имени «Огюст», что представляется чистым недоразумением, поскольку французское имя August начинается с буквы «А».⁵

Полное имя, приличествующее титулу виконта, — Лоран Арнольф Оливье Демье де Сен-Симон виконт д'Аршиак — находим только в «Записках виконта д'Аршиака» (известной литературной мистификации, сочиненной в 1929 г. Л.П.Гроссманом). Но среди пушкинистов это имя никогда не воспринималось как подлинное, поскольку автор «Записок» признавался, что зачастую «свободно» трактовал известные исторические сведения в целях оживления своего рассказа.⁶

Однако в одном из старинных справочников по истории дворянства французской провинции Пуату, изданном в 1905 г. в городе Пуатье, нам удалось отыскать некоторые сведения о бывшем атташе французского посольства и даже его полное имя: «Лоран Арнольф Оливье Демье, виконт д'Аршиак, родился 7 апреля 1811 г., секретарь (авторы справочника повысили виконта в чине — Г.С.) посольств в Санкт-Петербурге, Вене и Тегеране (миссия графа Серсея), кавалер Ордена Почетного легиона, женился в Париже 5 мая 1844 г. на Луизе Фелиции Етьен Жерар, дочери Мориса Етьена графа Жерара, маршала Франции, главы Ордена Почетного Легиона, и Луизы Розы Эдмеи Тимбрюн-Тембронн де Валенс. Умер 30 октября 1848 г., оставив после себя <сына> Жана Етьена Луи Мари Кириса».⁷

Итак, полное имя д'Аршиака — Лоран Арнольф Оливье Демье. Единственное слово, начинающееся в нем на букву «О.» — ~~Оливье~~ ^{Тимбрюн}. По-видимому, этим именем и называл себя сам виконт, согласно европейской традиции. Полное имя д'Аршиака практически совпадает с тем, которое дано ему в романе Гроссмана. Вероятно, в тех же целях «оживления» рассказа автор «Записок» присовокупил к фамилии виконта дополнительно «де Сен-Симон» — имя, которое носила другая ветвь рода д'Аршиаков.

При изучении материалов архива Министерства иностранных дел России и бывшего архива Министерства Императорского двора удалось установить, что многие факты биографии виконта д'Аршиака, которые ярко и убедительно описаны в романе Гроссмана, не совпадают с действительностью. Так, виконт прибыл в северную столицу не в составе миссии барона Проспера де Баранта, а спустя 4 месяца — в апреле 1836 г.

В архиве МИД (Архив внешней политики Российской империи) нам удалось обнаружить письмо барона П. де Баранта, отправленное к графу К.В.Нессельроде 29 апреля 1836 г. по европейскому стилю (что соответствовало 17 апреля ст. ст.). В нем говорилось: «<...> виконт д'Аршиак, атташе королевского посольства, только что прибыл в С.-Петербург и хотел бы иметь счастье быть представленным Их Императорским Величествам <...>». Через день вице-канцлер уведомил гофмейстера двора графа И.Воронцова-Дашкова о том, что «в будущий вторник 21-го сего месяца во время съезда к Высочайшему Двору особ дипломатического корпуса будет иметь счастье представиться государю императору новоприбывший (в других документах: «новоприбывшие». — Г.С.) сюда секретарь австрийского посольства барон Коллер и состоящий при французском посольстве виконт д'Аршиак».⁸

Представление состоялось не в кабинете Николая I «один на один», как описал это Гроссман, а во время пышного празднования тезоименинства императрицы Александры Федоровны и великой княжны Александры Николаевны. «Чужестранные министры» съехались в Зимний дворец к 12-ти часам дня. Через полчаса, по окончании литургии, они поздравляли высочайших именинниц в зале Петра Великого. «Между тем, — отметил придворный камер-фурьер, — их величествам представлен барон Коллер — секретарь австрийского посольства, виконт Аршиак (читается почти как «Аршиас». — Г.С.), состоящий при французском посольстве <...>». (Выражение «состоящий при посольстве» не означало в данном случае длительность пребывания чиновника на службе, а являлось распространенным в то время переводом на русский язык чина «атташе».) Великий князь Михаил Павлович вместе с великой княгиней Еленой Павловной приняли д'Аршиака вместе с прочими представляющимися иностранцами 26 апреля в 2 часа пополудни.⁹

С 21 апреля 1836 г. по 22 января 1837 г. имя виконта д'Аршиака встречаем во всех списках иностранных членов дипломатического корпуса, составленных Придворной конторой для рассылки пригласительных билетов на придворные мероприятия.¹⁰

Зимой 1836—1837 гг. А.И.Тургенев, прибывший в Петербург в конце ноября, постоянно упоминает имя д'Аршиака в своем дневнике. Они встречаются почти ежедневно, заходят друг к другу в гости, бывают в салонах общих знакомых. 21 января — накануне поединка Пушкина с Дантесом — д'Аршиак показал Тургеневу то самое письмо поэта от 17 ноября 1836 г., которое поставило точку в ноябрьской дуэльной истории.¹¹

Тогда атташе французского посольства оказался впервые вовлечен в эти события и, надо отметить, повел себя как подлинный дипломат. Он взялся за это дело 16 ноября. Тогда казалось, что переговоры между противниками зашли в тупик и речь может идти только о «материальной стороне дуэли». Добиваясь мирного разрешения конфликта, д'Аршиак сумел привлечь на свою сторону и секунданта Пушкина. (Известны слова поэта, сказанные с досадой В.А.Соллогубу: «Вы были более секундантом Дантеса, чем моим».) План действий был продуман накануне, когда, по словам Соллогуба, д'Аршиак «всю ночь не спал». Дантесу была отведена роль пассивного наблюдателя. Когда секундант поэта попытался переговорить с ним о чем-то, тот «ссылался во всем на д'Аршиака».

То, чего не могли добиться барон Геккерн и В.А.Жуковский в течение почти двух недель, удалось совершить за один день: Пушкин согласился (и подтвердил это письменно) взять свой вызов обратно. Жуковский в своих конспективных записях связал появление этого письма с действиями одного из секундантов: «Письмо Дантеса Пушкину и его бешенство. Снова дуэль. *Секундант* (курсив наш. — Г.С.). Письмо Пушкина».¹²

Именно это письмо извлек виконт 21 января 1837 г. из своего архива, чтобы показать Тургеневу. Последний зашел в тот день к д'Аршиаку, чтобы передать свои письма для их отправки в Париж с дипломатической почтой. Вместе они позавтракали, и разговор зашел о Пушкине, его семейных делах. Возможно, речь шла и о недавней свадьбе Дантеса, а также мотивах его ноябрьского сватовства.

Но почему именно теперь атташе французского посольства решился продемонстрировать перед одним из друзей поэта документ двухмесячной давности, полученный ценой невероятных усилий? Молодой дипломат не мог не почувствовать, что в отношениях между поэтом и его новоиспеченным шурином стремительно назревает новый конфликт. Вероятно, в этой «предгрозовой» ситуации д'Аршиак рассчитывал заручиться поддержкой Тургенева. Человек рассудительный, уравновешенный, не склонный к аффектации, последний, судя по его дневниковым записям, действительно пытался определить в те дни, что же происходило с Пушкиным. Это особенно благожелательное отношение к поэту существенно отличало его от большинства людей пушкинского круга.

То, что предвидел виконт д'Аршиак, беседуя с Тургеневым, произошло вечером 24 января на балу у графа И.И.Воронцова-Дашкова: поведение Дантеса, по словам ряда очевидцев, переполнило «чашу терпения» поэта. Этот бал оказался и последним придворным собранием, на которое д'Аршиак был приглашен зимой 1837 г.

В новой дуэльной ситуации виконт попытался воспользоваться своей прежней тактикой: примирить противников, воздействуя на Пушкина через его секунданта. Но поэт предугадал этот ход. Несмотря на настойчивые требования д'Аршиака о свидании секундантов, он делал все возможное, чтобы сократить срок их общения до минимума.

Вечером 26 января на балу у графини М.Г.Разумовской Пушкин предоставил д'Аршиаку возможность побеседовать о дуэли с английским дипломатом А.Медженисом, хотя последний, по его собственным словам, не дал поэту «окончательного согласия взять на себя <...> роль» секунданта. Впоследствии, защищая К.К.Данзаса как, якобы, случайного соучастника поединка, друзья поэта обратили внимание на этот эпизод. «Матенис (sic! — Г.С.) отстранился, — сообщил П.А.Вяземский в письме к великому князю Михаилу Павловичу. — В отчаянии, что дело расстроилось, Пушкин вышел 27-го утром, наудачу, чтобы поискать кого-нибудь, кто бы согласился быть его секундантом».¹³

Даже если допустить, что вечером 26 января поэт все еще не остановил свой окончательный выбор на будущем секунданте, трудно поверить, что это обстоятельство повергло его в отчаяние. Из конспективных записей Жуковского известно, что утром 27 января он «встал весело <...> С 11 обед. — Ходил по комнате необыкновенно весело пел песни — <...> Данзаса в дверях встр. радостно».

Тактика, избранная поэтом в переговорах о секунданте, позволяла ему выиграть время и разрушала планы французского дипломата. Сознывая это, виконт д'Аршиак перешел 27 января от вежливых просьб и увещаний к прямой угрозе. В записке, отправленной Пушкину около часа пополудни, он заявил, что нежелание поэта устроить встречу секундантов до начала дуэли будет рассматриваться как попытка последнего уклониться от поединка (XVI, 223—226).

В ноябре 1836 г. в подобной ситуации Пушкин предложил В.А.Соллогубу самому отправиться к д'Аршиаку и вести переговоры «о материальной стороне дуэли».¹⁴ Тогда виконт мгновенно овладел инициативой. Пушкин помнил об этом и теперь лично доставил Данзаса во французское посольство, вероятно, уже во втором часу дня. Он позволил секундантам остаться наедине лишь после того, как было окончено объяснение о мотивах поединка. Зимний день короток, и у секундантов оставалось время только для составления письменных условий дуэли. Они были сформулированы к 2¹/₂ часам пополудни.¹⁵ Через два часа прозвучали выстрелы на Черной речке...

Как только по Петербургу распространились слухи о поединке, имена действующих лиц драмы стали достоянием гласности. Молодой французский дипломат оказался соучастником скандального убийства первого поэта России. Спас положение французский посол Проспер де Барант. 29 января 1837 г. он направил в канцелярию графа К.В.Нессельроде просьбу о выдаче д'Аршиаку паспорта для выезда из России. Этот документ найден нами в архиве МИД РФ. В нем обращает на себя внимание обоснование просьбы: в связи с тем, что барон де Барант отправляет виконта д'Аршиака курьером в Париж «через два или три дня».

Канцелярия МИД выдавала подобные паспорта без всякого промедления, и у послов не было необходимости просить их заранее. В данном случае П. де Барант торопился, поскольку в день кончины поэта Николай I отдал распоряжение о начале военного суда над всеми участниками дуэли. В этих условиях паспорт, который, согласно канцелярской помете, был выдан 30 января,¹⁶ должен был «прикрыть» атташе французского посольства.

Факт внезапного отъезда виконта д'Аршиака был упомянут во всех депешах, направленных главами иностранных дипломатических миссий, аккредитованных в Петербурге, своим правительствам. Но посланники по-разному высказывались о дальнейшей судьбе виконта. Одни считали, что он не может «после столь прискорбного события» оставаться в Петербурге и, возможно, отсылается в Париж навсегда. Другие (и в числе их князь Гогенлоэ) полагали, что д'Аршиак «надеется через некоторое время вернуться снова в С.-Петербург, где он был на отличном счету».¹⁷ Не менее осведомленным оказался и А.И.Тургенев. 31 января, отправляя с д'Аршиаком письмо в Париж, в одном из них он советовал своему брату: «Пожалуйста, повидайся и познакомься с Аршиаком: он малый добрый и умный и возвратится сюда через два месяца или по первой навигации».¹⁸

Действительно, д'Аршиак выехал из Петербурга 2 февраля около 8 часов вечера. Через полгода, в августе 1837 г. на пароходе «Александра», следовавшем рейсом Любек — Санкт-Петербург, в столицу России прибыло несколько десятков пассажиров. Среди них находился 16-летний барон Ф.А.Бю-

лер, который возвращался со своим отцом из летнего заграничного путешествия. Юный барон заносил в путевой дневник свои впечатления, а также имена пассажиров, с которыми довелось общаться за время 6-дневного плавания (с 21 по 26 августа). Среди них оказались и члены французского посольства, которые возвращались в столицу России, в том числе — виконт д'Аршиак. В бумагах барона сохранился официальный список пассажиров, набранный типографским способом. В нем читаем: «Herr vic. O. d'Archias, attache a l'Ambassade de France en Russie, als Courier».¹⁹

По всей видимости, встреча с д'Аршиаком во время этого путешествия и послужила поводом для создания рисунка, обнаруженного нами в архиве Ф.А.Бюлера. Возможно, барон изобразил д'Аршиака и на другом рисунке, который сохранил в своем архиве среди разрозненных недатированных бумаг. На нем изображен неизвестный с характерной выпрямленной осанкой, который сидит, опираясь на трость, в обществе неизвестной дамы и мужчины на палубе какого-то парохода.²⁰ Впрочем, вопрос о том, действительно ли этот человек и виконт д'Аршиак — одно и то же лицо, остается пока открытым.

К сожалению, на пароходе «Александра» юный барон уже думал о скором возвращении домой, и последние страницы его дневника передают это ностальгическое настроение. О своих спутниках он практически ничего не писал. Исключение составила запись, в которой говорится об ужине, устроенном на «Александре» за 10 часов до прибытия в Кронштадт. В тот вечер, в преддверии вступления пассажиров на российскую землю, титулярный советник Николай Александрович Мельгунов произнес тост «roug le bien» (за благо) между всеми народами, представители которых участвовали в ужине. Юный барон заметил, что русские, немцы, англичане, французы и итальянцы приняли этот тост буквально «на ура».²¹

Известно, что Н.А.Мельгунов — однокашник Л.С.Пушкина и С.А.Соболевского по Благородному пансиону, бывший «архивный юноша», писатель, сотрудник «Московского наблюдателя». В интересующее нас время он подолгу жил в Германии, откуда в марте 1837 г. сообщал, что гибель Пушкина «произвела здесь сильное впечатление». При участии Мельгунова немецкий писатель Г.И.Кениг написал книгу о русской литературе, вышедшую в Штутгарте в 1837 г. В ней приведены данные о биографии и творчестве Пушкина, которые способствовали популяризации поэта в Европе.²² Учитывая эти обстоятельства, можно представить, какой трагический подтекст был заложен в его «примирительный» тост, произнесенный в присутствии одного из участников недавней дуэли между русским поэтом и французским офицером. Возвращаясь в Россию, виконт д'Аршиак имел случай убедиться, что история не была забыта.

Начиная с лета 1837 г., его имя вновь появляется в списках Придворной конторы. Он прослужил здесь еще 9 месяцев (5 мая 1838 г. ему был выдан паспорт на выезд из России). Но и это возвращение в Петербург не было последним в жизни виконта. 17 августа 1840 г., будучи атташе французской миссии в Персии, он получил право проехать через Россию по пути в Париж.²³

В.А.Соллогуб назвал этого человека «необыкновенно симпатичной личностью».²⁴ По словам современников, он вел себя в дуэльной истории в

высшей степени достойно, всеми силами старался предотвратить поединок. Однако сознательная позиция самого виконта, определенно желавшего остаться в этой истории в тени, создала немалые трудности в изучении его биографии и той роли, которую он сыграл в пушкинской драме.

¹ РГАДА. Ф. 186. Оп. 1. Д. 479. Л. 52.

² Русский Архив, 1872. Т. 1. С. 202.

³ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 20; Щеголев П.Е. Дуэль и смерть А.С.Пушкина. Кн. 2. М., 1987. С. 308 (примеч. Я.Л.Левкович); Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба. СПб., 1993. С. 191.

⁴ Щеголев П.Е. Указ. соч. Кн. 2. Страницы по указателю; Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960. С. 167, 169, 173, 383; Петербургские страницы... С. 189—193; Дуэль Пушкина с Дантесом. Подлинное военно-судное дело 1837. СПб., 1900. С. 109, 120—121, 125, 127, 129, 130 (д'Аршиак); С. 27, 28, 46, 48, 52, 90, 95, 97, 117—119, 122, 128—131, 150 (виконт д'Аршиак); С. 43, 60, 61, 78, 80, 81, 84—88, 91—101, 103, 106, 107, 109 (граф). Титул графа был ошибочно приписан д'Аршиаку в связи с неверной трактовкой членами военного суда адресата письма Пушкина от 17 ноября 1836 г. Полагая, что оно было послано секундданту Дантеса, и, встретив в тексте обращение «Monsieur le Comte», члены суда стали именовать д'Аршиака графом. В действительности Пушкин обращался к д'Аршиаку «Monsieur Le Vicomte». Письмо же от 17 ноября адресовал графу В.А.Соллогубу, который передал его секундданту Дантеса. Именно с такой верной адресовкой письмо публикуется в Полн. собр. соч. Пушкина (XVI, 225, 188), хотя в книге П.Е.Щеголева (с. 6) оно приводится как адресованное д'Аршиаку.

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 16-ти т. Справочный том. М., 1959. С. 96 (сост. Л.А.Катанская); Черейский Л.А. Указ. соч. С. 20; Щеголев П.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 308 (примеч. Я.Л.Левкович); Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10-ти т. Л., 1979. Т. 10. С. 702 (примеч. Л.Б.Модзалевского и И.М.Семенко).

⁶ Гроссман Л.П. Записки виконта д'Аршиака. М., 1990. С. 27, 15.

⁷ Bauchet-Filleau H. et Ch. de Cherge. Le Dictionnaire historique et genealogique des familles du Poitou. T. III. Poitiers. Septembre 1905. P. 104. 2-eme collone. За поиск этого редкого издания в книгохранилищах Франции приносим особую благодарность жителю города Пуатье г-ну Кристиану Оклеру; Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. М., 1936. С. 357.

⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 102. Л. 1, 12об., 14 об., 15 об., 21 об.; Д. 105. Между л. 35 и 36; Д. 102. Л. 17; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 469 (1837). Д. 248. Л. 4; РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 113. Л. II, 59; Д. 115. Л. 217, 218.

⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 120/2322. Д. 116. Л. 57.

¹⁰ Там же. Ф. 473. Оп. 3; Д. 113. Л. 61об; Д. 127. Л. 33; Д. 110. Л. 1об, 6, 12, 14, 16, 21об., 25, 35, 41, 43об; Д. 114. Л. 237; Д. 117. Л. 1, 4, 7, 8, 23.

¹¹ Щеголев П.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 312—314, 315, 316—317, 318, 323, 324—325.

¹² Петербургские страницы... СПб., 1993. С. 189; Щеголев П.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 198, 298; Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960. С. 167, 173; Нечто о Пушкине. Записка Соллогуба — junior//Модзалевский Б.Л. Пушкин. Л., 1929. С. 374—382; Конспективные заметки В.Жуковского о дуэли Пушкина//Щеголев П.Е. Указ соч. Кн. 2. С. 11.

¹³ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985. С. 154, 346; Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. XVI. М., 1949. С. 224, 362; Цит. по: Щеголев П.Е. Указ соч. Кн. 1. С. 298—299.

¹⁴ Петербургские страницы... С. 189.

¹⁵ Щеголев П.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 000.

¹⁶ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 469 (1837). Д. 248. Л. 4; См.: Дуэль Пушкина с Дантесом... С. 20; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 469 (1831). Д. 205. Д. 52.

¹⁷ Цит. по: Щеголев П.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 122, 113, 101; 98, 112, 117, 123; 92.

¹⁸ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. СПб., 1998. С. 213.

¹⁹ РГИА. Ф. 186. Оп. 1. Д. 420. Л. 62об; Д; 73. Л. 19.

²⁰ Там же. Д. 1283. Л. 238об.

²¹ Там же. Д. 420. Л. 60.

²² Кирпичников А.И. Очерки по истории новой русской литературы (пушкинский период). М., 1903. Т. 2. С. 171; <Keening.> Literarische Bilder aus Russland. Stuttgart, 1837.

²³ РГИА Ф. 473. Оп. 3. Д. 117. Л. 8, 23; Д. 127. Л. 2об., 25, 27, 29об; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 469 (1831). Д. 205. Л. 67, 99об.

²⁴ Петербургские записки... С. 191.

Л. Б. Михайлова

**«ВЧЕРА СВЕРШИЛСЯ
ПЕРВЫЙ ПОДВИГ МОЙ —
ОТКРЫТИЕ ЛИЦЕЯ...»***
(История одной архивной находки)

В Государственном историческом архиве Украины среди многочисленных документов по истории украинского народа выделен небольшой фонд «Малиновские — помещики Изюмского уезда». В этом фонде автору статьи удалось обнаружить материалы об Иване Васильевиче Малиновском, владельце имения Стратиловка при селе Каменка Харьковской губ. Изюмского уезда. Это выпускник Императорского Царскосельского Лицея, старший сын директора этого учебного заведения Василия Федоровича Малиновского, один из ближайших друзей Пушкина. Его имя произнесет поэт 29 января 1837 г. в последние часы своей жизни, в ответ на сообщение о том, что пришла сестра В. К. Кюхельбекера и хотела бы с ним проститься. Об этом эпизоде сохранил воспоминания К. К. Данзас.¹

При знакомстве с описью фонда видно, каким добросовестным, заботливым хозяином был Иван Малиновский. Здесь и многочисленные межевые книги, подробные отчеты об урожаях, отдельные журналы на земли и леса, мнения членов Харьковского губернского дворянского комитета об учужении быта крестьян помещика Малиновского.

Среди хозяйственных документов по управлению имением обращают на себя внимание дела, связанные с Лицеем. На первом листе одного из них рукой Ивана Малиновского сделана надпись: «Речь покойного отца моего при открытии Императорского Лицея 19 октября 1811 года при Императоре Александре I».

Случилось так, что дневники, письма, философские произведения Василия Федоровича Малиновского попали в разные архивные хранилища Москвы и Петербурга. Тем более неожиданным было увидеть в Киеве среди хозяйственных документов список воспитанников Лицейского Благородного пансиона, записку о поведении учеников в классе, черновик и один из беловых вариантов выступления Малиновского, подготовленного к торжественному дню открытия Лицея.

Долгое время считалось, что ни черновика, ни самой речи не сохранилось. Есть только черновик письма, он находится в Пушкинском Доме. В нем, обращаясь к министру народного просвещения А. К. Разумовскому,

* Строки В. Ф. Малиновского из письма к брату 20 октября 1811 г. (ИРЛИ. Ф. 244 от 25 № 334).

Малиновский писал: «Имею честь представить на рассмотрение Вашего Сиятельства начертание краткой речи, которую должен прочесть при открытии Лицея. Все, что соизволите в ней отметить или убавить, я приму с преданностью, которую искренне храню к особе Вашей».²

Малиновский не получил назад свою речь с исправлениями и дополнениями. Вместо этого ему передали новый текст, написанный директором Департамента народного просвещения Иваном Ивановичем Мартыновым по поручению Разумовского. Именно этот текст Малиновский прочтет на открытии Лицея, утомив гостей и юных лицеистов отжившим языком XVIII в. и поразив многих благонамеренностью и верноподданническим содержанием речи. Из-за этого выступления на долгие годы утвердился мнение о Малиновском, как человеке тихом, кротком и бесцветном. Это мнение Поддерживалось и воспоминаниями Ивана Пушина, писавшего: «<...> робко выдвинулся на сцену наш директор В.Ф.Малиновский со свертком в руке. Бледный как смерть, начал что-то читать, читал довольно долго, но вряд ли многие могли его слышать, так голос его был слаб и прерывист. Заметно было, что сидевшие в задних рядах начали перешептываться и прислоняться к спинкам кресел. Проявление не совсем ободрительное для оратора, который, кончивши речь свою, поклонился и еле живой возвратился на свое место».³

Пушинские «Записки о Пушкине» появились в 1859 г. и приведенное выше мнение Пушина больно задело сына первого директора Лицея — И.В.Малиновского. Он выступил в «Русском инвалиде (1851, № 131) с защитой имени отца. «Если бы Иван Иванович Пушкин сознавал, что подобною манифестациею принесет пользу истории Царскосельского Лицея, то верно не оставил бы без комментариев и возражения всего сказанного о директоре, В.Ф.Малиновском, в памятной книжке Императорского Александровского Лицея на 1856—1857 год. Там на странице 137 напечатано: “За экзаменами следует открытие Лицея. При этом случае Малиновскому надлежало произнести речь. Проект свой он препроводил министру; граф возвратил оный и вместо сообщил другой план речи...”».

В момент написания этих строк И.В.Малиновский не располагал полным текстом речи и черновиком к ней. Сейчас у нас есть возможность познакомиться с оригинальным текстом, написанным В.Ф.Малиновским собственноручно, его черновиком и той речью, которую он произнесет в Большом зале Лицея 19 октября 1811 г.

При первом ознакомлении с обнаруженным нами в архиве текстом речи В.Ф.Малиновского обращают на себя внимание знакомые любителям пушкинской поэзии образы: «Сколь ни знаменито Царское Село красотою садов своих, огромностью и великолепием дворцов...»; «Открыв убежище наукам учреждением сего нового и единственного во всей России училища, помещаемого в императорских чертогах, между прекрасных садов, для прогулки юношей всегда готовых...».⁴

Сейчас, когда есть возможность сравнить оба текста: написанный Малиновским и подготовленный для него И.И.Мартыновым, — невольно обращает на себя внимание, что при сходстве некоторых мыслей и отдельных положений основные акценты были смещены. Вместо того, чтобы напомнить собравшимся о героическом прошлом русского народа, о том времени, «когда

Россия возвышалась славою и могуществом», ему пришлось произносить витиеватые фразы о природе Царского Села, о его «благорастворенном воздухе, укрепляющем силы телесные».

Сам Малиновский не сказал бы того, что ему предписывалось. Чужды ему были слова «о воспитании, о Великих женах», о «новом вертограде», который он просто называл «новым и единственным во всей России училищем». Умение говорить просто, доходчиво, понятно, «без лишних фигур» — это качество унаследовал Малиновский от своего отца — священника одного из московских церквей. Да и как-то неловко было говорить то, что за тебя написали другие. Утомительны были и бесконечные репетиции, предшествующие дню открытия Лицея, которые устраивал Разумовский.

В своем дневнике первый директор Лицея записал: «<...> с вечера собрались все дети, и я уединясь готовился к речи, повторил ее в зале собрания пред министром и получил дозволение прочесть».⁵

Об этих репетициях вспоминал не только Василий Федорович, но и Иван Пущин. Воспитанникам это казалось странным, ненужным, вызывало смех.

По воспоминаниям Пущина и сложился определенный образ директора Лицея. Малиновский предстает человеком мечтательным, склонным к тихой кабинетной жизни, к уединению, хотя все, что он произнес 19 октября, противоречило написанному им ранее. Забывалось, что его перу принадлежали «Рассуждения о мире и войне», «Записка о освобождении рабов», статьи «Общий мир», «О значении Коллегии иностранных дел», «Размышления о преобразовании государственного устройства России»; что это он писал: «Кто любит добродетель и отечество, должен стараться о прекращении рабства. Оно портит нрав россиянина. Сия заносчивость, запальчивость и купно низкость и раболепствие — от воспитания, житья и обхождения с рабами. Неправедны русские, насильственны <...> при добром сердце от сего слепого повиновения и непреодолимого терпения рабов».⁶

Опровергнуть неверный взгляд на Малиновского пытался Ю.М.Тынянов. Этому же были посвящены труды Б.С.Мейлаха и первого хранителя Лицея М.П.Руденской.

Литературное наследие В.Ф.Малиновского, а это десятки работ по самым различным вопросам, рисует его человеком просвещенным, жаждущим государственных преобразований.

Всех, кто собрался в Императорском Лицее 19 октября 1811 г., потрясла речь Куницына. «Смело, бодро выступил профессор полит<ических> наук А.П.Куницын <...>», — вспоминал Иван Пущин.⁷ Их, 10—12-летних мальчиков, поразили слова «граждане», «благо целого общества», «общественная польза», «общественная цель».

Александр Петрович Куницыну было легче, его речь проверялась не так тщательно, как выступление Малиновского. Показательно, что прославленная речь адъюнкт-профессора полна идеями и мотивами, присутствующими в черновых вариантах речи Малиновского.

Столь пристальное и придирчивое внимание к речи директора Лицея можно объяснить тем, что он должен был приветствовать императора, а Куницын — воспитанников, поэтому он мог сказать многое из того, о чем в то время мечтали и думали передовые люди России, среди которых был Малиновский.

У истоков Лицея стояли единомышленники Малиновского. Не случайно в произнесенной речи была такая фраза: «Помощники, мною избранные, со всем тщанием и безупречностью оживлены образованием нравов и разума <...>».³

Речь, которую ему не удалось произнести на открытии Лицея, директор сумел донести до воспитанников во время лекций, бесед, прогулок. Отзвуки этой речи явственно слышны в стихотворении Пушкина «Воспоминания в Царском Селе»:

<...> промчались те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины (I, 79).

Забота о воспитании истинных сынов Отечества, а не верных слуг монаршего престола — вот главная мысль произнесенной речи Малиновского.

В данном издании впервые публикуется речь В.Ф.Малиновского и черновик к ней по материалам Государственного исторического архива Украины, а так же речь В.Ф.Малиновского, прочитанная 19 октября 1811 г. и подготовленная для него И.И.Мартыновым, по изданию: «Речи, произнесенные при открытии Императорского Царскосельского Лицея» (СПб., 1811).

Текст речи, подготовленной В.Ф.Малиновским к открытию Императорского Лицея*

Сколь не знаменито Царское Село красотою садов своих, огромностью и великолепием дворцов, но еще приятнее воспоминанием царствования Екатерины Великой. Кто не помнит главных дел ея, кого не утешает рассматривание оных времен, когда Россия возвышалась славою и могуществом, по днесь сии воспоминания укрепляют дух Россиянина.

Здесь имела она любимое свое пребывание в летнее время; отсюда премудрейшая монархиня соблюдала благоустройство своей империи и равновесие Европы; здесь она пеклась о воспитании августейшего монарха нашего, а ныне взаимно воздаст он дом почитания и сооружает здесь достойной Великой Екатерины памятник, открывает убежище наукам учреждением сего нового и единственного во всей России училища, помещаемого в императорских чертогах, между прекрасных садов, для прогулки юношей всегда готовых.

Сии выгоды местоположения, обещают им веселие и здоровье, а непосредственное покровительство, которым удостаивается Лицей от государя императора, обнадеживает навек судьбы их. Природное дарование, доброе качество души и успехи в науках открывают им путь к важнейшим чинам государства.

* Речь Малиновского, написанная им и не одобренная министром народного просвещения А.К.Разумовским (ГИА Украины. Ф. 2039. Оп. I. Ед. хр. 84).

Я обращаюсь к Вам, любезные дети! Не забывайте никогда великих своих преимуществ и опасайтесь потерять оные. Будьте утешением родителей своих и надеждою Отечества, ожидающих от Вас отличных подвигов на пользу его.

Равно и Вы, избранные к попечению сего юношества, старайтесь быть достойны своего звания и тем заслужить милость монарха, благодетельствовавшего Вас особенными правами, сему училищу присвоенными.

Всемиловитейший Государь! Прими от всех нас изъявление искренней благодарности и усерднейшего желания исполнить высокое и благодетельное твое намерение, чтоб воспитать сих детей верными и достойными тебе служителями, а Отечеству — истинными сынами. О сем мы будем все единодушно и неусыпно стараться под руководством своего начальника, призывая в помощь самого Бога. Он да благословит труды наши!

**Черновик речи В.Ф.Малиновского,
которую он предполагал произнести на торжественном открытии Лицея***

Благодетельным попечением в августейшем доме щедротами его Императорского Величества, собирается избранное число благовоспитанных, способных и благородных детей, предназначенных к важнейшим частям государственной службы; проведя 30 лет в оной в собственном Отечестве и отчасти в чужих краях, я ныне удостоен предуготовлять их к сей важной цели. <...Руководствуясь просвещенностью и опытностью своею...>**

В сей торжественный день открытия Лицея, свидетельствуясь моею совети в искреннем желании моем исполнить высокия намерения сего нового и знаменитого училища, руководствуясь во всем волей и наставлениями от моего... <благодетеля и начальника...> наставники, помощники, мною избранные со всем тщанием и безупречностью оживлены равным духом усердия достижением единственной из наилучших образования нравов и разума при хорошем и довольном содержании детей...

Всякие виды низкого, особенно кровьсть... умствования и правила вредные, поведение предосудительное все сие удалено да будет от них.

Улучшение состояния своего будем ожидать от милости и щедрот Его Императорского Величества.

...обычаям и постановлениям нашего Отечества и жизнью своею дадим пример благонравия юношеству, так да поможет нам Бог, в чем стараться же обяываюсь и ручаюсь, всех моих почтенных сотрудников да не изгладится из памяти ни одного из нас как начальствующих так и подчиненных сии торжественные обязательства...

Вы же, любезные дети (твердо себе впечатлейте в нежной душе память сего торжественного собрания), обещаите в душе своей с искренностью приличного вашему возрасту оправдать выбор свой и (способствовать) соответствовать искреннему о Вас попечению начальников и учителей, впечатлеть

* ГИА Украины. Ф. 2039. Оп. I. Ед. хр. 103. Рукой И.В.Малиновского написано: «Речь покойного отца моего при открытии Лицея 19 октября 1811 года при Александре I».

** В угловых скобках даны зачеркнутые В.Ф.Малиновским фразы.

твердо в памяти вашей сие торжественное собрание и обеты свои. Помышляйте о великих преимуществах своих и важном назначении, что они взаимно Вас обязывают к отличному благонравию, прилежанию и соблюдению строгого порядка и подчиненности. Постараемся новым воспитанием укоренить строгие правила и обычаи Отечества предков наших, привязанности к вере, покорности Государю, почитать родителей и любви родственной, верности более вашего слова, последуя во всем совести и чести. Да устрашите наказания...

**Речь, произнесенная В.Ф.Малиновским
на торжественном открытии Лицея***

Всеавгустейший монарх!

В сем Граде, премудрейшая из Монархинь, среди весенних и летних красот Природы, некогда назидала благоденствие России. В убежище сем Ваше Величество поучались управлять судьбою народов, ныне подвластных скипетру Вашему. И в столь знаменитом убежище отверзаете Храм Наук для отличнейшего юношества своих подданных!

Сколько убеждений в превосходстве будущих успехов сего единственного учреждения! Малое число детей, в дарованиях и благонравии испытанных, как единое семейство, не представляет неудобств в совершенном надзоре за их учением и поступками, благорастворенный воздух, укрепляя силы их телесныя, укрепит и душевные в величестве чувствований и деяний; безмолвное уединение соберет и направит все мысленные способности их к единой цели — к познанию нравственного и физического мира; а воспитание о Великой в Женах и о воспитании в сем месте августейшего Внука Ея приосенение сего Храма к приобретению истинных сынов Отечества и верных служителей Престола Монаршего.

Так, Всемилостливый Государь, попечением Вашего Величества здесь все соединено к образованию юношества для важнейших государственных должностей. Нет счастливее настоящей участи его; нет лестнее будущего его назначения.

Но не менее того, счастливы и мы, избранные к руководству оногo и воспитанию. Мы чувствуем важность прав и преимуществ, дарованных Вашим Величеством сему заведению и лицам, к нему принадлежащим.

Чувствуем, но чем соделаться можем достойными оных? Единое избрание нас к подвигу образования сего юношества не служит еще в том порукою. Мы потщимся каждую минуту жизни вашей, все силы и способности наши принести на пользу сего нового вертограда, да Ваше Величество и все Отечество возрадуется о плодах его.

¹ Данзас К.К. Последние дни жизни и кончины Александра Сергеевича Пушкина в записи А.Амосова//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985. С. 378.

* Речь, написанная И.И.Мартыновым, директором Департамента народного просвещения, по поручению А.К.Разумовского.

² ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 25. Ед. хр. 351.

³ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 36 (Лит. воспоминания)

⁴ ГИА Украины. Ф. 2039. Оп. I. Ед. хр. 84.

⁵ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 25. Ед. хр. 290. «Памятная книга Лицея».

⁶ Малиновский В.Ф. Избранные общественно-политические сочинения. М., 1958. С. 120—121.

⁷ Пущин И.И. Указ. соч. С. 36.

⁸ ГИА Украины. Ф. 2039. Оп. I. Ед. хр. 103.

*Зал Царскосельского лицея.
Фотография с акварели
работы В. П. Лангера*

*Е. А. Энгельгарт.
Неизвестный художник.
Копия с оригинала
В. П. Лангера.
Бумага, акварель.*

*Е. А. Энгельгардт.
Неизвестный художник
с оригинала В. П. Лангера.
1870-е гг.
Холст, масло.*

*Е. А. Энгельгардт.
Фотография с
портрета работы
неизвестного художника.*

Крым. Георгиевский монастырь. Акварель. Рис. В. А. Жуковского. 1837 г.

*Италия. Кладбище в Ливарно.
Могила А. Воейковой.
Рис. В. А. Жуковского. 1833 г.*

*Воейков А. Ф.
Рис. В. А. Жуковского.*

Киев. Рис. В. А. Жуковского. 1837 г.

Дерт. Кладбище. Могила М. Мойер. Из альбома Рейтерна.

С. И. Кривоцов.

Худ. Н. Бестужев.

Бумага, акварель.

1828 г.

Москва, ГМИИ.

Собрание И. С. Зильберштейна.

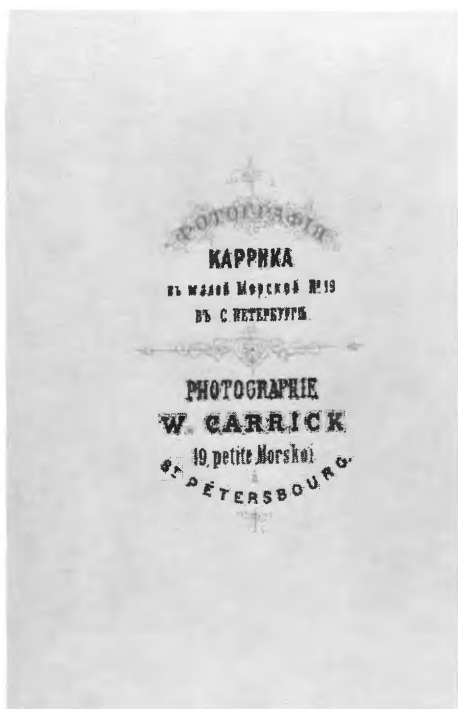

Вид на Исаакиевский собор в Петербурге.

Фото В. Куррика. 1860 г.

Музей творчества Н. А. Некрасова.

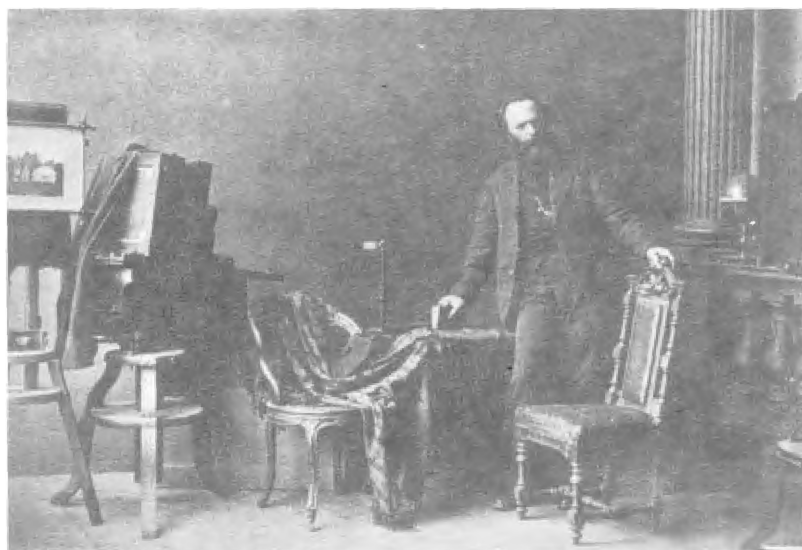

Рекламная марка ателье В. Киррика

*С. И. Кривцов. 1860 г.
Фото В. Киррик.*

*В. А. Киррик в своем ателье в Санкт-Петербурге. Малая Морская, 19.
Фотография Мак-Грегора. Лондон.*

*“Комнаты в доме”. Акварель
неизвестного художника.
1830-е гг.*

*Гостиная в доме Юсуповых в
Петербурге.
Акварель неизвестного
художника. 1832 г.*

*Ф. П. Толстой. “В комнате”.
I четв. XIX в.*

Виконт де Аршиак. 1837 г.
Рисунок барона Ф. А. Бюлер.

Виконт де Аршиак (?) в группе
пассажиров парохода "Александра".
Рис. барона Ф. А. Бюлер.

*О. А. Кипренский. Портрет императрицы
Марии Федоровны. 1813 г.*

*Ж. А. Беннер. Портрет императрицы
Марии Федоровны.*

*О. А. Кипренский.
Портрет Н. М. Лонгинова. 1813 г.*

*Ж. А. Беннер.
Портрет Н. М. Лонгинова. 1816 г.*

*О. А. Кипренский.
А. П. Бакунин. 1813 г.*

*Е. Гейтман. А. С. Пушкин.
Гравюра с оригинала, восходящего к
О. А. Кипренскому.*

*О. А. Кипренский.
Портрет Е. П. Бакуниной. 1813 г.
Копия, сделанная Е. П. Бакуниной в 1816 г.*

А. Н. Марков

О. А. Кипренский.
Портрет Н. М. Муравьева. 1813 г.

О. А. Кипренский.
Н. В. Кочубей. 1813 г.

А. А. Иванов. Автопортрет. 1828 г. ГТГ.

Г. Г. Чернецов. Парад на Царицыном лугу. Фрагмент прописи фигур.

А. И. Иванов. Автопортрет. 1830-е гг. ГТГ.

Ф. П. Толстой. (?).
"В комнатах". 1830-е гг.

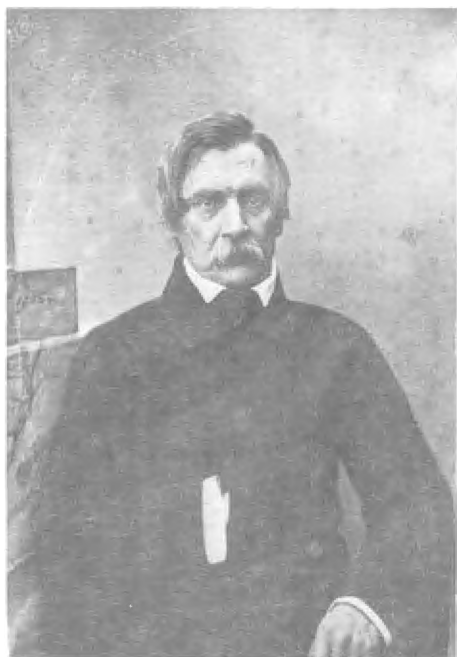
И. Вдовичев. "В детской". Кон. 1830-х — нач. 1840-х гг.

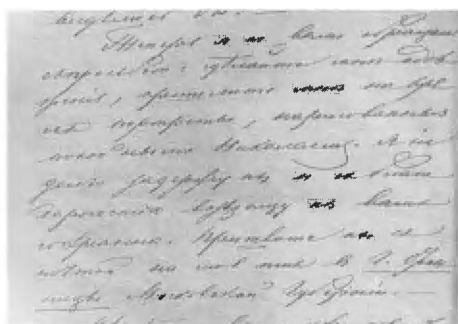
Н. И. Подключников. "Гостиная в доме Нащокиных в Москве". 1837 г.

И. Вдовичев. "В детской". Кон. 1830-х — нач. 1840-х гг.

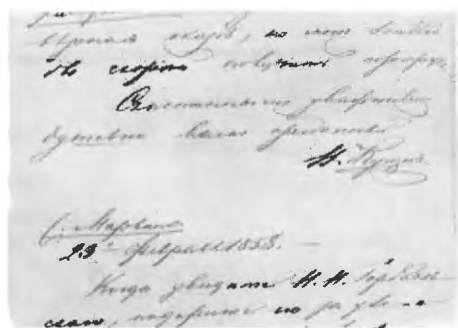
*Фотографии-"визитки" И. И. Пуцина
из альбома М. И. Семевского.
Литературный музей ИРЛИ
(Пушкинский Дом) РАН.*

**Хранитель фотоматериалов
Литературного музея Пушкинского
Дома В. С. Логинова с альбомом
М. И. Семевского.**

Оборот фотографии-"визитки".

**Фрагменты письма И. И. Пущина к
Е. А. Бестужевой. 23 февраля 1858 г.**

**Фрагмент фотографии-"визитки"
И. И. Пущина с обозначенной
датой — 1856 г.**

А.Н.Марков

«ЛЮБИМЕЦ МОДЫ
ЛЕГКОКРЫЛОЙ...»

(О.А.Кипренский в Царском Селе
в 1813 г.)

В июле 1827 г., в связи с окончанием Орестом Кипренским портрета Пушкина, поэт обратился к художнику с поэтическим посланием:

Любимец моды легкокрылой
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милой,
Меня, питомца чистых Муз (III, 63).

Фраза «Ты вновь создал» свидетельствует о том, что Кипренский уже один раз рисовал Пушкина. Но когда?

Выехав в мае 1816 г. в Италию, художник возвратился из-за границы в Россию в августе 1823 г. Пушкин находился тогда в южной ссылке, а затем — до сентября 1826 г. — в Михайловском и появился в Петербурге только в мае 1827 г. Следовательно, рисовать Пушкина в первый раз Кипренский мог только до своего отъезда в Италию, то есть тогда, когда будущий поэт учился в Лицее.

По подписи на портрете Никиты Муравьева было известно, что Орест Кипренский работал в Царском Селе в 1813 г. Недавно Государственным Русским музеем опубликован сборник писем, документов и свидетельств современников о Кипренском, из которого следует, что художник проработал в Царском Селе все лето 1813 г. В письме из Петербурга в усадьбу Премухино Тверской губ. Кипренский 30 декабря 1813 г. сообщал Александру Михайловичу Бакунину: «Все лето жил я в Сарском Селе — во дворце. Имел счастье рисовать портрет беспримерной доброты Императрицы Елизаветы Алексеевны и всех Ее окружающих, меня полюбили, а Государыне Самой угодно было меня послать в чужие края от Своего Имени — тем более для меня радостно, что я не только не искал, но и не мог думать себе, чтоб Императрица Сама вызвалась с такою честью меня осчастливить. Для списывания портрета Императрицы я имел одиннадцать сеансов по целому часу и более. Между прочими разговорами коснулась речь и до вас, что я познакомился с вами в Твери и проч. и что вы живете у себя в деревне по причине старости вашей матушки — я бы далее с вами поговорил, да граф Пушкин <Брюс> тотчас ко мне будет, пишу с него портрет».¹

Портрет вдовствующей императрицы Марии Федоровны

Достоверно ли то, что на замечательном рисунке Кипренского из собрания Государственной Третьяковской галереи, датированном 1813 г. и известном как портрет Вилло, изображена гувернантка из дома А.Р.Томилова?

На рисунке Кипренского дама в черной поярковой шляпе с роскошным черным страусовым пером (такие шляпы во времена Империи стоили баснословно дорого), в черном робронде с пелериной; на шее дамы два волана воротника белого платья. Портрет тщательно отделан Кипренским и входит в небольшое число портретов 1813 г., подвеченных художником пастельными красками. Сравнивая его с миниатюрным портретом вдовствующей императрицы Марии Федоровны, исполненным Жаном Анри Беннером в 1818 г., мы пришли к заключению, что на них — одно и то же лицо. Мария Федоровна изображена Беннером в летней белой шляпе с белыми страусовыми перьями; шляпа подвязана под подбородком белой лентой с завязанным у левой щеки бантом. На императрице надето белое платье с рюшами на шее и на плечах.² Очевидно, что стиль одежды дамы в черном и дамы в белом совершенно одинаков, за исключением цвета.

Что касается внешнего сходства, то у изображенных Кипренским и Беннером дам одинаковый абрис лица, вздернутый нос, тонкая верхняя губа, одинаковая прическа, очертания бровей, пухлость щек. Схожесть черт мы наблюдаем и при сравнении портрета, нарисованного Кипренским, с изображением императора Александра I на миниатюре Беннера из собрания Всероссийского музея А.С.Пушкина.³

Портрет вдовствующей императрицы Марии Федоровны подписан «ОК 1813 С Петербу». Он мог быть исполнен в начале года в период объявленного придворного траура в связи с кончиной принца Георга Ольденбургского, мужа великой княгини Екатерины Павловны. Принц, скончавшийся в Твери 2 января 1813 г., был похоронен в Петербурге. По заказу вдовствующей императрицы Кипренский примерно в это же время исполнил карандашный портрет великой княгини Екатерины Павловны, который ныне хранится в Павловском дворце.⁴

Портрет Марии Федоровны происходит из коллекции А.Р.Томилова, в которой находился и портрет ее сына великого князя Николая Павловича. За портрет гувернантки Томилов заплатил художнику 100 рублей; по-видимому, это был перовой рисунок, так как за портреты, исполненные карандашом, Кипренский запрашивал по 300 рублей даже с царствующих особ.⁵

После успешно выполненного заказа Марии Федоровны, по-видимому, и пригласила императрица Елизавета Алексеевна Кипренского на лето в Царское Село. По письмам Елизаветы Алексеевны к ее матери установлено, что она до 17 мая 1813 г. оставалась в Петербурге, после чего переехала в Царское Село, ибо весь 1813 г. Александр I находился в действующей армии и императрице приходилось жить одной в Петербурге или загородных дворцах.⁶

Кипренский, прожив в Царском Селе все лето, выехал в Петербург в конце августа, так как 1 сентября 1813 г. к ежегодному торжественному собранию Академии Художеств была приурочена выставка работ художников Академии за истекший год, на которой академиком Кипренским было

выставлено два живописных портрета с натуры и десять, рисованных карандашом. На открытии выставки присутствовал министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский.⁷

Портреты Бакуниных и Пушкина

На постоянной выставке Пушкинского Лицея экспонируется замечательный портрет Екатерины Павловны Бакуниной, фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны, адресата любовной лирики Пушкина-лицеиста. В пушкинском искусствоведении он именуется автопортретом, а художницу Е.П.Бакунину окрестили ученицей Карла Брюллова. Но последний до 1821 г. учился в Академии Художеств, а портрет Бакуниной датирован 1816 г.

Дошедшие до нас работы Е.П.Бакуниной — копии. В Государственном музее А.С.Пушкина (ГМП) в Москве хранится ее копия с портрета матери Е.А.Бакуниной (урожденной Саблуковой). Неизвестный художник нарисовал ее пастелью в конце XVIII — начале XIX вв., но не позднее 1805 г. (ныне хранится в Государственном Эрмитаже). Московская копия датирована 1828 г. и подписана монограммой «СВ». В ГМП хранится и набросок портрета Е.П.Бакуниной из ее альбома, исполненный Кипренским (без подписи художника). В «Московской изобразительной пушкиниане» записано: «Обращает на себя внимание большое сходство портрета из московского пушкинского музея с автопортретом Бакуниной 1816 года (итальянский карандаш, уголь, мел, ВМП); та же прическа с ленточкой вокруг головы, тот же воздушный из нескольких газовых сборок воротник. Но, помимо некоторых деталей, работа Кипренского отличается иным восприятием модели. <...> Не послужил ли рисунок Кипренского оригиналом для автопортрета художницы?»⁸

Нет, не послужил, поскольку, на наш взгляд, портрет Е.П.Бакуниной из собрания Всероссийского музея А.С.Пушкина является копией с работы Кипренского, оригинал которой может быть отнесен к 1813 г., когда художник жил в Царском Селе и рисовал окружение императрицы Елизаветы Алексеевны. Портрет подписан: «СВ 1816». Подтверждением того, что копия восходит к оригиналу Кипренского, служит растушевка в его стиле, скрытая паспарту. На листе она имеет очертания дуги, а не овала. Если эту гипотезу отвергнуть, то нам придется делать абсурдный вывод, что в 1813—1816 гг. был неизвестный ныне художник-портретист, так же виртуозно владевший карандашом, как и Кипренский.

Чей же оригинал лег в основу гравюры Е.И.Гейтмана с Пушкина-лицеиста? В 1890 г. в Петербурге была издана книга Сигизмунда Либровича «Пушкин в портретах», в которой автор приводит слова из «Художественной газеты» Н.В.Кукольника (1837, № 9—10) об оригинале для гравюры Гейтмана: «Сей портрет нарисован наизусть без натуры К. Б. и обличает руку художника, в нежной молодости уже обратившего на себя внимание всех тогочасных любителей».⁹

И далее Либрович, а за ним и последующие исследователи, утверждает, что под инициалами «К. Б.» подразумевался Карл Брюллов. Но в 1813 г. он, как и Пушкин, — подросток, они одногодки.

На наш взгляд, автором оригинального портрета Пушкина-лицеиста является Орест Кипренский. Исполнен этот портрет, скорее всего, одновременно с портретом А.П.Бакунина. Если мы сравним портрет Пушкина на гравюре Гейтмана и портрет Бакунина-лицеиста работы Кипренского, то увидим идентичность художественных приемов в рисунках лба, надбровных дуг, завитков волос. Гейтман был замечательным гравером и, в отличие от Н.И.Уткина, старался сохранить рисунок оригинала. Почему же тогда он не указал на оригинал Кипренского? Вероятно, потому, что в распоряжении гравера была копия с портрета Кипренского, подписанная монограммой «СВ».

По дошедшим до нас документам, 1813 г., когда в Царском Селе работал Кипренский, «глухой» в жизни лицеистов. В «Летописи жизни и творчества А.С.Пушкина. 1799—1826», составленной М.А.Цявловским, события 1813 г. занимают всего 10 страниц, в то время как 1814 г.— 17, 1815 г.— 18, а 1816 г.— 20 страниц.¹⁰ То ли книги посещения Лицея в 1813 г. не велись из-за того, что в конце 1812 г. лицейский архив был упакован и подготовлен к эвакуации, то ли эти книги не дошли до нас из-за пожара Лицея в 1820 г. Но все же в летописи отмечено основное для лицеистов событие лета 1813 г.: 9, 10, 16 и 17 июля — полугодичные испытания лицеистов в присутствии министра народного просвещения графа К.А.Разумовского, членов Академии наук и профессоров Санкт-Петербургского педагогического института.¹¹

Через 10 лет Пушкин в письме от 1 декабря 1823 г. из Одессы в Петербург спросит А.И.Тургенева: «Вы помните Кипренского, который из поэтического Рима напечатал вам в С<ыне> О<течества> поклон и свое почтение <...>» (XIII, 78). Эта фраза из письма свидетельствует, что Пушкин-лицеист с Кипренским познакомился через Тургенева. Александр Иванович Тургенев в 1810—1824 гг. был директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий у министра народного просвещения А.К.Разумовского и наверняка присутствовал вместе с ним на полугодичных испытаниях лицеистов в июле 1813 г. Тургенев был близок и к императрице, так как в 1812 г. был назначен правителем дел Женского Патриотического общества, которое возглавляла Елизавета Алексеевна. Именно Тургенев, способствовавший определению Пушкина в Лицей в 1811 г., мог заказать портрет Пушкина-лицеиста.¹²

Никогда не рассматривался вопрос о возможном влиянии художественных работ Кипренского на рисунки лицеистов, а ведь пушкинский рисунок продавца кваса датирован 26 июня 1813 г., когда Кипренский работал в Царском Селе.¹³ Второй (недатированный) рисунок Пушкина-лицеиста, на котором изображена собака с птичкой, растушеван в стиле Кипренского. Имеется пастельный рисунок Кипренского мальчика с собакой с авторской надписью: «ОК 1813 Царское Село».¹⁴

Другим лицом, причастным к заказу Кипренскому портрета Пушкина-лицеиста могла быть Екатерина Федоровна Муравьева.

Портрет Никиты Муравьева

Вдова писателя М.Н.Муравьева (1757—1807), Екатерина Федоровна до нашествия Наполеона проживала в Москве. Ее 16-летний сын Никита Муравьев, убежав из дома, явился на бородинских позициях русских войск. М.И.Кутузов отправил его домой, поздравив мать с замечательным сыном. В августе 1812 г. Е.Ф.Муравьева вызвала в Москву двоюродного племянника мужа поэта К.Н.Батюшкова, который за несколько дней до Бородинского сражения вывез ее с детьми из Москвы и сопровождал их при переезде в Нижний Новгород. В письме к Н.И.Гнедичу из Владимира, сообщая о состоянии П.А.Оленина, раненого под Бородиным, Батюшков писал: «Петру, слава Богу, полегче. Он здесь под присмотром Архаровых, которые его со своим домашним лекарем проводят до Нижнего. Мы и сами отправляемся туда же».

Н.О.Пушкина с детьми и М.А.Ганнибал тоже выехала из Москвы в Нижний Новгород, где постоянно проживал родной брат С.Л.Пушкина артиллерийский подполковник в отставке П.Л.Пушкин и куда ранее выехал В.Л.Пушкин.

После пожара Москвы и изгнания армии Наполеона Е.Ф.Муравьева принимает решение переехать в Петербург. Нам представляется совершенно естественным, что перед отъездом ее из Нижнего Новгорода Н.О.Пушкина, близкая к семействам Архаровых и Муравьевых, поручила посетить в Лицее Александра. В Петербурге К.Н.Батюшков и Н.М.Муравьев принимают решение поступить на военную службу. 6 мая 1813 г. Батюшков в письме к В.Л.Пушкину высказал желание выехать в действующую армию. Дело в том, что в Нижнем Новгороде лечился генерал А.Н.Бахметьев, раненый в Бородинском сражении. В ответном письме из Нижнего Новгорода 20 мая 1813 г. В.Л.Пушкин сообщал: «Почтенный генерал ваш просил меня вас уведомить, что он на днях, а именно послезавтра отправляется в Петербург, и что немедленно по приезде своем туда пошлет вас в армию. Он, благодаря Бога, бодр и здоров, и сам торопится присоединиться к храбрым нашим войнам».¹⁵ Батюшков был назначен адъютантом к генералу Н.Н.Раевскому, возвратившемуся в действующую армию после тяжелого ранения под Красным, и участвовал с ним в сражении под Лейпцигом.

Поскольку Кипренский все лето 1813 г. работал у императрицы Елизаветы Алексеевны, Е.Ф.Муравьева привезла Никиту для снятия портрета в Царское Село. В правом верхнем углу портрета Н.М.Муравьева на лицевой стороне имеется авторская надпись: «ОК 1813 Царское Село». Это единственное документальное свидетельство пребывания Н.М.Муравьева в Царском Селе в 1813 г., не учтенное в «Летописи жизни и творчества А.С.Пушкина», составленной М.А.Цявловским. На портрете Никита Муравьев изображен в гражданском платье, следовательно, Кипренский рисовал его до вступления на военную службу, когда 7 июля 1813 г. он был зачислен прапорщиком свиты по квартирмейстерской части. 21 сентября 1813 г. был подписан приказ об откомандировании его в Польскую армию. В заграничных походах русской армии Н.М.Муравьев состоял по поручениям при генерале Л.Л.Беннигсене; так же как и Батюшков, был участником Битвы народов под Лейпцигом 4—7 октября 1813 г., за что был награжден орденом св. Анны IV степени. За занятие русскими частями Гамбурга получил орден св. Владимира IV степени.

1 августа 1814 г. Н.М.Муравьев был переведен в Гвардейский генеральный штаб и вместе с гвардейскими частями возвратился из заграничных походов в Петербург. 22 ноября 1814 г. прапорщик Муравьев посетил Лицей. Там он встречался с Пушкиным, так как 7 мая 1815 г. в письме из Вены, где он находился с 5 апреля 1815 г., спрашивал у матери: «Что делает Пушкин? Бывают ли у вас Катенин, Гнедич, Крылов?». Их всех лицеистов его интересовал только Пушкин.

В октябре 1814 г. Е.Ф.Муравьева купила в Петербурге дом на набережной реки Фонтанки, где у нее жили Батюшков, Кипренский, Уткин.

Портрет Натальи Кочубей

Одна из лучших работ Кипренского лета 1813 г. Хранится во Всероссийском музее А.С.Пушкина. О том, что портрет рисовался в Царском Селе, в каталоге Кипренского высказано осторожно. Но глядя на портрет, можно ли утверждать, что в таком открытом летнем платье модель могла выйти позировать художнику осенью или зимой? В программе записок Пушкина помечено: «1813 Государыня в С<арском> С<еле>. Гр. Коч<убей>».

Летом 1813 г. Наталье Кочубей шел 13-й год (она родилась 10 октября 1800 г.). Ей посвящены стихотворения Пушкина «Измены» (1815), «Дубравы, где в тиши свободы...» (1818) с эпиграфом, взятым из стихотворения немецкого поэта К.М.Виланда «Первая любовь». Пять заключительных строк этого стихотворения — своего рода описание изображенной на портрете девочки:

Она цвела передо мною,
И <я> чудесной красоты
Уже отгадывал мечтою
Еще неясные черты,
И мысль об ней одушевила
<Моей> цевницы первый звук
<И тайне сердца научила>.

К Наталье Кочубей относится и «Элегия» 1819 г., переписанная Пушкиным в третью кишиневскую тетрадь (ПД 833) с двумя строками отточий в конце стихотворения:

Воспомянем упоенной,
С благоговеньем и тоской
Объемлю грозный мрамор твой
Кагула памятник надменной.
Не смелый подвиг россиян,
Не слава, дар Екатерине,
Не задунайский великан
Меня воспламеняют ныне...

В 1895 г. Л.Н.Майков в книге «Историко-литературные очерки» впервые опубликовал письмо Н.Н.Раевского-младшего, отправленное из Белой Церкви в Михайловское, в котором тот 10 мая 1825 г. сообщал Пушкину: «Родители вашей графини Наталии Кагульской здесь уже с неделю. Я читал им в присутствии гостей вашего “Онегина”»; они от него в восторге» (XIII, 172, 535). Прозвище Наталья Кочубей, как графини Натальи Кагульской, связано с местом, где она гуляла и играла в Царскосельском парке — у Кагульского обелиска. Оно было понятно посвященному в тайну пушкинской любви Николаю Раевскому.

В 1827 г. Н.И.Уткин по заказу мецената Н.П.Румянцева, сына фельд-маршала П.А.Румянцева-Задунайского, выполнил гравюру императрицы Екатерины II с собачкой на фоне Кагульского обелиска. Пушкин знал эту гравюру, возможно, имел ее в своем распоряжении, когда встречей Маши Мироновой с Екатериной II у памятника в честь «побед графа Петра Александровича Румянцева» заканчивал роман «Капитанская дочка».

«Первая любовь всегда является делом чувствительности. <...> Вторая <...> — дело чувственности», — писал Пушкин в письме к княгине В.Ф.Вяземской в конце апреля 1830 г. (XIV, 81, 408) накануне своей помолвки с Н.Н.Гончаровой.

¹ Орест Кипренский. Переписка, документы, свидетельства современников. СПб., 1994. С. 121.

² Императрица Елизавета Алексеевна супруга Императора Александра I. Т. 1. СПб., 1908. С. 288.

³ Миниатюра из собрания Всероссийского музея А.С.Пушкина. СПб., 1996. С. 29, по каталогу № 13.

⁴ Орест Адамович Кипренский. Графика: Каталог. Л., 1990. С. 113.

⁵ Орест Кипренский. Переписка, документы... С. 224.

⁶ Императрица Елизавета Алексеевна... Т. 2. С. 463.

⁷ Орест Кипренский. Переписка, документы... С. 224.

⁸ Московская изобразительная пушкиниана. М., 1986. С. 58.

⁹ Либрович С. Пушкин в портретах. СПб., 1890. С. 6.

¹⁰ Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. 1799—1826/Сост. М.А.Цявловский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 60—124.

¹¹ Там же. С. 63.

¹² Императрица Елизавета Алексеевна... Т. 2. С. 458.

¹³ Описание Пушкинского музея Императорского Александровского лицея. СПб., 1899. С. 6.

¹⁴ Орест Адамович Кипренский. Графика: Каталог. Л., 1990. С. 112.

¹⁵ Пушкин В.Л. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 209.

¹⁶ Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина... С. 84.

С.В.Березкина

ОБ ЭПИТИМИЙЦЕ ПУШКИНЕ

В 1996 г. в статье Н.С.Новикова были обнаружены интересные сведения о жизни сосланного в Михайловское Пушкина.¹ Исследователь, изучавший в псковских архивах исповедальные росписи и клировые ведомости ближайших к Михайловскому церквей, обнаружил, что в них нигде не встречается имя поэта. Из этого следует, что в течение длительного периода (9 августа 1824 г.— 3 сентября 1826 г.) Пушкин и не исповедовался, и не причащался. Факт этот требует своего объяснения.

В Российской империи за религиозной жизнью верноподданных был строгий присмотр. Тот, кто, пренебрегая церковными таинствами, не был на исповеди более года, рисковал навлечь на себя большие неприятности со стороны духовных властей. Как же в таком случае понимать устранение от таинств сосланного Пушкина? Вот самый простой ответ на этот вопрос: видимо, во время жизни в Михайловском Пушкин был под эпитимьей, то есть под запретом на приобщение Св. Христовых Тайн. Но, возражает Новиков, никаких подтверждений этому в псковских архивах не обнаружено. А тогдашние консистории вели жесткий учет находившихся под эпитимьей. Пушкин же среди них не значился.²

Э.С.Лебедева высказала по этому поводу следующее предположение: «Наши недоумения разрешаются при мысли об отце Ионе, игумене Святогорского монастыря, которого, к сожалению, И.И.Пушкин обрисовал в своих записках как соглядатая и осведомителя, но который оказался высокодуховным старцем, так что современный исследователь даже готов увидеть в нем черты пушкинского Пимена (здесь имеется в виду Н.С.Новиков.— С.Б.). Отношение игумена Ионы к Александру Сергеевичу похоже на окормление старцем духовного чада. Подобного рода связи письменной фиксации не имели».³

Эта гипотеза весьма уязвима со стороны тех этико-психологических взаимоотношений, которые возникают между духовником и духовным сыном. Отец Иона осуществлял официальный духовный надзор за Пушкиным, а в таком случае, полагаем, трудно «исповедовать помыслы» «старцу», который в любой момент мог быть вызван властями для отчета о намерениях и действиях своего подопечного. Летом 1826 г. так и произошло. Приехавший со шпионскими целями А.К.Бошняк беседовал именно с игуменом Ионой и, к чести священнослужителя, получил от него благоприятный от-

звѣ о Пушкине.⁴ Да и у самого поэта старый монах оставил добродушное и ровное воспоминание, не лишенное, впрочем, оттенка иронии.

Нам представляется поспешным сбрасывание со счетов самого предположения об эпитимье, наложенной в 1824 г. на Пушкина. «Покойный имп<ератор> в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки не-религиозные», — писал Пушкин П.А.Плетневу в начале 1826 г. (XIII, 256). Речь идет о письме к неустановленному адресату (П.А.Вяземскому или В.К.Кюхельбекеру; апрель-май 1824 г.), где поэт признавался в том, что берет «уроки чистого афеизма» (XIII, 92). Перехваченное письмо послужило последней каплей, переполнившей чашу терпения власть предержащих, и выписка из него как главное обвинение фигурировала в деле о высылке Пушкина из Одессы.⁵ Таким образом интрига М.С.Воронцова и К.В.Нессельроде, искавших повод для этого, увенчалась полным успехом. То, что Пушкин страшно раздражил собой Воронцова, осталось, так сказать, за строкой дела о «дурном поведении» Пушкина на юге. В нем определяющим было совсем другое.

В переписке между Петербургом, Одессой и Псковом нигде нет упоминаний о предполагавшемся духовном надзоре за Пушкиным. Везде речь идет лишь о передаче его под надзор начальства или предводителя дворянства.⁶ Тем не менее нам доподлинно известно, что игумен Иона имел отношение к духовной опеке, установленной над поэтом. В словарной статье об эпитимье у В.И.Даля есть такое пояснение: «*Отдать кого под эпитимью*, под духовный надзор и поучения, с наложением духовного запрещения».⁷

Подобного стеснения церковной жизни Пушкин не знал ни в Кишеневе, ни в Одессе, и понятно, почему: причина ссылки в Михайловское (в отличие от более ранней) была не столько политическая, сколько религиозная. В тогдашней России объявить кому бы то ни было о своих симпатиях к атеизму было непростительной смелостью. За это Пушкин и поплатился.

Был ли он подвергнут эпитимье? По-видимому, да. Об этом есть упоминание у П.И.Бартенева, выдающегося знатока пушкинской биографии, по крупицам собиравшего свои знания в кругу друзей поэта. Об одесских событиях 1824 г. он писал в заметке «Из записной книжки “Русского Архива”», напечатанной в 1892 г.: «Следствием была полная ссылка: он отдан был под надзор местного дворянского предводителя и соседнего архимандрита <...>». К этому сообщению автор заметки дал следующее примечание: «Следует доискаться в архивах Св. Синода или Псковской Духовной Консистории, не сохранилось ли донесений *дедушки-игумена* (выделено Бартеневым. — С.Б.) об эпитимийце Пушкине».⁸

Бартенев не мог употребить слово «эпитимийце» в каком-нибудь метафорическом значении. Для человека той культуры это было невозможно. Значит, он что-то знал об эпитимье Пушкина периода михайловской ссылки? В современных условиях призыв Бартенева звучит очень актуально: нужно активизировать архивные разыскания и, наконец, прояснить этот все еще «темный эпизод» в пушкинской биографии.

¹ Новиков Н.С. Летопись сельца Михайловского и окрестностей, которую вели священнослужители//Христианская культура. Пушкинская эпоха. Вып. XII. СПб., 1996. С. 43.

² Там же.

³ Лебедева Э.С. Отзвуки дела о «Гавриилиаде» в истории гибели и похорон Пушкина// Христианская культура. Пушкинская эпоха. Т. XVI. СПб., 1997. С. 102.

⁴ Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925. С. 27—28.

⁵ «Дело о высылке из Одессы в Псковскую губернию коллежского секретаря Пушкина» (Из архива бывшего Новороссийского генерал-губернатора)// Вестник Одесского градоначальства, 1899, № 103, 3 мая. С. 2—4. См. также: Анненков П.В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху: 1799—1826. СПб., 1874. С. 262—263.

⁶ См. по: Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина: 1799—1826/Сост. М.А.Цявловский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 436, 438 и др.

⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1935. С. 685.

⁸ Бартенов П.И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников/Вступ. ст., сост. и примеч. А.М.Гордина. М., 1992. С. 298.

Н.И.Уварова

ЕЩЕ РАЗ «О МНИМОМ ПОРТРЕТЕ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВА»

В статье «О мнимом портрете Александра Иванова», опубликованной в 1-м выпуске сборника «Страницы истории отечественного искусства»,¹ собраны факты, свидетельствующие в пользу определения 221-го персонажа картины Г.Г.Чернецова «Парад на Царицыном лугу» (1836) как ученика братьев Чернецовых Антона Иванова, и приведены доказательства несостоятельности первоначальной атрибуции Н.Г.Машковцева, считавшего, что 221-м персонажем мог быть Александр Иванов.² Однако в последние годы появились новые данные, которые, как нам кажется, не позволяют категорически отказать от мнения Машковцева.

Прежде всего не был учтен подписной автопортрет самого Антона Иванова из собрания Третьяковской галереи, экспонировавшийся на выставке «Автопортрет» в 1977 г.³ Хотя иконографические материалы в оригинальной графике не могут не иметь субъективного характера, однако некоторые черты нельзя изменять слишком сильно. В противном случае теряется портретное сходство, которым во времена Чернецова дорожили. Отличия в чертах лица 221-го персонажа и Антона Иванова поразительны. Острый носик «уточкой» в автопортрете имеет совершенно иной угол и по-иному соотносится с лицевыми объемами, чем в портрете Чернецова. Отсутствие портретного сходства в двух изображениях одного лица, исполненных учителем и учеником — важный аргумент, свидетельствующий против определения А.Иванова в картине Чернецова как Антона Иванова. Нет оснований не верить автопортрету самого художника.

Еще одно не учтенное до сих пор свидетельство полностью снимает сомнения в подлинности портрета Александра Иванова 1828 г. из Государственной Третьяковской галереи.⁴ Напомним, что эта работа имеет удостоверяющую надпись: «Сей Портрет Александра Андреевича Иванова писан им самим 1828 года Павел Петров». До сих пор не было известно, насколько сей Павел Петров компетентен как свидетель. Однако сохранился еще один автограф его, воспроизведенный в том же сборнике, что и рассматриваемая статья, на листе с рисунками Александра и Андрея Ивановых: «Милостивейший Государь! Андрей Иванович! Прошу Вас покорнейше подателью сего письма сыну моему дать десять билетов для пропуска в Академию, чем весьма много обяжет покорного вам слугу Павла Петрова, бывшего у вас вчера и веселившего вашего сына. Сентября 11 дня 1827 года».⁵ «Весе-

лил» тогда автор послания скорее не совершеннолетнего Александра, а 5-летнего Сергея, что не мешало ему, конечно, знать братьев Ивановых в лицо и быть в курсе событий жизни и творчества семейства, к главе которого он так непринужденно обращался.

Не вызывает сомнения также происхождение этой вещи. К Н.П.Смирнову-Сокольскому она перешла от С.П.Яремича, бывшего посредником между семьей М.П.Боткина и Обществом поощрения художеств при покупке последним хранившегося у Боткиных художественного архива Ивановых и сосредоточившего лучшие материалы этого архива в своей коллекции.

Поэтому необходимо считаться с очевидным конструктивным сходством лица А.Иванова в картине Чернецова и автопортрета Александра Иванова 1828 г. Как нельзя и игнорировать различие черт лица изображенного на картине Чернецова и на автопортрете Антона Иванова. Имеющиеся в первом случае мелкие отличия в форме головного убора, а также в «прозаическом» воссоздании образа юноши, связаны с особенностями восприятия натуры Чернецовым. Достаточно сравнить портреты петербургских красавиц на первом плане его картины с этими же образами, созданными П.Ф.Соколовым или В.И.Гау, чтобы согласиться с тем, что подобный метод — в характере самого художника, которому нельзя отказать в точности передачи портретных черт.

И последнее: о принципе подбора изображенных на картине Г.Г.Чернецова. В статье «О мнимом портрете...» отмечается, что «Чернецов, подбирая “зрителей” для своей картины, не притерживался исторической достоверности присутствия того или иного персонажа на параде. Для него было важнее представить разнообразие слоев населения Петербурга и возможно полнее — группу, к которой сам принадлежал».⁶ Предложенный принцип отбора представляется несколько модернизированным. Так мог поступать более независимый автор. Реальная степень участия, или, скорее, неучастия художника в работе над подобным полотном выявлена в недавней статье Б.И.Асварица «Крюгер в России».⁷ Исследователь привлек обширные архивные материалы. Из переписки министра Императорского двора князя П.М.Волконского с Ф.Крюгером следует, что этот художник, пользующийся европейской известностью, к тому же и не подданный российского императора, во всех своих заказных работах был не волен в выборе.

И Чернецов не был самостоятелен в своем выборе — и крестьяне в его картине только избранные, и мещане попали на полотно не случайно. Принцип отбора зрителей точно определен в газете «Северная пчела»: «В большой картине Чернецова старшего, которую мы видели, у него будет выполнена мысль Крюгера: вместо зрителей все портреты современные, известных лиц, всех классов и всех родов и известностей, разумеется, не оскорбительных однако для нравственности».⁸ Изображенные должны были быть известны, конечно, не Чернецову, а в обществе, то есть при дворе. Например, изображенный на полотне крестьянин, талантливый самородок Н.Телушкин, прославился тем, что отремонтировал шпиль Петропавловского собора. Естественно, по тому же принципу в картину известных художников, братьев Чернецовых, был включен и их отец, мещанин города Луха. Необычная судьба всех троих широко обсуждалась в той же «Северной пчеле». Но Антона Иванова знал только автор полотна. В момент написания кар-

тины Чернецов не должен был бы рекомендовать его как художника — пока он был лишь учеником. Его первые самостоятельные работы были исполнены позже, самая ранняя датируется 1838 г. Поэтому, если бы Чернецов добавил в картину, заказанную императором, портрет своего никому не известного ученика, это было бы, может быть, единственным исключением из общего правила. Но даже неизвестное зрителям лицо Чернецов не стал бы менять до неузнаваемости, так что в предположении о том, что в картине изображен Антон Иванов, сомнителен и принцип отбора модели, и сходство предполагаемого портрета.

Остается еще один аргумент, как будто отрицающий первоначальное определение «А.Иванова» как известного живописца, академика исторической живописи Александра Андреевича Иванова — это то скромное место, которое отведено ему на полотне. Фигурка затерянного в толпе у правого нижнего края великого художника несоразмерна тому пьедесталу, с которым мы относимся к нему. И в списках изображенных имя «А.Иванов» объединено с именем Н.Тихобразова общей фигурной скобкой: «художники», как не объединил бы их никто из наших современников, если бы речь шла об Александре Иванове. Но надо вспомнить реальные отношения и ранги, которых придерживался Чернецов, а также время исполнения полотна и время появления в картине персонажа, обозначенного в списке изображенных под № 221 — «А.Иванова».

Картина Чернецова была окончена и выставлена в залах Академии Художеств на выставке в ноябре 1836 г., причем среди изображенных «А.Иванова» еще не было. Но на той же выставке впервые была показана привезенная из Италии картина «Явление Христа Марии Магдалине по воскресении» одного из пенсионеров Общества поощрения художников, Александра Андреевича Иванова. Никому доселе неведомый, он внезапно прославился, о нем заговорили. «Кто бы мог подумать, чтобы моя картина “Иисус с Магдалиною” производила такой гром?.. Я привык видеть только выговоры со стороны моих покровителей», — писал тогда Александр Иванов отцу.⁹ И вот, в начале следующего, 1837 г., в картине Чернецова появляется 221-й персонаж — «А.Иванов».¹⁰ Его имя было объединено с именем Н.Тихобразова, известного своими портретами самых высокопоставленных особ еще до своего поступления в Академию Художеств. И позже он был известен при дворе, где давал уроки рисования детям великой княгини Марии Николаевны. Иными словами, Тихобразов был лицом отнюдь не безвестным. Александр Иванов, получивший признание уже после завершения основной работы над картиной Чернецова, не мог оказаться в центре ее. Кроме того, в Петербурге тогда было единственное изображение, которым можно было руководствоваться при воспроизведении облика Александра Иванова — его юношеский, несовершенный, видимо, рассчитанный только на зрителей из собственного семейства, автопортрет. Место и особенности облика персонажа № 221 полотна Чернецова вполне объяснимы описанными здесь обстоятельствами.

Так или иначе, все перечисленные выше факты: несомненное сходство данного изображения с автопортретом Александра и отсутствие такового с автопортретом Антона Иванова, заведомая отстраненность Чернецова от выбора персонажей толпы зрителей на своем полотне, исторически обус-

ловленная положением художника, и степень известности изображенных лиц, — не позволяют считать доказанным тождество персонажа № 221 с учеником братьев Чернецовых Антоном Ивановым и скорее свидетельствуют в пользу мнения Н.Г.Машковцева о том, что им был Александр Андреевич Иванов.

¹ Смирнов Г.В. О мнимом портрете Александра Иванова//Страницы истории отечественного искусства. Вып 1. XVIII — первая половина XIX века/ГРМ.— СПб., 1993. С. 103—108. В основу данной посмертной публикации бывшего заведующего отделом живописи Государственного Русского музея Георгия (Юрия) Викторовича Смирнова (1905—1988) был положен доклад, прочитанный им еще в середине XX в. В статье осуществлено благородное дело восстановления из небытия творческой биографии забытого художника, ученика братьев Г.Г. и Н.Г.Чернецовых Антоном Ивановом.

² Искусство, 1937, № 2. С. 129—159, 159—162.

³ Автопортрет в русском и советском искусстве: Каталог выставки. М., 1977. С. 12, № 100.

⁴ Государственная Третьяковская галерея. № Ж-4917 Б., 43,2 x 33,2.

⁵ Страницы истории отечественного искусства... С. 90, оборот рис. «Наброски фигур» из собрания Научно-исследовательского музея Российской Академии Художеств, инв. № Р-9801. В подписи под воспроизведением данного листа допущена опечатка: указан один художник, но здесь очевидны рисунки двух разных авторов — слева архаичный контурный рисунок тяжеловесного образа, руки Андрея Иванова (ср. с воспроизведением на следующей странице подписного рисунка профессора), и справа динамичный, легкий, поастичный рисунок того же образа художника другого поколения А.А.Иванова. Подпись должна была быть такой: «А.И.Иванов, А.А.Иванов. Оборот рисунка “Наброски фигур”». И наоборот, на предыдущей странице 89 все наброски исполнены только А.А.Ивановым, но в подписи, ошибочно: «А.И.Иванов, А.А.Иванов». Первое имя, видимо, оказалось здесь из подписи к следующей иллюстрации. Правильная подпись под иллюстрацией на странице 89: «А.А.Иванов. Наброски фигур».

⁶ Страницы истории отечественного искусства... С. 103.

⁷ Асвариш Б.И. Крюгер в России//Проблемы изобразительного искусства XIX столетия. Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 4. Л., 1990. С. 99—116.

⁸ Северная пчела, 1833, № 279, 5 дек. С. 1107.

⁹ Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806—1858 гг./Изд. Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 97.

¹⁰ Дополнение Г.Г.Чернецовым своей картины еще одним персонажем, сделанное прямо на экспозиции именно тогда, когда картина А.А.Иванова «производила гром», и снабженное пояснением: «А.Иванов — художник», могло быть понято зрителями только как изображение «того самого» А.Иванова, иначе нужно было бы пояснение, что имеется ввиду ученик братьев Чернецовых.

М.А.Яковлева

«С ПОСЛУШНОЙ КУКЛОЮ...»

Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на пороге узнал, что Наталия Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда.

А.С.Пушкин — П.В.Нащокину, 27 мая 1836 г.

23 мая 1836 г. на даче на Каменном острове родилась младшая дочь Пушкина — Наталья, четвертый ребенок в семье. Дача эта принадлежала статскому советнику Ф.И.Доливо-Добровольскому и состояла тогда из двух отдельных домов, флигеля и крытой галереи. Дети с няньками жили отдельно от родителей.

Возвратившись с дачи, семья перебирается в дом С.Г.Волконской на Мойке. Здесь детская комната — рядом с кабинетом. Это, конечно, создавало неудобства: шум из детской доносился в кабинет, мешал работать.

А может быть, ему нужно было слышать их голоса, чувствовать их присутствие? Может быть, ему нужны были шум детей и эта близость детской к его кабинету?

В детской стояли когда-то кровати, были разбросаны какие-то вещи, игрушки... А какие игрушки были у его детей? В какие игры он сам играл со своими сверстниками? Какие игрушки, в конце концов, могли находиться в этой комнате?

Художник Константин Коровин встретил как-то в Английском клубе А.А.Пушкина.

«— А вы хорошо помните отца?

— Помню мало... Помню, игрушки мне какие-то привез с матерью...»¹

Всего два слова — «привез игрушки». Как жаль, что Александр Александрович так немногословен, что не оставляет нам подробностей своего детства. И какое счастье, что современники А.С.Пушкина и его сына были откровеннее и «разговорчивее»!

«Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями<ми>», — писал Пушкин в «Романе в письмах» [VIII (1), 53].

«<...> Я был совершенно один, игрушки стали скоро мне надоедать, а их у меня было много: чего-чего не дарил мне дядюшка! И кухню, в которой готовился недели три обед, готовился бы и до сего дня и часа, ежели б я не отклеил задней стены, чтоб подсмотреть секрет, и избу, покрытую мохом,

в которой обитал купидон, весь в фольге, и волшебный фонарь, занимавший меня всего более. <...> Вот является на стене яркое пятно, и больше ничего, надумаешься тут, — что-то явится в этих лучах славы и вогнутого стекла <...> вдруг выступает слон, увеличивается, уменьшается точно живой, иной раз пройдет вверх ногами, чего живому слону и не сделать, потом Давид и Голиаф дерутся и двигаются вместе, потом арап, черный, как моська Карла Ивановича, камердинера дядюшки. Весело было смотреть на такое общество и вверх головою и вверх ногами»,² — так писал А.И.Герцен, родившийся в 1812 г. и, таким образом, являвшийся ровесником Натальи Николаевны Пушкиной. Александр Иванович оставил удивительно трогательные, интересные и подробные (что особенно важно для нас!) воспоминания о своем детстве.

А волшебный фонарь, так занимавший маленького Сашу Герцена, мог быть любимой игрушкой и детей Пушкина, и его самого. Этот проекционный прибор, отбрасывающий на экран при помощи собирательных и увеличительных стекол цветные изображения предметов, нарисованных на прозрачной пластинке, был изобретен иезуитом Кирхнером и в Россию попал еще в XVIII в. Эта замечательная игрушка вызвала восхищение самого Г.Р.Державина.³

Еще у маленького Герцена была примечательная книжка-игрушка, которую, к счастью, и сегодня можно увидеть в детской квартиры Пушкина на Мойке. «Рассказами о пожаре Москвы меня убаюкивали, сверх того, у меня были карты, где на каждую букву находилась карикатура на Наполеона с острыми двустигиями, например:

Широк француз в плечах, ничто его неймет, —
Авось-либо моя нагайка зашибет, —

и с еще более острыми изображениями, например, Наполеон едет на свиные и прочее».⁴

Речь идет о знаменитом издании «Подарок детям в память о событиях 1812 г.», более известном как «Теребеневская азбука». «Азбука» — это маленькие графические карточки, раскрашенные акварелью от руки и вышедшие в свет в конце 1814 г.

Вообще, книги занимали в детском быту очень большое место и входили в жизнь ребенка так же рано, как и игрушки. Граф Михаил Дмитриевич Бутурлин рос в семье, в которой в употреблении был английский язык. Вполне возможно, что именно поэтому он считал английские книги лучшими. «В то время не было лучших книг для детского возраста, как английские. Даже французских было мало, и они были не настолько удовлетворительны как английские, а о русских нечего и говорить», — так он пишет в своих «Записках».⁵ И продолжает далее: «Английские же книжки, напротив, были изящно изданы и с раскрашенными картинками, а иные служили заменой игрушек. Там, например, было описание приключений одного мальчика в отдельно вырезанных при тексте картинках, представлявших костюмы всех случаев его жизни, и для всех этих костюмов служила одна и та же головка, которая вставлялась во все туловища. Сначала мальчик был из нищих, потом постепенно переходил в школьника, ремесленника, лакея

богатого дома, купеческого приказчика и, наконец, превращался в богато одетого молодого человека. Выписывалось для нас в Англии по целому ящику подобных книжек и поучительных игрушек, и мы ждали с нетерпением их прибытия».⁶

Детям всегда интересны и взрослые книги с картинками. Маленький Михаил Бестужев, не имея великолепных детских книг наподобие английских изданий его богатого тезки Бутурлина, с увлечением рассматривал книги своего старшего брата Александра. «Меня, как ребенка, прельщали иллюстрированные картинки, изображавшие костюмы и быт разноплеменных народов, и я по целым часам стоял позади кресел, чтобы дожидаться, когда брат откроет новую картинку... Он объяснял мне, что вот этот калмык, этот самоед, а это алеут, рассказывал, как они живут, как ездят в санках на оленях или как плавают в байдарках, как промышляют бобров и других зверей».⁷

Книжки-игрушки привозила Маше Толстой сама императрица Елизавета Алексеевна. М.Ф.Каменская — дочь известного художника и медальера Ф.П.Толстого — называет их в своих «Воспоминаниях» «картинками». На вопрос императрицы, что ей привезти в подарок, маленькая Маша просит «картинок» — «кораблик, а дернешь за хвостик, кораблик разломится, и там — девочки». «И много таких картинок по моему велению привозила мне тогда императрица. Должно быть, я их всех переломала, беспрестанно держа за хвостик, а другие картинки (без движения) у меня в альбоме сохранились до сих пор, но они все очень сентиментального содержания: все на них жертвенники, факелы, пирамиды, пламенеющие сердца <...>».⁸

Но, конечно, привлечь внимание маленькой девочки такими картинками было трудно. Каменская вспоминает, что эти картинки и сохранились у нее только благодаря тому, что были ей не интересны. «Вот большая восковая кукла, которую привезла Лизаньке Елизавета Алексеевна, — это другое дело. Помню до сих пор, как мне хотелось эту куклу хоть немножечко подержать в руках. <...> При кукле (чтобы одеть ее) был привезен целый картон разных красивых лоскутков».⁹

Кажется, целую вечность девочки играют в куклы. И в самом деле, куклы были еще в Древней Греции и тогда имели окрашенные деревянные, восковые или глиняные лица. И хотя повальное увлечение механическими статуями (автоматами) охватило Европу в конце XVIII в. (особенно ценились автоматы французского механика Ж.Бокансона), в Древней Греции уже нередко делались куклы с подвижными руками и ногами.

Итак, в куклы играют с давних времен все девочки. Это подтверждают и воспоминания о своем детстве современниц и самого Пушкина, и его детей.

И вдруг, диссонансом звучит голос А.П.Керн: «В куклы я никогда не играла <...>».¹⁰ Совсем как пушкинская Татьяна. Конечно, всегда существуют исключения из правил: и мальчики, играющие в куклы, и девочки, увлекающиеся игрой в солдатиков. Но Анна Петровна всегда была благовоспитанной барышней и ничем не походила на знаменитую кавалерист-девицу Н.А.Дурову. И если Татьяна Ларина «узором шелковым не оживляла полотна», то А.П.Керн вспоминает далее: «Мы любили наши уроки и всякие занятия вроде вязанья и шитья подле m-lle Бенуа <...>».¹¹

Ответ на вопрос о нежелании маленькой Керн играть в куклы может дать год ее рождения — 1800. И хотя рассматриваемый нами временной отрезок

достаточно широк, надо учитывать, что мало видоизменяются игры и игрушки современников Пушкина и его детей, но зато меняются сами дети.

На рубеже XVIII—XIX вв. (время рождения А.П.Керн) очень изменился общий стиль культуры. С этого времени начали ценить ребенка и детство. Ребенок, наконец, перестает быть маленьким взрослым. Но не сразу, конечно, а постепенно. Об этом рассказал нам Ю.М.Лотман в своих «Беседах о русской культуре».

У поколения, родившегося на рубеже веков, было особое детство. Мальчики готовили себя стать героями, а девочки — подругами этих героев. Мировоззрение формирует литература. «Женщина постоянно и активно усваивала роли, которые отводили ей поэмы и романы. <...> Герои литературы делаются героями жизни».¹²

«<...> мне удавалось удовлетворять своей страсти к чтению, развившейся во мне с пяти лет. Я все читала тайком книги моей матери...», — вспоминала А.П.Керн.¹³

Как маленький Никитушка Муравьев — будущий декабрист — в описываемом Лотманом эпизоде на детском балу не хочет танцевать, так, вероятно, маленькая Керн не желает играть в куклы.

И все-таки в жизни людей и в мире игрушек куклам принадлежит особое место.

Не столь героические, как А.П.Керн, девочки с удовольствием играют в куклы. В конце XVIII — начале XIX вв. Россия следовала французской моде. Это отразилось и на фарфоровых куклах — «дамы и господа» в традиционных костюмах эпохи. Куклы были очень разнообразны — от простых на одной ножке (палочке) до дорогих и с двумя ножками. Иногда кукол делали из глины и мела, были бумажные и тряпичные, куклы-марионетки в костюмах Пьеро, Арлекина, Коломбины. В богатых домах можно было увидеть уже упоминавшиеся куклы с фарфоровыми головками или совсем фарфоровые. Но чаще в воспоминаниях встречаются все-таки восковые куклы.

О такой кукле вспоминала М.Ф.Каменская, о ней же пишет А.А.Фет: «<...> дочь Никитина, Лиза, подарила Анюте прелестную восковую куклу, открывавшую и закрывавшую глаза. Кукла эта, стоя на подставке, едва ли не была ростом больше самих девочек».¹⁴

Легко можно представить сияющие глазки Маши Пушкиной, получившей в подарок такую куклу! «Что ты про Машу ничего не пишешь? Ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а все люблю ее затеи», — спрашивал Пушкин жену в письме 2 октября 1835 г. Поневоле пожалеешь, что нашокинский домик не достался Наталье Николаевне и Маше Пушкиной не пришлось в нем пир устраивать!

Игрушки, конечно, различались в зависимости от благосостояния семьи. В провинциальной Уфе игрушки и игры — совсем простые. Вот что пишет С.Т.Аксаков в «Семейной хронике»: «Я забавлял сестру разными игрушками или показыванием картинок. Игрушки у нас были самые простые: небольшие гладкие шаржи или кусочки дерева, которые мы называли чурочками, я строил из них какие-то клеточки, а моя подруга любила разрушать их, махнув своей ручонкой. <...> Мать достала мне клетку с птичками и пару ручных голубей, которые ночевали под моей кроватью».¹⁵

Ему словно вторит Фет: «Отец не был против игр и даже беготни детей, но неприветливо смотрел на игрушки, даримые посторонними. “Не раздражайте желаний,— говорил он,— их и без того появится много. Деревянные кирпичики, колчушки — самые лучшие игрушки”».¹⁶

«Из игрушек мне особенно нравился ящик, в котором были мужики и работали: кто пилил, кто строгал, кто рубил,— механизм приводился в действие вертящейся сзади ящика ручкой, спереди ящик был закрыт стеклом от пыли»,— это уже о своей любимой игрушке вспоминал Л.М.Жемчужников, один из будущих создателей Козьмы Пруткова.¹⁷

Эта игрушка уже совсем близка к народной механической игрушке. Описание таких игрушек и игр в своей книге очень полно дал Е.А.Покровский.¹⁸

Одной из любимых игр будущих русских императоров была, как ни странно, тоже народная игра — в бирюльки. Согласно В.И.Далю, «играть в бирюльки» — значит заниматься бездельем, пустяками. На самом деле, это довольно сложная игра, состоящая в осторожном поднимании в беспорядке набросанных соломинок таким образом, чтобы не шевельнулась ни одна из лежащих внизу. Иногда для игры делали разнообразные игрушечные предметы — ведерки, чашечки и т. п.,— которые нужно было осторожно поднимать из кучи специально заготовленным для этой цели проволочным крючком. Игра требовала предельного внимания и осторожности. Вот этой-то игрой и увлекались в детстве и будущий Александр I, и его племянник — будущий Александр II. Говорят, что больше всего в редкие минуты отдыха любил Александр II выстраивать карточные домики. Этаж за этажом возводил он гигантские сооружения, разваливающиеся от малейшего движения. А у царя эти домики не разваливались. Может быть, сказывался опыт игры в бирюльки?

Еще одной игрой увлекались наши будущие императоры — в бильбоке. Это очень старая игра, в которую с удовольствием играли и взрослые. Так, еще французский король Генрих III Валуа посвящал ей немало времени. Игра называлась так по названию шарика, прикрепленного на длинном шнуре к палочке. Его подбрасывали и ловили на острие на одном конце палочки, или в чашечку — на другом. Играть можно было и в детской, и в саду. Так, Д.Д.Благово, описывая свои прогулки в Петровском парке с 1838 г., упоминает и детские игры, в том числе и бильбоке.¹⁹

Мальчики очень любили играть «в лошадки». Вот как описывает игру Е.А.Покровский: «К палочке, немного остроганной или украшенной узорами, приделывают резную головку лошадки или туловище ее. Иногда конек весь вырезается из дерева, красится какой-либо краской, большей частью красной, а глаза, рот, грива разводятся черной краской. Иногда делаются и картонные лошадки. При лошадках этих иногда делаются для летней езды тележки, а для зимы сани. При лошадках, кроме того, полагаются: кнутики, колокольчики и бубенчики. Вместо лошадки дети иногда надевают эти колокольчики и бубенчики на себя и со всеми этими игрушками возятся целые дни».²⁰

О такой лошадке, вероятно, и вспоминал А.А.Фет: «<...> у меня была картонная лошадка» (на ней можно было скакать верхом).²¹

Родители Фета, как видно из приведенных выше воспоминаний, своих детей не баловали, но присутствие в детской птиц считали, вероятно, не-

обходимостью. Так, у маленькой сестры Фета Анюты было два любимца — «серый попугай Коко и колибри».²²

Трудно представить себе детскую, в которой играют мальчики, без оловянных или бумажных солдатиков. В солдатиков продолжают играть и уже определенные в учебные заведения. Л.М.Жемчужников, отданный после смерти матери в Александровский малолетний царскосельский кадетский корпус, вспоминает, с каким увлечением между наукой и гимнастикой, танцами и пением, забавлялись игрой в оловянных или бумажных солдатиков.²³

К бумажным, раскрашенным, так называемым «страсбургским» солдатикам мальчики относились очень бережно. Причем, эти бумажные фигурки не обязательно и раскрашивали «под солдатиков».

Вот отрывок из воспоминаний П.П.Семенова-Тян-Шанского: «Игрушки нам привозились и присылались из столицы родными, но они меня мало занимали, за исключением четырех, оставшихся у меня в памяти. С одной излюбленной я не расставался во весь период моего детства. Это были раскрашенные портретики во весь рост русских государей, начиная от Рюрика до Александра I, вырезанные и написанные на картоне красками. Эти фигурки, имевшие вершка 4 в высоту, были крепко приклеены к дощечкам, при помощи которых они расставлялись. Большое наслаждение доставляла мне расстановка на полу всех этих многочисленных фигурок, имена которых я так себе усвоил, что мог, будучи в пятилетнем возрасте, перечислить их подряд в хронологическом порядке их княжения или царствования. Игрушка эта подарена была мне лично, составляла мою самую драгоценную собственность и хранилась под ключом в моем собственном маленьком сундучке вместе с немногими излюбленными мною мелочами».²⁴

В солдатиков играли и царские дети. Сам император Николай I с удовольствием играл в них с сыновьями. «<...> по вечерам часто появлялся в детской, обучая сына игре в оловянных солдатиков.

— Бросайте жребий <...>, — объявлял он детям. — У кого мне сегодня быть начальником штаба?

И далее начиналась игра. Из ящиков доставались солдатика, пушки, палатки и прочие принадлежности лагерной и боевой жизни».²⁵

Первою же игрушкой самого Николая I было деревянное ружье. «Тогда же один придворный лакей поднес ему разные чучела птиц, затем ему по очереди покупались литавры, деревянные шпаги и разные игрушки с механическими приспособлениями».²⁶

В детской, конечно, должны были быть разбросаны и кегли, и мячи, и волчки, а на раскладном столике (очень удобном в детской), вполне возможно, лежало детское лото братьев Вдовичевых.

Если только пофантазировать...

Конечно, одной статьей невозможно исчерпать столь объемную и увлекательную тему. Мир детства велик и полон красок, а игры и игрушки всегда являлись ярким показателем развития общества. Многие из них, к сожалению, исчезли навсегда, некоторые стали непонятны сегодняшним детям.

Читая воспоминания современников Пушкина, убеждаешься, какое огромное место в их детстве занимали игрушки, как они, наравне с книгами, формировали личность маленького человека, его достоинство, честь, ум.

Это тем более интересно, что мы знаем, какими взрослыми стали эти дети, помним, что все они — современники Пушкина.

Ф.М.Достоевский еще в 1880 г. сказал, что Пушкин «унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Может быть, мир детства поможет нам сегодня — нет, не разгадать, конечно, — а хотя бы прикоснуться к этой великой тайне, называемой Миром Пушкина.

¹ Новое русское слово (Нью-Йорк), 1973.

² Герцен А.И. Записки одного молодого человека//Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 1. М., 1954. С. 261.

³ Путеводитель по Пушкину. СПб., 1997. С. 88.

⁴ Герцен А.И. Указ соч. С. 260.

⁵ Записки гр. М.Д.Бутурлина//Русский Архив, 1897, № 1. С. 416.

⁶ Там же.

⁷ Бестужев М.А. Детство и юность А.А.Бестужева (Марлинского). 1797—1818//Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 204.

⁸ Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 66.

⁹ Там же. С. 67.

¹⁰ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 113.

¹¹ Там же. С. 121.

¹² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 64.

¹³ Керн А.П. Указ. соч. С. 113.

¹⁴ Фет А.А. Ранние годы моей жизни//Фет А.А. Воспоминания. М., 1983. С. 31.

¹⁵ Аксаков С.Т. Семейная хроника. М., 1981. С. 71.

¹⁶ Фет А.А. Указ. соч. С. 38.

¹⁷ Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 27.

¹⁸ Покровский Е.А. Детские игры. Преимущественно русские. СПб., 1994 (репринт. изд.).

¹⁹ Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. Л., 1989. С. 162 (Лит. памятники).

²⁰ Покровский Е.А. Указ. соч.

²¹ Фет А.А. Указ. соч. С. 38.

²² Там же. С. 180.

²³ Жемчужников Л.М. Указ. соч. С. 36

²⁴ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Детство и юность//Русские мемуары. Избранные страницы 1826—1856 гг. М., 1990. С. 421—422 (Лит. воспоминания).

²⁵ Коняев Н. Игрушки русских императоров//Кругозор, 1993, № 2. С. 32.

²⁶ Глинский Б.Б. Царские дети и их наставники. СПб.; М., 1912. С. 234.

А. П. Варфоломеев

ПУЩИН, ИВАН ИВАНОВИЧ
(К истории создания и датировке
фотопортретов)

«...я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достояние России».

И. И. Пущин

«**М**ой первый друг, мой друг бесценный!..» — это Пушкин о нем.

Иван Иванович Пущин (1798—1859), выбираясь, через Москву, из сибирской ссылки, не преминул в первопрестольной заглянуть в «Светопись» немца А. Бергнера. Декабристы возвращались из Сибири в конце 1856 г., и прежде, чем двинуться дальше — кому куда, а Пущину — к берегам Невы, некоторые из них и засвидетельствовали свои черты перед фотообъективом.

Фотография входила в моду, в крупных городах работали приезжие профессионалы из Франции и Германии. Наряду с салонным портретом, можно было заказать «визитку» — небольшого размера фотокарточка, наклеенная на паспарту, становилась непременным атрибутом светского общения: «визитки» дарили, собирали в альбомы как материализованную память о близких и знакомых людях. С появлением двухступенчатого процесса «негатив — позитив» количество фотокопий могло быть уже любым, в отличие от дагерротипа: на посеребренной оловянной или медной пластинке изображение оставалось в единственном экземпляре. Дагерротипия уходила в прошлое.

«Бергнеровский» портрет Ивана Ивановича — наиболее ранний из двух известных фотопортретов Пущина, вероятное время съемки: последняя неделя ноября — первая половина декабря 1856 г. С фотографии «друг бесценный» смотрит утомленным, но все еще лучистым взором. После 30-летней разлуки и «<...> сердечного, родного праздника, который начался в Москве у Рябинных», Пущин растерянно-радостно вглядывается в новую обстановку, новых людей — в изменившийся мир. В облике стареющего, но по-прежнему красивого мужчины, которому, по словам портретируемого — давно ли писал Е. А. Энгельгардту! — «<...> и теперь случается сосрить и моргнуть», угадываются черты человека, лик которого хочется разглядывать, перекидывая мостик к Пущину-лицеисту. А от того «Жанно» до Пушкина и школьника — рядом, как были кельи их лицейские, или как дома на Мойке.

Запомним этот великолепный фотопортрет. И поговорим о нем чуть ниже: в разных фондах хранения фотографии этого портрета Пущина датируются

по-разному — 1856, 1857 и даже 1858 гг. Не где-нибудь — в Литературном музее Пушкинского Дома (ИРЛИ), в фотофондах Государственного Эрмитажа, во Всероссийском музее А.С.Пушкина. В публикациях разночтение множится многотысячными тиражами...

Был ли третий портрет Пуцина?

Изобретение Дагера — Ньепса обнародовано в январе 1839 г., и продлись жизнь пушкинского друга-поэта, вероятно, Пушкин тоже смотрел бы с фотокарточки «как живой», и можно было бы поставить эти фотографии рядом. Не суждено...

Летом 1845 г. обосновавшийся в Петербурге «некий А.Давиньон» в своем путешествии по Сибири добрался до Иркутска и окрестностей. Там он и снял «посредством дагерротипа» портреты с некоторых ссыльных декабристов, а «государственные преступники» в надежде, что их «черты <...> после двадцати лет изгнания» увидят родные и близкие, отправили свои дагерротипные «дощечки» без должной осмотрительности — по почте. На почте их обнаружили и изъяли — до адресатов портреты не дошли. Об этом стало известно Николаю I, и он, не позабыв Сенатской площади 1825-го, повелел вновь «пресечь безобразия».

«<...> в Сибири местные чиновники еще долго собирали портреты, сделанные Давиньоном, или расписки, подобные этой: "...обязываемся не иметь у себя дагерротипов и что в настоящее время таковых у себя не имеем. В том подписуемся: Иван Пуцин, Евгений Оболенский, Иван Якушин, Василий Тазенгаузен, Матвей Муравьев-Апостол"».¹

Автору книги, одному из редких ныне специалистов по истории фотографии, удалось захватывающе рассказать о далеком коллеге Давиньоне, который по приезде из Сибири в Москву был тут же арестован, а найденная при нем в багаже «испорченная дощечка» с портретом ссыльного Панова — изъята. В цитированном абзаце можно считать опечаткой, что Иван Якушкин в книге «Якушин», а Василий Тизенгаузен — «Тазенгаузен», если бы в словах «в Сибири <...> долго собирали портреты» не прозвучало однозначного утверждения по сути. Получается — с Ивана Пуцина тоже был снят, Давиньоном, портрет? Где этот неизвестный дагерротип?

Проанализируем сами.

Не станем ругать тайную полицию и III Отделение николаевской России: они изъяли — они сохранили. Семь давиньоновских дагерротипов той сибирской съемки находятся в музее Пушкинского Дома, имена портретируемых известны. Автору этих строк тоже посчастливилось прикоснуться к бесценным реликвиям, хранившим когда-то тепло рук героя Отечественной войны 1812 г. — С.Г.Волконского, бывшего адъютанта генерала Н.Н.Раевского — П.А.Муханова, поручика лейб-гвардии Гренадерского полка — Н.А.Панова...

О дагерротипном портрете Пуцина в Пушкинском Доме не слышали. Не приходилось встречать «третьего» портрета в литературе: появился бы, если таковой был, к персоне «первого друга» внимание пушкинистов никогда не ослабевало. Зато в музейных фондах удалось узнать о наличии завидной со-

хранности экземпляра «бергнеровского» портрета — помеченного датой «1858» (?), и о репродукциях-«визитках», выполненных с него в конце 1850-х — 1860-х гг.

С любезной помощью хранителя фотофондов Валентины Сергеевны Логиновой удалось прояснить ситуацию о дагерротипах: изъятые в 1845 г. «дощечки» давным-давно зарегистрированы и описаны в инвентарных книгах Музейного отделения Пушкинского Дома. В книге № 1 первой «единицей хранения» стоит «<...> чернильница, принадлежавшая А.С.Пушкину (бронза темная, золоченая)», поступившая в Пушкинский Дом в 1919 г. Окончена книга в 1928 г., вместив описание первой тысячи уникальных предметов. Дагерротипы описаны под номерами:

- 526 — портрет Н.А.Панова;
- 527 — портрет князя С.Г.Волконского;
- 528 — портрет князей Волконских — Михаила и Елены Сергеевичей — в детском возрасте;
- 529 — портрет И.В.Поджио;
- 530 — портрет И.В.Поджио.

Далее под № 531 следует портрет декабриста Г.С.Батенькова, но это не дагерротип, а уже фотография более позднего времени. «Испроченная дощечка» Н.А.Панова, изъятая при аресте фотографа, тоже здесь, ее инвентарный № 2592 — в другой книге. Дагерротип П.А.Муханова по времени регистрации отнесен еще дальше — № 59093. Все верно! Валентина Сергеевна так и говорила — о 7-ми дагерротипах давиньоновской съемки. В коллекции музея хранятся около сотни посеребренных пластинок разных авторов, разного времени. Портретов лиц, упомянутых в полицейской расписке, нет ни одного. Означает ли это, что Иван Пуцин не встречался с Давиньоном?

С выводом спешить не станем.

Методом различных логических построений, ставя себя даже на место Давиньона, можно попытаться найти некую закономерность в действиях фотографа. Архивисты таковую логику демонстрируют: первые 5 зарегистрированных подряд «дощечек» попали в музейные фонды явно из одного источника (были изъяты на почте), «испорченная дощечка» Н.А.Панова поступила позднее, из другого места — она оказалась в другой книге. Портрет П.А.Муханова, скорее всего, полицией обнаружен не был и попал в музей окольными путями, хотя нельзя исключить того, что дагерротип умершего в 1854 г. в Иркутске декабриста действительно могли «собрать» еще в Сибири.

Начатое исследователем-дилетантом собственное «расследование» надолго застопорилось. Но, как часто случается, прерванная цепочка находит вдруг свое продолжение: с пожелтевшей газетной статьи 10-летней давности неожиданно «выглянул»... С.Г.Волконский — не питерский, а другой, вероятно, московской «прописки». Статья, иллюстрированная портретом давиньоновской съемки 1845 г., принадлежала перу столичного знатока фотографии.

Обозначилась закономерность: при съемке портретов Давиньон использовал на портрет С.Г.Волконского *две* «дощечки», И.В.Поджио — *две*, Н.А.Панова — *две*, с учетом «испорченной», П.А.Муханова — ... хочется

сказать «две», однако в наличии один дагерротип. По всей вероятности, дубль-портрет Муханова тоже существовал и за минувшие полтора столетия где-то затерялся. А то, что детей Волконских Давиньон уместил на одну «дошечку», объяснимо: каждый дагерротип стоил немалых денег.

Пора сделать более-менее правдоподобный вывод.

Случись снятыми портреты с подписантов полицейской расписки — с «нашей ялуторовской артели», как сказал бы Пушкин, то наверняка уж хотя бы *один из десяти* — снималось-то по два дубля на персону! — дошел бы до нас. Ан, нет... Выходит, не достиг Давиньон до Ялуторовска. Расписку с Пушина, Оболенского, Якушкина, Тизенгаузена и Матвея Муравьева-Апостола жандармы взяли только впрок, для острастки ссыльных и собственного показательного «бдения» ради.

«Третий» Поджио

Проверим версию с точки зрения географии.

Летом 1845 г., к моменту приезда Давиньона, декабристы П.А.Муханов и братья И.В. и А.В.Поджио находились на поселении в 23-х верстах от Иркутска, в местечке Усть-Куда. С.Г.Волконский жил в селении Урик — в 2—3-х верстах от Усть-Куды. В том 1845 г. в Урик переехал на жительство ссыльный Н.А.Панов. Так что все они находились, можно считать, в одном месте, коль скоро они-то и попали в полицейскую историю с «изъятием портретов».

Будучи убежденным в правоте, что дагерротипного портрета Пушина не существовало вовсе, автор исследования решил кое-что перепроверить, для пушей верности. Хранитель фондов В.С.Логинова снова принесла альбом с золотым обрезом, некогда принадлежавший историку-пушкинисту, основателю журнала «Русская старина» М.И.Семевскому, в который Михаил Иванович собирал «визитки» декабристов — после их возвращения из ссылки. Помимо оригинальных фотографий миниатюрного размера, в альбоме оказались собранными «визитки»-репродукции с известных акварельных портретов работы Н.А.Бестужева, рисунков К.П.Мазера и уменьшенных при репродуцировании салонных портретов декабристов. В альбоме сошлись сразу три «визитки» «бергнеровского» Пушина, пять «визиток» с рисунка-портрета И.Д.Якушкина, около десятка таких копий с портретов Никиты Муравьева (ум. 1843) и Михаила Лунина (ум. 1845). Пересъемка выполнена по всем правилам — с растушевкой краев оригинала, не повторяя авторской композиции и без указания имени фотографа, производившего пересъемку.

Есть в фондах еще один портрет-репродукция И.И.Пушина, с репродукции-«визитки» (?), принадлежавший лично М.И.Семевскому. По размеру это нечто среднее между салонным портретом и «визиткой» — овал, в ажурной резьбы рамочке, но все же «бергнеровский».

Чем дальше в глубь вопроса, тем шире горизонты!

Изучая придирчиво «визитки», взгляд невольно остановился на фотографии И.В.Поджио: очень уж напомнил портретируемый себя с известных дагерротипов 1845 г., хотя в руках Иосифа Викторовича непременно там чубука тут нет. И потом: И.В.Поджио умер в Иркутске в 1848 г.

Да, это репродукция! С давиньоновского дагерротипа, по счету — *третьего!* Вероятно, тоже московской «прописки». На это указывает клеймо на паспарту: «Фотография Г.В. Трунова. Арбатская площадь, на углу Воздвиженки, дом Арманд, в Москве». Время пересъемки неизвестно. Несколько вытянутая фигура Поджио получилась по причине, что репродуцировать «дощечку» весьма непросто; приходится «ловить» изображение в отраженном свете, поворачивая ее из стороны в сторону. К чести фотографа надо добавить: он не только справился с пересъемкой, но и «выправил» перевернутое, слева направо, изображение, которое оставалось на дагерротипе. На фотографии все встало на свои места, как в момент съемки — в тех же координатах. Нынче этим правилом при пересъемке дагерротипов почему-то пренебрегают.

Сомнений в подлинности персоны не возникает: тот костюм, тот столик с покоящейся на нем рукой Поджио, та же цепочка от карманных часов... И прежние доказательства о существовании дубль-портретов рассыпались: появился *третий* дубль — у И.В. Поджио.

В Усть-Куде Иосиф Викторович жил в одном доме с братом Александром, который из Сибири вернулся. Вероятно, он и привез дагерротип своего покойного брата. За неимением других портретов (арестованных на почте) решил размножить его. Возвратившиеся из сибирской ссылки декабристы поселились в разных городах и весях Центральной России и в своей переписке обменивались «визитками, в том числе портретами навечно оставшихся в Сибири товарищей, считая это делом чести и памяти. От кого-то из них, или от родных, визитка И.В. Поджио попала в альбом М.И. Семевского. Остается загадкой лишь обстоятельство, по какой причине Давиньоном использовал на снятие портрета не две, как обычно, а три «дощечки»? Оттого, что приезжий француз, владевший тайнами «технической живописи», нашел в музыканте-пианисте родственную душу? Или только в знак благодарности за услугу в доме братьев Поджио, где, вероятно, останавливался и производил съемку портретов «государственных преступников»? В таком случае, где дагерротип (дубль-портрет) Александра Викторовича Поджио, если таковой был сделан? И не есть ли «визитки» самого А.В. Поджио из альбома Семевского тоже репродукции с дагерротипа, которого в питерских коллекциях никто не видел?

Разрешение этих вопросов лежит за пределами данного исследования, однако уже сейчас осталось мало шансов в пользу того, что Пушин фотографировался у Давиньона.

Иван Иванович не был бы Пушиным, оставляя свой «автограф» в полицейской расписке относительно «...обязываемся не иметь у себя дагерротипов», если бы не взял на вооружение это новое словечко и на свой лад не пользовался им в обиходе. Свойство дагерротипии передавать в точности черты портретируемых Пушин распространил на кисть Н.А. Бестужева, создавшего в Сибири галерею акварельных портретов декабристов. Уже в начале 1851 г. Бестужев именован им как «Николай-дагерротипщик». Вот совсем другое — в письме от 12 августа 1853 г., к бывшему директору Лицея, Пушин пишет: «<...> я с трудом верю, что моему доброму другу Егору Антоновичу 78-мь лет. Поцеловал ваш *дагерротип* (выделено нами.— А.В.), самого вас достать не могу!».²

Так-то! С какой оказией дагерротип из Петербурга попал в Ялutorовск? Этого Пушкин не упоминает по причине «нелюбви», чтобы его «пиесы ходили в III отделение», или не желая «мнения и гласности, которые, к сожалению, до сих пор в русском царстве считаются преступными».

«Евгений-фотограф»

В 1853 г. будущий автор «Записок о Пушкине» И.И.Пушкин познакомился с сыном товарища по «артели» И.Д.Якушкина — Евгением, приехавшим навестить своего отца. Знакомству суждено было стать заметной вехой в пушкиниане: Евгений Иванович попросил Пушкина, в дальнейшем — уговорил, настоял, помог, чтобы тот написал воспоминания о своем лицейском друге. Эти «Записки» уже почти столетие читают в России и за ее пределами.

Евгений Иванович Якушкин (1826—1905) о своих первых встречах с И.И.Пушкиным пишет так: «Имя Пушкина было давно мне известно из стихотворений Пушкина. Некоторые рассказы лиц, знавших его до ссылки, вызвали во мне глубокое к нему сочувствие: личное знакомство с этим “первым другом” великого поэта еще более усилило то чувство уважения, которое я имел к нему ранее... Сблизиться с таким человеком мне было тем более легко, что он был очень дружен с моим отцом. С первого же дня знакомства между мною и им установилась тесная связь, не прерывавшаяся до самой его смерти. <...> Часть всех рассказов я записал тогда же, но эта краткая запись казалась мне очень бледной в сравнении с живой речью Пушкина, поэтому я не один раз просил его написать его воспоминания о Пушкине».

Дружба с «малолетним — Евгением Якушкиным» доставляла Пушкину тоже немало приятных минут. Например, присланные затем в Ялutorовск рисунки и портреты, заказанные Якушкину декабристами, вызвали у Пушкина особую реакцию: «<...> план Царского Села <...> с удовольствием рассматриваю <...> знакомые места, которые много изменились <...>». ³ Не далее, чем через три месяца, Пушкин назовет Евгения Якушкина «добрым моим фотографом». ⁴ По возвращении декабристов из Сибири, Якушкин-младший станет для Пушкина и «любезным банкиром, и фотографом, и литографом». А пока из Ялutorовская «Евгению-фотографу» идут просьбы: «Очень желаю видеть ваши новые фотографические опыты, а еще лучше, если вы сами их привезете». ⁵

Сотрудничество на ниве фотографии продолжилось в Москве. Помимо основных хлопот вокруг «Записок», уже начаты писать Иваном Ивановичем, Евгений Якушкин взвалил на себя, похоже, всю работу по пересъемке и распространению портретов-«визиток» декабристов. Пушкин усердно помогает ему и пишет сестре братьев Бестужевых Елене Александровне: «<...> сделайте мне одолжение — пришлите на время портреты, нарисованные покойным Николаем. Я недолго задержу их и с благодарностью возвращу <...> Мне хотелось бы скорей получить портреты». ⁶

Отблеск первых московских встреч 1856 г., отразившись в глазах Пушкина, остался на «бергнеровском» портрете навсегда. Скорее всего, с этой фотографией Пушкина Евгений Иванович и начал тиражирование «визиток», взяв на время портрет еще в Москве, до отъезда Пушкина в Петербург.

Дату приезда на берега Невы находим в письме к бывшему соседу по Ялуторовску Е. П. Оболенскому: «15 декабря мы (с 7-летним сыном Ваней.— А. В.) заехали в Казанский собор, где без попа помолились, и отправились в дом на Мойку. У входа обнял всех сестер и племянниц. Ты поймешь эту встречу. <...> В тот же день лицейские друзья явились. Во главе всех Матюшкин и Борис Данзас».⁷

Так, почти день в день, в 31-ю годовщину восстания на Сенатской пл. И. И. Пущин вернулся домой. О ком молился «без попа», догадаться не трудно. Но вот перед глазами вступительная статья М. П. и С. В. Мироненко из цитируемого издания: «Пушину <...> разрешено было остаться на время в Петербурге. Здесь, на пригородной даче, он прожил с 18 ноября 1856 до начала мая 1857 года (выделено нами.— А. В.)».⁸ В письмах Пушина — другое: «Послезавтра снимаюсь с якоря. Сажусь с Ваней в возок» (Н. Д. Фонвизиной; Ялуторовск, 16 ноября 1856 г.)⁹ Дальше: «Вчера утром сюда приехал и сегодня отправляюсь в дальнейший путь» (ей же; Екатеринбург, 21 ноября 1856 г.)¹⁰ О времени переездов на дачу — с дачи упомянуто в письмах тоже: «Я с 3-го генваря жил на даче у брата, около 20-го занемог там и лежал пластом. <...> Меня перевезли 19 февраля, и с тех <пор> я безвыходно дома» (М. И. Муравьеву-Апостолу; Петербург, 8 апреля 1857 г.)¹¹

Оставим без комментариев «хронологию» авторов вступительной статьи: речь идет о фотографии, хотя печатное слово совсем некстати создает помехи. Выручает Пущин. Для настоящего исследования куда более важно было увидеть в его письме к Е. И. Якушкину вот эти строки: «Прекрасно сделали, что Матвею (М. И. Муравьеву-Апостолу.— А. В.) напомнили меня *портретом* (выделено нами.— А. В.). Я потерял с ним терпение, не ожидая его письма, написал к нему в Тверь» (Петербург, 13 апреля 1857 г.)¹²

Каким портретом? Да тем — «бергнеровским», уже ставшим «визиткой» с него. Вот он, аргумент: поясной портрет Пушина снят был в 1856 г., в Москве!

Посредничество Евгения Якушкина налицо — Пущин к С. П. Трубецкому пишет (с. Марьино, 22 декабря 1857 г.): «Я пишу, глядя на ваш портрет,— как будто говорю. Позвольте еще сказать, что я желал бы, чтоб вы сбрили бороду. Никак не могу к ней привыкнуть, хоть Сашенька меня уверяла в Ялуторовске, что борода к вам очень идет. Добывши ваш портрет, я не согласен с ее мнением».¹³ Пущин тоже напоминал о себе своим портретом, если за него не делал этого Евгений Якушкин. По крайней мере, некоторые фотографии-репродукции, хранящиеся в фотофондах Петербурга, атрибутированы как оригиналы автора Якушкина. В частности, портрет М. И. Муравьева-Апостола.

Следует заметить, что М. И. Муравьев-Апостол, С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский и некоторые другие декабристы тоже успели сфотографироваться в Москве в 1856 г.

В альбоме М. И. Семевского «ялуторовская артель» представлена «визитками». В фотофондах Государственного Эрмитажа таковые тоже имеются — репродукции с салонных портретов. В красочном издании «Декабристы и Сибирь» наш «друг бесценный» представлен не оригинальной фотографией, а репродукцией с нее — «Портрет И. И. Пушина. 1857. Фоторепродукция Моисеева с фотографии А. Бергнера. Москва. ГЭ, Ленинград».¹⁴

Детективная история! Один и тот же портрет — три даты: 1856, 1857 и 1858 годы...

Какие аргументы оставались у автора этих строк в пользу 1856-го? Доказательств с избытком не бывает. У хранителя эрмитажных фотофондов удалось выяснить, что опубликованный портрет И.И.Пушина — «прямоугольной формы, 6 х 9 см, поступил из собрания Якушкина Е.И.». Что и требовалось доказать! Получив оригинал «бергнеровского» портрета от Ивана Ивановича, Якушкин сделал репродукции с него в фотоателье Моисеева. «Визитка» Пушина с клеймом фотографа есть и в альбоме М.И.Семевского.

О портретах М.И.Муравьева-Апостола, Г.С.Батенькова, П.Н.Свистунова, фотографировавшихся когда-то у одного и того же столика, — опубликованных в альбоме «Декабристы и Сибирь», — можно сказать, что портреты имеют явно «бергнеровский» почерк, и если где-то стоит под ними подпись: «Фотография Е.И.Якушкина» (?), то «местечковый» вопросик надо спокойно снять. Евгений Иванович Якушкин лишь размножал фотокопии, хотя мог делать это не только в фотоателье, но и сам.

Иван Иванович Пушин... бизнесмен из США

«Бергнеровский» лаковый глянец на фотографиях узнается сразу: то ли лак заграничный, то ли ретушер у А.Бергнера был мастер своего дела. В те годы дагерротипия и негативно-позитивная фотография сосуществовали рядом. Несовершенство нового способа получения копий со стеклянного негатива компенсировалось ретушью самих фотографий. Слоем лака скреплялись мелкие дорисовки, скрывая их. Ретушью в молодости подрабатывали И.Е.Репин и И.Н.Крамской, и многие менее именитые художники. В музейных фондах Пушкинского Дома наряду с портретом И.И.Пушина хранятся «бергнеровские» фотопортреты писателей С.Т.Аксакова, И.С.Тургенева, Н.А.Некрасова, А.С.Хомякова и других знаменитых деятелей русской культуры (съемки середины 1850-х — начала 1860-х гг.). Тургеневу, например, фотографический портрет работы А.Бергнера нравился больше, нежели свои живописные холсты кисти известных мастеров портрета. Как выглядел павильон этого фотографа, что привносил на фотографию ретушер — интересно само по себе. Но у фотографа-немца превыше всего ценилось портретное сходство, за именитого клиента он боролся.

В музее хранятся два отпечатка с одного и того же негатива — С.Т.Аксаков. Один портрет — законченный, под глянец, побывавший в руках писателя. Другой — тонкий лист бумаги, пропитанный светочувствительной эмульсией, проэкспонированный и проявленный, которого тоже коснулась рука ретушера — на картон наклеен не был. Причина? Ошибка ретушера: переусердствовал белилами — вместо аккуратной окладистой бородки нарисовал Аксакову бороду-лопату, чуть ли не «толстовскую». Хозяин, помнивший облик писателя в момент съемки, доглядел и забраковал...

С «бергнеровским» портретом Пушина история у автора этих строк началась в декабре 1988 г. В то «перестроечное» время на берегах Невы отмечался 500-летний юбилей дворянского рода Пушиных. Среди зарубежных гостей находился... Иван Иванович Пушин, молодой бизнесмен из Америки.

На экскурсии в Лицее было бы непростительной оплошностью, если бы профессиональный фотожурналист в своем репортаже не напомнил американцу о его полном тезке, Пушине-декабристе. В фондах Лицея оказались сразу два фотопортрета Ивана Ивановича — «первого друга» Пушкина.

О пересъемке портретов в блокноте есть запись:

1. Пушкин И.И.— фото, 1856. ВМП. КП-12871/ДФ — поступил из ИРЛИ в 1953 г., там 758;

2. Пушкин И.И.— фото в полный рост, с палкой, 1857. ВМП. КП-13350/ДФ — поступил из ИРЛИ, там 371.

До сих пор помнится, что через видоискатель фотоаппарата бросилась в глаза чернильная помета: «1856 г.»,— на лицевой стороне снимка. Кто смел дерзнуть на такую шалость, выяснять времени не было, да и незачем: цифра явно соответствовала дате съемки. Смущало больше другое — очень неровными оказались края снимка, будто подрезаны кем-то; вдобавок, на разложившемся слое лакового глянца явно вырисовывался овал, след от какой-то рамки или паспарту. Издержки хранения или работа времени за полтора столетия?

В очерке-путеводителе по Всесоюзному музею А.С.Пушкина о фотографических портретах Пушина ничего не сказано. Единственной зацепкой, где искать, было сообщение автора о групповом, с участием И.И.Пушина, акварельном портрете 1825 г. кисти художника-любителя А.М.Собольевского. Читаем: «<...> акварель сохранилась у Б.К.Данзаса — брата лицейского товарища Пушкина, и в Пушкинский Дом поступила от Т.В.Семечкиной».¹⁵

Закономерен вопрос: не оказался ли в том «поступлении», кроме упомянутой акварели, хотя бы один из двух фотопортретов Пушина? Для неспециалиста в пушкинистике ответ на собственный вопрос затянулся надолго. Ох, как непросто бороться с опечатками в печатном слове! В конце концов удалось выяснить и увязать воедино, что упомянутая в путеводителе Т.В.Семечкина — это Т.Б.Семечкина, урожденная Данзас, дочь Бориса Карловича, который в день приезда Пушина в Петербург в числе первых навестил его в доме на Мойке.

Дальше помогли инвентарные книги. Действительно, поясной портрет И.И.Пушина был «<...> приобретен в 1918 г. у Т.Б.Семечкиной. Овал, 19 x 15 см, на белом паспарту в четырехугольной черной раме, под стеклом. Вынут из рамы 11.8.1933 г.».

Другой портрет Пушина, в полный рост, с тростью, 1857 г.— «<...> фотография на жести, 34,5 x 25 см, в золоченой раме, под стеклом, поступил из гос<ударственного> музейного фонда в 1922 году».

Оба портрета из Пушкинского Дома были переданы во Всесоюзный музей А.С.Пушкина в 1953 г. С датой съемки портрета Пушина с тростью — «1857» — можно согласиться, сделав лишь уточняющее дополнение, в пользу которого Иван Иванович сам поясняет в письме А.Ф.Бриггену 4 июля 1857 г. из с. Марьино: «Слух о моей женитьбе справедлив. 22-го мая я соединен с Н.Д.Ф<онвизиной>».¹⁶ На пушинской руке, опирающейся о трость, появилось колечко, которого на той же руке полгода тому назад не было — на «бергнеровском» портрете. О дне переезда в Подмоскowie, в с. Марьино, к вдове покойного товарища-декабриста М.А.Фонвизина Пу-

щин тоже упомянул: «В субботу, то есть 18-го, выезжаю» (письмо Г.С. Батенькову; Петербург, 13 мая 1857 г.).¹⁷

В с. Марьино Иван Иванович Пушин и написал свои знаменитые воспоминания о Пушкине. Там Пушин завершил и свой земной путь...

Иван Иванович прощается...

Вернемся к портрету Пушина работы А.Бергнера, как было обещано вначале. Сравним два фотоснимка с одного и того же негатива — из фондов Всероссийского музея А.С.Пушкина и ИРЛИ. О «визитках» говорить пока рано. С датировкой эрмитажного портрета (1857) можно считаться до тех пор, пока не установится следующая последовательность в подписи: «Портрет И.И.Пушина. 1856. Репродукция Моисеева с фотографии А.Бергнера, 1857. Москва». Это не трудно сделать.

Снимок из Лицея с пометой «1856 г.» и его «пара» из ИРЛИ (1858) отличаются по размеру: 15 x 19 и 18,7 x 23,5 см соответственно. Наиболее полная композиция на снимке, поступившем в Пушкинский Дом из архива И.М.Геддеонова, генерала от инфантерии, сенатора, помощника главного попечителя Человеколюбивого общества (инв. № ПД-43261). Выходит, снимок, что в Лицее, был кем-то подрезан?

Письма Пушина — кладезь любых сведений!

В марте 1859 г., уже будучи тяжело больным, Иван Иванович письма свои чаще всего диктует: «<...> вместо моего почерка вы видите почерк Павла Сергеевича (П.С.Бобрищева-Пушкина.— А.В.). Он и опекает меня, и секретарствует» (С.П.Трубецкому).¹⁸ Или: «<...> диктую Аннушке письмо мое к вам» (М.И.Муравьеву-Апостолу).¹⁹ Аннушка — почти 17-летняя Анна Ивановна Пушина, дочь Ивана Ивановича, навестившая отца в Марьино за две с половиной недели до его кончины.

Из друзей-декабристов одним из последних побывал у Пушина М.И.Муравьев-Апостол. В Москве ему было, где остановиться. После посещения друга в Марьино, Матвей Иванович из первопрестольной еще не уехал, и Пушин, спохватившись, торопится ему вослед сообщить о важном деле. Диктуя Аннушке, он его просит: «Если этот листок застанет вас еще в Москве, пожалуйста, поправьте мою ошибку, которых много по моей болезненной рассеянности я делаю. Зайдите к барону, *отдайте ему карточку и велите заделать ее в бронзовую рамочку* (выделено нами.— А.В.) <...> Стоит это полтора целковых, которые до случая за мной. Сочтемся» (22 марта 1859 г.).²⁰

Однако жизнь распорядилась по-другому: карточку пришлось заделывать в черную раму: 3 апреля Ивана Ивановича не стало.

Кому из баронов Пушин адресовал свою карточку, видимо, обещанную им, тоже ясно. В начале ноября 1858 г., будучи в Петербурге, Иван Иванович с «бароном» виделся, тот, по словам Пушина, уже «начинает пришептывать ногами». ²¹ Речь идет о бароне В.И.Штейнгеле (1783—1862). Посылая портрет ему, но не только для него, Пушин знал, что «<...> Сын его славный человек — это общий голос». ²² Добавим: Штейнгель-младший был инспектором Лицея.

Так что в Лицее и подрезали фотокарточку, в спешке разыскав для нее черную раму, оказавшуюся размером меньше, чем портрет. Об этой черной раме, из которой портрет Пушкина был вынут в 1933 г., мы уже знаем.

В церемонии поминовения лицеиста 1-го выпуска мог принимать участие Б.К.Данзас, к нему затем и перешла фотокарточка Пушкина, а от отца — к дочери. Путь этой карточки мог быть еще короче: Пушкин сам подарил свой портрет Борису Данзасу на Мойке — 15 декабря, при встрече обозначив дату: «1856 г.». Но...

Весьма правдоподобные версии!

Последний автограф

Чтобы выявить авторство полувыцветшей чернильной пометы «1856 г.» на снимке из фондов Лицея, автору этих строк оставался единственный шанс — заглянуть в «листки», письма Ивана Ивановича, и сравнить почерк. Хотя, по пяти знакам идентифицировать почерк — дело безнадежное. Однако с любезной помощью хранителя рукописных фондов ИРЛИ А.В.Дубровского удалось сделать нечто большее.

Вернемся «на минутку» в Марьино. Диктуя письмо Аннушке, Иван Иванович указывает ей место на карточке, где следует поставить дату съемки портрета. Или делает это сам, взяв в руки перо, чтобы не перепутали потом с более поздним, где Пушкин меньше всего мог себе нравиться: «<...> если бы не 22 мая (1857 г.— А.В.) я венчался, то по быстрому ходу <...> моей болезни я бы уже не мог идти в церковь» (М.Н.Пушиной; с. Марьино, 12 января 1858 г.).²³ С таким предположением нельзя не считаться.

И все же, все же...

Все, как в доброй сказке: из ларца выскочил заяц, из зайца — утка, из утки — яйцо; разбил яйцо, достал иголку и отломил у ней... кончик.

А «кончик» этот — в альбоме М.И.Семевского! На одной из «визиток» Пушкина, принадлежавшей некогда М.А.Назимову.

Чтобы определить, что эта — та самая из трех таких «визиток», надобно на оборотной стороне паспарту, при низком боковом свете прочитать едва различимое тиснение: «ФОТОГРАФИЯ ХУДОЖН. МОИСЕЕВА НА ТВЕРСК. БУЛЬВ. В МОСКВЕ» (инв. № 23208/87). Так вот, на лицевой стороне этой «визитки» есть пятнышко в размер ячменного зерна — это «кончик». При сверхувеличении читается: «Москва, 1856».

Местонахождение отпечатка с этой пометой, с которого производилась пересъемка, — неизвестно. В питерских коллекциях его нет.

В авторстве самой пометы, поставленной на том самом месте (!) как на «лицейском» снимке, сомневаться не приходится: извлеченные на свет божий «листки» Пушкина не оставляют никаких сомнений в подлинности пушкинского автографа.

С «завизированным» рукой Ивана Ивановича портретом Евгений Якушкин, или кто-то другой, побывал в «Фотографии художн. Моисеева», чтобы с него размножить «визитки». В письме из Петербурга 13 апреля 1857 г. Пушкин благодарил Якушкина, что тот о нем «напомнил портретом». Матвею (М.И.Муравьеву-Апостолу) об этом уже известно.

О месте и времени съемки портрета И.И.Пушкина работы А.Бергнера портретируемый указал сам: «Москва, 1856»!

P.S. «<...> пожалуйста, один раз навсегда возьмите за правило упоминать, от которого числа получаете мое письмо,— это для верности необходимо» (И.И.Пушкин — из письма к товарищам-декабристам).

¹ Никитин В.А. Рассказы о фотографах и фотографиях. Л., 1991. С. 18.

² Пушкин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 283 (Лит. воспоминания).

³ Там же. С. 293.

⁴ Там же. С. 301.

⁵ Там же. С. 310.

⁶ Там же. С. 371.

⁷ Там же. С. 343—344.

⁸ Там же. С. 25.

⁹ Там же. С. 342.

¹⁰ Там же. С. 343.

¹¹ Там же. С. 348.

¹² Там же. С. 349.

¹³ Там же. С. 364.

¹⁴ Декабристы и Сибирь. М., 1988. С. 261.

¹⁵ Грановская Н.И. Всесоюзный музей А.С.Пушкина. Л., 1985. С. 93.

¹⁶ Пушкин И.И. Указ. соч. С. 352.

¹⁷ Там же. С. 350.

¹⁸ Там же. С. 395.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 396.

²¹ Там же. С. 394.

²² Там же. С. 345.

²³ Там же. С. 365.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА

Т.П.Волохонская

«И СЛАВЕН БУДУ Я...»

*Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?*

*«Разговор книгопродавца
с поэтом» (1824)*

Наступил 1999 год — двухсотлетний пушкинский юбилей. Празднуй светлую дату, не без горечи отмечаешь: сегодняшняя общепризнанная слава поэта стала привычной и уже не так волнует нас, как когда-то волновала современников его прижизненная слава — шумная, противоречивая, спорная (вспомним упомянутые в «Онегине» «кривые толки, шум и брань»). Как же сам Пушкин относился к славе? В чем видел ее природу, ее тайну?

«Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? — пишет поэт Наталье Николаевне 11 октября 1833 г.— Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф славнейшей настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава» (XV, 87).

Домыслы, слухи, даже сплетни в глазах поэта — непереманные спутники знаменитости. «Без шума никто не выходил из толпы»,¹ — говорил молодой Пушкин, когда родные упрекали его в излишней раскованности и вольности поведения. Ощувив литературное признание в самом начале творческого пути, он тем не менее явно стремился еще к какой-то другой, дополнительной известности. «Он был первым поэтом своего времени и первым шалуном»,² — свидетельствует современник.

Двойственный характер пушкинской славы тех лет отмечают многие. М.В.Юзефович, хороший знакомый поэта, вспоминает: «<...> его стихотворения все знали наизусть, а рассказы о нем собирались с жадностью до мелочей, и подвигам его повесничества рукоплескала молодежь. О шалостях его составлялись даже легенды <...>».³

Культ свободы, и не только в политике, но и в любви, в поведении, в манерах был присущ Пушкину, как и многим молодым людям его поколения. В те годы такие взгляды носили явный оттенок противостояния властям. Пушкин был своим на либеральных сходках. В застольях «между Лавфитом и Клико» не обходилось без чтения его лирики. «Не было живого человека, который не знал бы его стихов»,⁴ — замечает И.И.Пушин.

Небывалый успех в вольнолюбивых кругах долго сопровождал и радовал поэта, хотя порой проявлялся по-юношески наивно и экзальтированно. Например, в 1824 г. в Могилеве, где Пушкин оказался проездом, молодые офицеры, повстречав его, испытали «восторг неописанный». «Пилю за все, что приходило на мысль <...>, — вспоминает участник встречи А.П.Распов.— Пушкин был восхищен нашим энтузиазмом, мы поднимали на руки дорогого гостя, пили за его здоровье <...> Пушкин <...> вскочил на стол и продекламировал:

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель <...>

<...> князь Оболенский закричал:

— Господа, это торжество выходит из пределов общей радости, оно должно быть ознаменовано чем-нибудь особенным. Господа! Сделаем нашему кумиру ванну из шампанского!

Все согласились, но Пушкин, улыбнувшись, сказал:

— Друзья мои, душевно благодарю, <...> я не прочь пополоскаться в шампанском, но спешу <...>

Это было в 4 часа утра. Мы всей гурьбой проводили его на почту, где опять вспрыснули шампанским и, простившись, пожелали ему счастливого пути».⁵

Эпизод, вызывающий улыбку — и все же счастливый для поэта... Между тем иногда это бурное признание либеральной среды даже в молодости воспринималось им с досадой. Не будем забывать: в глазах света такая слава казалась сомнительной. По мнению Ю.М.Лотмана, принятый среди либералов разгульный стиль общения хотя и культивировался в определенных гвардейских кругах, в целом воспринимался «как проявление “дурного тона”, допустимое лишь в <...> умеренных пределах».⁶

Пушкин, порой и в свете бравлируя славой шалуна (например, он мог сидеть в театре, обнажив бритую голову и обмахиваясь париком), считал совершенно излишней в этих сферах свою славу поэта. Подобные настроения, державшиеся в нем всю жизнь, зафиксировали многие мемуаристы. П.И.Бартенев, опираясь на отзывы современников, писал, что уже в первые послелицейские годы Пушкин «тщательно скрывал свою литературную известность и не хотел ничем отличаться от обыкновенных людей, страстно любя танцы и балы».⁷

Пушкинская тяга к свету нередко осуждалась и современниками, и потомками. Всем памяты лермонтовские строки:

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?

«Смерть поэта» (1837)

Сам же Пушкин в 30-е гг., в пору предельно обострившихся конфликтов в свете, говаривал: «Нет иного хорошего общества, кроме хорошего»,⁸ — и

до последних дней хотел, чтобы в этом кругу его принимали как частного человека и шестисотлетнего дворянина,⁹ а не как знаменитого поэта.

В чем причина такой скрытности? В.А.Соллогуб связывал ее с сомнительным положением писателя в России: «Наше общество так еще устроено, что величайший художник без чина становится в официальном мире ниже последнего писаря. Когда при разъездах кричали: “Карету Пушкина!” — “Какого Пушкина?” — “Сочинителя!” — Пушкин обижался, конечно, не за название, а за то пренебрежение, которое оказывалось к названию».¹⁰

Бесспорно, социальная незащищенность была мучительна. И все же, надо думать, еще больше Пушкина волновали драматические диссонансы в духовном общении творца и публики. Сам он с детства отличался особой уязвимостью поэта, был раним в общении с читателем. Любопытны семейные предания о гувернере Русло, которому Пушкин прочел свое подражание Вольтеру: «Русло довел Пушкина до слез, осмеяв безжалостно всякое слово этого четверостишия. <...> Оскорбленный ребенок разорвал и бросил в печку стихи свои, а Русло возненавидел со всем пылом африканской своей крови».¹¹

Казалось бы, в пору пушкинского становления и позже, в годы молодости, такого рода конфликты случались не столь уж часто. В целом судьба была мягкой к нему: уникальное лицейское детство «под сенью дружных муз», державинское «благословение», ранняя слава... И все же тема одиночества поэта, важнейшая в современной Пушкинскому романтической культуре, явно была для него кровной:

Блажен, кто про себя таил
 Души высокие созданья
 И от людей, как от могил,
 Не ждал за чувства воздаянья!
 Блажен, кто молча был поэт
 И, терном славы не увитый,
 Презренной чернию забытый,
 Без имени покинул свет!

«Разговор книгопродавца с поэтом» (1824)

Бывало, что Пушкин демонстративно и резко избегал общения с почитателями собственного таланта. Так, в Екатеринославе 20-летний поэт откровенно посмеялся над профессором семинарии А.С.Понятовским и помещиком С.С.Клевцовым: оба зашли к нему специально выразить свои восторги. Если верить воспоминаниям, «Пушкин встретил гостей, держа в зубах булку с икрой, а в руках стакан красного вина. “Что вам угодно?” — спросил он вошедших. И когда они сказали, что желали иметь честь видеть славного писателя, то славный писатель отчеканил им следующую фразу: “Ну, теперь видели? До свиданья!”».¹²

В конце 1820-х гг., в пору наибольшей популярности, Пушкин «осадил» публику в знаменитом салоне Зинаиды Волконской, где, по общему мнению, собирались истинные ценители искусства. Поэт, как и многие, восхищался хозяйкой — «царицей муз и красоты». Однако даже в ее салоне разговоры на литературные темы были для него невыносимы. С.П.Шевырев

рассказывает, как однажды на просьбу собравшихся прочесть что-нибудь из своих сочинений Пушкин «<...> В досаде <...> прочел “Поэт и Чернь” и, кончив, с сердцем сказал: “В другой раз не станут просить”». ¹³ Шевырев имеет в виду стихотворение 1828 г. «Поэт и толпа», где отношения сочинителя и публики трактуются особенно непримиримо:

Молчи, бессмысленный народ,
 Поденщик, раб нужды, забот!
 Несносен мне твой ропот дерзкий,
 Ты червь земли, не сын небес;
 Тебе бы пользы всё — на вес
 Кумир ты ценишь Бельведерской.

Приехав в январе 1829 г. в Петербург, Пушкин желчно высказывается в письме к П.А.Вяземскому: «<...> отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды» (XIV, 38).

В 1835 г. в повести «Египетские ночи» поэт наделяет подобной боязнью светских литературных бесед своего Чарского (Лев Сергеевич Пушкин считал, что его великий брат нигде так не выразился, как при описании этого героя). ¹⁴

Вообще же драматизм отношений творца и публики — тема многих пушкинских произведений. Даже в величественном «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) с болью упомянуты неотделимые от судьбы поэта и равно раздражающие его «хвала» и «клевета», обиды, суд глупца... Уверенность в будущей славе связана здесь исключительно с взаимопониманием творчески одаренных личностей:

И славен буду я, доколь в подлунном мире
 Жив будет хоть один пиит.

Другая, массовая известность ценится Пушкиным много ниже и определяется совсем иначе: «слух».

И все же эта суровость по отношению к читателю была свойственна гению не всегда! К примеру, в шутивных строках «Онегина» — другие пушкинские настроения, интонации, совсем другое восприятие своей популярности:

Быть может (лестная надежда!)
 Укажет будущий невежда
 На мой прославленный портрет,
 И молвит: то-то был Поэт!

«Евгений Онегин» (2, XL)

Писательская слава, часто казавшаяся Пушкину невыносимой, приносила вместе с тем ему и самые счастливые переживания. Так было в 1826 г. после возвращения поэта из ссылки, когда восторженные москвичи ходили за ним по улицам, а в театре рассматривали его в лорнеты, как знаменитого артиста. Живший в Москве С.П.Шевырев вспоминал: «<...> во всех обще-

ствах, на всех балах первое внимание устремлялось на нашего гостя <...> наши дамы выбирали поэта непрерывно <...> Прием от Москвы Пушкину — одна из замечательных страниц его биографии». ¹⁵ Не случайно, что именно в это время Пушкин решается на несколько чтений «Бориса Годунова» в кругу близких друзей и литераторов: «Это единственные случаи, когда Пушкин читал свои произведения; он терпеть не мог читать их иначе, как с глазу на глаз», ¹⁶ — сообщает С.А.Соболевский (речь идет, конечно, о зрелом Пушкине; в годы молодости поведение поэта было иным).

Не менее замечательный триумф пережил Пушкин в 1829 г. в Тифлисе, где «все общество, соединившись в одну мысль, положило сделать в честь его общий праздник». Устроитель праздника К.И.Савостьянов, рассказывая об этом событии, приводит заключительные слова поэта: «Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым». ¹⁷

Естественно, случались и комические проявления пушкинской славы. А.Г.Хомутова рассказывает, как в 1826 г. к поэту обратился человек с просьбой украсить свое изделие стихами из «Бахчисарайского фонтана»: «У меня готовится превосходная вакса для сапог, и, если позволите, на баночках я поставлю: “Светлее дня, чернее ночи”». ¹⁸ Не менее живой случай вспоминает П.А.Вяземский. В письме жене от 18 апреля 1828 г. он описывает их общую с Пушкиным прогулку к Петропавловской крепости в праздник Преполовения: «Мы сажались <...> в лодочку, две дамы сходят, и одна по французски просит у нас позволения ехать с нами, от страха ехать одним. Что же выходит? Это была сводня с девкою. Сводня узнала Пушкина по портрету его, выставленному в Академии». ¹⁹

Так или иначе, но Пушкину постоянно приходилось испытывать интерес публики к своей личности. Как мы видели, реагировал он на это по-разному. Попробуем подвести некоторые итоги.

В молодости поэта явно прельщала неотделимая от общественных скандалов слава Байрона, и поэт сам стремился к тому, чтобы его частная жизнь была известна современникам не менее, чем его творчество: «Пушкину непременно хотелось иметь не один талант Байрона, но и бурные качества его», ²⁰ — записывает в 1821 г. А.И.Тургенев. Одновременно в поведении поэта начала складываться еще одна, прямо противоположная тенденция, не оставлявшая его до конца дней — по наблюдениям К.А.Полевого, он «почти стыдился звания писателя» ²¹ и всячески старался обходить при общении этот факт.

Оба варианта поведения присутствовали в пушкинской жизни, переплетаясь, причудливо сочетаясь друг с другом. А после михайловской ссылки наметился и третий стиль: бывало, что он и высказывался, и вел себя именно как знаменитый писатель, причем не в пружине байроническом, вызывающем варианте, а как лицо, призванное государством и обществом. «Я числюсь по России», ²² — ответил он в 1829 г. одному молодому человеку на его вопрос о службе. Эта писательская гордость сильнее всего проявилась в дуэли с Дантесом. По свидетельству П.А.Вяземского, Пушкин говорил перед поединком, что «он принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его оставалось незапятнанным везде, где его знают». ²³

В молодости поэт обычно считал высказывания современников о личной жизни писателя заведомо ложными, негодовал, если не признавали

исключительность творческой природы. «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? чорт с ними! слава Богу, что потеряны,— пишет он в 1825 г. Вяземскому.— <...> Толпа жадно читает исповеди, записки, etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлещы: он мал и мерзок — не так, как вы — иначе» (XIII, 243—244). Однако позднее поэт стал отказываться от этих особых подходов в оценках гениев и в набросках статьи «Опровержение на критики» даже признал необходимость обсуждения в обществе качеств и поступков выдающихся литераторов: «Нападения на писателей и оправдания, коим подают они повод — суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц <...>» (XI, 162).

Удивительно: Пушкин начал входить в роль признанного в обществе писателя в 30-е гг.— тогда, когда его собственная известность уже пошла на спад. В чем-то этот процесс казался ему естественным: «<...> лета идут <...> поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем <...> Поэт отделяется от них <...>» (XI, 185).

Однако далеко не всегда ему удавалось воспринимать одиночество с такой философской отстраненностью. В лирике эта тема высказалась с откровенной горечью:

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
 Жрецы минутного, поклонники успеха!
 Как часто мимо вас проходит человек,
 Над кем ругается слепой и буйный век,
 Но чей высокий лик в грядущем поколенье
 Поэта приведет в восторг и в умиленье!

«Полководец» (1835)

Сегодня мы можем гордиться: в наши дни пушкинская слава тверда и непоколебима, поэт действительно получил государственное признание. Но нельзя не сознаться: иногда это «бронзы многопудье» (вспомним удачное выражение В.В.Маяковского) только мешает. Куда важнее сейчас интимное, камерное общение с гением. Оно самое трудное, но в светлые минуты Пушкин все же считал его возможным:

Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
 Храните рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдет, толпою суеверной
 Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
 И, долго слушая, скажите: это он;
 Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
 Взойду невидимо и сяду между вами,
 И сам заслушаюсь <...>

«Андрей Шенье» (1825)

- ¹ Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 85.
- ² Попов М. М. А. С. Пушкин // Русская старина, 1874, № 8. С. 284.
- ³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников в 2-х т. Т. 2. М., 1974. С. 99 (Серия лит. мемуаров).
- ⁴ Там же. Т. 1. С. 97.
- ⁵ Там же. Т. 1. С. 378.
- ⁶ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980. С. 90.
- ⁷ Баргенов П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 110.
- ⁸ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников в 2-х т. Т. 2. М., 1974. С. 311 (Серия лит. мемуаров).
- ⁹ «Ты сердиться за то, что я чванюсь 600 летним дворянством (NB. мое дворянство старее)», — так ответил поэт К. Ф. Рылеву в письме 1825 г. (XIII, 219).
- ¹⁰ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников в 2-х т. Т. 2. М., 1974. С. 298 (Серия лит. мемуаров).
- ¹¹ Павлищев Л. Н. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890. С. 14.
- ¹² Пуле М. де. Анекдот о Пушкине // Русский Архив, 1879, III. С. 136.
- ¹³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников в 2-х т. Т. 2. М., 1974. С. 41 (Серия лит. мемуаров).
- ¹⁴ Там же. Т. 1. С. 65.
- ¹⁵ Там же. Т. 2. С. 385 (примечания).
- ¹⁶ Соболевский о Пушкине. (Из переписки С. А. Соболевского с М. Н. Лонгиновым) // Пушкин и его современники. Вып. XXXI—XXXII. Л., 1927. С. 40 (подлинник по-французски).
- ¹⁷ Рассказ К. Н. Савостьянова о встречах с Пушкиным в 1829 и 1833 г. // Пушкин и его современники. Вып. XXXVII. Л., 1928. С. 148.
- ¹⁸ Разговоры Пушкина. М., 1991. С. 80 (Репринт. воспроизв. изд. 1929 г.).
- ¹⁹ Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 75.
- ²⁰ А. И. Тургенев — кн. П. А. Вяземскому. 26 апреля 1821 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. СПб., 1899. С. 187.
- ²¹ Полевой К. А. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого. СПб., 1888. С. 200.
- ²² Старый лицеист // Новое время, 1880, № 1521.

Р. В. Иезуитова

**«ЗАЧЕМ ТЫ, ГРОЗНЫЙ
АКВИЛОН...»
(О судьбе одного
болдинского автографа)**

Любопытна и поучительна судьба одного из шедевров пушкинской лирики — «Аквилона», написанного в первые месяцы михайловской ссылки, дошедшего до нас в более поздней, болдинской записи, но опубликованного лишь в 1837 г. всего за несколько недель до смерти Пушкина. В подобной ситуации, на первый взгляд, нет ничего необычного. Пушкин, как известно, не торопился с публикацией своих стихов, в том числе и вполне законченных и художественно совершенных. Многие из его лирических шедевров, выражая сокровенные мысли автора, оставались для него знаками пережитого душевного состояния, вехами его внутренней жизни, и поэт не стремился сразу поделиться сокровищами своей души даже с сочувствующими ему читателями. Но это особая тема, лишь отчасти касающаяся пушкинского «Аквилона», ибо в данном случае мы имеем дело не с соображениями сугубо психологического плана, а с целым рядом обстоятельств другого, хотя также творческого и личного порядка.

Совсем коротко охарактеризуем сохранившийся в числе других болдинских рукописей автограф «Аквилона» (ПД 126), который, насколько нам известно, специально не изучался. Между тем он дает в достаточной мере любопытную информацию, проливающую свет на понимание этого сложного поэтического текста.

Болдинский автограф представляет собою листок, на лицевой стороне которого записан перебеленный текст «Аквилона». Запись выполнена разборчиво, с небольшой правкой в средней части стихотворения и более обильной — в последнем его четверостишии. Под ним две отчетливо читаемые пометы, исключаящие, на наш взгляд, нередко возникавшие в пушкиноведении споры о времени написания «Аквилона». Вот эти пометы: «1824 Мих<айловское>» и «Болдино 7 сен<ября>». Первая помета фиксирует дату создания стихотворения (временем от начала приезда Пушкина в Михайловское, то есть не ранее 9 августа и до конца декабря 1824 г.); вторая помета датирует запись и доработку этого текста. Не подлежит сомнению, что первая помета вовсе не камуфлирует (из соображений осторожности, как об этом пишут некоторые комментаторы) подлинные обстоятельства, вызвавшие этот стихотворный отклик, а наоборот — прямо на них указывает. Мы полагаем, что нижний слой болдинского автографа «Аквилона» дает первоначальную, условно говоря, «михайловскую» редакцию стихотворения (со-

зданную, повторяем, в августе — декабре 1824 г.), но записанную по памяти в Болдине 6 лет спустя. В пользу этого предположения свидетельствует отсутствие черновика или каких-либо других следов творческой работы над текстом (он мог находиться в так называемой «Михайловской тетради», уничтоженной Пушкиным после событий декабрьского восстания), характер самой записи (дающий поначалу сплошной текст),¹ а также отсылающая к 1824 г. авторская дата, которая, кстати отметить, была поставлена и при публикации стихотворения в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (1837, № 1, 2 янв. С. 4).

Итак, уникальная память Пушкина в течение 6-ти лет хранила этот михайловский текст, пока не возникла потребность записать его. Потребовались особые условия, заставившие Пушкина снова обратиться к тексту давно созданного стихотворения. Такие условия сложились в первую болдинскую осень (1830) с ее психологическим и творческим настроем, переосмыслением многих прежних ценностей, с подведением каких-то итогов пройденного пути накануне предстоящих ему жизненных перемен. Процесс этот, охвативший многие стороны деятельности Пушкина, своеобразно сказался и на дальнейшей судьбе «Аквилона». Не доведя до конца своей записи стихотворного текста, Пушкин (это обычная его творческая практика) сразу же начал его правку; последний слой автографа дает окончательную, «болдинскую», редакцию «Аквилона», которую автор пометил точной датой (7 сентября 1830 г.). Этот текст он опубликует 7 лет спустя. Правка в болдинском автографе носила в основном стилистический характер, но она отчасти коснулась и содержательной стороны текста. Пушкин несколько притушил, несомненно, имевшие место аллюзии, намекавшие на расправу с ним Александра I, и выдвинул на первый план философско-этический элемент содержания. Однако он оставил в неприкосновенности формулу «гроза и слава», указывающую на события Отечественной войны 1812 г. и вызывающую в памяти образ Наполеона. Это существенные для понимания общего смысла «Аквилона» художественные штрихи и скрытые реалии во многом определили характер восприятия этого произведения, которое, подчеркнем, требует от исследователя соблюдения осторожности и такта в толковании возникающих в этой связи исторических ассоциаций. Еще Б.В.Томашевский в статье 1937 г. «Пушкин и Лафонтен» возражал В.Я.Стоюнину, разумеющему под северным ветром «аквилоном» — политические потрясения, а под дубом — самого Пушкина, который в результате этих потрясений «был вповину низвергнут». Не принимал он и точки зрения Л.Н.Майкова, считавшего, что «аквилоном» назван Александр I, «дубом» — Наполеон, «тростником» — Пушкин.²

Томашевский первым обратил внимание на использование в «Аквилоне» особой жанровой традиции, восходящей к хрестоматийно известной басне Лафонтена «Дуб и трость», подчеркнув при этом, что использование этого басенного сюжета Пушкиным не снимает его аллегоричности, но эта аллегоричность особого толка, исключая прямые автобиографические реалии и политические аллюзии. Согласившись с мнением Томашевского в целом, в особенности с его критикой Стоюнина и Майкова, подчеркнем, что одного указания на литературный источник и соответствующую жанровую традицию далеко не достаточно для понимания смысла стихотворения,

так или иначе связанного с событиями михайловской ссылки Пушкина. Заметим, что в последние годы пушкинские произведения — в особенности его лирика — подвергаются фронтальному «очищению» от жизненных, бытовых, а тем более политических реалий. Примером могут служить статьи об «Арионе» и стихотворениях так называемого «Каменноостровского цикла» (1836). Тенденция эта вполне понятна в качестве реакции на чрезмерности социологического и узко автобиографического метода, выявляющего буквально в каждом сочинении Пушкина завуалированный отклик на те или иные общественно-политические ситуации, но она таит в себе другую опасность — изоляцию сочинений поэта от живых, реальных истоков, питающих его творческую мысль, от тех порою весьма конкретных событий и фактов, которые вызвали потребность углубленного художественного их осмысления. На наших глазах творится новый миф о поэте, живущем в мире чисто литературных, сугубо духовных субстанций и даже абстракций, и его творчество полностью изолируется от его жизни. «Аквилон» — яркий пример органичности творческого (литературно-эстетического) и жизненного (во всех его ипостасях) начал в поэзии Пушкина. Необходимо уяснить, вследствие каких причин в поле зрения Пушкина попал знаменитый басенный сюжет о дубе и тростнике (вариант — трость) и по каким источникам поэт знакомился с ними.

Сюжет этот принадлежит к числу бродячих сюжетов мировой басенной поэзии. Начало его распространению в европейской литературе положил вовсе не Лафонтен, а родоначальник жанра Эзоп своей басней (в прозе) «Дуб и олива», смысл которой состоял в обличении гордости, кичливости власти и хвастовства сильного перед немощным и слабым, а главное — в неминуемом наказании этого распространенного человеческого порока божественными силами, ниспосылающими могучий и безжалостный ветер (аквилон), который губит дуб, но шадит оливу. Иносказательная форма произведения позволяет вместить в него достаточно широкое, отвлеченное от тех или иных реальных ситуаций содержание, создать на основе этого сюжета сатиру на людские пороки вообще. Но она же давала возможность в случае необходимости «сузить» этот сюжет до вполне частного случая, но с неизбежно глубокой моралью, возводящей конкретный случай до всеобщего закона бытия о превратностях человеческой судьбы, подвластной некоей высшей силе, благосклонной к смиренному, покорному воле провидения существу, и карающей недавнего баловня судьбы, возомнившего в своей слепоте себя равным с богами. Адский вихрь (по воле богов — персонажей античной мифологии) сметает эту силу, и чем более прочной и стойкой кажется она сначала, тем мощнее и беспощаднее обрушивается на нее удар судьбы, олицетворенный в зловещем северном ветре — Аквилоне. Этот античный сюжет через посредство басни Лафонтена получивший широкую популярность в Европе, уже во 2-й половине XVIII в. проник в русскую поэзию и вызвал к жизни ряд произведений басенного жанра, создав своего рода особую поэтическую традицию. Начиная с А.П.Сумарокова и вплоть до И.И.Дмитриева и И.А.Крылова, ни один крупный русский баснописец не обошел своим вниманием этот сюжет, весьма актуальный для русской жизни конца XVIII — начала XIX вв. с ее острыми нравственными и общественными проблемами.

Не подлежит сомнению не только близкое знакомство Пушкина с басней о дубе и тростнике Лафонтена (убедительно обоснованное Томашевским), но и с русскими баснями на этот сюжет, известными ему еще с лицейских лет хотя бы по составленной В.А. Жуковским 5-томной хрестоматии лучших русских стихотворений, взятых из популярных журналов конца XVIII — начала XIX вв.; в 3-й том этого издания был включен раздел басен. В него вошли «Дуб и трость» И.И. Дмитриева, «Дуб, кусты и трость» Ф.Ф. Иванова, но по первоначальному плану предполагалось включение еще двух широко известных басен на этот сюжет А.П. Сумарокова и Я.Б. Княжнина.³

Однако наибольшую близость к пушкинскому «Аквилону» обнаруживают две наиболее популярные басни на этот сюжет, принадлежащие И.И. Дмитриеву («Дуб и трость») и И.А. Крылову — «Дуб и трость», впервые напечатанная в «Московском зрителе» (1806. Ч. I. С. 73—75) вместе с «Разборчивой невестой» с общим подзаголовком: «Две басни для С. Бенкендорфовой». В текстах двух соперничавших между собою знаменитых баснописцев (стоит вспомнить в этой связи об известной басенной полемике Пушкина с Вяземским, приходившейся как раз на ближайшее к «Аквилону» время) упоминается аквилон, правда, в своей сугубо назывной функции; но даже у Крылова (придавшего традиционному басенному сюжету демократическую направленность и тем самым приблизившему его, минуя разных литературных посредников, к античному первоисточнику — эзоповской басне) аквилон и зефир — это чисто географические понятия. В стихотворении Пушкина эти образы имеют широкое символическое значение. Существенно, однако, другое: Пушкину оказывается близкой акцентируемая Крыловым мысль о «бессилии» силы и «силе» слабости, которая в его басне обосновывается по законам этого жанра и получает нравственно-этическую направленность, служит целям назидания, поучения. В стихотворении Пушкину она (то есть мысль) конкретизируется и реализуется в ином, чисто лирическом контексте, давая совершенно новый поворот сюжету о дубе и тростнике, что выводит пушкинское стихотворение за жанровые рамки басенной традиции с ее иносказательностью и аллегориями, морализированием и назидательностью. Басенный сюжет приобретает у Пушкина несвойственное этому жанру эмоционально-субъективное звучание, и традиционные персонажи — дуб и тростник (трость) — вписываются в исполненный лиризма пейзаж, несущий явные признаки национально-русского (северного) пейзажа, даже локализованного под пейзаж окрестностей Михайловского. Аллегорические (басенные) персонажи, воспринятые сквозь призму личных настроений автора, теряют свои жанровые признаки и ассимилируются принципиально иной поэтикой лирического стихотворения. Вот почему, на наш взгляд, попытки увидеть в «Аквилоне» лишь слегка завуалированную аллегорию сильно огрубляют и упрощают восприятие этого поэтического текста. Ошибка комментаторов состоит в стремлении анализировать лирическое стихотворение как басню.

Какие же настроения владели Пушкиным при создании «Аквилона» в первые, пожалуй, самые трудные месяцы михайловской ссылки? Чувство одиночества в кругу семьи, напуганной гонением властей на поэта, резкая ссора с отцом, возмущение, обида, полная незащитность перед преследующими его властями. Отзвуками этих бурных и печальных чувств наполне-

ны михайловские письма Пушкина к петербургским друзьям и, конечно же, исполненный горькой иронии диалог с главным «гонителем» — царем — в написанном тогда же «Воображаемом разговоре с Александром I». Таков творческий контекст пушкинского «Аквилона», который своеобразно преломляет эти же настроения и художественно воплощает особое психологическое состояние автора. Взяв за основу известный басенный сюжет, Пушкин трансформирует его в лирическую исповедь, внутренний монолог. Стихотворение начинается не с традиционного для басни спора дуба и трости (тростника), а с типично песенного, фольклорного зачина — лирического обращения к ветру (ср. с зачином народных песен: «Не тебе ли, ветру буйному...» или «Не шуми ты, мати зеленая дубравушка...» и т. п.), который создается приемами фольклорно-песенного параллелизма (передачи душевного состояния лирического героя через эмоционально окрашенные картины природы). Далее весь басенный сюжет выстраивается по «сценарию» лирической народной песни. Фольклорный элемент в «Аквилоне» — особая, мало исследованная проблема (в рамках этой работы она может быть обозначена лишь в самых общих чертах), однако ясно одно: фольклоризм «Аквилона» — не явный, не стилизованный под просторечье и народно-поэтическую речь. Фольклорный элемент органически включен в общую художественную систему поэтики Пушкина и служит для раскрытия местного (михайловского) колорита, узнаваемого и в образе дуба (прообраза будущего «дуба уединенного») и в картинах зыблого ветром болотного тростника (растущего по топким берегам Сороти и озера Маленец). Басенные универсалии, ее открытый аллегоризм и морализм начисто «уходят» из сюжета о дубе и тростнике, уступая место широкой, предметно-живописной манере лирического пейзажного стихотворения, заключающего в себе и более глубокий, философско-исторический смысл. Возможность расширительного толкования «Аквилона» дает ключевой поэтический мотив бури, грозы, отсылающий к метафорическому образу «грозы 12 года» с ее устойчивыми историческими реалиями. У стихотворения появляется второй, условно говоря, исторический план, ибо для современников Пушкина события Отечественной войны 1812 г. неизбежно ассоциировались с именами главных действующих лиц великой битвы двух народов. Антитеза «Александр I и Наполеон» как выражение идеи превратности человеческого бытия, непрочности земной славы владык мира составляет устойчивый мотив лирики конца 10-х — начала 20-х гг. XIX в. Крушение Наполеона, его заточение и смерть на острове Св. Елены лишь подтвердили высказанную еще в 1815 г. Жуковским в «Славянке» мысль:

<...> сколь блага наших дней,
Сколь все величия мгновенны.

.....
И нечувствительно с превратности мечтой
Дружится здесь мечта бессмертия и славы». ⁴

В «Аквилоне» эта мысль получит подтверждение фактами истории: подобно «величавому дубу», еще недавно красовавшемуся на высоте, низвергнут Наполеон. Здесь, однако, нет прямой аллегии (Наполеон — дуб), но

есть аналогия, вызывающая цепь исторических ассоциаций. Его трагическая судьба должна послужить предостережением Александру I, ныне находящемуся на высоте величия и славы. Главной теме стихотворения аккомпанирует идея милосердия, прямо заявленная в начальном стихе: «Зачем ты, грозный аквилон...». Она пробуждает размышления читателя о великодушии, которого так не хватает властителям судеб мира. Впрочем, подобные мысли уходят в подтекст, но неизбежно появляются у читателей стихотворения, хотя нигде прямо не формулируются.

Конечно же, Томашевский был прав, отказываясь видеть в смиренном «тростнике» аллегорический образ автора, гонимого грозным северным Аквилоном, олицетворяющим Александра I. Однако снова напрашивается аналогия с судьбой гонимого поэта, которая оживляет ассоциации иного, уже сугубо личного плана. И здесь «Аквилон» как бы смыкается с «Воображаемым разговором с Александром I», в котором поэт выразил свои обиды на монарха.

Бурные события последекабрьских лет подтвердили правоту главной мысли стихотворения. На этот раз «низвергнутым» оказался сам Александр I, скончавшийся в ноябре 1825 г., а автор «Аквилона» не только не подвергся грозным ударам судьбы, но и счастливо избежал преследования со стороны нового монарха, Николая I, освободившего Пушкина из михайловской ссылки. Жизнь по-своему переосмыслила положенную в основу стихотворения ситуацию, и это позволило Пушкину задуматься над возможностью публикации стихотворения. В списках произведений, предназначенных для печати, «Аквилон» (и это, на наш взгляд, не случайно) неизменно соседствует с острыми в политическом отношении произведениями, имеющими в то же время глубоко личный характер. В автографе ПД 168 «Аквилон» объединен в особый цикл вместе с «Арионом». Оба текста помечены знаменательным числом «26», как нам представляется, указывающем на 1826 г., когда Пушкин был освобожден из ссылки. Однако, он осознавал, что подобная близость лишь подчеркнет их особый политический смысл, и Пушкин отказался от циклизации этих произведений и опубликовал без подписи в «Литературной газете» 1830 г. лишь «Арион».

В болдинскую осень 1830 г. Пушкин задумался и о напечатании «Аквилона». Именно тогда он записал и доработал текст стихотворения, внося в него новые акценты. Он усилил мотив гонения, оттенив тем самым контраст картины бури (с ее новым метафорическим смыслом, намекавшим на декабрьские события) и мирного спокойного состояния природы. Эта последняя картина подверглась в болдинском автографе особенно значительной правке.

Автограф этот содержит еще одно указание на то, какие мысли владели поэтом, когда он дорабатывал свое старое стихотворение: в тот же день на обороте этого же листа он переписал из рабочей тетради ПД 841 одно из самых неожиданных по смыслу стихотворений кавказского цикла 1829 г., навеянного поездкой в Арзрум. Это стихотворение «Делибаш» с отчетливо выраженной в нем мыслью о бессмысленности всякого насилия, несущего лишь страдания и смерть, которыми закончилась схватка российского казака и турецкого «делибаша». Нашу мысль о том, что подобное соседство также не является простой случайностью, подтверждают еще два списка

предназначенных для печати стихотворений: ПД 515 и ПД 716, где оба текста соседствуют с «Арионом» и «Бесами», составляя новый, несколько расширенный цикл, неосуществленный в печати, но как бы находящийся в процессе становления.⁵

В последнем по времени списке ПД 922 (дата его составления август 1836 — начало января 1837 г.) «Аквилон» также окружен далеко не нейтральными текстатми: он поставлен между стихотворением «Из Пиндемонти» (1836) и «Тучей» (1835), правда, это название зачеркнуто. Видимо, слишком явной была аналогия с обстоятельствами, вызвавшими появление «Аквилона». Этот новый контекст свидетельствует, что в 30-е гг. михайловское стихотворение обросло новыми историческими и биографическими аналогиями. Оно приобрело несколько иной этический смысл, связанный с проблемой соотношения власти (как насилия) и личной независимости, необходимой для творческой жизнедеятельности. В условиях постепенно нараставшего конфликта с новой властью в лице А.Х. Бенкендорфа и ближайшего окружения Николая I, «Аквилон» актуализировался в творческом сознании Пушкина, и поэт отдал стихи в печать в первые дни нового 1837 г., что, на наш взгляд, придало им до известной степени программный характер.

Последовавшая в конце января 1837 г. смерть Пушкина внесла еще один, на этот раз глубоко трагический штрих в картину низвергнутого «грозным Аквилоном» «величавого дуба». Глубоко оригинальное по своей жанровой форме и богатейшее по философскому смыслу произведение обернулось для автора еще одним пророчеством.

¹ О судьбе «Михайловской тетради» см.: Фомичев С.А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 835// Пушкин. Исследования и материалы. Т. 11. Л., 1983. С. 32—33.

² Томашевский Б.В. Пушкин и Лафонтен//Временник Пушкинской комиссии. Т. 3. Л., 1937. С. 215—244.

³ См.: Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов. Т. 3. М., 1810—1811. См. также: Реморова Н.Б. Басня в «Собрании стихотворений...», изданном В.А. Жуковским//Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 3. Томск, 1988. С. 406—407.

⁴ Жуковский В.А. Собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 262.

⁵ См. об этом: Измайлов Н.В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов//Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 213—269.

Г.И.Назарова

АДРЕСАТ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА «НОВОСЕЛЬЕ»

Стихотворение Пушкина «Новоселье» (1830) впервые было напечатано в альманахе «Сиротка» на 1831 г., а затем вошло в состав 3-й части «Стихотворений Алдександра Пушкина», изданных в 1832 г. В обоих названных изданиях нет ни адресата, ни даты написания послания. Однако в беловом автографе «Новоселья» (ПД 127) и в списке стихотворений, предназначенных для сборника 1832 г. (ПД 716), рукой Пушкина поставлен год — 1830, и указано место создания стихотворения — Москва, что и служит основанием для его датировки. В том же беловом автографе (ПД 127), кроме заглавия, имеется подзаголовок: «К**». Под двумя звездочками здесь зашифровано имя адресата.

Чье же имя так обозначил поэт? Известный пушкинист П.А.Ефремов писал в примечаниях к стихотворению «Новоселье» следующее: «Стихи относятся к Павлу Воиновичу Нащокину».¹

Несмотря на то, что Ефремов не привел веских доводов в пользу своей атрибуции, в дальнейшем издатели и комментаторы Пушкина по традиции относили это стихотворение к Нащокину. Например, Б.Л.Модзалевский писал: «Во время жизни своей в Москве, женихом, в 1830 г., Пушкин начал было, под диктовку Нащокина, записывать его воспоминания <...> В том же году Пушкин написал Нащокину стихотворение “Новоселье”».²

Среди тех, кто принял атрибуцию Ефремова, был и М.А.Цявловский. В издании сочинений Пушкина, вышедших в 1936 г. под редакцией и с комментариями Цявловского, о «Новоселье» читаем: «Стихотворение обращено к Павлу Воиновичу Нащокину <...> одному из ближайших друзей Пушкина <...> Домашний кумир — одна из достопримечательностей квартиры Нащокина, привлекавшая внимание Пушкина: двухэтажный домик <...> стоивший хозяину, по словам мемуариста, “до 40 тысяч рублей”».³

Однако, спустя 15 лет, в 1951 г. Цявловским были опубликованы «Заметки о Пушкине».⁴ Среди них — статья о «Новоселье» (написанная еще в 1939 г.), в которой доказывалось, что стихотворение адресовано не П.В.Нащокину, а М.П.Погодину. Цявловский писал: «Нигде у Пушкина ничего наводящего на раскрытие двух звездочек, скрывающих фамилию, нет <...> Первый, кто узнал, кого поздравлял Пушкин с новосельем, был П.А.Ефремов, который <...>, не приводя никаких доказательств, заявил, что “стихи относятся к Павлу Воиновичу Нащокину”. Вслед за Ефремовым все ре-

дакторы и комментаторы по “традиции” повторяли это, как я теперь убедился, наверное, голословное утверждение Ефремова. Больше того, в словах <...> “домик малый” и даже в словах “домашний свой кумир” комментаторы видели указание на пресловутый игрушечный “Нашокинский домик”. Все это, конечно, недоразумение. “Домашний свой кумир” — это просто аллегория в классическом стиле, синоним “пенатов” и больше ничего, — пишет далее Цявловский, возражая и самому себе. — “Домик малый” — это не игрушечный домик, а настоящий особняк, в который переселился адресат.

Характеристика последнего в стихотворении никак не вяжется с П.В.Нашокиным. Это человек, занимающийся “свободным трудом”, чуждый “лени вялой”. Сказать о Нашокине, что он занимается каким-то “трудом”, Пушкин не мог <...> Адресат стихотворения, несомненно, — человек, занимающийся дома, писатель, ученый. Оборотистый, прекрасно устраивавший свои дела М.П.Погодин 29 апреля 1830 г. подробно рассказывал в письме к С.П.Шевыреву, как он приобрел дом.⁵ И далее Цявловский приводит это письмо: «Поздравь меня на новоселье, любезный Степан Петрович <...> Я купил дом и совсем уже в него перебрался и разобрался и пишу теперь к тебе с высокого Парнаса, с которого виды на несколько верст кругом... Дом на прекрасном месте <...> на стрелке четырех улиц <...> большой, каменный <...> Отдавать в наймы буду бельэтаж и несколько комнат во флигелях <...> В своем мезонине я теперь царь: ни один звук до меня не доходит, и я, окруженный книгами, имея перед глазами живые картины, занимаюсь властью <...>».⁶

«Во время своего пребывания в Москве с 12 марта по 14—16 июля 1830 г., — продолжает Цявловский, — Пушкин тесно общался с Погодиным, о чем свидетельствуют двенадцать записок поэта к последнему за эти месяцы. Первая из них (“Пушкин приходил поздравить Вас с новосельем”) и позволяет, мне кажется, без колебаний считать стихотворение “Новоселье” адресованным Погодину, смущаться тем обстоятельством, что купленный Погодиным дом был большой, а Пушкин в стихотворении говорит о “домике малом”, не приходится. По праву поэта Пушкин, конечно, мог назвать “домиком малым” мезонин, в котором поселился Погодин и в котором он, по его словам, как бы повторяющим слова Пушкина о “свободном труде и сладком мире” может заниматься властью».⁷

Комментарий Цявловского относительно нового адресата был учтен в примечаниях к «Новоселью»: «Стихотворение обращено, вероятно, к М.П.Погодину».⁸

Однако, уже после публикации Цявловского и последующих перепечаток академического 10-томника, в печати появился новый документ, который, как нам представляется, позволяет вернуться к Нашокину, как адресату «Новоселья». Речь идет о письме его к Погодину, имеющем прямое отношение к нашей теме. Павел Воинович просит у Погодина в долг денег и предлагает в залог свой драгоценный «домик»: «<...> У вас есть свое семейство и вы неправы мне доверять. Возьмите обеспечение <...> мой *Маленький домик* (выделено нами. — Г.Н.) <...> дайте мне <...> пять тысяч <...> найдутся у Вас деньги для меня — то вам приятно может быть будет — что вы восстановите этими деньгами уже совершенно падшее мое семейство».⁹

Слова Нащокина «*мой маленький домик*» в этом письме почти буквально совпадают с пушкинской строчкой о «домике малом», что позволяет отнести ее не к настоящему дому (Погодина), а к нащокинскому домику.

Объясняя несоответствие того факта, что Погодин купил «большой дом», а в стихотворении идет речь о «домике малом», Цявловский полагал, что Пушкин имел в виду мезонин, в котором поселился Погодин. Между тем, мезонин — понятие совершенно определенное. Оно означает полуэтаж, неполный этаж, надстройку над серединой дома. Самое это слово происходит от итальянского «*mezzanino*» — полуэтаж. Вот почему Пушкин не мог назвать мезонин — домиком, даже допуская поэтическую вольность, так как мезонин — это неотделимая *часть* дома, Пушкин, как известно, был предельно точен в своем словоупотреблении. Домиком можно было бы назвать (часто так и называли) флигель — небольшой дом во дворе большого здания. Хотя, оговоримся, что флигелем называли и боковую пристройку — его крыло (от нем. *der Flügel*), и все же это пристройка. Но из контекста письма Погодина следует, что новый хозяин дома поселился не в одном флигеле, а в самом здании.

Пушкинские строки «свободный труд и сладкий мир» Цявловский относит к Погодину, чье трудолюбие было известно всем. Сказать же о Нащокине, что он занимается хоть каким-то «трудом» Пушкин, конечно, не мог. Цявловский подчеркнул, что «адресат стихотворения, несомненно, человек, занимающийся дома, писатель, ученый».¹⁰ На первый взгляд, это утверждение кажется убедительным, однако слова Пушкина «свободный труд и сладкий мир», истолкованные и понятые в общем контексте стихотворения, имеют несколько иную окраску, оттенок особый, доверительно дружеский.

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

(выделено нами. — Г.Н.)

Едва ли можно было сказать о труде ученого или писателя так. Речь шла о «веселом» труде-занятии Нащокина по созданию «Маленького домика», о труде, забавлявшем и приносившем радость («веселье») Нащокину — заказчику и своеобразному режиссеру, под руководством которого в течение нескольких лет осуществлялся этот необычный замысел и продолжалось создание самой модели.

Под свободным трудом подразумевается занятие независимое, веселое и приятное.

С предположением, что под словом «труд» Пушкин имел в виду создание «нащокинского домика», согласуется и выражение «сладкий мир», в котором Нащокин находил спасенье и забвенье от жизненных невзгод («злых забот и лени вялой», в которых у него не было недостатка).

Создание «Маленького домика» было также спасением от «лени вялой», которая, как известно, была свойственна Нащокину, но не ученому-историку Погодину. С представлением о «домике Нащокина» согласуется и сло-

во «веселье»; в этом маленьком мирке (в «домике») были свои забавы и веселье. В связи с этим вспомним слова Пушкина в письме к жене в сентябре 1832 г.: «У него (Нащокина.— Г.Н.) в домике был пир: подали на стол мышенка в сметане под хреном в виде поросенка <...>» (XV, 33).

Слово «веселье» в стихотворении «Новоселье», конечно, не однозначное. Кроме прямого смысла, оно несомненно означает отраду, радость, так как «домик малый» — это полуреальный, полусказочный микромир, где можно было укрыться от «злых забот», спастись от «лени вялой» и забыться от жизненных тревог. Такой, по-видимому, смысл вкладывает Пушкин в поэтический образ «домашнего кумира».

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес, а с ним веселье
Свободный труд и сладкий мир.

(выделено нами.— Г.Н.)

Пушкин, как известно, приходил поздравлять с новосельем Погодина (в апреле 1830 г.). И казалось бы, одного этого достаточно, чтобы увидеть в его стихотворении отклик на это событие. Однако, имеются и другие факты, позволяющие считать, что Пушкин имел ввиду *новоселье в «домике» Нащокина*. Обратимся к письмам Пушкина с упоминанием о «домике». Первое из них датировано 8 декабря 1831 г. и написано из Москвы в Петербург, жене: «Дом его (Нащокина.— Г.Н.) (помнишь?) отделяется; что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепяно, на котором играть можно будет пауку <...>» (XIV, 245).

В этом письме поэт напоминает жене о чем-то *ранее* и, очевидно, *давно* ей известном — о «домике», который она, судя по словам Пушкина, видела, вероятно, в 1830 г. (Пушкины уехали из Москвы в середине мая 1831 г.). Слово «*отделяется*» также свидетельствует о том, что в это время (то есть уже в 1830 г.) «домик» существовал и в нем были вещи: фортепяно, подсвечники, сервиз, так восхищавшие Пушкина. А в 1836 г. «домик», по словам Пушкина в другом письме к жене (от 4 мая 1836 г.) был доведен до совершенства» (XVI, 3).

Итак, в 1830 г., когда было написано стихотворение Пушкина «Новоселье», «домик» уже реально существовал: «Дом (то есть домик.— Г.Н.) его (помнишь?) *отделяется* (выделено нами.— Г.Н.)» (8 декабря 1831 г.).¹¹

В 1830 г. Пушкин пробыл в Москве около полугода (2-я половина марта — 1-я половина июля; 2-я половина августа). Это — время сватовства Пушкина и частых встреч его с Нащокиным. Не в это ли время видели Пушкин и Наталья Николаевна «Маленький домик Нащокина»?

Вполне вероятно, что именно в это время, в 1830 г., мог присутствовать поэт на шутовом новоселье в «домике» Нащокина в квартире Нащокина, и потому нам кажется убедительным предположение П.А.Ефремова о том, что именно с этим событием и связано создание стихотворения «Новоселье».

Следует также сказать об особой тональности стихотворения. Весь его строй, настроенность: сердечность, задушевность и теплота,— свидетельствуют о том, что, несомненно, обращено оно к человеку, душевно очень

a vestim unaltorii: Acordam-le numai pe drumul
 mare ca si a ceta sa sprijinam unalta, Alacant, Alacant
 no vreau sa se pleasa.

Mutaiu PePonoi. gaima deant este kazyndk ducenqul meu
 un caa Nitopra, la Bepko... no moferat tall. et fucimela
 cu de Alaco, a dante meu spidimla ostantim. Karmozeluya
 a rozbratage moza fupit. - kiamta uradimla Tlaco: ostantim
 moant drombat... a Bant - ostantim no pocomentias coay.
 kempimmo, - a cu sentat (Bant prieducimla. - kiant. a cu
 de la poutimla Buzucan - no out zelovul. zolola Boluma - u
 nozoyu aridimela - apimimla g: u Bant limt cba Bessimla
 u de la Alacant... uita dolapimla... - Pोजिमla a Buzucan
 meu meu. Buzucan - u meu sent de la Buzucan ostantim me.
 coveat, Buzucan u zavacat. - Ostantim: Lolo. Bant nuie meu. ($\frac{5}{100}$) Buzucan
 Druzca. meu ostantim ($\frac{40}{100}$) a a cu kudy me meu pocomentias krama
 kasi u prieducimmo (a cu Alacant - Buzucan) Buzucan u meu
 ostantim kramimla. kasta a me prieducimla. Buzucan Bant ustantim
 nozoyulimla Buzucan - Buzucan meu. Ostantim: e: Alaco, Buzucan, Buzucan
 u u covocimimla meu, - prieducimla. g: out ostantim nozoyu
 prieducimla de ($\frac{25}{100}$) kramimla, kramimla. Duzucan Buzucan pocomentias kram
 no kram Buzucan: - out covocimimla Buzucan. Pocomentias me Buzucan:

водъ Везде касадовою Роду даю сея бедъ Кривою
 Радъ Того и въ Море и Петербургъ сея шловоиетъ какою
 Губернсимъ что повоюи угъ Котъ-ро, и старомъ Навоюи
 Дрелии сею и Фрутии и сея приималии могои Шкоитъ
 И могои Валии — се угъ Криво — въ адъ яро то Шкоитъ
 и Далии, сеюи Уи Доими, — —

и могои — Того сею могои, неюи неюи — Фрутии сеюи
 ии Далии могои и Кривои Далии сеюи Валии
 Далии могои Фрутии, повоюи, и повоюи
 Валии могои — сеюи Роду Криво Кривои
 Кривои у Валии Далии Далии — сеюи Валии Фрутии
 могои сеюи Далии — сеюи Могои, сеюи Далии
 угъ Кривои, Кривои сеюи Далии — сеюи Валии, и Криво
 Кривои Роду, сеюи Далии (Фрутии) Криво —

И Петербургъ Фрутии Кривои Валии, могои Далии
 и Фрутии могои, Фрутии Далии, и могои могои
 Валии, сеюи Фрутии, могои Далии — и сеюи Фрутии — и Криво
 Фрутии могои — сеюи Фрутии у могои сеюи — и сеюи Криво и могои
 Криво могои — сеюи Криво Далии могои, — и могои Далии
 сеюи могои Фрутии Далии, могои могои — могои сеюи $\frac{5}{10}$ сеюи могои
 могои Далии, сеюи, — —
 Криво — сеюи могои — и сеюи Фрутии, сеюи Далии Валии Далии.

Впервые опубликовано: Назарова Г. И. Нащокинский домик//

Пушкин и его время: Исследования и материалы. Вып. 1. Л., 1962, С. 502, 507.

близкому, каким был для поэта Нашокин, чего, однако, нельзя сказать о Погодине.

Все, сказанное выше, как нам представляется, дает основание вернуться к первоначальной атрибуции П.А.Ефремова и считать (пока предположительно) адресатом стихотворения Пушкина «Новоселье» Павла Воиновича Нашокина.

¹ Пушкин А.С. Сочинения/Под ред. П.А.Ефремова. СПб., 1880.

² Пушкин. Письма/Под ред. и с примеч. Б.Л.Модзалевского. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 484.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 6-ти т./Под ред. М.А.Цявловского. Т. 1. М.; Л.: АCADEMIA, (1936). С. 777.

⁴ Цявловский М.А. Заметки о Пушкине//Звенья. Т. 9. М., 1951. С. 167—169.

⁵ Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 395.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 395—396.

⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10-ти т. Т. 3. М., 1956. С. 508.

⁹ Назарова Г.И. «Нашокинский домик»//Пушкин и его время. Исследования и материалы. Вып. 1. Л., 1962. С. 502—507.

¹⁰ Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 395.

¹¹ По словам современника В.В.Толбина, создание модели началось еще в Петербурге, в 1820-е гг. См.: Толбин В.В. Московские оригиналы былых времен (Заметки старожила)//Ис-кра, 1866, № 47. С. 625.

А.В.Татарinov

«СЛЫШАНО ОТ Н.СВЕЧИНА»
(«Подъезжая к Торжку»)

«Показание некоторых историков, утверждавших, что ни один дворянин не был замешан в Пугачевском бунте, совершенно несправедливо. Множество офицеров (по чину своему сделавшиеся дворянами) служили в рядах Пугачева, не считая тех, которые из робости пристали к нему. Из хороших фамилий, был Шванвич; он был сын кронштадтского коменданта, разрубившего щеку графа Алексея Орлова» [IX (1), 478]. Эта запись Пушкина не датирована им самим. В Полном академическом собрании сочинений поэта она помещена среди бумаг 1833 г. Точно также не имеет даты и другая запись Пушкина, ставшая отправной точкой настоящего исследования:

«Немецкие указы Пугачева писаны рукою Шванвича.

Отец его, Александр Мартынович, был майором и кронштадтским комендантом — после переведен в Новгород. Он был высокий и сильный мужчина. — Им разрублен был Алексей Орлов в трактирной ссоре. — Играя со Свечиным в ломбр, он имел привычку закуривать свою пеньковую трубочку, а между тем заглядывать в карты. — Женат был на немке. Сын его старший недавно умер.

Слышано от Н.Свечина» [IX (2), 498].

И эта запись также отнесена исследователями к 1833 г. — времени пристального интереса Пушкина к пугачевской теме, году, когда шла интенсивная работа над «Историей Пугачева» и, одновременно, «Капитанской дочкой». Сбору материалов и для своего исторического труда, и для романа во многом способствовала поездка Пушкина на места исторических событий в Казанскую и Оренбургскую губернии. Уточнение обстоятельств начала этого важнейшего для поэта путешествия также станет предметом нашего рассмотрения. Главный же вопрос, на который нам предстоит ответить: от кого из Свечиных, когда и где Пушкин мог получить информацию об измене М.А.Шванвича?

«<...> Шла вторая половина декабря 1773 года. Вот уже свыше двух месяцев осаждали войска повстанцев Оренбург <...> Со стен крепости нередко видели всадников <...> разбрасывавших пугачевские прокламации <...> Быстро приблизившись <...> казак Иван Солодовников <...> оставил какой-то пакет и тотчас умчался назад. Когда оренбургскому губернатору И.А.Рейнсдорпу доставили этот пакет, в нем обнаружили «именной указ» <...> с требованием сдать город. Но поразило не это — указ был написан на хорошем

немецком языке».¹ С первой же оказией И.А.Рейнсдорп — это случилось 24 декабря — переправил непривычный документ в Петербург.²

Появление из лагеря Пугачева документа на немецком языке всерьез обеспокоило императрицу Екатерину II, которая и раньше считала, что выступление народа было будто бы инспирировано агентурой иностранных государств.³ В наказе чиновникам Оренбургской секретной комиссии от 26 апреля 1774 г. она особо предписала: «Старайтесь узнать: кто сочинитель немецкого письма, от злодеев в Оренбург присланного, и нет ли между ними чужестранцев, и, несмотря ни на каких лиц, уведомите меня о истине».⁴ В самом начале следствия, при допросах 8 мая 1774 г., секретная комиссия установила, что составителем «немецкого» указа был Шванвич,⁵ что и сам он подтвердил в показаниях на допросе 17 мая.⁶ Основываясь на этих сведениях, секретная комиссия 21 мая рапортовала Екатерине II: «Что касается немецкого письма, от злодея к оренбургскому господину губернатору писанного, то сие писал 2-го гренадерского полку подпоручик Шванович (sic! — А.Т.), бывший в то время в полону и атаманом над захваченными в толпу злодейску гренадерами».⁷

Шванвич был 8 ноября 1773 г. взят в плен повстанцами и согласился служить Пугачеву в качестве секретаря его Военной коллегии. В марте 1774 г. он сдался правительственным войскам и поведал о своей деятельности у «бунтовщиков». Его разжаловали, судили и сослали навечно в Туруханск, где он умер в ноябре 1802 г.⁸

От Шванвича, служившего «Петру III — Пугачеву», тянется нить к его отцу А.М.Шванвичу, которого лично знал настоящий Петр III и к которому царь проявил благосклонность, зачислив ротмистром в свой голштейнский полк и пожаловав ему 300 душ крепостных. Отец и сын Шванвичи были крестниками императрицы Елизаветы Петровны, а позднее младший Шванвич некоторое время состоял ординарцем при светлейшем князе Г.А.Потемкине. Не сыграло ли все это определенную роль в приближении пленного подпоручика к Е.И.Пугачеву?

Конечно, М.А.Шванвич — один из немногих представителей русского дворянства, сотрудничавших с повстанцами. Однако в окружении Пугачева он все же был не единственным человеком, владевшим иностранными языками. Во всяком случае, и после его ареста манифесты, указы и прокламации повстанцев на немецком языке продолжали появляться. Они предназначались немецким колонистам Поволжья.⁹

Следует отметить, что сам Шванвич неоднократно менял свои показания, на допросах пытался увильнуть, уйти от ответственности, несмотря на то, что графика подписи (по-латыни, Peter) свидетельствует о том, что она выполнена рукой человека, свободно владевшего латинским письмом, а Пугачев грамотой не владел, значит и не мог подписывать свои манифесты и указы. На допросе в Симбирске Пугачев утверждал, что под его указами подписывался «пленный подпоручик Второго гренадерского полка М.А.Шванвич».¹⁰ Когда об этом спросили самого Шванвича, он ответил: «Кто подписывал на указах злодейских по латыни, я не знаю, а думаю, что бывшие в толпе ево (sic! — А.Т.) конфедераты (сосланные в Оренбургскую губернию поляки, участники Барской конфедерации 1768—1772 гг.— А.Т.), взятые разными случаями в толпу».¹¹

Нельзя упустить и того обстоятельства, что Пушкин в своей записи со слов Свечина уточняет, что не природные, родовитые дворяне шли на сотрудничество с Пугачевым, а лишь «по чину своему сделавшиеся дворянами». Для него, потомственного дворянина, это было особенно важно, служило как бы защитой его чести, позволяло дистанцироваться от «разночинцев», волею случая получивших дворянское звание. Таким образом, Шванвич заинтересовал Пушкина «в поисках героя для большого прозаического произведения» в связи с «задачей изображения дворянина-отщепенца», «дворянина-разбойника».¹²

Конечно же, Пушкину в своих исследованиях истории пугачевского бунта и при написании романа «Капитанская дочка» хотелось в первую очередь опираться на подлинные документы. Поэтому он обратился к военному министру Чернышеву, прося у него разрешения ознакомиться со следственным делом о Пугачеве. Архивные разыскания продолжались до апреля 1833 г. Тогда у Пушкина возникла мысль написать не только роман, но и исторический труд.¹³ Однако главный из документов — Следственное дело — не был тогда предоставлен Пушкину.¹⁴ Недостаток материалов по пугачевскому делу, находившихся в распоряжении поэта, вынуждал его прибегать и к иным источникам информации. Для него весьма важными представлялись также и устные свидетельства современников и очевидцев событий, почерпнутые им не только в ходе путешествия по местам крестьянской войны, но и услышанные им при других обстоятельствах и вовсе не обязательно от участников восстания или его подавления. Кто же сообщил Пушкину информацию о М.А.Шванвиче и его переходе на сторону самозванца?

Запись об участии Шванвича в возмущении могла быть сделана Пушкиным не позднее января 1833 г., так как замысел «Капитанской дочки» (в ее первом, предполагавшемся варианте, пока еще без образа Гринева, но зато с двумя Шванвичами — отцом и сыном),¹⁵ предшествовавший работе поэта в архивах, впервые фиксируется 31 января 1833 г.: «Шванвич за буйство сослан в гарнизон», — так начинается ранний пушкинский план поэмы.

«Слышано от Н.Свечина», — свидетельствует Пушкин под записью информации о роли Шванвича. Но от кого именно? «Свечины», — сообщает словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, — дворянский род, одного происхождения с Левашовыми. Александр Викулич, по прозвищу Леваш, тверской боярин, был родоначальником Левашовых. А его потомок Андрей Константинович Левашов за свой высокий рост носил прозвище «Свеча». От него и была его детьми принята новая фамилия (XVII в.).¹⁶

На рубеже XVIII—XIX вв. с учетом сведений Русского Биографического словаря,¹⁷ а также подробнейших данных, содержащихся в изданных великим князем Николаем Михайловичем петербургском, московском, русском провинциальном и зарубежном «Некрополях»,¹⁸ сообщается по крайней мере о нескольких десятках Свечиных обоего пола. Нас будут интересовать, естественно, лишь современники Пушкина, в первую очередь военные, те, кто могли получить информацию о Шванвиче, что называется, из первых рук.

Один из таких персонажей — Петр Александрович Свечин (1781—1852), прославившийся среди лицеистов своими знаменитыми усами, служивший

в гусарском полку и ставший впоследствии генерал-майором.¹⁹ Однако после окончания Царскосельского Лицея в 1817 г. Пушкин уже более никогда не встречался с П.А.Свечиным. Сведения же о немце-изменнике были получены поэтом не ранее 1828 г. Таким образом, этот Свечин нас интересовать не может.

В Большом академическом собрании сочинений Пушкина сообщается, что интересующая нас запись сделана со слов Н.С.Свечина [IX (2), 498]. Речь идет о Николае Сергеевиче Свечине (1758—1850), генерале от инфантерии, женатом на писательнице Софье Петровне Свечиной, урожденной Соймоновой. И хотя год рождения этого генерала позволяет предположить, что он мог знать какие-то подробности относительно участников пугачевского бунта (например, от своих старших сослуживцев), тем не менее, вряд ли у него с Пушкиным успел состояться какой-то серьезный разговор. В 1817 г., вскоре после перехода в католичество, по настоянию императора Александра I (в соответствии с указом о высылке из России иезуитов) супруги покинули страну, и вся их последующая жизнь была связана с Парижем, где они и были похоронены на кладбище Монмартр-Кальвэр.²⁰ Другого Свечина с инициалами «Н.С.» в это время в Петербурге не было.

В более позднем 10-томном собрании сочинений Пушкина по поводу той же записи поэта комментаторами сообщается, что она сделана со слов Н.Свечина,²¹ как это значит и в рукописи самого Пушкина. С таким инициалом Свечиных в это время было двое: Николай Егорович и Никанор Михайлович.

Первый из них — Н.Е.Свечин (1759—1837), в 1830-х гг. статский советник в отставке; известен как владелец собственного дома на Галерной ул. в Петербурге, неподалеку от которого, в доме Брискорн на той же улице, в 1831—1832 гг. жил Пушкин.²² Главным аргументом в пользу того, что именно Н.Е.Свечин сообщил Пушкину интересующие нас сведения, Л.А.Черейский считает то обстоятельство, что в детстве Николай Свечин жил некоторое время в Торжке Тверской губ., где тогда, в 1760-е гг., стоял полк, в котором служил А.М.Шванвич (отец). Но перечень домовладельцев Торжка на интересующее нас время известен,²³ среди них нет Свечиных. Можно допустить, что ребенком Николай Свечин с родителями мог на короткое время останавливаться в Торжке у кого-то из знакомых. Предположение о разговоре Шванвича-старшего с мальчиком, которому едва ли исполнилось 10 лет, на столь серьезную тему представляется невероятным. Тем более, что факты, о которых могла идти речь, относятся к восстанию Пугачева, происшедшему несколькими годами позднее (1773—1775). Таким образом, и Н.Е.Свечин нам не подходит.

Скорее всего интересующий нас персонаж — это Никанор Михайлович Свечин (3 июля 1772 г., родовое имение с. Дубровка Новоторжского уезда Тверской губ. — 13 февраля 1849 г., там же). Прослужив 38 лет (большую часть в лейб-гвардии Преображенском полку) и выйдя в отставку в 1829 г. генерал-лейтенантом, он вполне мог располагать подробностями о пугачевском восстании и его подавлении, которые мог почерпнуть от старших сослуживцев, участвовавших в карательных экспедициях. Посвятив всю жизнь воинской службе, Никанор Михайлович не имел своего дома ни в Петер-

бурге, ни в Москве. Встреча Пушкина со Свечиным произошла, вероятнее всего, в усадьбе генерала Дубровка под Торжком.

Дело в том, что в период с 1817 по 1834 г. проводилась полная реконструкция Санкт-Петербургско-Московского почтового тракта: замена дорожного покрытия с «фашин» (связок тонкого леса) и бревнышек на твердое из «битого» щебня по способу английского инженера Мак Адама.²⁴ Одновременно перестраивались обветшавшие мосты, рылись по сторонам дороги каналы, отдельные участки трассы спрямлялись. В период с 1828 по 1833 г. такая перестройка проводилась на участке дороги между почтовой станцией Выдропужск (где дорога пересекает реку Тверцу) до Торжка (на расстоянии ок. 50 км). Поэтому экипажи двигались в объезд либо по старинной, но заброшенной дороге, петлявшей вдоль левого берега Тверцы и теперь использовавшейся для перегона скота из южных областей страны в Петербург; либо по правому берегу реки через село Дубровку (ныне оно называется Дубровка Свечина), деревни Заболотье, большое и Малое Вишенье, усадьбу Первино на берегу притока Тверцы — речки Осуги, и далее в Торжок. И хотя эта дорога по своим характеристикам наверняка уступала главному тракту, но она была действующей, ею пользовались, к тому же она чуть короче основной. Поэтому то, что Пушкин был вынужден неоднократно пользоваться именно ею, не вызывает сомнений.

Само имение Дубровка расположено почти у самой дороги, просматривается издалека, весьма живописно. На горе каменный двухэтажный дом-дворец с бельведером, рядом с ним — усадебная церковь, по другую сторону дома пирамида-погреб, — все это на фоне деревьев старого парка. Подобное зрелище манило, привлекало проезжающих. Ямщик — непременно местный житель — «обслуживал» только свой перегон и, конечно, знал имя владельца: «Генерал Свечин, Никанор Михайлович». Этические нормы того времени вполне позволяли путешественнику захватить в любую деревню или усадьбу независимо от того, там ли находился в этот момент владелец, даже и без приглашения.

Следует также отметить, что здесь, на Тверской земле, в отличие от Валдайской возвышенности, перегоны между почтовыми станциями становятся довольно большими и утомительными. Поэтому появление примерно на середине расстояния между Выдропужском и Торжком в живописнейшем месте на берегу небольшой речки Поведь ухоженной барской усадьбы наверняка заинтересовало путешественников и заставило подумать об отдыхе. Как нам удалось установить, сама усадьба Дубровка была создана в первые годы XIX в. по проекту уроженца этих мест блестящего русского архитектора и поэта Николая Александровича Львова.²⁵

Отец Никанора Свечина — Михаил Григорьевич — скончался не ранее 1794 г., служил в гвардии, был офицером. Он был дважды женат.²⁶ От первого брака с Марией Андреевной, урожденной Загряжской (1758—1806), у него было два сына: Иван (на 1782 г. — гвардии прапорщик) и Дмитрий. От второго брака с Марией Тихоновной, умершей 85-ти лет, родились сын Никанор и три дочери: Анисья (1778—1826), Параскева (ум. 1825) и Анастасия (ум. 1814). Из них в связи с биографией Пушкина некоторый интерес для нас представляет лишь последняя из них — Анастасия Михайловна, ставшая женой Юрия Игнатьевича Поливанова (ум. 1813), сослуживца

А.В.Суворова. С обоими сыновьями Поливановых был знаком Пушкин: Иван Юрьевич — декабрист, а Александр Юрьевич — сосед Гончаровых по имению Полотняный завод.²⁷

Известно, что М.Г.Свечин был знаком с Г.Р.Державиным, состоял с ним в переписке. Не от него ли почерпнуты сведения о М.А.Шванвиче? Тем более, что Державин служил в секретной комиссии генерала А.И.Бибикова, занимавшейся не только поимкой самого Е.И.Пугачева, но и выяснением причин и мотивов бунта, а также установлением состава его участников. Не исключено, что Михаил Свечин и сам мог быть привлечен, как офицер, к подавлению восстания. В 1794 г., к которому относится сохранившееся его письмо к Державину, сыну Никанору было уже 22 года, он сам служил в Преображенском полку, и отец вполне мог поделиться с ним теми подробностями о пугачевщине, которые сам знал.

Тема пугачевского бунта с самого его возникновения была закрытой. Тот же генерал-аншеф А.И.Бибиков в конце письма своему другу Д.И.Фонвизину с места событий 29 января 1774 г. просит: «Вить не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование. А Пугачев — чучела, которую воры — яицкие казаки играют. Все сие между нами, и письмо — прочот — предай огню».²⁸

Никанор Михайлович Свечин родился в своем родовом имении Дубровке 3 июля 1772 г., обучался в Тверском благородном училище, а 19-ти лет поступил в лейб-гвардии Преображенский полк сержантом. Когда он был уже в чине поручика, в 1805 г., с ним приключился несчастный случай. Проходя со своей частью через Моравию, чтобы принять участие в Аустерлицком сражении, он упал с лошадью, когда проезжал ночью по мосту, не имевшему перил, и вытасен был в беспамятстве казаками из полыньи. При этом он повредил себе руку и долго лечился в полковом лазарете. Теперь он мог заниматься лишь обучением рекрутов. В 1812 г. в Бородинском сражении участия не принимал, находился с полком в резерве. В 1813 г. и позднее он участвовал в нескольких сражениях и за проявленный героизм был награжден орденом св. Анны II степени, орденом св. Владимира III степени, орденом св. Георгия IV степени, прусским знаком Железного креста, польским орденом Красного Орла II стпени. В 1826 г. за отличия по службе был произведен в генерал-лейтенанты.²⁹ Однако в 1828 г., когда началась русско-турецкая война, вследствие расстроенного здоровья попросил отпуск и 18 февраля 1829 г. был уволен в отставку. Но ему всего лишь 56 лет. Если бы не болезнь, он вполне мог бы служить и дальше.

Проследим факты его биографии еще раз: упал с лошадью на лед, проломил его, сильно расшибся, потерял сознание. Дальнейшая служба, как правило, не на передовой, в резерве, в обучении новобранцев. Прибавим сюда еще и семейные невзгоды. Он женился по любви на племяннице всеильного князя Г.А.Потемкина — Екатерине Васильевне, урожденной Энгельгардт, которая была на 26 лет моложе его. Вскоре у них родился сын Ипполит, который прожил, однако, менее года (5 октября 1817 — 17 августа 1818). А через полгода умерла и Екатерина Васильевна в возрасте всего лишь 20-ти лет. Она была погребена на Лазаревском кладбище Александроневской лавры. Памятник на ее могиле «ставил муж».³⁰ Он же сочинил стихотворную эпитафию, выбитую на надгробном камне:

Супруга милая, тебя уж нет со мной!
Дни счастья моего с тобой на век сокрылись.
Так что ж осталось в сей участи мне злой?
Желать, чтоб в вечности скорей мы съединились.³¹

Итогом всех этих событий стало помешательство Н.М.Свечина, о котором нигде не сообщается, но, тем не менее, стало известно благодаря архивным разысканиям.³² Болезнь наступила в 1828 г., а вскоре над несчастным была назначена опека. Он вел теперь жизнь исключительно замкнутую, жил в своей Дубровке безвыездно. Но буйным не был, напротив, постоянно испытывал потребность в собеседниках. Мог стать одним из его немногочисленных собеседников и неоднократно проезжавший мимо его усадьбы Пушкин.

Когда могла произойти их встреча? Таких предполагаемых дат можно назвать несколько. Поэт бывал в этих краях довольно часто. Так, в октябре 1828 г. он ехал к Вульфам из Петербурга в Малинники Старицкого уезда. Возвращался обратно уже после пребывания в Москве и опять через Малинники в январе 1829 г. В марте того же года, задумав поездку в Тифлис, ехал через Тверской край из Петербурга. В сентябре возвращался из Грузии через Москву и вновь Малинники в Петербург. В марте 1830 г. из Петербурга в Москву, а в июне — обратно. В августе он опять едет в Москву уже вместе с П.А.Вяземским. Затем Болдино, потом в феврале 1831 г. женитьба в Москве, а в мае, теперь уже с Натальей Николаевной, по той же дороге в Царское Село. В декабре примерно на неделю едет в Москву и обратно. Следующая поездка в сентябре 1832 г. в Москву, в середине октября — возвращение в Петербург. В январе 1833 г. впервые в бумагах Пушкина появляется имя Шванвича в первоначальном плане «Капитанской дочки»... Не исключено, что в августе этого года Пушкин побывал у Н.М.Свечина в его Дубровке, но уже не один, а с другом С.А.Соболевским. Судя по дневнику последнего, это могло произойти 19 августа.³³ То же число подтверждается и письмом Пушкина к жене.³⁴ То, что подобное посещение не нашло своего отражения ни в дневниках, ни в переписке друзей, говорит, во-первых, об их нежелании предавать гласности характер болезни отставного генерала и, во-вторых, подтверждает закрытость темы пугачевских событий. Это дает основание полагать, что именно Никанора Михайловича имел в виду Пушкин, делая запись: «Слышано от Н.Свечина».

¹ Овчинников Р.В. «Немецкий» указ Е.И.Пугачева//Вопросы истории, 1969, № 12. С. 137.

² Мильников А.С. Легенда о русском принце (Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры). Л., 1987. С. 68—69 (АН СССР. Сер. «Из истории мировой культуры»).

³ Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И.Пугачева. М., 1980. С. 91.

⁴ ЦГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 1. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 506. Л. 86, 207, 220—220об.

⁶ Пугачевщина. Т. 3. М.; Л., 1926. С. 212.

⁷ ЦГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 2. Л. 6.

⁸ Овчинников Р.В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. 2-е изд. М., 1985. С. 160; Мильников А.С. Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. С. 146.

⁹ Мильников А.С. Легенда о русском принце... С. 69.

¹⁰ Следствие и суд над Е.И.Пугачевым//Вопросы истории, 1966, № 5. С. 114.

¹¹ Пугачевщина. Т. 3. М.; Л., 1926. С. 212.

- ¹² Томашевский Б.В. Капитанская дочка. Примеч к кн.: Пушкин А.С. Золотой том. Собр. соч. Изд. испр. и доп./Ред., библиогр. очерк и примеч. Б.В.Томашевского. М., 1993. С. 20.
- ¹³ Там же. С. 920—921.
- ¹⁴ Там же. С. 923.
- ¹⁵ Подробнее о Шванвичах см. Блок Г.П. Путь к Берду (Пушкин и Шванвичи)//Звезда, 1940, № 10. С. 208—217.
- ¹⁶ Свечины//Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т. 29. СПб., 1900. С. 261.
- ¹⁷ Русский Биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904. С. 235—239
- ¹⁸ Николай Михайлович, вел. кн. Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1913. С. 40—42; Он же. Московский некрополь. Т. 3. СПб., 1908. С. 83; Он же. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 774—775; Он же. Русский некрополь в чужих странах. Вып. 1. Париж и его окрестности. Пг., 1915. С. 79.
- ¹⁹ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 389.
- ²⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Русский некрополь в чужих краях... Пг., 1915. С. 79.
- ²¹ Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 7/Под общ. ред. Д.Д.Благого. М., 1962. С. 183.
- ²² Черейский Л.А. Указ. соч. Л., 1988. С. 389.
- ²³ Перечень домовладельцев города Торжка на разные периоды времени составлен научными сотрудниками Всероссийского историко-этнографического музея в Торжке.
- ²⁴ В «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н.Радищев сообщает: «Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшею. <...> <Но>... бревнышками вымощенная дорога совершенно измучила мои бока. Я вылез из кибитки и пошел пешком» (Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву//О повреждении нравов в России князя М.Щербатова и Путешествие А.Радищева. Факсим. изд. М., 1984. Сравните у П.А.Вяземского в стихотворении «Станция»: «Как Мак Адам или Мак Ева // Зима свершит, треща от гнева» (Вяземский П.А. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1982. С. 136).
- ²⁵ Татаринов А.В. Архитектурные работы Н.А.Львова//Львов Н.А. Избр. соч./Предисл. Д.С.Лихачева; Вступ. ст., подг. текста и коммент. К.Ю.Лаппо-Данилевского; Перечень работ А.В.Татаринов. СПб., 1994. Прилож. 2. С. 371—393.
- ²⁶ Выражаю сердечную благодарность за сведения по биографии Н.М.Свечина научному сотруднику Всероссийского историко-этнографического музея в городе Торжке Нине Аркадьевне Лопатиной и бывшему хранителю народного краеведческого музея в Торжке.
- ²⁷ Черейский Л.А. Указ. соч. С. 340.
- ²⁸ Письмо хранится в ЦГАЛИ, в собрании бумаг Д.И.Фонвизина, в папке с письмами генерала А.И.Бибикова. Цит. по: Овчинников Р.В. О пушкинской публикации письма А.И.Бибикова к Д.И.Фонвизину//Временник Пушкинской комиссии 1979. Л., 1982. С. 136—139.
- ²⁹ Русский биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904. С. 238.
- ³⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Петербургский некрополь... С. 41.
- ³¹ Там же.
- ³² Сведения, предоставленные сотрудниками Всероссийского историко-этнографического музея в Торжке: Гос. архив г. Твери. Ф. 312. Оп. 6. Д. 78. № 366.
- ³³ Архив С.А.Соболевского. Рукопись РГБ (бывш. им. В.И.Ленина) в Москве. Т. 14. С. 64. Цит. по: Виноградов А.К. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928. С. 47.
- ³⁴ Пушкин А.С. Письма к жене/Изд. подг. Я.Л.Левкович. Л., 1987. С. 35. № 25 (Лит. памятники).

ВОКРУГ ПУШКИНА

И.В.Лузинова

«ДУШОЙ ИСПОЛНЕННЫЙ ПОЛЕТ...»

Искусство балета всегда привлекало к себе внимание наших поэтов. Для одних это был восторг и восхищение, для других — повод к созданию поэтических шедевров, возможность изображения балетного искусства как самостоятельного явления русской жизни.

Более двухсот лет существует русская школа классического танца. Она уже давно стала неотъемлемой частью национальной культуры.

В России балет возникает в XVII столетии, а складывается как жанр к концу XVIII в. В XIX в. он по праву занял ведущее место в мировой хореографии.

Первый известный нам балетный спектакль в России был осуществлен при царе Алексее Михайловиче (1673). Это был балет об «Арфее и Эвридики», состоявшийся в подмосковном селе Преображенском для семьи и ближайшего окружения «тишайшего». Спустя четверть века по инициативе Петра I театральные представления становятся неотъемлемой частью неугомонной деятельности царя-реформатора. Учрежденные им ассамблеи сыграли важную роль как в жизни русского дворянства, так и в истории отечественного балета.

Позднее, при Анне Иоанновне, в 1731 г. в Петербурге открылся Сухопутный шляхетский корпус, которому суждено было стать колыбелью русского балета. С самого основания этого учебного заведения танцы были введены в его учебную программу. С 1734 г. должность танцмейстера исполнял Жан Батист Ланде, ставший создателем и педагогом первой русской танцевальной школы.

Начиная с 1760-х гг. XVIII в. русский балет успешно состязался с лучшими балетными театрами Западной Европы, а порой и превосходил их. В это время в балетной труппе насчитывалось свыше 30-ти отечественных мастеров танца. Среди них большими дарованиями выделялись Авдотья Степанова, Варвара Михайлова, Тимофей Бубликов.

В 1777 г. в Петербурге на Царицыном лугу появляется первое специальное театральное здание деревянного «Вольного» коммерческого общедоступного театра, который через четыре года, с 1781 г., стал именоваться «Городским». Вскоре, в 1783 г., закончилось сооружение нового Каменного театра, в коллектив которого входила и балетная труппа. Постепенно театр

становился все более демократичным, а после напугавшей двор французской революции 1789 г. придворный балет освободился от иностранцев, и появилась возможность во главе балетной труппы стать русскому балетмейстеру. Им стал выпускник Петербургской театральной школы 1786 г. Иван Иванович Лесогоров, принявший сценическую фамилию Вальберх. Деятельность балетмейстера он успешно совмещал с преподаванием хореографии в Театральной школе.

В 1795 г. состоялась премьера его первого балета «Счастливые раскаяние» на сцене Каменного театра. В 1799 г. им был поставлен одноактный балет-пантомима «Новый Вертер» на музыку С.Н.Титова. Сюжетом послужили подлинные события из городской московской жизни. Всего же Вальберхом было поставлено на петербургской сцене 36 балетов. Кроме того, он ставил первые балеты-дивертисменты из русской народной жизни и почти все танцы в шедших тогда драматических и оперных спектаклях, многие из которых создавались по пьесам И.А.Крылова, В.А.Озерова, А.А.Шаховского на музыку композиторов И.А.Козловского, К.А.Кавоса, С.И.Давыдова, С.Н. и А.Н.Титовых.

В поставленных Вальберхом спектаклях принимали участие выпускники Театральной школы Анастасия Парфентьевна Берилова и Арина Ивановна Тукманова. Одной из наиболее талантливых учениц Вальберха была Евгения Ивановна Колосова, окончившая школу в 1799 г. Являясь неподражаемой исполнительницей русских плясок, она была в них так хороша, что сумела покорить сердца и рядовых зрителей, и членов царской фамилии. Так, сестре императрицы Елизаветы Алексеевны принцессе Баденской Амалии настолько понравилась «русская пляска в исполнении Колосовой, что принцесса пожелала брать у нее уроки. У принцессы Амалии часто бывала графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, которая сообщила Колосовой, что еще в юности своей она плясала по-русски, но на старинный лад; теперь же, находя, что Колосова облагородила и усовершенствовала этот национальный танец, просит поучить и ее. Примеру этих двух особ последовали все знатные девицы, и Колосова едва успевала давать им уроки».¹

Позднее, в 1820 г., молодой Пушкин, увидев Евгению Колосову в дебютном спектакле ее дочери Александры, писал: «<...> когда госпожа Колосова большая <...> в русской одежде, блистая материнской гордостью, вышла в последующем балете, все загремело, все закричало» (XI, 11).²

Первые же выступления Е.И.Колосовой на сцене в полной мере обнаружили ее необыкновенные возможности танцовщицы и актрисы. С особенной силой талант ее проявился в балетах ее учителя И.И.Вальберха и, чуть позже, в постановках Ш.Л.Дидло, который считал, что «дарования, ей подобные, не имеют пределов».³ В результате педагогической и сценической деятельности Вальберха к концу XVIII в. петербургская балетная сцена была окончательно завоевана русскими. К началу нового века столичный балетный театр обладал уже профессионально слаженной труппой, где работал замечательный русский балетмейстер И.И.Вальберх, а с осени 1801 г. ее возглавил Дидло, которому русский балет того времени во многом обязан своей мировой славой.

Приехавший в Россию по контракту в качестве первого танцовщика, уже через год (после отъезда Вальберха в творческую командировку за гра-

ницу), Дидло возглавил петербургскую балетную труппу и одновременно заменил Вальберха на посту преподавателя хореографии в Театральной школе.

Поначалу поставленные Дидло балеты носили ярко выраженную анакредонтическую направленность (1801—1811): «Апполон и Дафна», «Зефир и Флора», «Амур и Психея». Позднее (1816—1829) он стал чаще обращаться к балетам на литературные и исторические сюжеты, и жизнерадостный лиризм сменился в его постановках серьезностью и драматизмом. Это мифологические «Ацис и Галатей» и «Федра и Ипполит» на музыку К.А.Кавоса и трагедийные, такие, как «Венгерская хижина» или «Рауль де Креки, или Возвращение из крестовых походов», а также «Кавказский пленник, или Тень невесты» с музыкой того же Кавоса, созданный под влиянием поэмы Пушкина «Кавказский пленник», сюжет которой, однако, подвергся значительному изменению.

В соответствии с контрактом, Дидло должен был не только «танцевать во всех театрах, исполнять все первые роли в балетах», но и «занимать место главного учителя Балетного училища, обучать <...> и готовить новый кордебалет».⁴ Именно педагогика, а даже не постановочная деятельность стала главенствующей в творческой работе Дидло. С появлением его, в школе перестали относиться к танцам как к второстепенным занятиям. Танцы стали главным предметом — двухчасовые занятия Вальберха сменились четырех-пятичасовыми бурными уроками Дидло. Особое значение он придавал технике танца, считая, что без совершенного владения техникой балетный актер не в силах будет воплотить идейный замысел исполняемой им роли, передать «движение души» героя. Р.М.Зотов в своих воспоминаниях отмечал, что «характер Дидло» был самый пылкий, часто несносный, и однако же все его любили, все обожали его».⁵

За первые 10 лет пребывания Дидло в России школа выпустила ряд танцовщиков, чьи имена вошли в историю русского балета. В 1806 г. школу окончил Яков Люстрих, одаренный артист первого плана, впоследствии, в 1810—1820-х гг., сам преподававший в Театральной школе и проявивший себя как балетмейстер.

В 1809 г. из стен училища вышел любимый ученик Дидло — Адам Глушковский. Первые два с небольшим года он танцевал на сцене Петербургского театра, а затем в 1812 г. был переведен в Москву, где и работал до конца жизни, совмещая должности балетмейстера и педагога. Глушковский перенес на московскую сцену балеты своего учителя Дидло. Им же была сделана смелая попытка воспроизвести на сцене образы русской поэзии. Первым из балетмейстеров он обратился к Пушкину. В 1820 г. была опубликована его поэма «Руслан и Людмила», а в следующем, 1821 г., состоялась премьера большого героико-волшебного пантомимного балета в 5-ти действиях «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника», поставленного Глушковским на музыку Ф.Е.Шольца.⁶ В 1826 г. Глушковский обращается к творчеству В.А.Жуковского и ставит по его сказке «Три пояса» балет «Три пояса, или Русская Сандрильона» на музыку того же Шольца. Еще раз к поэзии Пушкина Глушковский обратился в 1831 г., поставив мелодраматический балет «Черная шаль, или Наказанная неверность» по одноименному стихотворению поэта, использовав сборную музыку.

Адам Глушковский, в отличие от многих артистов балета, своих современников, оставил интереснейшие воспоминания о своем учителе Дидло и русском балете 1-й трети XIX в. Рукописи его воспоминаний хранились в бумагах князя П.А.Вяземского, с семьей которого он был дружен. Жена Вяземского Вера Федоровна была восприемницей поляка Глушковского при переходе его из католичества в православие.⁷ Адам Петрович был женат на московской танцовщице Александре Ивановне Ивановой, которая, по отзыву князя П.А.Вяземского, «подлинно была красавица и необыкновенно стыдливо грациозна».⁸ Д.В.Давыдов, по выражению Петра Андреевича, «воспламенился ее с чистою страстью целомудренного и пламенного Петрарки и воспел ее в трех известных элегиях 1815 года»:

О, милый друг, оставь угадывать других
Предмет, сомнительный для них,
Тех песней пламенных, в которых, восхищенный,
Я прославлял любовь, любовью распаленный!
Пусть ищут для кого я в лиру ударял,
Когда Поэтов в хоре
Российской Терпсихоре
Восторги посвящал! <...>⁹

Одновременно с Глушковским в 1809 г. выпускницами школы стали еще две способные ученицы Дидло — Мария Иконина и Анастасия Новицкая. Годом позже школу закончила неподражаемая Мария Данилова, самая талантливая из воспитанниц Дидло. Она танцевала главные партии в балетах своего учителя «Зефир и Флора» и «Амур и Психея». Поклонником таланта Даниловой был весь театральный Петербург. По отзывам современников, она была «красавицей в полном смысле слова: воздушная же легкость ее танца олицетворяла в ней эфирную жрицу Терпсихоры».

Что вижу? Кто крылами машет?
Амур? так сам Амур летит;
И зря Данилову, с улыбкой говорит:
По-русски — Душенька моя с Зефиром пляшет.¹⁰

Публика обожала Данилову; ей предстояла блестящая будущность, но на 17-м году жизни в 1810 г., вскоре после окончания школы, она умерла от чахотки. Ни одной из русских танцовщиц не посвящалось при жизни, да и после смерти, такого количества стихов, как Даниловой. По поводу смерти этого «феномена», как называли ее современники, были написаны эпитафии многими известнейшими поэтами: Н.М.Карамзиным, А.Е.Измайловым, М.В.Милоновым, Н.И.Гнедичем.

Н.М.Карамзин сожалел:

Меж Терпсихориных любимцев усмотрев,
Венера не могла сокрыть жестокий гнев.
С мольбою к паркам приступила
И нас — Даниловой лишила.¹¹

А.Е.Измайлов ее оплакивал:

Над урной сей сама рыдает Терпсихора
И грации стоят в слезах.
Подруги юные Дюпора,
Даниловой сокрыт здесь прах.¹²

Н.И.Гнедич восклицал:

Данилова! Ужели смерть нещадна
Коснулась твоего цветущего чела?
От наших взоров ты сокрылась, как звезда,
Котора в ясну ночь по небу пролетая
И взоры путников сияньем изумляя,
Во мраке исчезает вдруг
И в думу скорбную их погружает дух!¹³

М.В.Милонов заключил надгробный плач так:

Когда средь сонма Сильф и резвых Ореад
Дивился твоему искусству несравненну,
Мечтал ли, что тебя весельем оживленну,
Наутро окует внезапной смерти хлад!¹⁴

К.Н.Батюшков из Москвы писал Н.И.Гнедичу: «Жуковский благодарит тебя за стихи. И впрямь “На смерть Даниловой” — прекрасны, они будут напечатаны».¹⁵

Достойной преемницей Даниловой на петербургской сцене стала Авдотья Ильинична Истомина, чей талант особенно раскрылся в балетах Дидло на пушкинские сюжеты. В 1823 г. воображение Дидло увлекла поэма Пушкина «Кавказский пленник», изданная за год перед тем. С него начинается содружество балетного театра с Пушкиным. Этот балет по праву называли самым волнующим спектаклем пушкинианы XIX в.

«Кавказский пленник» действительно один из лучших спектаклей Дидло. «Изумительный мастер давать балетам своим характер эпохи, колорит честности»,¹⁶ он сумел сделать зримым красоты пушкинского произведения, найти напряженный ритм сценического действия, романтическую взволнованность. «Никогда еще поэт не переложил поэта в новые формы так полно, так красноречиво, как это сделал Дидло, переложив чужие стихи народного поэта в поэтическую немую прозу пантомимы».¹⁷

Балет «Кавказский пленник» — вершина творчества Дидло. Современники любили этот спектакль, считали его пушкинским, несмотря на изменения, сделанные хореографом. Самым привлекательным и самым пушкинским был в спектакле образ черкешенки, созданный Истоминой. Успеху спектакля немало способствовали популярность поэмы и имя опального Пушкина, находившегося в южной ссылке. Поэт, узнав о премьере, состоявшейся 15 января 1823 г., проявил к ней живейший интерес и 30 января писал брату в Петербург из Кишинева: «Пиши мне о Дидло, об Черкешенке Истоминой

<...>» (XIII, 56). Этот балет шел на сцене петербургского Большого театра 15 лет. Он навеки соединил имена Пушкина, Истоминой и Дидло.

В 1824 г. Дидло перенес на петербургскую сцену балет Глушковского «Руслан и Людмила», частично изменив хореографию. Это был великолепный спектакль. Истомина танцевала партию Людмилы, которая стала для нее первой «русской» ролью. В этом же балете партию волшебницы, обольщающей Руслана, блестяще исполнила грациозная Екатерина Телешова. Ее исполнение вызвало восторги всех и даже такого взыскательного и чуткого ценителя искусства, как А.С.Грибоедов:

И вдруг — как ветер ее полет!
Звездой рассыплется, мгновенно
Блеснет, исчезнет, воздух вьет
Стопою, свыше окриленной...¹⁸

Вскоре К.П.Брюллов взял Телешову моделью для картины «Итальянка у фонтана», а О.А.Кипренский создал ее портрет.

Пушкин, высоко ценя балетное искусство Дидло, так отзывался о нем в примечаниях к изданию 1-й главы «Евгения Онегина»: «Балеты г<осподина> Д<идло> исполнены живого воображения и прелестию необыкновенной. Од<ин> из н<аших> ром<антических> пис<ателей> заметил что в них гораздо более поэзии, чем во всей фр<анцузской> литературе» (VI, 529). Под «романтическим писателем» Пушкин подразумевал себя. Если бы Пушкин был недоволен самим фактом инсценировок или качеством постановок «Кавказского пленника» и «Руслана и Людмилы», то едва ли он отозвался бы так о творчестве хореографа. Имя Дидло Пушкин поставил в один ряд с наиболее яркими представителями русского театра:

Волшебный край! там в стары годы
Сатиры смелый властелин,
Блестал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольной дани
Народных слез, рукоплесканий
С молодой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло венчался славой. <...> (VI, 12).

Там же, в «Евгении Онегине», Пушкин описывает танец Истоминой, вероятно, под впечатлением от балета «Зефир и Флора», виденного им еще до начала южной ссылки:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,

Стоит Истомина; она
 Одной ногой касаясь пола,
 Другою медленно кружит,
 И вдруг прыжок, и вдруг летит,
 Летит, как пух от уст Эола:
 То стан совет, то разовьет,
 И быстрой ножкой ножку бьет (VI, 13).

К концу первой четверти XIX в., благодаря стараниям Дидло, его единомышленников-педагогов и исполнителей, русский балет окончательно самоопределился. Теперь он обладал самобытным репертуаром, независимым от зарубежных балетных постановок, русскими исполнителями и национальной школой танца.

С помощью воспитанных Дидло русских педагогов ему удалось достичь небывалых успехов в раскрытии творческой индивидуальности каждого из исполнителей. Многочисленные отзывы современников подтверждают это. Так, об Истоминой писали, что она «имела большую силу в ногах, апломб на сцене и вместе с тем грацию, легкость, быстроту в движениях, пируэты ее и элевация изумительны».¹⁹ Она не уступала Тальони в легкости, «была воздушна, пламенна, восхитительна, одним словом, достойна пера Пушкина».²⁰ В танцах Даниловой зрители поражали воздушность и легкость. Тем же отличалась и Телешова. Для Колосовой был характерен высокий стиль танца. Русские в полной мере сравнивались с иностранцами в танцевальной технике и превосходили их в отношении выразительности.

Артисты русского балета были хорошими пантомимистами. Е.И. Колосова, по словам Глушковского, владела искусством «выражения человеческих чувств <...> Каждое движение ее лица, каждый жест так были натуральны, понятны, что решительно заменяли речь».²¹ Современник утверждал, что Телешова «была столь отменной актрисой», что «мы с тех пор не видели ничего подобного».²² Истомина «играла прелестно, как умная и опытная актриса».²³ Дидло писал о Даниловой: «<...> душа, игра, понимание».²⁴ Она умела передать «с поразительной истиною все страсти, все борения души, все порывы любви и отчаяния».²⁵ Телешова «имела столько чувств <...>, что увлекала самого бесстрастного зрителя».²⁶ При этом каждая из них обладала яркой индивидуальностью: Истомина «отличалась негой, огнем, живостью, у нее был темперамент»,²⁷ Телешова имела «прелестное дарование в демихарактерном роде».²⁸

Наступило время, когда вокруг Терпсихоры собрались другие музы, когда молодому отечественному балету стали помогать представители других родов литературы и искусства. Это привело к образованию уникального синтеза разнообразных проявлений человеческого гения, воплощенного в жизнь талантом и трудом многих русских мастеров пушкинской поры.

¹ Скальковский К.А. Балет. Его история и место в ряду изящных искусств. СПб., 1882. С. 172.

² Эпизод этот описан в статье А.С. Пушкина «Мои замечания об русском театре» (1820).

³ Борисоглебский М.В. Материалы по истории русского балета. Т. 1. Л., 1938. С. 340.

⁴ Слонимский Ю.И. Дидло. М.; Л., 1958. С. 45.

⁵ Зотов Р.М. И мои воспоминания о театре//Репертуар русского театра, 1840. Т. 2. Кн. 7. С. 34.

- ⁶ Красовская В.М. История русского балета. Л., 1978. С. 55.
⁷ Борисоглебский М.В. Указ. соч. С. 66.
⁸ Там же.
⁹ Давыдов Д.В. Полн. собр. ст-ний. Л., 1933. С. 94 (Б-ка поэта. Большая сер.)
¹⁰ Худеков С.Н. Танцы и балет в России. СПб., 1912. С. 20.
¹¹ Борисоглебский М.В. Указ. соч. С. 67.
¹² Там же.
¹³ Там же.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Батюшков К.Н. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1989. С. 135.
¹⁶ Глушковский А.П. Воспоминания балетмейстера. М.; Л., 1940. С. 165.
¹⁷ Там же. С. 170.
¹⁸ Грибоедов А.С. Сочинения в стихах. Л., 1987. С. 371 (Б-ка поэта. Большая сер. 3-е изд.)
¹⁹ Арапов П.Н. Драматический альбом. М., 1850. С. 237.
²⁰ Там же. С. 238.
²¹ Глушковский А.П. Указ. соч. С. 175.
²² Зотов Р.М. Указ. соч. С. 42.
²³ Арапов П.Н. Указ. соч. С. LXVI.
²⁴ Дидло Ш.Л. // Искусство и жизнь, 1940, № 10. С. 42.
²⁵ Мунд Н.П. Пантеон русских и всех европейских театров. Т. 1. 1840, С. 121.
²⁶ Зотов Р.М. Указ. соч.
²⁷ Николай Михайлович, вел. кн. Русские портреты. Т. 3. СПб., 1906. Табл. 93.
²⁸ Зотов Р.М. Указ. соч.

Н.К.Телетова

ЗАБЫТЫЕ РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ А.С.ПУШКИНА — С.А.НЕЕЛОВ

Среди поэтов, весьма популярных в узком кругу обеих столиц России, находился в 1-й половине XIX в. забытый позже Сергей Алексеевич Неелов, человек светский, родственник сотням своих знатных братьев и сестер, теток и дядьев и, наконец, двоюродных дедов и бабок.

Типичный бонвиван, он не обременил своей жизни потомством, хотя и был женат дважды, и, не вспоминаемый детьми и внуками, был забыт. Забыт он был и как поэт, что имело свои причины. Как утверждал М.Гершензон, «уцелело шесть альбомов (т. е. переплетенных тетрадей), наполненных его стихами. Из них два содержат почти исключительно его нецензурные произведения, написанные им собственноручно».¹ И хотя П.А.Вяземский полагает Неелова предшественником И.П.Мятлева и С.А.Соболевского,² но тематика и игривость И.С.Баркова с большим правом могут вспоминаться при имени его.

Неизвестно, что прочитал в Михайловском весной 1825 г. Пушкин из Неелова, но знаменательны слова его в письме к Вяземскому: «Стихи Неелова прелесть, не даром я назвал его некогда *le chante de la merde!*³ (Это между нами и потомством буди сказано)» (XIII, 184). Пушкин откликается здесь на присылку ему Вяземским фривольных стихов Неелова в одном из писем весны 1825 г., до нас не дошедшем.

В другое время Вяземский писал о близко знакомом ему Неелове: «В течение едва ли не полувека малейшее житейское событие в Москве имело в нем присяжного песнопевца. Шуточные и сатирические стихи его были почти всегда неправильны, но зато всегда забавны, остры и метки. В обществе, в Английском Клубе, на балах он по горячим следам импровизировал свои четверостишия. Жаль, что многие лучшие из них не укладываются в печатный станок. <...> Он был русская Эолова арфа, народная игривая балалайка».⁴ Остроумие, меткость в стихах, или скорее каламбурах, ценились окружающими, было к тому же в них и совершенство особого рода, обозначенное двусмысленным пушкинским — «прелесть».

Помянут Пушкиным Неелов и в планах к «<Русскому Пеламу>», где имя его стоит после слова «долги» и перед фамилией Шишкина. Это тот подполковник Алексей Петрович Шишкин, у которого под залог и с процентами занимались деньги. Возможно, что Неелов каким-то образом тоже вырубал Пушкина некими суммами.

Среди не очень грамотных пристойных стихов Неелова ведущая тема — довольство малым, радость естественной жизни, отсутствие тщеславия и жадности карьеры. Это сближает автора с настроениями сентименталистских поэтов и добрых его друзей — В.Л.Пушкина и И.И.Дмитриева, посвятивших ему свои строки. Так, в 1814 г. В.Л.Пушкин желает приятелю, вернувшемуся из казанских имений в «обгорелую» Москву:

Пиши мадригалы
 Всем на беду.
 Будь с Вакхом в ладу,
 С Фортуной не в споре;
 Не думай об горе,
 Нееловым будь
 И нас не забудь.

Привольное, бездельное и радостное житье в Москве длится несколько десятилетий. В 1807 г. он женится на двоюродной сестре весьма значительного человека — князя Александра Сергеевича Меншикова, позже морского министра, — Елене Петровне Меншиковой (1771—1837), с которой проводит 30 лет жизни, а после ее смерти сразу женится вторично на Александре Дмитриевне Киселевой (1791—1858), сестре приятелей А.С.Пушкина, трех братьев Павла, Сергея и Николая Дмитриевичей Киселевых.

Архивные документы семьи Киселевых свидетельствуют о личном знакомстве Пушкина с Нееловым: 30 апреля 1830 г. Пушкин и Неелов были поручителями жениха на бракосочетании С.Д.Киселева с Елизаветой Николаевной Ушаковой.⁵

Пушкин с Нееловым могли встречаться и в московском Английском клубе, членами которого оба состояли.

Старая, Неелов все чаще пишет о своей независимости, равнодушии к важным службам, фрондируя тем самым по отношению к чиновной России. Так, в 1844 г., уже стариком, он пишет под своим дагерротипным портретом:

На жизненном своем пути
 Искал он только два предмета:
 Души спокойствие найти
 и независимость поэта.

Пережив всех современников своей поэзии, Неелов оставил своеобразное завещание, в котором дразнил «новых» людей действительно замечательными родственниками и свойственниками, использовать которых ему не было охоты.

В этом стихотворении-ребусе и двух сносках к нему он дал некоторые вехи для определения и своей родословной, пока почти неизвестной и казавшейся неопределимой.

Забегая вперед, скажем, что расшифровка всех имен дала результат неожиданный: Сергей Алексеевич Неелов оказался кузеном Надежды Осиповны Ганнибал-Пушкиной в пятой степени, о чем конечно же знал и Пушкин, прибегая к добродушно-насмешливой манере обращения, свойственного ему

при разговоре о дальней родне.⁶ «Прелестный» Неелов, «певец навоза», не узнал своего прозвания племянником (о чем озабочен Пушкин в письме к Вяземскому) и охотно посещает на масляной неделе дом С. Л. Пушкина и Надежды Осиповны, сообщая, что «хозяйка приступала, чтобы я ел блины, 1836»,⁷ — обратим внимание на то, что 29 марта, в первый день Пасхи, его кузина скончалась, и помета Неелова «1836», возможно, означал их последнюю встречу. Поскольку это была масленица, то можно назвать дату этого визита — между 1 и 8 февраля.

Итак, в почтенных годах, в свои 70 лет, Неелов пишет стихотворение —

С<ергея> Н<еело>ва история и послужной список:

Я семь андреевских в родстве своем имел.¹
 И всякой был из них правителем начальства.
 Чрез них, как и другой, я мог бы быть в чинах,
 В крестах,
 В местах,
 Но не хотел
 Из моего оригинальства.
 Я независимость раненько полюбил.
 И не служил.¹¹
 К тому же я в душе поэт,
 Всегда свободой восхищался,
 И до семидесяти лет
 Корнетом гвардии, не сетуя, остался.

I.	1. Фельдмарш<ал> гр. З.Г.Чернышев	}	мои двоюрод<ные> деды
	2. Адмирал гр. И.Г.Чернышев		
	3. Фельдмарш<ал> гр. И.П.Салтыков	}	мои двоюрод<ные> дяди
	4. Генерал-аншеф кн. С.Ф.Голицын		
	5. Генерал от кавал<ерии> кн. Д.В.Голицын, мой внучатн<ый> брат		
	6. Адмирал кн. А.С.Меншиков, брат первой моей жены		
	7. Граф П.Д.Киселев, брат второй моей жены.		

II. Пяти лет от роду записан в Измайловский полк сержантом, в последний год царствования В<еликой> Екатерины II переведен в Конную гвардию, при И<мператоре> Павле I на двадцатом году произведен в корнеты, чрез год в отставке тем же чином.⁸

Обе ссылки Неелова помогают расшифровке его генеалогии, но таковыми сами отнюдь не являются.

Начнем со второй из них. Сержантом записан он в 1785 г. не пяти, а восьми лет. В 1786 г. Неелов получил чин вахмистра, в 1794 г. стал эстандарт-юнкером, в 1797 г. — корнетом, и в 1798 г. уходит в отставку на 21-м году жизни.⁹ Последнее соответствует показаниям Неелова.

Происходил он исторически из новгородского дворянства. Прадед его Григорий Гаврилович был воеводой в Каргополе; сын Григория Василий (1676—1758) служил в армии, а с 1749 г. перевелся на статскую службу в Москву в чине коллежского советника. Вдова его имела поместья под Каза-

ню, а в самой Казани владела домом, сожженным в 1774 г. пугачевцами. Их сыном был Алексей Васильевич Неелов. Он окончил Шляхетский корпус и после недолгой военной службы перешел в статскую. Переводился из города в город, оставаясь прокурором и получив чин коллежского советника. Последней службой его называется место киевского губернского прокурора — на 1784 г. он отправлял ее в Чернигове. А.В.Неелов умер после 1785 г., когда определил своего сына Сергея в сержанты.

Небогатый, хотя и известный дворянский род Нееловых в XVIII в. представлен был изобильным потомством разных ветвей. Отец и дед поэта не заняли в русской жизни видного места. Это обстоятельство как бы отчасти компенсировалось браком Алексея Васильевича с княжной Марией Михайловной Дебрянской, наследницей исторических русских родов. И здесь источник того своеобразного высокомерия, которое проявил сын ее поэт Сергей Неелов, начав свою «Историю» строкой: «Я семь андреевских в родстве своем имел».

Анализируя род Марии Дебрянской-Нееловой, мы тем самым возвращаемся к первой сноске стихотворения.

Дедом поэта, отцом Марии, был князь Михаил Федорович Дебрянский из старого, но захудалого рода. Княжеское достоинство и родовитость помогли ему взять в жены графиню Марию Григорьевну Чернышеву, принадлежавшую к прославленному и обласканному Петром I семейству. Ее родители — Григорий Петрович Чернышев (1672—1745) и жена его Евдокия Ивановна, урожденная Ржевская (1673—1747). Поговаривали, что благосклонность царя заходила несколько далее положенного и кто-то из восьми детей Чернышевых (четыре сына и четыре дочери), темноволосых и кареглазых, более походил на самодержца, чем на своего батюшку. Во всяком случае, Евдокия, дочь князь-игуменьи петровских потех Дарьи Гавриловны Ржевской, урожденной Соковниной, и скромного мужа ее стольника Ивана Ивановича Ржевского, произвела на свет целую плеяду как блистательных деятелей, так и жен известных людей XVIII в.

Дата рождения Марии Чернышевой неизвестна. В браке с князем Михаилом Дебрянским она имела пятерых детей. Их имена — Наталия, Татьяна, Павел, Николай, Мария.

Брак княжны Марии Михайловны Дебрянской с Алексеем Васильевичем Нееловым заключен был в 1764 г. В 1766 г. появился сын Николай, в 1777 г. — Сергей, будущий стихотворец,¹⁰ а затем последний ребенок — дочь Наталия. Она станет женой Михаила Николаевича Макарова, потомка кабинет-секретаря Петра I А.В.Макарова, автора воспоминаний о московском детстве Пушкина. Таким образом, можно говорить, что как Сергей, так и сестра его Наталия Нееловы были хорошо знакомы семейству С.Л. и Н.О.Пушкиных.

Обратимся непосредственно к первой сноске С.А.Неелова в его «Истории».

Два первых, названных здесь — двоюродные деды, то есть родные братья бабушки графини Марии Григорьевны Чернышевой, в замужестве княгини Дебрянской. Это генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II Захар Григорьевич (1722—1784) и его брат генерал-фельдмаршал по флоту Иван Григорьевич (1726—1797) Чернышевы.

Третьим Неелов называет Ивана Петровича Салтыкова (1730—1805), фельдмаршала, женатого на графине Дарье Петровне Чернышевой (1739—1802), дочери Петра Григорьевича (1712—1773), который был братом бабушки Не-

елова. Таким образом, Дарья Петровна — двоюродная сестра княжны Марии Михайловны Дебрянской, и как Дарья Петровна, так и муж ее Салтыков — доводятся Неелову двоюродными теткой и дядей.

Четвертым назван князь Сергей Федорович Голицын (1749—1810), сын Федора Сергеевича (1714—1776) и жены его Анны Григорьевны (1723—1770), урожденной Чернышевой, сестры бабки Неелова. Родство это совершенно подобно предыдущему.

Пятый называется внучатым братом, то есть троюродным. Это князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771—1844), сын князя Владимира Борисовича Голицына (1731—1798) и жены его Наталии Петровны (1741—1837), урожденной Чернышевой, знаменитой «усатой княгини». Она дочь Петра Григорьевича, родного брата бабушки Неелова. Таким образом, знаменитая Наталия Петровна, «пиковая дама» — двоюродная сестра матери С. А. Неелова М. М. Дебрянской-Нееловой.

Что касается номеров 6 и 7 в списке, то они почти не нуждаются в пояснениях. Елена Петровна Меншикова, правнучка светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, первая жена Неелова, была двоюродной сестрой морского министра, светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова (1787—1869), а Александра Дмитриевна Киселева — родной сестрой графа Павла Дмитриевича Киселева (1788—1872), генерал-адъютанта и министра государственных имуществ.

Все эти семеро двоюродных дедов, двоюродных дядьев и, наконец, троюродный (внучатый) брат, а также братья обеих жен были действительно кавалерами высшего российского ордена Андрея Первозванного.

Теперь возможно уточнить родство С. А. Неелова и с семейством Пушкиных. Сделаем это в наглядной форме.

Алексей Иванович Ржевский (ок. 1638 — 13 мая 1690), окольничий	родные	Иван Иванович Ржевский (ок. 1658—1717), стольник
Юрий Алексеевич Ржевский (1674 — 17 апр. 1729), в конце жизни вице-губернатор нижегородский (губернатор находился в Казани)	двою- родные	Евдокия Ивановна Ржевская (1693—1747), муж — граф (1742), генерал-аншеф Григорий Петрович Чернышев (1672 — 30 июля 1745)
Сарра Юрьевна Ржевская (ок. 1721 — не ранее 1792), муж — капитан Алексей Федорович Пушкин (3 марта 1717 — 5 нояб. 1777)	трою- родные	графиня Мария Григорьевна Чернышева, муж — князь Михаил Федорович Дебрянский
Мария Алексеевна Пушкина (20 янв. 1745 — 27 июня 1818), муж — Осип Абрамович Ганнибал (20 дек. 1744 — 12 окт. 1806)	четверою- родные	княжна Мария Михайловна Дебрянская, муж — Алексей Васильевич Неелов (ум. после 1785)
Надежда Осиповна Ганнибал (21 июня 1775 — 29 марта 1836), муж — Сергей Львович Пушкин (23 мая 1767 — 29 июля 1848)	пятию- родные	Сергей Алексеевич Неелов (1777—1852)

Как известно, дворяне «родством считались», особенно в Москве, с ее традиционным образом жизни и обычаями. И пятая, и шестая степень общепризнанно считались родственными (например, Пушкин и Мятлев, братья в шестой степени, названы в послании Вяземского Пушкину родственниками).

Таким образом, С.А.Неелов оказался дядюшкой А.С.Пушкина в пятой степени. И родство это основанием имеет снова Ржевских.

¹ Гершензон М. С.А.Неелов//Русские пропилеи. Т. 2. М., 1916. С. 4. Все стихи Неелова и к нему обращенные помечены на страницах — от 6-й до 19-й этого издания.

² Сочинения кн. П.Вяземского. Т. 8. С. 158.

³ Певец навоза (*франц.*)

⁴ Сочинения кн. П.Вяземского. Т. 8. С. 159 и 361.

⁵ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 289.

⁶ Вспомним скандальную историю с родственником Шемиотом и его семейством, когда во время южной ссылки Пушкин явился к нему в каких-то невообразимых панталонах. Общее эпатазирующее противостояние устойчивому почитанию родни встретится и в стихах к тетушке Анне Львовне, и в строках о дочерях Солнцевых.

⁷ Гершензон М. Указ. соч. С. 2.

⁸ Там же. с. 19.

⁹ ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 926. С. 3—5.

¹⁰ Сведения об этом процитированы в 1981 г. ныне покойным Ю.Б.Шмаровым из документа его архива. Датой рождения С.А.Неелова указан 1777 г. По видимости, престарелый поэт стал слегка убавлять себе годы подобно тому, как это делали Василий и Сергей Пушкины. Примечательно, что Николай Неелов в браке с баронессой Юлией Карповной Штакельберг стал прадедом патриарха Алексия I (Симанского). Их дочь Надежда (? — 1859) стала женой Александра Григорьевича Приклонского (? — 1855), их дочь Варвара (1829 — ?) стала женой Александра Александровича Пороховщикова (1834 — ?). В свою очередь их дочь Ольга (1857—1922), ставшая женой Владимира Андреевича Симанского (1853—1929) — родители патриарха Алексия I, в миру Сергея Владимировича Симанского (1877—1970).

О.Н.Золотова

ПАВЕЛ ЛУКЪЯНОВИЧ ЯКОВЛЕВ — ЛИТЕРАТОР ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

Вопреки перипетиям своей кочевой жизни и не слишком серьезному отношению к литературным занятиям, П.Л.Яковлев приобрел в 1820-е гг. репутацию весьма бойкого журнального полемиста. Выступая в амплуа сатирика и пародиста, он сумел привлечь к себе внимание — будь то снисходительно-досадливые реплики больших мастеров или неистовая брань их смертельно обиженных подражателей. Родственные связи обусловили близость его к пушкинскому кругу и вместе с тем сделали своим человеком в среде литературных противников поэта. Склад записного участника всевозможных литературных собраний превратил Яковлева в весьма колоритную фигуру литературного мира пушкинской поры.

Старший брат М.Л.Яковлева-«паяса», «лицейского старосты» пушкинского выпуска, Павел Лукьянович появился на свет 5 января 1796 г. Образование получил в московском университетском пансионе, — там завязалось его знакомство с Федором Матюшкиным, Сергеем Ломоносовым, Владимиром Вольховским, Дмитрием Масловым, Николаем Ржевским, Константином Данзасом. Им, как и Михаилу Яковлеву, предстояло вскоре покинуть стены этого почтенного, пользовавшегося заслуженной известностью учебного заведения, и вместе с другими юношами, «особенно предназначенными к важным частям службы государственной»,¹ продолжить образование в Царскосельском Лицее.

Павел Яковлев, который был старше их на 2—3 года, к моменту открытия Лицея числился в государственной службе уже около 7-ми лет: благодаря дружеским отношениям отца с Н.Н.Бантышом-Каменским, он был принят актуариусом в московский архив Коллегии иностранных дел 9-ти лет от роду. Жизненный дебют Петруши Гринева, записанного в гвардию, «когда матушка была им брюхата», с некоторыми оговорками был вполне возможен и полвека спустя, для человека пушкинского поколения. Время, однако, внесло определенные коррективы.

В царствование Павла I строгости военной дисциплины побудили многих дворян искать для своих детей не военной, а гражданской службы. Тогда московский Архив Иностранной коллегии приобрел совершенно особое значение — в нем началась служба нескольких поколений «архивных юношей». В начале XIX в., записав малолетних отпрысков в службу, уже нельзя было придать ей откровенно фиктивный характер — возникла достаточно курьез-

ная бюрократическая практика. Ф.Ф.Вигель, поступивший в архив за четыре года до Яковлева, рассказывает об этом так: «<...> по разным возрастам служивших в нем юношей и ребят можно было видеть в нем и университет, и гимназию, и приходское училище; он был вместе и канцелярия и кунсткамера. Самая ранняя заря жизни встречалась в нем с поздним ее вечером; семидесятилетний надворный советник Иванов сидел близко от одиннадцатилетнего переводчика Васильцовского. <...> В продолжение зимы занимали нас переводами с французского, <...> потом г. Бантыш-Каменский представлял нас в один формат переписывать начисто древние грамоты и договоры, с намерением отдать собрание их потом в печать <...>».²

Приходится признать, что отрочество Павла Яковлевича протекало в весьма своеобразной обстановке — совмещая службу и учебу в пансионе, кроме того, как и многие воспитанники старшего курса, он слушал лекции в Московском университете, а в 1811 г. началась его литературная карьера — 15-летний автор в течение года выпустил в свет в Москве три книги. Денежные соображения играли для него столь же значительную роль, как и в ходе всей последующей его литературной деятельности: два перевода (Шелль Ф. «Картина народов, населяющих Европу, и религий, исповедуемых ими»; Бильдербек Л.Ф. «Отчаяние любви») были выполнены им из откровенно коммерческих целей. Кроме того, Яковлев подготовил к печати двухтомное «Собрание собственноручных писем Государя Императора Петра Великого к Апраксиним». Все три издания были посвящены лицам, от которых зависели успешный ход службы Яковлева и его положение в обществе. Сын человека, вышедшего из среды беспоместного, неродовитого служилого дворянства и достигшего чинов и благосостояния десятилетиями службы, Павел Яковлев изначально и, кажется, принципиально превратил «служенье муз» в отрасль дополнительного дохода.

В самые трагические месяцы войны 1812 г. Яковлев, судя по автобиографическим подробностям, встречающимся в его очерках, находился в провинции и очень бедствовал. В Москву он вернулся в 1813 г. и дважды за короткий срок сменил место службы: сперва, оставив Коллегию иностранных дел, перешел в московское Горное правление, а в 1814 г. — в московское Комиссариатское депо, где прослужил до отъезда в Петербург в 1818 г. В столице он вновь возвратился в государственную Коллегию иностранных дел. Ни о каких документах, проливающих свет на причины столь беспорядочного хода служебной карьеры Павла Яковлева, мы не знаем.

Родственные связи сразу же помогли ему завести в столице широкий круг литературных знакомств. В 1818—1821 гг. он поддерживал приятельские отношения с однокашниками брата Михаила. Прекрасный рисовальщик, он вскоре по приезде в Петербург выполнил портрет А.А.Дельвига, хранящийся ныне в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина. В рукописном отделе Пушкинского Дома находится альбом Павла Яковлева, в котором собраны автографы Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера и Баратынского, относящиеся к этому времени.³ Шестого мая 1820 г. два человека проводили до Царского Села высланного на юг Пушкина — Дельвиг и Павел Яковлев.

Вскоре ему самому предстояло покинуть столицу: летом 1820 г. Яковлева назначили секретарем секретной российской императорской миссии в Бухарию. Тяготы и опасности далекого путешествия, продолжавшегося около

года, разделял с ним Владимир Вольховский, также участник миссии. В Рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранится серия из 14-ти рисунков, сделанных Яковлевым в этой экспедиции.⁴ К акварельным и карандашным миниатюрам приложены пояснения — ханы и визири, воинские старшины и обычные разносчики — персы, киргизы, башкиры, узбеки; русский капрал, состарившийся в плену в должности главного канонира бухарского хана, и — тайно исповедующий православие, раз в год, в Светлое Воскресенье, отправляющий в секретной каморке своего дома пасхальную службу для всех русских пленников; могилевский еврей — маркиз-ант и наблюдатель при русской миссии...

По окончании миссии Яковлев вернулся в Петербург. Там ему предстояло провести еще около полутора лет. К этому времени он уже вполне утвердился в том литературном амплуа, в котором ему суждено было выступать в течение всей жизни, — в роли писателя «измайловского кружка». Знакомство дяди и племянника, состоявшееся при первом же появлении Яковлева в столице, совпало с началом издания А.Е.Измайловым журнала «Благонамеренный». Борьба со стилистическими издержками представителей любых направлений — сперва шишковистов и карамзинистов, а затем и «новомодных» романтиков — определила литературную позицию журнала, как многие годы определяла позицию Измайлова в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, бессменным председателем которого он являлся с 1816 г. до закрытия Общества в 1825 г. Избегая участия в спорах о серьезных общественных, философских, эстетических вопросах, столь занимавших русское общество в преддекабрьское десятилетие, Измайлов был неутомим в области литературной сатиры и сумел задеть многих. Обиженные критикой, в свою очередь, неустанно трудились над созданием ему не особо лестной репутации «писателя не для дам», «российского Теньера», родоначальника «фламандской школы» в русской словесности, певца трагических сцен и персонажей. Репутация издателя распространялась на редакционный круг «Благонамеренного» так же, как и предъявляемые А.Е.Измайлову упреки в дилетантизме. Упреки эти, несомненно, были основательны. Доверительно посвящая читателя в свои домашние обстоятельства и наполняя страницы «Благонамеренного» одноактными комедиями, шарадами и логогрифами, он, не смущаясь откровенно развлекательным характером своего журнала, издавал его силами чиновнического кружка, спаянного дружескими и родственными отношениями не в меньшей степени, чем общностью литературных вкусов. Помимо Павла Яковлева, активно сотрудничавшего в «Благонамеренном» в течение всех 8-ми лет его существования, в журнале печатались его братья — Михаил и Николай. Старшая дочь Измайлова, выйдя из института, также принялась за редакционную и переводческую работу в семейном литературном предприятии.

Заполняя страницы «Благонамеренного» сатирическими нравоописательными очерками, П.Л.Яковлев ориентировался в них на пользовавшегося в то время большой популярностью французского очеркиста Этьена Жуи. Роль «русского Жуи», автора легких юмористических «статей о нравах», закрепилась за ним навсегда. Легкая повествовательная манера («хорошая проза», «свободный слог», «острый, постоянно живой рассказ») неизменно отмечались критиками как основное его достоинство.⁵

Легко освоившись в атмосфере полудомашней литературности чиновничьего кружка, созданной Измайловым вокруг «Благонамеренного», Яковлев усвоил и литературную позицию своего дядюшки, неумоимо участвуя в полемике журнала. Вся жизнь он отличался пристрастием к литературной мистификации, игре масками и псевдонимами (в разное время и в различных изданиях он подписывался «Илья Остоженский», «Евгений Третьейский», «Узбек», «й-оы», «Хлыновский наблюдатель» и др.), к жанрово-стилевой пародии.

В 1820—1825 гг. Яковлев напечатал в «Благонамеренном» два больших цикла очерков: «Рассказы Лужницкого старца» и «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту», а также повесть «Несчастье от слез и вздохов», в которых пародировал «чувствительных авторов» и их «прелестные романы», имея ввиду прежде всего издателя «Дамского журнала» П.И.Шаликова (страстного почитателя Н.М.Карамзина), выведенного в повести под именем Эраста Чертополохова, поэта, «вся жизнь которого посвящена была слезам и вздохам».⁶ Колкости П.Л.Яковлева в адрес вождей направления — Карамзина и Жуковского — вызвали резко отрицательные отклики в переписке П.А.Вяземского и И.И.Дмитриева.⁷ Под сатирический прицел Яковлева попали не только сентименталисты, так или иначе оказались задеты О.М.Сомов, П.П.Свиньин, М.Т.Каченовский и А.А.Дельвиг с Е.А.Баратынским.

Разумеется, Яковлев попал под ответный огонь многочисленного и весьма разнородного противника. Шаликов напечатал в своем журнале ядовитейший пасквиль, в котором грубо задел Яковлева-отца, и затаил вражду: тот же пасквиль был перепечатан в «Дамском журнале» 6 лет спустя, когда Яковлев попытался выступить в амплу романиста.⁸ Баратынский в «Послании к Гнедичу» при характеристике литераторов «Благонамеренного» назвал Яковлева «трактирным», намекая на его тяготение к «низкому» сюжету и необыкновенную активность в сфере полемики измайловского журнала. В критических откликах на сборники Яковлева звучали и более серьезные упреки — в отсутствии «большого глубокомыслия в наблюдениях, яркой оригинальности в описаниях», в «бесцветности и пошлости мыслей».⁹ Действительно, большая часть им написанного — это юмористические зарисовки и диалоги, небольшие жанровые сценки, многочисленные одноактные комедии в прозе, неизменно варьирующие мотивы неудачного сватовства и столичных злоключений простодушного провинциала. Но в выборе героя — человека социально незначительного, в стремлении к детальной прорисовке бытовых подробностей его жизни, столичной и провинциальной, Яковлев предвосхитил авторов столь популярного в 1840-е гг. физиологического очерка.

Как и все окружение Измайлова, Яковлев был завсегдатаем салона С.Д.Пономаревой. В.И.Панаев в своих воспоминаниях нарисовал выразительный портрет Яковлева — посетителя этого салона: «При всем своем безобразии, бросавшемся в глаза, он был очень занимателен: играл на фортепьяно, пел, хорошо рисовал карикатуры».¹⁰ Летом 1821 г. кружок «Благонамеренного» составил в салоне Пономаревой шуточное литературное общество — Сословие Друзей Просвещения.¹¹ Его устав, высмеивающий «Шишкова и братию его», «злаязычие Воейкова», «бисерные, кристальные и жемчужные слезы», а также «графа Хвостова подражателей и почитателей», почти полнос-

тью был составлен Яковлевым.¹² Соперничество кружка Измайлова с кружком Дельвига и Баратынского в пономаревском салоне закончилось поражением «измайловцев», и это подогрело выпады Яковлева против прежних приятелей, «баловней-поэтов», на страницах «Благонамеренного».¹³

Между тем служебное преуспеяние не способствовало Яковлеву — карьера его развивалась столь же хаотично, как и в ранние годы. В конце 1822 г. он оставил службу в Министерстве иностранных дел и, перейдя в Министерство юстиции, отправился в Нижний Новгород. Там в течение года он занимал должность советника уголовного палаты; затем перевелся в Петербург, оставаясь в составе того же министерства, и через год вновь вышел в отставку. Затем последовал переезд в Москву. Там, поступив на службу в Межевую канцелярию, Яковлев вскоре получил назначение на должность ревизора Межевой конторы в Вятке.

Кочевая жизнь в еще большей степени придала литературным занятиям Яковлева характер «домашности» и «семейственности». Из Вятки он присылал Измайлову еженедельный рукописный журнал «Хлыновский наблюдатель», наполняя его местной «светской хроникой» и помещая иногда любопытные материалы этнографического характера.¹⁴

Когда в 1826 г. в связи с отъездом Измайлова в провинцию прекратилось издание его журнала, на смену ему явилось еще одно родственное литературное предприятие — выпускаемый совместно дядей и племянником альманах «Календарь муз» на 1826 и 1827 гг., по характеру и качеству публикуемого материала явившийся прямым продолжением «Благонамеренного». Рукописный журнал Яковлева стал одним из основных источников наполнения этого альманаха.

В начале 1827 г. Яковлев вернулся в Москву. В этот приезд завязалось его знакомство с Н.А.Полевым, М.П.Погодиным, С.П.Шевыревым, он общался с недавно вернувшимся из ссылки Пушкиным. Отчасти из коммерческих соображений он переиздал «Рассказы Лужницкого старца» (М., 1828), «Чувствительное путешествие» (М., 1828) и очерки, печатавшиеся в разные годы в «Благонамеренном», объединив их в два тома под заглавием «Записки москвича» (М., 1828). Отзывы критики были снисходительно-благодарными.¹⁵

С гораздо большим интересом журнальные рецензенты отнеслись к вышедшей в том же году небольшой книге под длинным заглавием «Рукопись покойного Климентия Акимовича Хабарова, содержащая рассуждение о русской азбуке и биографию его, им самим написанную, с присовокуплением портрета и съемка с почерка сего знаменитого мужа», представляющей собой довольно ранний и чрезвычайно распространенный впоследствии, в 30-е гг., пример литературной игры, построенной на использовании образа вымышленного повествователя и мотива «найденной рукописи» в духе В.Скотта и В.Ирвинга. Одобрительные рецензии на эту «оригинальную шутку» появились в «Московском вестнике» и «Московском телеграфе»; Н.И.Греч принял ее всерьез и, похвалив юмористический замысел «Рукописи Хабарова», возражал против предложенного героем упрощения русской орфографии.¹⁶

В июле 1828 г. Яковлев получил должность ревизора саратовской Межевой канцелярии. К месту нового назначения отправился с женой — венчание состоялось в день отъезда из Москвы.

В Саратове он вернулся к увлечению юности — губернатор А.Б.Голицын попросил Яковлева взять на себя обязанности директора и режиссера любительского театра в его доме. Переписка с Измайловым вновь облеклась в форму рукописного литературного журнала, который назывался «Саратовский колонист».¹⁷ Яковлев продолжает эту игру, не смущаясь тем обстоятельством, что издательская деятельность Измайлова была прекращена и он теперь стал единственным читателем журнала.

В 1830 г. Яковлев вновь в Москве, в прежней должности. Он выпустил 3-й том «Записок москвича», где среди сатирических портретов представителей московского общества поместил довольно злоую карикатуру на Николая и Ксенофонта Полевых, стремясь таким образом заявить свое отношение к находившейся в полном разгаре войне между «литературными аристократами» и «торговым направлением».

В 1831 г. в Москве вышло последнее произведение Яковлева — роман «Удивительный человек!». Вспомнив о персонаже одного из ранних очерков, Максиме Степановиче Удивленьеве (неумном и необразованном, разбогатевшем благодаря выгодной женитьбе и развлекающемся устройством «гражданских учреждений» в своей деревне), он заставил его чудачествовать на фоне событий 1812 г. Герою выпало пережить французский плен, разграбление имения, оказаться в центре партизанских действий. «Военная» часть романа стала несомненной удачей Яковлева, особый литературно-бытовой интерес представляет описание занятия занятой французами Москвы и партизанских наездов гусарского полковника, в котором осведомленный читатель без труда узнавал Дениса Давыдова — автор встречался с ним в Саратове.

В 1-м номере «Литературной газеты» за 1831 г. рядом со статьей о «Борисе Годунове» появилась хвалебная рецензия на роман — в последнем своем критическом выступлении А.А.Дельвиг подчеркнул мастерство Яковлева как сатирика-бытописателя, стремясь противопоставить его прозу творчеству Ф.В.Булгарина, претендовавшего на монополию в этой области. Газета опубликовала значительные выдержки из «Удивительного человека».¹⁸ Однако роман успеха не имел — уничижительный отклик появился в «Московском телеграфе», критик «Телескопа» оценил роман как продолжительную карикатуру, лишенную главного достоинства карикатуры — краткости.¹⁹

Больше Яковлев ничего не печатал. В 1831 г. умер А.Е.Измайлов. Прекратилась многолетняя переписка, иссяк основной источник сведений о Павле Яковлеве.²⁰ О литературных занятиях его в последние годы жизни ничего не известно. В 1-м номере «Библиотеки для чтения» О.И.Сенковский заявил его имя в списке сотрудников, но сотрудничество это почему-то не состоялось. Остаток жизни Яковлев провел в Москве, служа в должности третьего члена Межевой канцелярии в Сенате. Умер на 39-м году жизни, 5 января 1835 г.

Павел Яковлев не раз привлекал внимание исследователей — специалистов по биографии Пушкина и пушкинской эпохе, краеведов, историков литературного языка, библиофилов.²¹ Сообщением библиографического характера нам хотелось бы завершить эту статью.

Н.П.Изергина, посвятившая Яковлеву главу в своей книге о вятских литераторах, сообщает, что в 1828 г. он прислал вятскому губернатору А.И.Рых-

левскому несколько экземпляров своей книги «Нравы XIX столетия» в подарок и для раздачи знакомым (в вятском архиве сохранилось дело 1828 г. «По письму надворного советника Яковлева о раздаче сочинения его “Нравы XIX столетия”»).²² Исследователи не упоминают этого издания в ряду сочинений Яковлева, книга под таким названием отсутствует в библиотечных каталогах. Однако сообщения Н.И.Изергиной можно прокомментировать.

В ряду изданий, вышедших в свет в 1-м полугодии 1828 г., «Московский телеграф» дает рецензию на выпущенную в Москве книгу «Характеры, портреты и нравы XIX столетия. Перевод с французского».²³ Есть все основания предполагать, что она и является интересующим нас изданием. Книга представляет собой сборник фельетонов и сатирических зарисовок нравоописательного характера. Ее жанрово-тематическая идентичность яковлевским сборникам очевидна. 1828 г. — год бурной издательской деятельности Яковлева. В очередной раз выйдя в отставку и приехав в Москву, он составил сборники из журнальных публикаций прошлых лет и выпустил новую книгу («Хабарова»). Просматривая рецензии на эти издания в «Московском телеграфе», «Сыне отечества», «Московском вестнике», легко заметить, что в каждой из них присутствует имя Жуи («подражатель Жуи», «московский Жуи»). «Характеры, портреты и нравы», вышедшие без указания на имя автора или переводчика, рецензент называет «одним из тысячи подражаний Жуи».²⁴

Существуют, однако, гораздо более веские подтверждения того, что издание было подготовлено именно Яковлевым. Переводы, составляющие книгу, извлечены из различных французских журналов («L'Eclaircur», «Journal des dames et des modes, de Francfort», «Aristarque», «Journal litteraire de Bruxelles», «Corsaire»). С незначительными разночтениями все они были опубликованы в «Благонамеренном» в 1824—1825 гг. В журнале Измайлова переводы эти напечатаны без подписи, но принадлежность их к Яковлеву подтверждается следующими обстоятельствами:

1) В письме к Яковлеву от 3 декабря 1824 г. Измайлов сообщает: «“Страсть к эпитафиям” уже в цензуре и будет помещена в первой книжке. Ах, если б могла попасть в нее хоть одна твоя оригинальная прозаическая пьеса!»²⁵ Упомянутый Измайловым перевод из журнала напечатан на с. 17—19 интересующего нас издания;

2) В 1-й том «Записок москвича» включены сатирические диалоги под общим заглавием «Маленькие разговоры». Они же помещены в «Характерах, портретах и нравах XIX столетия».

Всю жизнь Павел Яковлев стремился каждую строку частного письма облечь в подчеркнuto книжную форму. Делалось это прежде всего ради собственного удовольствия, по непреодолимой склонности к литературной игре, которая была одной из существеннейших примет умственной жизни эпохи. Но игра эта имела для Яковлева и обратную сторону — каждая написанная строка должна была быть напечатана, а если возможно, то и перепечатана — удовольствие непременно соседствовало с пользой. Намереваясь поправить денежные обстоятельства выпуском в свет оригинальных журнальных статей, он решил заодно использовать и переводы — так появилась книга «Характеры, портреты и нравы XIX столетия. Перевод с французского» (М., 1828).

Таким был жизненный и творческий путь П.Л.Яковлева — заметного и своеобразного литератора пушкинской эпохи.

- ¹ Селезнев И.Я. Исторический очерк Императорского Лицея. 1811—1861. СПб., 1861. С. 2.
- ² Вигель Ф.Ф. Воспоминания. Ч. 1. М., 1864. С. 173 и 177.
- ³ РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 32. Вацуро В.Э. Литературные альбомы в собрании ПД (1750—1840-е годы)//Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома 1977. Л., 1979. С. 12, 13; Медведева И.Н. Павел Лукьянович Яковлев и его альбом//Звенья. Сб. 6. Л.; М., 1936. С. 101—133.
- ⁴ РО РНБ. Ф. 8. № 10.
- ⁵ См., например, оценку А.Бестужева в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» (ПЗ, 1823. С. 40).
- ⁶ Благонамеренный, 1824. Ч. 27. № 13. С. 3.
- ⁷ См.: Письма разных лиц к И.И.Дмитриеву. М., 1867; Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986. С. 397.
- ⁸ Дамский журнал, 1825, № 4; Дамский журнал, 1831. Ч. 36. № 40. С. 14—16.
- ⁹ См., например, библиографические заметки П.А.Вяземского: Лит. газета, 1830. Т. 1. № 23. С. 183—184.
- ¹⁰ Вестник Европы, 1867. Ч. 3. С. 265—266.
- ¹¹ Вацуро В.Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.
- ¹² Веселовский А.А. Сословие Друзей Просвещения//Русский библиофил, 1912, № 4. С. 58—65.
- ¹³ См., например, Благонамеренный, 1822, № 6. С. 214—219.
- ¹⁴ Журнал Яковлева подробно описан и частично опубликован в кн. Н.П.Изергиной «Писатели в Вятке» (Киров, 1979. С. 30—36). Хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (ФХVIII, 54. Ф. 550 ОСРК).
- ¹⁵ Сын отечества, 1828. Ч. 117. № 3. С. 325—326; Московский вестник, 1828. Ч. 8. № 7. С. 318—320; Московский телеграф, 1828. Ч. 20. № 5. С. 98—99.
- ¹⁶ Сын отечества, 1828. Ч. 120. № 13. С. 81—84.
- ¹⁷ РО РНБ. ФХVIII, 55. Ф. 550 ОСРК. Журнал описан и частично опубликован (как и «Хлыновский наблюдатель») в кн.: Петряев Е.Д. Люди. Рукописи. Книги. Киров, 1970. С. 5—32.
- ¹⁸ Лит. газета, 1831, № 8. С. 59—65; № 9. С. 69—73; № 10. С. 77—79; № 12. С. 93—96; № 34. С. 278—290.
- ¹⁹ Телескоп, 1831. Ч. 3. № 11. С. 377.
- ²⁰ Значительные фрагменты этой переписки опубликованы Я.Л.Левкович. ПИМ. Т. 8. Л., 1978. С. 151—194.
- ²¹ См., например, Кубасов И.А. Павел Лукьянович Яковлев//Русская старина, 1903, № 6. С. 629—642; № 7. С. 195—214; Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. СПб., 1912. С. 265—268; Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 251—252; Ласунский О.Г. Власть книги. М., 1988. С. 160—168. Петряев Е.Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого вятской земли. Киров, 1991. С. 9—32;
- ²² Изергина Н.П. Указ. соч. С. 35.
- ²³ Московский телеграф, 1828. Ч. 22. № 14. С. 294.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ПИМ. Т. 8. Л., 1978. С. 165—166.

Л.М.Солдатова

ПОЭТ И ТОЛПА
(Карикатуры на Пушкина)

Насмешки современников над Д.И.Хвостовым, П.И.Шаликовым, Ф.В.Булгариным, широко известные из истории литературной борьбы XIX в., в наше время ни у кого не вызывают удивления, а осмеяние Пушкина кажется случайным курьезом, рождает недоверие (да он ли это?) и чувство протеста. Однако не только пародии, эпиграммы, но и карикатуры на великого поэта существуют. Некоторые из них в разное время привлекали к себе внимание известных пушкинистов (С.А.Венгерова, П.Е.Щеголева, Л.П.Гроссмана). Но известные и малоизвестные факты осмеяния Пушкина все вместе не рассматривались никогда. Хотя картина, возникающая таким образом, достойна серьезного размышления.

Известно, что смех над человеком чаще всего обижает адресата. Сознательное осмеяние, как правило, рождается при столкновении вкусов, мнений, нравов. Смех всегда был и остается сильнейшим способом отчуждения и ниспровержения того, кто выделяется из среды, раздражая ее своим несовершенством или... превосходством.¹ Карикатуры на одного человека, появившиеся в разное время, могут быть как серией случайностей, так и свидетельством устойчивого негативного отношения к нему в обществе.

Кто, когда, зачем и почему осмеивал Пушкина? Чем поэт провоцировал такое отношение к себе? Как относился к нему в разные периоды своей жизни?

Взяв в свидетели полузабытые карикатуры, уникальные документы эпохи, зачастую почти не поддающиеся расшифровке, попытаемся хотя бы в первом приближении наметить картину того отношения к поэту в обществе, которое порождало насмешку над ним.

Гротесковое искажение внешнего облика, житейского или литературного факта снимет с нашего отношения к Пушкину «хрестоматийный глянец». Острота и устойчивость смехового мира вокруг поэта по-новому осветит трагическую серьезность его жизненных переживаний, отраженных в творчестве.

Всем известно, что уже в раннем детстве у Пушкина обнаружилась склонность к остроловию. В лицейской среде расцвела любовь к шаловливому розыгрышу, дружеской насмешке. Необычайной популярностью в Лицее пользовались пародийные сценки на педагогов и учеников, артистично исполняемые М.Л.Яковлевым, прозванным за это «паяцем». Все мальчишки

упражнялись в сочинении басен и ядовитых эпиграмм друг на друга, издавали рукописный журнал карикатур.

В мальчишеских честолюбивых играх, соперничестве, первых конфликтах и пробах пера оттачивались и формировались характеры.

Школьные прозвища — первые карикатуры. Пушкина называли: «Обезьяна», «Смесь обезьяны с тигром». Зооморфные характеристики язвительны. А прозвище «Француз» во время войны России с Наполеоном могло звучать враждебно — об этом впоследствии вспоминал М.А.Корф.²

Значит, уже в Лицее отношения Пушкина с однокашниками не были идиллическими. Впоследствии об этом вспоминал И.И.Пушин: «Пушкин, с самого начала, был раздражительнее многих и потому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей. <...> иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Это вело его к новым промахам, которые никогда не ускальзывают в школьных сношениях».³

В ответ на колкости, эпиграммы и шутки Пушкина ровесники стали осмеивать его внешний облик, манеры и даже... его великолепное знание французского языка и превосходство в стихосложении, ставшее для всех очевидным с первых дней лицейской жизни.

Среди дошедших до нас лицейских рисунков есть карикатура А.И.Илличевского «Демон метромании и стихотворец Гезель»,⁴ которая, как издавна считалось, осмеивает графоманство В.К.Кюхельбекера. Однако в изображенной сценке есть еще один персонаж — «демон метромании» — в виде кудрявого чертенка с гусиным пером, заложенным за острое (ослиное!) ухо. Он что-то нашептывает «стихотворцу Гезелю», как бы побуждая его к творческому «подвигу», но, одновременно, выбивая из-под него стул. Стиль отношений приятелей нам известен: Пушкин обычно «вдохновлял» Кюхельбекера, а потом... сочинял на его опусы злые эпиграммы. Рисунок Илличевского не претендует на точную передачу сходства, но для узнавания и осмеяния лицеистам достаточно было общеизвестной ситуации.

В Лицее «демоном метромании» из всех могли назвать только Пушкина. О его страсти к стихам, о внутренней поглощенности творчеством писали в своих воспоминаниях впоследствии И.И.Пушин, С.Д.Комовский, М.А.Корф. Это был факт, очевидный как для друзей, так и для первых недругов поэта.

В сложных, конфликтных отношениях с товарищами по Лицею складывался вспыльчивый, ранимый характер Пушкина с «закрытым внутренним миром» (Л.Я.Гинзбург).⁵ Отныне Пушкин всегда будет трагически переживать малейшую возможность «стать смешным» в чужих глазах. М.В.Юзефович, познакомившийся с поэтом в Кишиневе, вспоминал позже о его «почти невероятной чувствительности ко всякой насмешке, хотя бы самой невинной и даже пошлой. Против насмешки он оказывался всегда почти безоружным и безответным».⁶

Но несмотря на это, острую шутку, дружеский шарж и карикатуру Пушкин умел ценить, как никто. Они «оживляли его электрической искрой», он «смеялся так, что кишки были видны». Его пристрастие к гротеску, уникальное при такой ранимости умение смеяться даже над самим собой знали и ценили близкие друзья. Поразительна как неустанная ирония над

своим «арапским безобразием», так и то возмущение, с которым воспринимаются насмешки на эту тему со стороны.

В течение всей жизни Пушкин делал свое лицо объектом бесконечного шаржирования. На полях черновиков, в альбомах друзей он изображал себя в виде арапа, скорохода, монаха, беса, юношей и... глубоким стариком.⁷ Удивительна как в юности, так и в зрелые годы его детская способность проказничать, «валять дурака», шокируя этим окружающих.

Однажды у В.А.Жуковского в Павловске он «начал представлять обезьяну и собачью комедию и тешил» всех «до 2-х часов утра».⁸ В присутствии отца, катаясь на лодке по Неве, стал кидать в воду золотые монеты, «любаясь их блеском». Сидя в театральной ложе, демонстративно сдернув парик с обритой после болезни головы, стал им обмахиваться, как веером. Описание подобных чудачеств поэта сохранились в мемуарах современников в бесчисленном количестве.⁹

Эпатирование обывателей эксцентричностью костюма и поступков, лубочными «простонародными» выражениями и на этом фоне — независимость суждений, политические стихи, ссылка — все это сделало Пушкина одиозной фигурой во мнении так называемого «света» — довольно широкого круга людей, как знакомых, так и не знакомых поэту.

Повсеместно за глаза и по слухам Пушкина стали осуждать за «испорченность», «отсутствие всяких приличий», «безнравственность». И это во многом определило негативные характеристики внешности и поведения Пушкина впоследствии, в его взрослой жизни. Меткие лицейские прозвища как бы наметили основные контуры «смеховой тени» поэта и подготовили почву его более широкого осмеяния.¹⁰ Для многих «читателей-понаслышке» теневой острохарактерный двойник Пушкина стал «замещать» его человеческую и творческую личность уже до отъезда поэта на юг.

А.С.Грибоедов в комедии «Горе от ума» изобразил, как в обществе разрастается, наподобие «снежного кома», осмеяние незаурядного человека. Как пустая обмолвка превращается в ядовитую сплетню, сплетня — в клевету, клевета — в позор публичного осмеяния. Комедия гостей Фамусова становится трагедией Чацкого и кончается его поражением.

Пушкин на протяжении всей жизни обречен был испытывать на себе перипетии подобной социально-психологической комедии в ее крайнем, безвыходном варианте.

Мнению толпы был задан общий негативный тон в первые годы вольнолюбивой юности поэта. Остросюжетные подробности сплетен, превращающие Пушкина в фигуру курьезную, не достойную уважения, не заставили себя ждать.

Широко известно, как приятель поэта Ф.И.Толстой (Американец) после отъезда Пушкина в ссылку распустил сплетню о том, что его «высекли в тайной канцелярии». Серьезность события была снижена и осмеяна. В злой шалости бывшего приятеля Пушкин увидел посягательство на свою честь и позор публичного отчуждения. В Михайловском он яростно готовился к дуэли, чтобы «резкой обидой отплатить за тайные обиды». Уже тогда в силу своего природного прямодушия Пушкин инстинктивно чувствовал, что осмеяние «за спиной» можно прекратить только одним способом: заставить клеветника, а вслед за ним и потешающуюся толпу, испытать страх, стыд, боль. Комедию превратить в трагедию.

После 1826 г., с возвращением поэта в Москву и Петербург, началась новая «цепная реакция» насмешек и сплетен. Литературная известность Пушкина выросла за время ссылки. Милость царя создала ему в публике шумную, но недолгую моду. Это было время, когда публика зачитывалась первыми главами романа «Евгений Онегин». Молодежь стремилась подражать героям, а обыватели-староверы возмущались тем, что поэт уже с первых строк иронически обесценил многие уложения общества, осмеял инерцию его привычек, лицемерие и пошлость вкусов.

Чем больше росла слава поэта, тем стремительнее распространялось обывательское мнение об изъянах его поведения и личности. Задев привычную систему старых общественных ценностей, Пушкин, как Чацкий, привел в действие некий «бумеранг» осуждения и насмешек. Чтобы обесценить приговор непрощенного судьи, ему стали мстить, дискредитируя его репутацию. Уже в конце 20-х гг. на него ринулась лавина злобных сплетен.

Поэта, разоблачавшего ханжество старой морали, стали упрекать в аморальности. На этой основе и возник упрощенный и опошленный, в меру понимания толпы, образ Пушкина — легкомысленного «мотылька», певсы и бессовестного соблазнителя. «Строгое» мнение света навязывает ему в это время маску порочного волокиты, Ловласа — сниженный вариант романтического Дон-Жуана. (Впрочем, подшучивая над собой, поэт в письмах к А.Н.Вульффу иногда подписывался «Тверской Ловлас»).

Карикатура, осмеивающая «волокичество» Пушкина, была опубликована С.А.Венгеровым в 1909 г. под названием: «Карикатура на светские успехи Пушкина».¹¹ Изображение было выполнено в конце 1820-х гг. и, вероятно, находилось в домашнем альбоме дружественного поэту семейства.

Анонимный автор изобразил стареющего мужчину с плоским носом и бакенбардами, во фраке и бальной обуви. Мужчина закрывается веером и цепко держит, увлекая за собою, маленькую даму в бальном наряде, которая гипнотическим взглядом смотрит ему в затылок. У дамы большой нос, усы (!), заколка в волосах напоминает рожки.

То, что на рисунке изображен Пушкин, у Венгерова сомнений не было. Не вдаваясь в расшифровку всей символики рисунка и реального сюжета, к которому он восходит, Венгеров счел необходимым указать, что карикатура принадлежит д-ру С.С.Жихареву, а надпись на обороте листа называет спутницу поэта — графиню Хвостову. В фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина есть идентичное изображение, выполненное акварелью. Прямо под рисунком, старинным почерком, по старой дореволюционной орфографии сделана небрежная надпись: «Александр Сергеевич Пушкин и Хвостова, р. Пашкова. По карикатуре 20-х годов».¹²

Чтобы понять утраченный временем, конкретный смысл насмешки мало назвать того, кто изображен в карикатуре. Нужно реконструировать реальную ситуацию, вызвавшую ее к жизни, соотнести ее с обычаями и предрассудками общества 1-й трети XIX в., осмыслить через широкий контекст культурно-исторического материала эпохи. Рамки этой статьи не позволяют развернуть систему доказательств и изложить гипотезу, уже опубликованную нами в статье «Пушкин и гр. Хвостова».¹³ Оставляя в стороне сложнейший сюжет человеческих отношений и позор осмеяния, направленный более на нарицательную «гр. Хвостову», молоденькую поэтессу Е.П.Сушкову, внуч-

ку и племянницу Пашковых, воспитанную в доме, который часто посещал поэт, здесь обратим внимание лишь на характер иронического гротеска, обращенного против Пушкина. Карикатура демонстрирует поэта бессердечным волокитой, играющим репутацией молодой девушки, человеком циничным и испорченным.

В конце 20-х гг. версия о безнравственности Пушкина, получив новые подробности и краски, нашла самое разнообразное употребление в свете и стала «расхожей» в печати. В эпиграммах и статьях Н.И.Надеждина, пародиях Н.А.Полевого и фельетонах Ф.В.Булгарина Пушкина осмеливались обвинять уже не только в циничном волокитстве, но и в пьянстве, картежном шулерстве, корыстолюбии, чванливом аристократизме. И, что совсем невероятно, в искательстве у власти и в... шпионаже. «Начали даже клеветать на него, возводить на него обвинения в ласкательстве, наушничестве и шпионстве перед государем», — писал впоследствии С.П.Шевырев.¹⁴ «Произвел» Пушкина в шпионы его псковский знакомый А.А.Полторацкий.¹⁵

Будь то минутная игра ума бессердечного приятеля или легковесное суждение светской дамы, карикатура, демонстрируемая посетителям с подробными комментариями в «дружественном» доме, пасквильные насмешки литературных завистников и врагов — все эти разные способы ниспровержения авторитета поэта ориентировались на устойчивое негативное мнение публики, разжигая его и все более распространяя вокруг. В этой среде любой вариант осмеяния Пушкина принимался с восторгом, любой слух и сплетня получали гомерическое преувеличение. Чем большее число людей вовлекалось в систему иронического отношения к личности и поведению поэта, тем достовернее, оправданнее казались в отношении к нему уничижение и издевка. Формула «все говорят», в свою очередь, создавала еще больший резонанс публичного осуждения. Смеховой образ поэта под воздействием «цепной реакции» слухов и сплетен разрастался, как «снежный ком».

Женитьба Пушкина стала новой сенсацией общества. Внешний контраст и внутреннее несходство молодых даже родными и близкими осознавались почти карикатурой. Как под гипнозом мнения светской толпы, сестра поэта, О.С.Павлищева, писала: «В физическом отношении они представляют совершенный контраст: Вулкан и Венера, Кирик и Улита... и т. д. и т. д.».¹⁶ Жалость к Наталье Николаевне и осуждение Пушкина — такие эмоции повсеместно возбуждало это событие.

Уже в феврале 1831 г., в Москве, в рукописном журнале «Момус», сочиненном дружеским кружком московских студентов, появилась карикатура, которая обнаружила новые возможности осмеяния поэта. Карикатура была опубликована П.Е.Щеголевым в 1904 г. в «Историческом вестнике».¹⁷

На рисунке изображена сценка на балу. У притокола двери, в любимой позе Пушкина, со сложенными на груди руками, стоит некто, небольшого роста, широкоплечий, во фраке, с головой обезьяны, увенчанной... небольшими рожками. Как бы в разговоре, к нему обращена фигура мужчины с головой осла. В центре зала танцует пара: дама с кошачьей мордочкой и кавалер с длинными ногами и клювом аиста. Под рисунком указана дата: «5-го февраля 183... года». Переиначенные строки из поэмы Пушкина «Цыганы» поясняют рисунок:

Отец: О чем ревнивец молодой,
Теперь ты плачешь и тоскуешь?

Он: Отец! Она меня не любит.

Отец: Кто в небе место ей укажет... и пр.

Против самого поэта обращены его же стихи. Этот, очень распространенный прием пародийного использования авторского текста широко использовался в критике тех лет. Пушкин называл его энергичной фразой: «Сам съешь!». Насмешка угрожала «Ловласу» возмездием: изменой избранницы. В новом, счастливом повороте своей судьбы, Пушкин незамедлительно был осмеян, как ревнивец и... потенциальный рогоносец.

К 1830-м гг. в обществе произошла заметная перемена обычаев, нравов, вкусов. «Все стараются быть ничтожными со вкусом и приличием. <...> Остроумие давно в опале, как признак легкомыслия», — писал Пушкин [VIII (1), 37 и 41]. Изменился тон общества.

Французский путешественник, маркиз А. Кюстин, посетивший Россию вскоре после гибели Пушкина, был потрясен нравственным состоянием аристократии. Его удивило, что «наполняет» жизнь общества — «поклоение двору, прислушивание к тому, что в нем происходит», а человека «оценивают по отношению к нему правительства». Среди самого высшего круга он не нашел ни мыслей, ни разумных чувств, ни веселья, одни «инстинкты», которые «проявляются иногда в диких, чудовищных формах».¹⁸

Переехав в Петербург, Пушкин оказался в этом кругу.

В январе 1834 г. поэту было пожаловано звание камер-юнкера. Царская милость стала новой пищей для толков и пересудов толпы. Пушкина она привела в бешенство. По свидетельству Н. М. Смирнова и П. В. Нащокина, «Виельгорский и Жуковский должны были обливать холодной водой нового камер-юнкера», так как он «хотел идти во дворец и наговорить грубостей самому царю».¹⁹ На поздравление великого князя он ответил: «Покорнейше благодарю, Ваше высочество, до сих пор все надо мной смеялись, вы первый меня поздравили» (XII, 319). Через десять дней, встретив императора, поэт «не благодарил» его! (Там же). Пушкин сравнивал себя в мундире камер-юнкера с шутком в «полосатом кафтане».

Как сообщала С. Н. Карамзина поэту И. И. Дмитриеву, он «крепко боялся дурных шуток над его неожиданным камер-юнкерством».²⁰

Первыми пересмешиками стали друзья. Уже через несколько дней П. А. Вяземский сообщал сенсацию А. И. Тургеневу: «Поздравляю тебя с наступлением Нового Года нашего, разродившегося — знаешь чем? Вечно не отгадаешь! — камер-юнкерством Пушкина».²¹ С. А. Соболевский на это событие сочинил собственную эпиграмму:

Здорово, новый камер-юнкер!
Уж как же ты теперь хорош:
И раззолочен ты, как клюнкер,
И весел ты, как медный грош.²²

В.А.Соллогуб сообщает об очевидном для всех «ложном положении» поэта: «Певец свободы, наряженный в придворный мундир для сопутствования жене-красавице, играл роль жалкую, едва не смешную. Пушкин был не Пушкин, а царедворец и муж. Это он чувствовал глубоко».²³

Примирение с новым придворным положением не приходило к поэту. Мучило сознание, что, «надевая свой великолепный мундир», он играет «несчастную роль» (XV, 155).

Однако милость императора к поэту кое-кого заставила испытать... зависть. «Некоторые из противников Пушкина распускали слух, и даже печатали, что Пушкин интригами и лестью добился этого звания», — вспоминал поэт Я.П.Полонский.²⁴ Н.М.Смирнов сообщал о том же: «<...> на сей случай вышел мерзкий пасквиль, в котором говорили о перемене чувств Пушкина; будто он сделался искателен, малодушен, и он, дороживший своею славою, боялся, чтобы сие мнение не было принято публикою и не лишило его народности».²⁵ В это время и появилась карикатура, изображающая Пушкина с камергерским ключом в руке! Л.П.Гроссман, опубликовавший рисунок в 1934 г. в «Литературном наследстве»,²⁶ предположил, что это изображение могло появиться только в демократических кругах общества, осмеявших таким образом, как поэт «при дворе взял чин лакейский».²⁷ На эту версию можно возразить: была ли для людей демократического круга так различима разница в придворных званиях? Осмеять поэта за то, что ему «не достался ключ камергера» могли, скорее всего, люди светского круга, которые знали дистанцию между камер-юнкером и камергером, понимали, как достаются придворные звания, и видели... где носят камергерский ключ.

В переписке П.А.Вяземского и А.И.Тургенева за 1818 г. можно найти перлы остроумия на тему о камергерстве, насущную для обоих. Тургенев в то время добивался звания камергера, а Вяземский иронизировал над его честолюбивыми притязаниями. Он заявлял, что «ключ всегда был награждением видным, но неприличным», потешался над тем, что «римское право давало венки на голову, наше венчает зады <...>», язвил по поводу знакомого М.М.Сонцова, который «дородству своему обязан за ключ», который ему «очень к лицу».²⁸

П.А.Вяземский, камергер с 1831 г., находил в переживаниях Пушкина прежде всего... уязвленное самолюбие. «Камергерский ключ был бы для него дорогим знаком отличия, но ему казалось неприличным, что в его лета, посреди его поприща, сделали его камер-юнкером»,²⁹ — сообщал он брату царя, великому князю Михаилу Павловичу уже после гибели поэта, отсылая ему при этом свой экземпляр анонимного пасквиля, полученный по городской почте.

Карикатура, опубликованная Л.П.Гроссманом и находящаяся в настоящее время в Смоленском музее-заповеднике, осмеивает тщетность притязаний поэта на более важное придворное звание. Анонимный автор в этом рисунке как бы ставит гордеца-поэта «на место», позволяя ему подержать камергерский ключ в руке, поцеловать его или посвистеть в него и... остаться «с носом».

Камер-юнкерское звание лишило Пушкина независимого положения в обществе, поставило его в придворной иерархии в один ряд с юными наследниками знатных вельмож. Пушкин вынужден был подчиняться регла-

менту мелочного придворного этикета. «В прошлый раз муж ваш не приехал из-за ботинок или из-за пуговиц?» — с иронией спрашивал Николай I у жены поэта, встретив ее на балу. И надо думать, что фразу царя многократно комментировали в светских гостиных. В этом кругу Пушкин чувствовал «звание» литератора, как обидное и презренное «прозвище, которым он заклеимен и которое от него никогда не отпадает» [VIII (1), 42]. Его не переставали «считать человеком злым, опасным и вольнодумцем», «боялись его эпиграмм», «за них он нажил себе в целых семействах, в целых партиях врагов непримиримых», — вспоминал В.А.Соллогуб.³⁰

В фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина имеется фотография (из собрания А.Ф.Онегина-Отто),³¹ на которой изображена... собачья площадка, заполненная собаками разных пород с человеческими головами. В одной из центральных фигур можно узнать... Пушкина. Надпись на паспарту, сделанная в конце XIX в. владельцем фотографии, сообщает: «В 30-х годах в Петербурге подвизалась одна известная английская артистка (фамилии не помню), за которой ухаживали Пушкин, Крылов и др. Это и послужило поводом к созданию настоящего рисунка». Карикатура была опубликована в «Историческом вестнике» в 1879 г., без комментария, но с указанием имени автора — им был П.А.Оленин, сын А.Н.Оленина и знакомый поэта.³²

Карикатурист, ориентируясь на вкусы светской публики, предложил увидеть интимную жизнь известного человека через призму отношений животного мира. Безнравственный способ осмеяния низвел этот рисунок до уровня пасквиля. Эта жестокая насмешка несла в себе прямое оскорбление личности.

Четвертого ноября 1836 г. по городской почте Пушкин получил анонимный «диплом на звание рогоносца». Чтобы создать огласку и довести ее до сведения поэта, экземпляры пасквиля разослали и другим людям.

Этот документ, построенный на точной системе житейских ассоциаций, доступных только определенному светскому кругу, является злым гротеском. Разгадка его содержания, предложенная П.Е.Щеголевым, подтверждает, насколько оскорбительной для Пушкина была эта бумага.³³

Пасквиль представляет собой пародию на орденский масонский диплом. Документ обдуманно персонифицирован и дополнен одной уникальной подробностью: поэт назван историографом ордена.

На место иностранных фамилий образца были поставлены имена лиц, имевших в обществе позорную и курьезную репутацию. Пушкин был объявлен заместителем магистра ордена — Д.Л.Нарышкина (этот человек в течение многих лет при Александре I был обладателем «сиятельных рогов»). За секретаря диплом был подписан именем графа И.Борха, известного своим развратным поведением, а также неприличным легкомыслием жены (урожденной Л.В.Голынской, кстати, дальней родственницы Н.Н.Пушкиной).

Имя Пушкина ставилось в один ряд (от самого высокого до самого низкого!) с именами лиц, имевших позорную социальную репутацию. Осмеивалось не только зависимое и комическое положение поэта при дворе — шут и рогоносец, — но и тщетность его творческих притязаний (вместо «Истории Петра Великого» — история рогоносцев). Роль пасквиля — подсказка ревнивцу, который ищет вора среди простых смертных, что вор — первое лицо в государстве, недостижимое для простого смертного мщеника.³⁴

Оскорбляя честь поэта и его жены, этот документ побуждал к мщению и должен был парализовать его, оставляя Пушкину единственно возможную в этой ситуации роль шута и бессильной марионетки. Пасквиль стал для Пушкина пределом унижения, потому что убивал его морально.

Смерть поэта сделала вообще невозможным какое бы то ни было обсуждение этого страшного документа и, тем более, его намека «по царской линии». Как отмечал П.Е.Щеголев, этот намек и был «тайной» пасквиля, о которой говорили друзья Пушкина после его гибели.

Смириться с ролью марионетки Пушкин не мог. Он чувствовал в себе достаточно силы, чтобы сопротивляться. Вызов Дантесу после получения пасквиля — не шаг отчаяния, а единственный шанс на сопротивление. Торжествующий Дантес, спровоцировавший появление этого документа, был единственной фигурой, достигаемой для мщения. Поэт хотел резким жестом сделать тайную подлость анонимных врагов — явной, и «в лице Дантеса <...> расправиться с целым светом».

Рамки пространства страшной комедии сузились до пределов дружеского крута и семьи поэта, когда Дантес стал мужем Екатерины Гончаровой. Чтобы окончить «комедию», Пушкину пришлось встать под пистолет Дантеса.

Прозрение друзей и близких началось с сознания утраты и чувства вины. Масштаб утраты позволил многим открыть страшную истину, понять подлинный смысл светской интриги.

После смерти поэта отзвуки обывательского осмеяния по инерции продолжали свое кружение в толпе в виде сплетен и плоских анекдотов. Их могли распространять и враги Пушкина с целью своей моральной реабилитации. Весть о дуэли дошла до М.Ю.Лермонтова «обезображенная разными прибавлениями». И он нашел точные слова для объяснения происшедшего:

Погиб поэт! — невольник чести, —
 Пал, оклеветанный молвой,
 С свинцом в груди и жаждой мести,
 Поникнув гордой головой!..
 Не вынесла душа поэта
 Позора мелочных обид,
 Восстал он против мнений света
 Один, как прежде... и убит!

Эти строки придали гибели поэта исторический масштаб, предъявив обществу открытое обвинение. Защита Лермонтова заставила тогда многих увидеть в светской интриге русскую национальную трагедию.

¹ А.Бергсон, французский философ, один из первых исследователей проблем смеховой культуры, отмечал, что сознательное осмеяние возможно при «анестезии» сердца. Там, где возникает сочувствие и сострадание к человеку, смех над ним становится невозможен (Бергсон А. Собр. соч. в 5-ти т. Т. 5. СПб., 1914. С. 178).

² Корф М.А. Записка о Пушкине//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974. С. 119.

³ Пущин И.И. Записки о Пушкине//Там же. Т. 1. С. 82.

⁴ Грот Я.К. Пушкинский лицей 1811—1817. СПб., 1911. С. 293.

⁵ Гинзбург Л.Я. Вариант старой темы. Из записей 1920—1970-х годов//Нева, 1987, № 1. С. 132.

- ⁶ Юзефович М.В. Памяти Пушкина//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 103.
- ⁷ Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 31—69.
- ⁸ А.И.Тургенев — П.А.Вяземскому, 26 авг. 1819 г.//Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 295.
- ⁹ Каратыгина А.М. Мое знакомство с А.С.Пушкиным//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974. С. 200; Глинка Ф.Н.//Русская старина, 1871, № 2. С. 245; Соболевский С.А.//Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 52; «В скрытой и в открытой форме в этом "валянии дурака" присутствует критика существующего мира» (Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 4).
- ¹⁰ Лотман Ю.М. Смесь обезьяны с тигром//Временник Пушкинской комиссии 1976. Л., 1979. С. 110.
- ¹¹ Пушкин А.С. Собр. соч./Под ред. С.А.Венгерова. Т. 3. СПб., 1912. С. 345.
- ¹² Всероссийский музей А.С.Пушкина. КП-12976. Акварель поступила в ИРЛИ от внука С.П.Жихарева (автора «Записок театрала», знакомого Пушкина, жителя Москвы), д-ра С.С.Жихарева.
- ¹³ Солдатова Л.М. Пушкин и гр. Хвостова//Из пушкинианы Всесоюзного музея А.С.Пушкина. Сб. статей. Л., 1988. С. 35—51.
- ¹⁴ Майков Л.Н. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 330.
- ¹⁵ Об этом см. в кн.: Лотман Ю.М. А.С.Пушкин. Биография писателя. Л., 1981. С. 184.
- ¹⁶ Пушкин в переписке родственников//Лит. наследство. Т. 16/18. М., 1934. С. 779.
- ¹⁷ Щеголев П.Е. Пушкин и московские студенты//Исторический вестник, 1904. Т. ХСVI. Апр. С. 213. Оригинал — РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17, № 63. Л. 11.
- ¹⁸ Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 63.
- ¹⁹ П.И.Бартенев со слов П.В.Нащокина//Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И.Бартеневым. Л., 1925. С. 42.
- ²⁰ Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. ХХIX—XXX. Пг., 1918. С. 33.
- ²¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. СПб., 1899. С. 253.
- ²² Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л., 1988. С. 307 (Б-ка поэта. Большая сер. 3-е изд.)
- ²³ Соллогуб В.А. Из «Воспоминаний»//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 298.
- ²⁴ Полонский Я.П. Кое-что о Пушкине//Цявловский М.А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931. С. 321.
- ²⁵ Смирнов Н.М. Из «Памятных записок»//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 244.
- ²⁶ Лит. наследство. Т. 16/18. М., 1934. С. 983.
- ²⁷ Добролюбов Н.А. «Слухи» № 47, 19 сент. 1855//Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 4. М., 1937. С. 435.
- ²⁸ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. СПб., 1899. С. 101, 109, 165.
- ²⁹ П.А.Вяземский — великому князю Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г.//Русский Архив, 1879, № 1. С. 390.
- ³⁰ Соллогуб В.А. Из «Воспоминаний»//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 298.
- ³¹ Всероссийский музей А.С.Пушкина. КП-12307.
- ³² Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928. С. 435—514.
- ³³ «Эпиграмма может пронять нашего брата, как ни будь он окован в звезды и перепоясан лентами, но сатиры и эпиграммы должны преклонить колена перед неуязвимостью власти», — П.А.Вяземский — А.И.Тургеневу, 1824 г.//Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. СПб., 1899. С. 75.
- ³⁴ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. Л., 1979. С. 372.

М. И. Михайлов

«И ЧТО ЧУМА?..»

В «Отрывках из путешествия Онегина» упомянута чума как, казалось бы, одна из вполне будничных реалий одесской жизни поэта. Но Пушкин прекрасно знал и о том, что это одно из опаснейших инфекционных заболеваний: недаром он ставит чуму в один ряд с такими бедствиями, как пожары, голод, война:

Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин? <...>
И что чума? и где пожары?
И нет ли голода, войны
Или подобной новизны? (VI, 203—204)

(выделено нами. — М.М.)

Первые случаи чумы и ее широкого распространения были зарегистрированы в Европе в VI в. н. э., во время правления Юстиниана. В 1346—1352 гг. из 100 млн. человек, проживающих в Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке, заболело и умерло около 25 млн. В это время от чумы умирало 70—80% заболевших. Один из наиболее ранних, типичных симптомов болезни — появление припухлости лимфатических узлов (бубонов) на шее, под мышками и в паху — определил название: «бубонная чума». Сейчас известно, что заражение человека чумой может произойти при укусе блох, ранее заразившихся от больных чумой грызунов, людей, верблюдов, а также при попадании в кровь при снятии или обработке шкур и туш больных животных. При возникновении пневмонии у больного чумой («легочная чума») распространение инфекции происходит по воздуху, что определяет так называемый воздушно-капельный путь передачи. Скрытое и быстрое распространение инфекции и создало в сознании людей ощущение неотвратимости заболевания, страха перед неминуемой смертью. Обозначенная как «великая зараза» или «черная смерть», чума стала символом наиболее страшных бед человечества.

В России случаи, которые могут быть отнесены к чуме, впервые описаны в XI в., когда в Киеве в 1090 г. за две недели умерло ок. 7 тысяч чело-

век. На протяжении последующих веков регулярно регистрировались эпидемии этого заболевания. Наиболее крупной из них явилась эпидемия 1770—1773 гг., когда в Москве умерло более 75 тысяч человек.

В 1812 г. чумная эпидемия захватила Одессу, Феодосию, Херсонскую губернию, Крым, Подолье.

В контексте «Путешествий Онегина» для нас особенно важна эпидемия чумы 1812 г. в Одессе, куда она была завезена на турецком корабле. Борьбу с этой инфекцией возглавил начальник Новороссийского края (он же и военный губернатор города Одессы) Дюк де Ришелье. Приказом за № 1459 от 29 августа 1812 г. было предписано «по случаю оказавшихся признаков заразительной болезни на людях в городе Одессе и окрестностях оного, должно предпринять ныне особые меры по истреблению зла сего». К этим мерам прежде всего относили учреждение карантинных пунктов вокруг города и выделение изолированных строго охраняемых казарм, размещенных в крепости, куда помещались больные чумой или имевшие с ними контакт. В дальнейшем в городе был объявлен всеобщий карантин. Тем не менее, эпидемия разрасталась, резко увеличилось количество умерших (всего умерло более 2,5 тысяч человек — 10,6% населения Одессы). Люди, специально приглашенные за большие деньги для погребения умерших от чумы, отказались выполнять свои обязанности, так как среди них многие стали умирать. В связи с этим в Одессу были присланы 50 преступников, которые стали могильщиками.

Время карантина, когда проводилось наблюдение за здоровьем лиц, выезжающих из Одессы, устанавливалось в 24 дня. На корабли также накладывался карантин. Товары, следующие из Одессы, подвергали «очищению» в пакгаузах в течение 12-ти недель. Главным способом их обработки было окуривание по методу Гитона де Морво. Для этого готовили смесь раствора серной кислоты, поваренной соли и марганца; окуривали вещи, избы.

После завершения эпидемии 1812 г. все суда вместе с их экипажами и товарами, прибывающие в Одессу, обязательно ставились в карантин.¹

Следующее «посещение» чумой Одессы совпало с приездом в город Пушкина летом 1823 г.

13 июня 1823 г. в Одесский порт из Триеста прибывает австрийское судно «Маго» под управлением шкипера Доминика Эльчича. Его осмотр карантинными врачами выявил больного матроса, у которого подозревают чуму.

15 июня 1823 г. градоначальник Одессы граф А.Д.Гурьев приказал снять с корабля матроса, который с «должною осторожностью помещен в чумной квартал, внутри и снаружи которого усилена стража».

Судно, с которого сняли больного, поставлено на рейд в отдалении от других кораблей, под охраной вооруженного баркаса. Отдан приказ шкиперу и команде — «все вещи вымачивать в воде с последующим проветриванием, а судно прокуривать».

20 июня 1823 г. при вторичном осмотре больного матроса подтвержден диагноз — «бубонная чума», так как в паху, с двух сторон, обнаружены типичные чумные бубоны. Клиническое состояние больного было удовлетворительное.

2 июля 1823 г. Пушкин выезжает из Кишинева в Одессу.

3 июля 1823 г. Пушкин прибывает в Одессу.

13 июля 1823 г. одесский градоначальник донес Новороссийскому генерал-губернатору И.Н.Инзову, что матрос Наталэ Вучинович, болевший «бу-бонной чумой», совершенно здоров. Судно «Маго» и «экипажные пожитки» после окуривания газом перенасыщенной соляной кислоты, перемены экипажем платья и перегрузки из него товаров в карантинные пакгаузы было выставлено в 14-дневную обсервацию на рейде, после чего отпущено в дальнейшее плавание.

Таким образом, Пушкин на протяжении 10-ти дней находился в Одессе, когда возможность распространения чумы в городе еще не была отвергнута. Несомненно, память о чуме, бушевавшей в городе всего 11 лет назад (1812), не могла не сохраниться, а жители города не могли не быть напуганы возможной опасностью. Во время встреч Пушкина с людьми, отвечающими за благополучие города и края — Инзовым, графом Гурьевым, — тема возможной чумы могла ими обсуждаться.

19 июля 1823 г. матрос Вучинович, как совершенно здоровый, после «омовения и перемены платья был переведен совместно с двумя бывшими при нем арестантами» из чумного карантина в так называемый «пассажирский карантин».

26 июля 1823 г. Пушкин уезжает из Одессы назад в Кишинев. После этой даты матрос Вучинович просидел в карантине еще 6 дней и был отпущен.

Вероятно, Пушкин знал об этом случае, описание которого вошло в научную литературу как чума в Одессе 1823 г. При жизни поэта чума посещала Одессу еще в 1829, 1835 и 1837 гг. В дальнейшем он неоднократно писал о чуме в своих произведениях («Пир во время чумы» и др.).

¹ Чума в Одессе (Историческое и эпидемиологическое исследование, составленное докторами медицины В.А.Белиловским и Н.Ф.Гамалеей). Одесса, 1903.

Галкина Т.И.

ВЫСОЧАЙШИЙ ДВОР В ЦАРСКОМ СЕЛЕ ЛЕТОМ 1831 г.

Жизнь Пушкина в Царском Селе в 1831 г., когда он «среди святых воспоминаний» лицейской юности проводил свое первое семейное лето, тесно связана с пребыванием в этом городе Высочайшего двора.

В Царское Село Высочайшая фамилия приезжает из Петергофа, с дачи в Александрии, где она находилась с 19 мая.¹ Традиционно причиной переезда двора считается эпидемия холеры, появившаяся в столице в середине июня, страх перед которой и заставил Высочайшее семейство искать убежища в Царском Селе. Однако опасность проникновения холеры в Петергофе была не больше, чем в Царском Селе. Ни в 1831 г., ни в предыдущем, холерном же 1830 г., эпидемии в Петергофе не было. Петергоф оберегался от проникновения заразной болезни с меньшей предосторожностью, чем Царское, особенно при нахождении в нем Высочайшего семейства. Военный кордон на Петергофской дороге был установлен уже 18 июня,² то есть днем раньше, чем на дорогах, ведущих к Царскому Селу.

Вопрос о переезде двора в Царское был решен еще в начале 1831 г. Возможно, поэтому Николай I проявил огромную заинтересованность в вопросе охраны Царского Села от холеры, детально разработав план оцепления города войсками, дабы «не пускать никого едущих или идущих из С.Петербурга».³ О том, что царская фамилия со всем двором *должна была* переехать из Петергофа и Александрии в Царское Село, в придворных кругах было известно еще с весны. В апреле, когда о холере вблизи столицы не было и слуху, были составлены описи комнат в Царскосельском Старом (Екатерининском) и Новом (Александровском) дворцах, «назначенных для проживания в нынешнем лете» «свите их Императорских Величеств» и «Их Императорским Высочествам».⁴ В переписке министра двора князя П.М.Волконского с управляющим Царскосельским дворцовым правлением Я.В.Захаржевским называлась заранее и дата предполагаемого переезда двора в Царское Село: 4 июля.⁵

Пушкин, возвращавшийся в город своей юности с полной уверенностью, что в Царском «двора нет», уже через месяц был хорошо осведомлен о скором приезде Высочайшего семейства. В конце июня он писал М.П.Погодину: «Вы знаете, что у нас холера; Царское Село оцеплено, оно будет, вероятно, убежищем царскому семейству» (XIV, 185); об этом же читаем в его письме П.А.Осиповой от 29 июня: «Мы ожидаем двор в Царское Село, куда зараза еще не проникла <...>» (XIV, 184, 430).

Однако из-за быстрого распространения холеры по всем окрестностям столицы вопрос о переезде двора в Царское Село до конца был не ясен даже близким ко двору лицам. Еще 1 июля В.А.Жуковский писал И.И.Козлову: «Мы остаемся в Петергофе и в Царское не едем: все дороги заперты, холера и в самом Царском скоро откроется. Пиши ко мне в Петергоф».⁶

Распространившиеся слухи о том, что двор не едет в Царское Село, дошли до Пушкина. 3 июля он сообщал П.А.Вяземскому: «Ждал я сюда Ж<уковского>, но двор уже не едет в Царское село, потому что холера показалась в Пулкове» (XIV, 186).^{*} Но через неделю письмо П.А.Плетневу Пушкин начинает знаменательной фразой: «Двор приехал, и Царское село закипело и превратилось в столицу» (XIV, 189). Дата выезда Высочайшего двора в Царское Село — не 10 июля, как ее называет Б.Л.Модзалевский⁷ и как потом повторяется в изданиях, посвященных царскосельскому периоду жизни Пушкина,⁸ а 9 июля, в четверг, на что указывает запись в «Камер-фурьерском журнале»: «<...> в 5 часов Их Величества из Александрии отсутствовали в карете в город Царское Село <...> и прибыли в оный 20 минут 9^о часа вечера в Новый Дворец. Потом через несколько времени Его Величество с Министром Высочайшего двора кн. Волконским выезд имел в кабриолете прогуливаться по саду.

Их Высочества Государь Наследник, великий князь Константин Николаевич, великие княжны Мария, Ольга и Александра Николаевны и великая княжна Александра Михайловна по отсутствию сего утра из Петергофа в разных экипажах, прибыли в Царское Село в 10^м часу утра, в Новый Дворец».⁹ С Наследником приехал и его наставник В.А.Жуковский.

К моменту прибытия в Царское Село двор уже третью неделю находился в глубоком трауре по случаю кончины 15 июня великого князя Константина Павловича, о которой в конце июня Пушкин писал: «Холера и смерть цесаревича нас совершенно смутили; дайте образумиться» (XIV, 185).

Естественно, что Пушкин, которого Николай I после первой встречи в Москве 8 сентября 1826 г. назвал, по словам очевидца, «умнейшим человеком в России», и его красавица-жена не могли оставаться вне царского внимания. Уже через несколько дней после приезда Высочайшего семейства Наталья Николаевна узнала через графиню Кочубей,^{**} что она успела вызвать к себе интерес со стороны императрицы Александры Федоровны. 13 июля жена поэта писала деду А.Н.Гончарову: «Я только что от княгини Кочубей, которая была очень добра ко мне, расспрашивала много про мою семью и кончила тем, что предложила свои услуги, если они мне понадобятся. Ей поручено Императрицей передать мне, что Ее Величество желает меня видеть и назначит для этого день. Я выразила княгине свое смущение, как мне явиться ко двору одной; она была так добра, что хотела сделать все возможное, чтобы самой меня представить. Я не могу

^{*} Слухи о холере в Пулкове оказались ошибочны. В Царском Селе холеры не было ни в холерном 1830 г., ни 1831 г., ни в 1848 г. «Следует это приписать чистому воздуху и известковой воде таицких ключей» (Неселов А.П.//Русский Архив, 1916. Т. 165. № 1. С. 111).

^{**} Мария Васильевна Кочубей — жена министра внутренних дел В.П.Кочубея, племянница дальней родственницы Н.Н.Пушкиной — Натальи Кирилловны Загряжской, которая летом 1831 г. в Царском Селе, очевидно, жила в доме Кочубей.

спокойно прогуливаться по саду, так как узнала от одной из фрейлин, что Их Величества желали узнать час, в который я гуляю, чтобы меня встретить. Поэтому я и выбираю самые уединенные места». ¹⁰ А 25 июля Надежда Осиповна Пушкина делает приписку в письмо дочери О.С.Павлищевой: «В качестве новости скажу тебе, что Император и Императрица встретили Натали и Александра; они остановились с ними поговорить, и Императрица сказала Натали, что она очень рада с нею познакомиться и тысячу других вещей, очень милых и очень любезных. Вот она и вынуждена явиться при дворе, совсем против своей воли». ¹¹ Вероятно, со слов своей матери, Ольга Сергеевна пишет в середине августа о светских успехах Натальи Николаевны мужу Н.И.Павлищеву: «Моя невестка прелестна <...> ею восхищается Царское, а Императрица хочет, чтобы она была при дворе; ее это огорчает, потому что она неглупа; или не совсем так: хотя она вовсе не глупа, но пока еще немного робка, но это пройдет, и она поладит и с двором, и с Императрицей, как женщина красивая, молодая и любезная». ¹² Летом 1831 г. Наталия Николаевна была представлена императрице, что во многом определило последующее привлечение поэта ко двору. 4 сентября О.С.Павлищева сообщала мужу о своей невестке: «Она была представлена Императрице, которая от нее в восторге». ¹³

Летом 1831 г. императорскую чету нередко можно было встретить в царском парке. Эти ежедневные прогулки, зачастую повторявшиеся по несколько раз в день, зафиксировал «Камер-фурьерский журнал». Так, за 13 июля читаем: «<...> в 12^м часу утра Их Величества выезд имели в коляске прогуливаться по саду и по городу. <...> в 8^м часу Полудня, Их Величества выезд имели в английской коляске прогуливаться несколько по городу и саду». ¹⁴

Во время одной из таких прогулок царская чета встретила Пушкина. И.С.Аксаков рассказывал со слов А.О.Смирновой: «Однажды Пушкин, гуляя по Царскому Селу, встретил коляску, вмещавшую в себе ни более, ни менее, как Николая Павловича. Царь приказал остановиться и, подозвав к себе Пушкина, потолковал с ним о том, о сем очень ласково». ¹⁵ Кому-то из придворных Николай I сказал фразу, которая стала известна Пушкину: «раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни» (XIV, 198). Царь велел принять Пушкина в Коллегию иностранных дел, из которой поэт был исключен «Высочайшим повелением» в 1824 г. чиновником X класса за «недостойное поведение», и предложил ему должность историографа с постоянным жалованьем и доступом в архивы для написания истории Петра I.

Этот разговор Пушкина с Николаем I состоялся около 20 июля, а 21 июля поэт писал Нащокину: «Нынче осенью займусь литературой, а зимой зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне царем. Царь со мной очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики <...> (XIV, 196). Возвращение поэта на службу, завязавшиеся тогда же отношения со двором сыграли свою драматическую роль в последующей жизни Пушкина.

Но даже само присутствие императорской фамилии в Царском Селе существенно образом отразилось на жизни Пушкина летом 1831 г. С приездом двора вокруг поэта закипела придворная жизнь. Все это отвлекало его от «уединения вдохновительного». «У нас в Царском Селе,— писал Пушкин

Плетневу около 16 июля, — все суетится, ликует, ждут разрешения царицы; ждут добрых вестей от Паскевича;* ждут прекращения холеры» (XIV, 193).

Этот калейдоскоп событий придворной жизни, светских праздников и развлечений так или иначе затрагивал и Пушкиных. Детский праздник по случаю именин великой княжны Марии Николаевны, торжества с пушечными выстрелами, колокольным звоном и иллюминацией в честь рождения царского сына, крестины новорожденного великого князя Николая Николаевича — из подобных событий состояла придворная жизнь Царского Села, невольно затрагивавшая и Пушкиных.

22 июля в Царском Селе отмечался «День праздника Тезоименинств Их Императорских Высочеств великих княжен Марии Николаевны и Марии Михайловны и великой княгини Марии Павловны». Днем раньше «Их Величества в ландаве (то есть в ландо. — Т.Г.), последовании в разных экипажах Государя Наследника, великих княжен Марии и Александры Николаевны, выезд имели в Павловское, куда прибыли к дворцовым воротам, от которых проходили на хоры в дворцовую церковь, где изволили слушать <...> панихиду о блаженной и вечной славы достойной Государыни Императрицы Марии Федоровны, в поминовение завтрашнего 22 дня Тезоименинства ее».¹⁶

Это было утром, а вечером того же дня в Царском все Высочайшее семейство с приглашенными особами, в числе которых встречаем имена фрейлины Россети, воспитателя Наследника генерал-майора Мердера и действительного статского советника Жуковского, «изволили в круглой зале Нового дворца пить чай, а перед тем вышеписанные особы приносили поздравление Их Величествам и великой княжне Марии Николаевне, по случаю завтрашнего 22го дня Тезоименинства Ея Высочества».¹⁷

В день праздника, 22 июля, «20 минут 11-го часа утра Их Величества <...> выезд имели в Большой дворец, куда по прибытии проходили на хоры в церковь, где с Их Высочествами и собравшимися к 10 часам знатными обоого пола особами, составляющими Высочайшую свиту, изволили слушать Божественную Литургию <...> во время Литургии были внизу в церкви разных учебных заведений кадеты <...>** в 8^м часу пополудни Государь Наследник, великие княжны Мария, Ольга и Александра Николаевны с находившимися при них особами и с приглашенными от Их Высочеств по списку детьми обоого пола знатных особ, проживающих в Царском Селе и Павловске, изволили в Новом дворце на коллонаде пить чай, и потом кушали со всеми в большом зале за вечерним столом».¹⁸

«Камер-фурьерский журнал» не упоминает о празднике в царскосельском парке, на котором присутствовали Наталия Николаевна и Александр Сергеевич Пушкины. Об этом празднике днем позже, 23 июля, Надежда Осиповна Пушкина писала О.С.Павлищевой: «Вчера меня прервала г-жа Архарова,*** она катала меня по Царскому. Я зашла на минуту к Наташе, которая совершала туалет, чтобы идти в парк, где была музыка и детский праздник

* Иван Федорович Паскевич — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русскими войсками в русско-польской войне 1831 г.

** Летом 1831 г. кадетские корпуса из-за холеры были переведены в Царское Село.

*** Екатерина Александровна Архарова — бабушка писателя В.А.Соллогуба, петербургская знакомая Пушкина и его родителей. Летом 1831 г. жила в Павловске.

для Марии Николаевны, играли в разные игры, потом был ужин и вечерняя заря».¹⁹

27 июля в Царском Селе произошло давно ожидаемое событие — рождение великого князя Николая Николаевича. «Носимый при Высочайшем дворе траур по Государю Цесаревичу, с сего числа был снят на 9^е дней. <...> В 9^м часу Ее Величество благополучно разрешилась от бремени великим князем, которого при молитве наименовали Николаем Николаевичем. <...> Для возвещения обитателям Царского Села радостного события сего Государь Император изволил повелеть начальнику кадетского лагеря генерал-лейтенанту Голеину привезти из лагеря четыре орудия в верхний сад, на дорогу против Нового дворца; из коих кадетами Артиллерийского училища выпалено 201 выстрел — и тут же четыре из сих кадетов произведены в офицеры».²⁰ Спустя два дня, 29 июля, Пушкин отметил в дневнике два события: «Третьего дня Государыня родила великого князя Николая. Накануне она позволила фрейлине Россети выдти за Смирнова» (XII, 200).

Крестины новорожденного великого князя были отложены почти на месяц «по случаю похорон Государя Цесаревича, которое последовало 17 августа в Петропавловском крепостном соборе», и перенесены на 22 августа — «День высокаторжественного Праздника коронования Его Императорского Величества Государя Императора Николая Павловича».²¹ Как свидетельствует запись в «Камер-фурьерском журнале», «из Петербурга в Царское Село никому (кроме Прусского Посланника) не велено приезжать, по случаю существующей в Петербурге холеры.

<...> в 10 часов утра, по учиненным от Высочайшего двора повесткам, съехались в Большой царскосельский дворец <...> проживающие в Царском Селе и Павловске госпожи статс-дамы, фрейлины и другие обою пола знатные особы. <...> Дамы в русском платье, а кавалеры в парадных мундирах <...>».²²

На крестинах великого князя присутствовала и чета Пушкиных. О том, что Наталия Николаевна собиралась на крестины, читаем в письме Н.О.Пушкиной О.С.Павлицевой от 20 августа: «Я была в Царском. Графиня Толстая* благодарит тебя за память и целует, как и Натали, и м-ль Шевич.** Все эти дамы, за исключением графини, готовятся к крестинам, которые состоятся послезавтра, в субботу».²³

«Камер-фурьерский» журнал достаточно подробно зафиксировал порядок прохождения этого торжественного обряда: «15^м минут 11^о часа Государь Император с Государем Наследником в коляске, в последовании в ландаве великих княжен Марии, Ольги и Александры Николаевны, выезд имел в Большой дворец, куда по прибытии проходил в бывшие внутренние покои Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны апартаменты.

Половина того же 11^о часа высокорожденный великий князь Николай Николаевич привезен был из Нового в Старый дворец <...> статс-дамою, графинею Кочубей в парадной карете цугом в 6 лошадей <...>, а по привезе-

* Елена Петровна Толстая — жена графа Д.В.Толстого, который в 1831 г. был начальником холерного кордона между Петербургом и Царским Селом.

** Имеется ввиду Александра Ивановна или Любовь Ивановна — дочери (Александра — падчерица) М.Х.Шевич, сестры шефа жандармов А.Х.Бенкендорфа, близкой знакомой родителей Пушкина.

нии приносим был в вышеупомянутые внутренние апартаменты. Когда все было готово к шествию в церковь, тогда донес об оном Государю Императору Министр Императорского двора князь Волконский, и по полученному от Его Величества повелению, шествие в церковь началось 50^м минут 11^м часа <...> При входе в церковь Его Императорское Величество встречен был Духовником Музовским со крестом и святою водою, и по окроплении оною Государю Императору изволил выйти из церкви в ризничью комнату, находившуюся близ церкви в саде, где и оставался до совершения крещения.

Между тем началось Священнодействие Святого крещения <...> По окончании крещения воспето было “Тебя, Бога, хвалим» при 301^м выстреле из пушек учебной артиллерии, прибывшей для сего случая из Красного Села и поставленной в верхнем саду на большой дороге против Большого дворца, так же и при колокольном звоне у приходской церкви.

Когда же Государь Император изволил войти в церковь и стать по правую сторону у крылоса, тогда началась Божественная Литургия <...>

<...>в продолжении Литургии в надлежащее время Его Величество изволил поднести высоконовоокрещенного великого князя к причащению Святых Божественных тайн.

По причащении высоконоворожденного, во время пения “Да исполнятся уста наша”, канцлером Российских орденов Действительным тайным советником кн. А.Н.Голицыным поднесен был Государю Императору на золотом блюде орден Святого Апостола Андрея Первозванного, который Его Величество изволил возложить на высоконоворожденного великого князя Николая Николаевича.

По окончании Божественной Литургии все Духовенство приносило в церкви Его Императорскому Величеству поздравление. После сего из церкви Императорская фамилия изволила возвратиться тем же порядком в <...> внутренние апартаменты, и потом вскоре отсутствовали в Новый дворец, куда так же отвезен был обратно и высококороченный таковым точно порядком, как и был привезен». ²⁴

Это описание эмоционально дополняет рассказ дочери известного художника Ф.П.Толстого М.Ф.Каменской, которая ребенком проводила в Царском Селе лето 1831 г. и крестины великого князя запомнила, как одно из самых ярких событий придворной жизни: «В это же лето министр двора князь Петр Михайлович Волконский доставил мне большое удовольствие, прислав папеньке для нашего семейства билеты на хоры в церковь Большого дворца для того, чтобы мы могли видеть крестины великого князя Николая Николаевича. <...> Всю эту великолепную церемонию я видела с хор прекрасно. Церковь была полна придворными дамами и кавалерами <...> Шествие крестин началось с того, что четыре камер-лакея в красных кафтанах внесли в церковь за зеленые ширмы маленькую кружевную корзиночку с новорожденным великим князем; за ним сам государь и великий князь Михаил Павлович почтительнейшим образом ввели под руки мать министра двора, князя Петра Михайловича Волконского, которая должна была во время крестин носить кругом купели младенца на золотой подушке. Ее тоже усадили за ширмы в кресло, и Николай Павлович удалился из церкви. Почти 90-летняя старушка княгиня Волконская была в полном парадном костюме, в лифе <...> с бриллиантами на голове <...> и носила младенца на

золотой подушке, под тяжелым парчовым одеялом <...> Правда, что за четыре угла подушки и под оба локтя старушку поддерживали какие-то генералы, но она не замечала этой помощи и, видимо, воображала, что сама носит на руках царского сына, гордо выступала и была счастлива вполне <...>

<...>И я в тот день была на вершине блаженства: в первый раз в жизни я видела в сборе двор и такое великолепное торжество». ²⁵

Вообще, созерцание самых обыденных сцен из жизни Высочайшего семейства было одним из любимых времяпрепровождений царскосельской публики. Та же М.Ф.Каменская вспоминала: «Помню, что тогда излюбленная прогулка наша была — ходить смотреть, как играли царские дети на лугу, против Александровского дворца. Помню, что всякий вечер на круглой дорожке около луга густою толпою устанавливались царскосельские жители; всякому лестно было полюбоваться на эту живую, семейную картину русского царя. И мы всякий вечер стояли в этой толпе и жадными глазами следили за каждым движением Государя Николая Павловича, императрицы Александры Федоровны и их красавцев детей». ²⁶

Жители Царского Села могли быть косвенными свидетелями праздничных событий в Высочайшем семействе, которые, кроме уже названных, отмечались летом 1831 г. Это тезоименинство великой княжны Ольги Николаевны 11 июля (в этот день отмечала свои именины сестра Пушкина Ольга Сергеевна); рождение великой княжны Марии Николаевны 6 августа; 30 августа — тезоименинство наследника великого князя Александра Николаевича* и рождение великой княжны Ольги Николаевны; 9 сентября — рождение великого князя Константина Николаевича. ²⁷

Из-за траура по великому князю Константину Павловичу, холеры и других известных событий 1831 г., в Царском Селе летом не было концертов и театров. Последнее сообщение о театрах в столице было дано в «С.-Петербургских ведомостях» за 5 июля 1831 г. В Царском Селе первый концерт был дан только 9 сентября в Новом дворце «в день праздника Рождения Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича».

«По полудни к 6-ти часам, собрались в Новый дворец в первую парадную мраморную комнату приглашенные от Их Высочеств великих княжен Марии, Ольги и Александры Николаевн к чаю и концерту обоюбого пола особы, составляющие Высочайшую свиту, и также некоторые проживающие в Царском Селе, дамы в круглом платье, а кавалеры в фрачных мундирах». ²⁸

Среди этих «некоторых» были «особы первых трех классов», списки которых были заранее составлены и среди которых было немало знакомых Пушкина и его родителей. Это проживавшая в Павловске Е.А.Архарова и ее дочери графиня С.И.Соллогуб и А.И.Васильчикова; соседи Пушкина по дому Китаевой графы Ламберт; Л.Ф.Полуктова — сестра В.Ф.Вяземской и др. Еще один концерт был дан в Новом дворце в воскресенье 27 сентября. Среди присутствующих в «Камер-фурьерском журнале» названы Россети, действительный статский советник В.А.Жуковский, австрийский посол Фикель-

* 30 августа — также возможные именины Пушкина. В письме ему в Михайловское от 29 августа 1825 г. П.А.Плетнев писал: «Ты, кажется, завтра именинник. Так поздравляю тебя и целую».

мон с супругою; отмечено, что «камергер Виельгорский» играл на виолончели». ²⁹

«Камер-фурьерский журнал» также неоднократно упоминает о военных занятиях, смотрах, учении кадетов на Софийском поле, что составляло неотъемлимую часть жизни Царского Села. Этот уездный городок, ставший на время пребывания Высочайшего двора миниатюрной столицей, был летом 1831 г. в эпицентре тех событий, которые волновали страну. Даже далекая от политики Н.О.Пушкина писала из Павловска дочери 20 августа: «У нас всякий день курьеры из армии, и вести доходят до нас прежде даже, нежели до печати». ³⁰

25 июля Николай I отправился из Царского Села в Новгород, где произошли волнения в военных поселениях. 26 июля Пушкин записал в своем дневнике: «Вчера государь император отправился в Военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспокойств» (XII, 199). После подавления возмущения новгородское дворянство отправило к Николаю I депутацию «с изъявлением чувств признательности всех сословий Новгородской губернии за восстановление в оной спокойствия, с принесением государю верноподданических поздравлений с рождением сына великого князя Николая». ³¹ Среди депутатов, прибывших в Царское Село 21 августа, был брат лицейского одноклассника Пушкина Александра Тыркова Алексей Дмитриевич Тырков — «Новгородский уездный предводитель дворянства». ³²

4 сентября «Государь Император получил из действующей армии от фельд-маршала графа Паскевича Эриванского донесение о взятии с боя Варшавы 26го августа. Известие сие привез флигель-адъютант полковник князь Суворов». ³³ Описание этого исторического момента мы находим у А.О.Смирновой-Россет: «Эта польская кампания, сначала такая неудачная, стоила государю многих вздохов и слез <...> когда он читал поименный список убитых гвардейских офицеров, которых знал пажами или кадетами. И как он был трогателен, когда выехал на встречу Суворова, которого Паскевич послал курьером, когда Суворов, увидя его, закричал: “Варшава взята, все конечно благополучно”. Государь вышел из коляски, стал на колени и молился. Потом отвез Суворова в Китайский домик, где ожидала его беременная жена, а затем уже в Александровский дворец. Радостная весть разнеслась в несколько минут». ³⁴ В другом месте Смирнова-Россет вспоминала: «Когда взяли Варшаву, приехал Суворов с известиями, мы обедали все вместе за общим фрейлинским столом. Из Александровского <дворца> прибежал лакей и объявил радостную и страшную весть. У всех были родные и знакомые; у меня два брата на штурме Воли. Мы все бросились в Александровский дворец, как были, без шляп и зонтиков, и, проходя мимо Китаева дома, я не подумала объявить об этом Пушкину. Что было во дворце, в самом кабинете императрицы, я не беру описывать. Государь сам сидел у ее стола, разбирал письма, писанные наскоро, иные незапечатанные, раздавал их по рукам и отсылал по назначению». ³⁵

5 сентября в Царском Селе состоялся благодарственный молебен о взятии штурмом Варшавы. «Обоего пола особы, проживающие в Царском Селе и в Павловске, так же находящиеся в Царском Селе полков лейб-гвардии гусарского и кирасирского <...> штаб и обер-офицеры, по учиненной накануне

сего числа от Высочайшего двора словесной повестке, съехались в большой дворец в 12 часов полудня. Дамы в круглом платье, а кавалеры в парадных мундирах».³⁶ Пушкин, автор стихотворений «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», которые 5 сентября были представлены царю, очевидно, был на этом молебне в Придворной церкви Екатерининского дворца.

В октябре, еще до отъезда Пушкина, двор покинул Царское Село. 9 октября «пополуночи 5 минут 1-го часа Государь Император с генерал-адъютантом Бенкендорфом из Царского Села изволил отсутствовать в город Москву».³⁷ Через день, 11 октября, в Москву уехала императрица в 7 часов утра, а в 12 часов великие князья и великие княжны «изволили отсутствовать в С.-Петербург на житье в Зимний дворец».³⁸ Вскоре, в середине октября, Царское Село покинет и Пушкин. Лишь наметившаяся летом 1831 г. близость поэта ко двору будет становиться все более ощутимой и приобретать все более драматическую окраску в оставшиеся 6 лет его жизни.

¹ РГИА. «Журнал камер-фурьерской должности» (КФЖ). Ф. 516. Оп. 1/120/2322. Д. 59. Л. 49.

² Там же. Ф. 490. Оп. 3. Д. 488. Л. 79.

³ Там же. Ф. 487. Оп. 7. Д. 5918. Л. 20б.

⁴ Там же. Ф. 487. Оп. 7. Д. 3697. Л. 27, 27об., 28, 28об.

⁵ Там же. Ф. 487. Оп. 7. Д. 5918а. Л. 89.

⁶ Жуковский В.А. Сочинения/Под ред. П.А.Ефремова. Т. 6. СПб., 1878. С. 471.

⁷ Пушкин А.С. Письма. Т. 3. М.; Л., 1935. С. 316, 327.

⁸ Жизнь Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. Т. 2. М., 1987. С. 386; Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой. 1828—1835. СПб., 1993. С. 86 и др.

⁹ КФЖ. Д. 61. Л. 19, 19об, 20, 20об.

¹⁰ Летописи Государственного литературного музея. М., 1936. С. 416.

¹¹ Письма С.Л. и Н.О.Пушкиных... С. 96.

¹² Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и отцу. 1831—1837. СПб., 1994. С. 51.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ КФЖ. Д. 61. Л. 25, 25об.

¹⁵ Вересаев В. Пушкин в жизни. 1987. С. 276.

¹⁶ КФЖ. Д. 61. Л. 36, 36об.

¹⁷ КФЖ. Д. 61. Л. 37, 37об.

¹⁸ КФЖ. Д. 61. Л. 38, 38об, 39, 42.

¹⁹ Письма С.Л. и Н.О.Пушкиных... С. 93.

²⁰ КФЖ. Д. 61. Л. 50, 50об.

²¹ КФЖ. Д. 61. Л. 46об.

²² КФЖ. Д. 61. Л. 46об., 47, 47об.

²³ Письма С.Л. и Н.О.Пушкиных... С. 103.

²⁴ КФЖ. Д. 62. Л. 48, 48об., 49об., 50, 50об., 51, 51об., 53об., 54об., 55об.

²⁵ Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 181—182.

²⁶ Там же. С. 172.

²⁷ Месяцеслов на 1831 г. Ч. I. СПб., 1830. С. 235.

²⁸ КФЖ. Д. 63. Л. 12, 13.

²⁹ КФЖ. Д. 63. Л. 38об., 39.

³⁰ Письма С.Л. и Н.О.Пушкиных... С. 103.

³¹ Пушкин А.С. Письма... С. 369.

³² КФЖ. Д. 62. Л. 17.

³³ КФЖ. Д. 63. Л. 4об.

³⁴ Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 217.

³⁵ Русский Архив, 1871. Кн. 3. С. 1881—1882.

³⁶ КФЖ. Д. 63. Л. 6, 6об.

³⁷ КФЖ. Д. 64. Л. 25об.

³⁸ КФЖ. Д. 64. Л. 26об, 27, 27об.

Ю.А.Зигери-Корн

**«И ПОБРАТАЛСЯ С НИМ
НЕ ДЛЯ ЗДЕШНЕГО МИРА...»
(К истории взаимоотношений
А.С.Пушкина и В.И.Даля)**

Владимир Иванович Даль (1801—1872) одним из первых откликнулся на призыв биографов Пушкина написать воспоминания о жизни поэта: «снести в одно место алмазные искры, которые рассыпались тут и там в потемках». ¹ Он явился создателем известных мемуарных документов: записки «Смерть А.С.Пушкина», написанной вскоре после кончины поэта, «Воспоминаний о Пушкине», написанных в 1840 г., и некоторых других. Эти мемуары содержат ценнейшие фактические сведения о встречах Пушкина и Даля и раскрывают историю их взаимоотношений.

Современники не раз отмечали такие особенности Даля-писателя, как правдивость и способность подмечать невидимое другими. Его называли талантливым бытописателем, репортером, статистиком и мастером психологического очерка и литературного портрета. Обладая такими качествами, В.И.Даль, казалось, был способен рассказать с абсолютной достоверностью и откровенностью о своих встречах с Пушкиным, однако необходимо вспомнить еще об одном свойстве Даля — его исключительной скромности. Д.В.Григорович писал, что он «не знал человека скромнее и нечестолюбивее Даля — он был ярчайшим примером бескорыстия». Прожив долгую, богатую событиями и свершениями жизнь, Владимир Иванович всегда избегал разговоров о своей значимости и учености, не любил говорить ни о себе, ни о своих чувствах.

И еще о нем часто говорили: «осторожный» Даль. Осторожности, осмотрительности в словах его научила жизнь. Год провел мичман Даль под военным судом и арестом за сочинение пасквиля на адмирала А.С.Грейга, в Петербурге вновь был арестован после издания своей первой книги «Русские сказки» и чудом избежал наказания благодаря своим военным подвигам во время польской кампании. Семь лет он прослужил чиновником особых поручений при военном губернаторе Оренбурга В.А.Перовском, а затем при его брате Льве Александровиче в Министерстве внутренних дел. «Я век свой был подчиненным работником», — писал Даль. ² Что означало писать и служить, он хорошо знал: всю жизнь у него существовало чувство внутренней цензуры, в своих мемуарах он боялся раскрыть чужие тайны и повредить другим. Об этой особенности стиля Даля знали современники, В.Г.Белинский писал: «Мы привыкли читать Даля между строк, привыкли ловить словечко, в котором он проговаривается». ³

Записка «Смерть А.С.Пушкина», обладая эмоциональной силой и законченностью сказания или притчи, создает тем не менее ощущение неожиданного и необъяснимого перерождения взаимоотношений автора с Пушкиным. По словам Даля, они мало были знакомы, редко встречались, и вдруг пришли к дружескому единению и братству: «В первый раз сказал он мне ты, — я отвечал ему так же, и побратался с ним уже не для здешнего мира».⁴ Очевидно, что в глазах друзей Пушкина он вообще не считался близким поэту человеком: о ранении Пушкина Даль узнал случайно и лишь через сутки после дуэли, за ним не послали, его никто не известил. Однако, едва узнав о случившемся, Даль ни секунды не сомневался, как ему поступить. Он отправился прямо к Пушкину, «<...> приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток».⁵ Отлучаются и отдыхают в соседних комнатах друзья, но Даль неотступно у постели Пушкина, меняются врачи — Пушкин не очень им доверяет, он хочет видеть только Даля. В эти часы Даль не только выполняет свой долг врача, но и переживает глубокую личную трагедию.

За рамками рассказа мемуариста осталось именно то, что объединяло его с поэтом, и возникает желание перечитать мемуары Даля, заглянуть между строк и найти объяснения и дополнения тому, что говорит автор о своих взаимоотношениях с Пушкиным.

По воспоминаниям Даля, его первая встреча с Пушкиным состоялась в 1832 г. Речь идет, скорее всего, о декабре 1832 г., так как в записной книжке Даля, хранящейся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, записан адрес поэта — дом Жадимировского. По этому адресу, на углу Большой Морской и Гороховой улицы, Пушкин жил с декабря 1832 по июль 1833 гг. Далю в это время шел 31-й год. Он был опытным, сложившимся человеком: служил на флоте, окончил медицинский факультет Дерптского университета, прошел турецкую и польскую военные кампании. Но главное, все это время, путешествуя из одного конца страны в другой, Даль увлеченно собирал и изучал образцы народной речи: слова, пословицы, песни, сказки. В Петербурге, поступив на службу в военносухопутный госпиталь, он впервые получил возможность разобрать накопленные им богатства и издать свои «первые опыты» — книгу «Русские сказки. Пяток первый».

Появление сказок Даль и избрал поводом для знакомства с Пушкиным. «Он не искал покровительства Пушкина, как многие начинающие, — писал Л.Н.Майков, — но искал нравственную поддержку занятиям, которым посвятил свою жизнь: наблюдения над народным языком и бытом».⁶ Интересно, что автор не считал свою книгу художественным произведением, а хотел, чтобы ее прочитали «с особым вниманием на язык, на самые слова».⁷ Даль писал о себе в третьем лице: «Не сказки были ему важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему было нельзя показаться в люди без особого предлога и повода <...>, и сказка послужила предлогом».⁸

Пушкин отнесся с большой симпатией и к личности, и к делу Даля. В «Сказках» он отметил именно то, что хотел показать автор — обилие накопленных слов и поговорок. Впоследствии Даль вспоминал, что встреча с Пушкиным утвердила его в мысли собрать словарь живого народного русского языка.

Пушкин был убежден в пользе и необходимости изучения живого русского языка. Еще во время псковской ссылки он записывал народные песни и сказки и вносил в свои произведения черты народной речи и быта. Но главное, на его рабочем столе лежали черновики «Истории Пугачева» и план исторического романа, судьба героев которого была непосредственно связана с событиями пугачевского восстания.

Изучив имеющуюся литературу о восстании, ознакомившись с содержанием военных архивов и видя недостаточность этих сведений, поэт решил отправиться на Урал, по местам событий, чтобы в рассказах живых свидетелей восстания и местном фольклоре найти недостающий материал для написания «Истории Пугачева». Очень важно, что именно в это время В.И. Даль выступил единомышленником Пушкина во взглядах на народное творчество.

Известно, что весной 1833 г. Пушкин предпринял ряд активных шагов для подготовки своей поездки на Урал. В марте 1833 г. на пост военного губернатора Оренбурга был назначен Перовский, с которым Пушкина связывали давние дружеские отношения. Поэт, вероятно, рассказал Перовскому о планах предполагаемой поездки и заручился его поддержкой и содействием.⁹ В.А. Перовский не мог не быть заинтересован в написании «Истории Пугачева», так как это привлекало внимание к истории Оренбургского края и поднимало престиж его должности военного губернатора.

Именно тогда произошла разительная перемена в судьбе В.И. Даля. Он, как всегда, очень краток, когда рассказывает о себе: «Перовский пригласил меня в Оренбург чиновником особых поручений».¹⁰ Назначение было тем более удивительным, что доверенным лицом Перовского стал бедный молодой человек, не принадлежавший к светскому кругу, до того занимавший незначительную должность в военном госпитале. В этом принято видеть протекцию В.А. Жуковского, который знал Даля по Дерпту и был близким другом Перовского. Однако Жуковский вряд ли мог устроить Даля на службу, так как зиму и весну 1833 г. провел в Швейцарии. К тому же Жуковский мало интересовался работой Даля и не поддерживал его увлечений. Даль писал: «Греч и Пушкин горячо поддерживали это направление мое <...>, Жуковский был как бы равнодушнее и боялся мужичества <...>».¹¹

Выскажем предположение, что ходатаем за Даля перед Перовским был Пушкин. Их встречи с Далем в Петербурге, несомненно, продолжались. В марте 1833 г. вышла вторая книга Владимира Ивановича «Были и небылицы», которую он не мог не представить на суд Пушкина. Поэт, должно быть, рассказал ему о своем намерении отправиться в Оренбург и, зная о таланте Даля как этнографа и собирателя, просил его о помощи в сборе фольклорного материала о Пугачевском восстании. Таким образом, участие Даля становилось частью пушкинского плана поездки на Урал.

Не впервые Пушкин искал содействия у молодого, деятельного помощника в работе над историческими материалами. Ранее он предлагал Николаю Погодину помочь ему работать в архивах над материалами по истории Петра. Погодин однако отказался, записав в своем дневнике: «Пушкину хочется свалить дело». Очевидно, совершенно иначе откликнулся на предложение Пушкина В.И. Даль — это дело было делом его жизни. «Исполнительный, трудолюбивый, талантливый», — таким мог Пушкин рекомендовать Даля Перовскому.

О том, что Владимир Иванович деятельно готовился к приезду Пушкина, узнаем из рассказов о пребывании поэта в Оренбурге 18—23 сентября 1833 г. В «Воспоминаниях о Пушкине» Даль пишет: «Пушкин прибыл неожиданный и нечаянный <...>»,¹² но последующее повествование резко контрастирует с этой фразой. Даль ждал Пушкина и уже многое успел сделать к его приезду. Во время служебных поездок Даль не только изучал историю Оренбургского края и его населения, наблюдал народные обычаи, поверья, но и собирал устные рассказы о Пугачеве. П.И.Бартенев писал: «Доволя простоту своего быта почти до бедности, относясь ко всему прямо, Даль легко сходилась с простонародьем и приобрел его доверие, необходимое для этнографических наблюдений».¹³ О том, что он сообщал Пушкину собранные им свидетельства, читаем в «Воспоминаниях о Пушкине», о том же говорит и запись в дневнике Даля по поводу записанного им предания о самозванном царе Петре Федоровиче: «<...> еще пугачевщина, которую я не успел сообщить Пушкину во-время».¹⁴ Факты, сообщенные Далем, вошли в исторический труд Пушкина, а пословицы, песни, предания ярко отразились в романе «Капитанская дочка». Сколь обширны были собранные Далем материалы, свидетельствует и совет, данный ему Пушкиным — немедленно написать роман.¹⁵

За месяц до приезда Пушкина в Оренбург Даль был отослан Перовским в длительную командировку в «земли войска Уральского» и на обратном пути проехал из Уральска в Оренбург той же дорогой, что и две недели спустя, сопровождая Пушкина в Уральск. Как известно, у Даля нет упоминаний о совместной с Пушкиным поездке в Уральск. Возможно, это было вызвано тем, что сам Пушкин держал в тайне и план своего путешествия, и его конечную цель — поездку в Уральск. Тем не менее, есть немало доказательств того, что Даль все же ездил с поэтом в Уральск, наиболее полно они приведены в статье Ю.П.Фесенко «Сентябрь 1833 г. А.С.Пушкин и В.И.Даль».¹⁶ Есть и свидетельства современников о том, что «Даль сопровождал поэта по станицам и крепостям и указывал ему места пугачевских становищ и погромов».¹⁷ Л.Н.Майков также считал, что «Даль провел с Пушкиным неразлучно пять дней с 18 по 23 сентября 1833 г.».¹⁸

Надо полагать, что именно помощь Даля, хорошо знавшего местность и местные обычаи, дала возможность Пушкину в очень короткие сроки собрать ценнейшие сведения о крестьянском восстании и во многом определила успех пушкинской экспедиции.

Примером Далевского умолчания и осторожности является строка из его «Воспоминаний о Пушкине»: «Пушкин <...> остановился в загородном доме у военного губернатора В.Ал.Перовского, а на другой день перевез я его оттуда <...>».¹⁹

Возникает естественный вопрос: перевез куда? Впоследствии в писарской копии «Воспоминаний» было обнаружено пропущенное Далем словосочетание «к себе».²⁰ Очевидно, всей правды до конца Владимир Иванович написать не мог: он знал, что после отъезда Пушкина Перовский получил предписание установить за поэтом полицейский надзор. Даль, конечно, знал и о том ответе, который дал Перовский: губернатор лично поручился за Пушкина, сообщив, что тот останавливался в его доме. Имеется и свидетельство П.И.Бартенева: «В доме генерал-губернатора Пушкину было не совсем

ловко, и он перешел к Далю».²¹ В доме Даля поэту, несомненно, было удобнее, ведь Даль был полностью посвящен в его планы, их объединяли общая работа и общее отношение к личности Пугачева, как к истинно народному герою.

В доме Даля Пушкин окупился в поэтическую атмосферу народной музыки и песни. Жена Даля Юлия разделяла интересы мужа, дуэтом они исполняли народные песни. Одна из любимых песен Даля — песня разбойника Каина «Не шуми, мати зеленая дубравушка» — заняла центральное положение в романе «Капитанская дочка» и стала любимой песней Пугачева.²²

Из воспоминаний Владимира Ивановича узнаем, что в Оренбурге между ним и Пушкиным установились глубокое, искреннее взаимопонимание и откровенность. По словам Даля, он увидел перед собою не только поэта, но и человека. Майков писал о взаимоотношениях Пушкина и Даля: «Пушкин дорожил теми счастливыми минутами, когда мог свободно отдаваться <...> живой беседе с людьми, способными возвыситься до глубоких созерцаний его мысли. Он искал таких людей не только среди старых приятелей, но и между новыми знакомыми, с которыми сводили его обстоятельства».²³ Современники часто вспоминали, каким разным бывал Пушкин, Даль увидел его в момент творческого подъема, когда поэт отдавался работе своего воображения. В письме к жене Пушкин пишет «А уж чувствую, что дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю, что же будет в постеле?» (XV, 81). Это состояние поэта точно описано Далем: «Пушкин потом воспламенился в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого <...>».²⁴

Характеристики, данные Далем Пушкину, показывают, что он был процищательнее, чем многие современники, даже те, кто стоял близко к поэту. Прежде всего, это замечание Даля о художественном методе Пушкина. В то время, как многие думали, что поэт не был способен к постоянному напряженному труду, что сочинял он легко и быстро, Даль писал: «<...> два редкие качества соединялись в Пушкине <пылкий дух поэта и думное, творческое долготерпение художника> как две крайности, два полюса, которые дополняют друг друга и составляют одно целое».²⁵

Современники поэта считали, что в 30-е гг. талант Пушкина оскудел, что он растрчивает себя понапрасну в вихре светской жизни и что это вредное влияние губительно сказывается на судьбе его гения. Даль, напротив, понимал, как трудны были те творческие задачи, которые ставил перед собой Пушкин в те годы, как напряженна была духовная работа поэта. Даль видел, что пора полного расцвета и зрелости наступила для Пушкина именно в эти поздние годы. Так смотрел на себя и сам Пушкин.

Любовь к живому русскому языку и глубокое понимание русского народа стали основой дружбы Пушкина и Даля. Однако этим она не исчерпывается — их сближало чувство ответственности за отечественную словесность и неудовлетворенность состоянием современного литературного языка. Пушкин и Даль одними из первых почувствовали необходимость изменения в литературном языке и желание преобразовывать его. Н.В. Гоголь писал: «В Пушкине сошлись все усилия его предшественников и современников. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила, гибкость нашего языка. Он более всех, далее всех раздвинул ему границы и показал все его пространство».²⁶

Если Пушкин «раздвинул границы языка», то Даль, по крупицам собирая словарные запасы, готовил его «золотое обеспечение». В своих многочисленных статьях о русском языке Даль убеждал, что язык рождается только в недрах народа, и призывал изучать его во всех видах и в полном богатстве. В «Напутном слове» — предисловии к «Толковому словарю живого великорусского языка» — он выступал против «обрусевшего по виду между пишущей братией латино-французско-английского языка», несообразного с устной речью простого русского человека. Он считал, что «народные слова наши прямо могут переходить в письменный язык, никогда не оскорбляя его грубостью, а, напротив, всегда направляя его в природную колею, из которой он у нас соскочил, как паровоз с рельсов».²⁷ В беседах с Пушкиным Даль, очевидно, делился с поэтом своими взглядами на литературный язык и находил его одобрение и поддержку. В предисловии к одной из своих статей о русском языке Даль писал: «Повод к этой статейке подал разговор с одним из самых уважаемых и заслуженных писателей наших, которому, однако же, не менее того переданное здесь показалось было сначала довольно странным; между тем под конец довольно продолжительной вечерней беседы думное чело его просветилось, доступное всему изящному и истинному, сердце перешло вполне на сторону убеждающего и несколько раз повторенное: “Напишите-ка это, напишите это, выйдет хорошая, дельная статья”, — подало повод к изложению мыслей этих на бумаге».²⁸

Обеспечить народному языку законное место в жизни общества — в этом видел Даль завещанное ему Пушкиным их общее дело.

Все сказанное выше должно опровергнуть устойчивое мнение о том, что Даль не был коротко знаком с Пушкиным, и доказывает, что его дружеские отношения с поэтом сложились задолго до момента их последней встречи. Даль у постели умирающего поэта — друг и близкий ему человек. К.К. Данзас вспоминал: «Пушкин впускал к себе только самых коротких своих знакомых».²⁹ Видеть Даля — таково было, несомненно, желание самого Пушкина: «Пушкин просил его войти и, встречая его, сказал: “Мне приятно вас видеть не только как врача, но и как родного мне человека по нашему общему литературному ремеслу”».³⁰ Даль оказался близким и нужным Пушкину человеком, единственным врачом, кто имел «более надежды, чем другие».³¹ Таким вдруг увидели его и современники — другом, «ангелом-хранителем», В.А. Жуковский включил его в список людей, кому единственно можно доверять описание смерти Пушкина.

Смерть Пушкина Владимир Иванович Даль считал самым драматичным и поворотным моментом своей жизни. Живя в Нижнем Новгороде, он рассказывал о последних минутах великого поэта Дмитрию Завалишину и Ивану Пушину, вернувшимся из сибирской ссылки, рассказывал об этом своим молодым друзьям и, конечно, своим дочерям и сыну Льву, с которым был особенно близок. Свято относился Даль к дорогим пушкинским подаркам: простреленному сюртуку «выползине» и перстню-талисмани, о котором он писал В.Ф. Одоевскому: «Перстень Пушкина, который звал он, не знаю почему — талисманом, для меня теперь настоящий талисман — <...> как гляну на него, так и пробежит по мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное».³²

Показательно, что в конце XIX в. история взаимоотношений Пушкина и Даля нашла отражение в иконописном искусстве. В коллекции Музея истории религии в Санкт-Петербурге находится икона неизвестного художника «Пушкин и Даль в образе святых Касьмы и Дамиана». Изучением ее истории занималась Л.Грейцер в 1937 г.³³ Несмотря на резкий, антирелигиозный тон ее исследования и негативное отношение к иконе как попытке канонизации Пушкина, эта работа содержит интересные фактические данные об иконе, которые и сегодня являются основой для ее атрибуции.

Икона поступила в фонды музея в 1936 г. из «Интуриста» — организации, занимавшейся вывозом и конфискацией антиквариата. Хранители иконы в музее высказывают предположение, что она была задержана на таможне при попытке вывоза за границу.

Икона датируется 1872 г. (это год смерти Даля), такая датировка была подтверждена и экспертами Третьяковской галереи. Небольшая по размеру — 26 x 22 см — икона написана на высоком художественном уровне. В левой фигуре св. Касьмы узнаем Пушкина с крестом Иоанна Предтечи в поднятой правой руке, левой рукой он направляет к кресту старца Дамиана, в облике которого узнаем Даля таким, каким он изображен на портрете работы художника В.Г.Перова, то есть в конце своей жизни в возрасте 71-го года. Таким образом, Пушкин изображен в том возрасте, когда он умер, а Даль — в том возрасте, когда он принял православие, перед самой смертью.

Автором ее предположительно считают сына Даля Льва Владимировича, талантливого художника и академика архитектуры, первооткрывателя памятников русского деревянного зодчества, автора многих исследований по истории искусств. Он был одним из строителей храма Христа Спасителя в Москве и церкви Касьмы и Дамиана в Нижнем Новгороде. Возможно, икона первоначально и была написана художником для церкви Касьмы и Дамиана.

Л.Грейцер возмущалась тенденциозностью и надуманностью сюжета иконы, она обвиняла Даля в ханжестве, в попытке «присвоить Пушкина», в том, что он «выступил на стороне клерикальных и монархических кругов с целью уверить общественное мнение в религиозных настроениях поэта».³⁴ Однако, зная о чрезвычайной скромности Владимира Ивановича, невозможно и предположить, что он когда-либо афишировал свою близость с Пушкиным. Кроме того, Даль не мог «в угоду реакции» уверять общественное мнение в религиозных чувствах поэта, так как он неотступно находился рядом с умирающим Пушкиным и был свидетелем того, что тот добровольно исполнил перед смертью свой христианский долг.

Владимир Иванович никогда и нигде не говорил о том, что Пушкин повлиял на его решение перейти в православие. При глубокой внутренней религиозности, аскетичности своего быта и подвижничестве в работе Даль был сдержан в проявлении своих религиозных чувств. Однажды в Нижнем Новгороде произошел любопытный разговор между Далем и пастором его приходской церкви. Пастор спросил его, почему он не ходит в храм. Даль ответил, что посещение церкви — дело совести каждого. На это пастор возразил, что в этом случае будут ущемлены его личные материальные интересы. Тогда Даль достал сто рублей, вручил их святому отцу и сказал: «Ну

вот я и исполнил обязанности прихожанина». ³⁵ Сам факт принятия православия непосредственно перед смертью он объяснял так: «Надо и о детях порадовать. Православное кладбище от нас — рукой подать, а каково бы им было тащить меня через всю Москву на немецкое?». ³⁶

В своей статье Л.Грейцер продемонстрировала чрезвычайно узкое, в духе своего времени, понимание иконы, не учитывая ее символического смысла. То, что сюжет иконы исходит из семьи В.И.Даля, говорит, как именно сам Владимир Иванович смотрел на свое духовное «братание» с Пушкиным (икона изображает двух братьев), которое он понимал не в узком религиозно-мистическом, а в символическом смысле, считая Пушкина своим Учителем и Предтечей (на это указывает крест Иоанна Предтечи в руке Пушкина).

Всю жизнь Даль свято чтит и боготворил память о Пушкине. Об этом хорошо знали его дети. Для них имена отца и Пушкина всегда стояли рядом. В этом, возможно, еще одна причина изображения Даля и Пушкина в виде двух братьев, в житии которых художник мог увидеть общие черты с биографиями реальных героев.

Если икона была написана в память о Дале и, к тому же, для церкви в Нижнем Новгороде, где долгие годы жил и работал писатель, то естественно желание художника связать образ св. Дамиана с образом Даля. Касьяма и Дамиан почитались как врачи-чудотворцы, совершавшие благие деяния. Владимир Иванович был талантливым врачом и до конца своих дней, несмотря на занятость, не прекращал своей врачебной практики. Но в памяти потомков он, прежде всего, остался врачом Пушкина, который был с ним до последнего вздоха, облегчая его предсмертные страдания. Касьму и Дамиана называли врачами-бессеребренниками, или безмездными врачами. В семье Даля хорошо знали, что отец никогда не брал платы со своих пациентов. Еще в молодости он дал зарок, что как только служба даст ему достаточные средства к существованию, он будет лечить людей бесплатно. Со времени своей службы в Оренбурге Даль ни разу не изменил этой клятве и очень обижался, если больные предлагали ему деньги за лечение.

В народной традиции свв. Касьму и Дамиана почитали как покровителей ремесел и рукоделия. Известно, что Владимир Иванович был прекрасным плотником и строителем. Он любил работать в своей мастерской, в Оренбурге своими руками построил дом для семьи. С детства мать научила его, наравне с сестрами, искусно вышивать, владея с одинаковым мастерством как правой, так и левой рукой. Впоследствии Даль вспоминал, что выработанная рукоделием ловкость пальцев очень помогла ему в работе хирурга, где от быстроты и ловкости рук зависел исход операции.

Святые братья также покровительствовали просвещению и учению, к ним обращались с молитвой о «прозрении разума к учению», а просветительская роль как Пушкина, так и Даля была несомненна. Даль был не только писателем, но и филологом, этнографом, историком, археологом, ботаником, натуралистом и статистиком. Он был почетным членом Академии наук и одним из создателей Русского Географического общества. Даль вошел в историю России как автор «Толкового словаря живого великорусского языка». Просветительским подвигом можно назвать его полувековой труд над этим произведением, идею которого подал ему Пушкин.

На наш взгляд, сюжет иконы является отражением воспоминаний Даля о Пушкине — его слов из знаменитой записки «Смерть А.С.Пушкина»: «и побратался с ним не для здешнего мира». Таким образом, икона не имела ничего общего с попытками клерикальных кругов «канонизировать Пушкина» и объявить его предтечей, убедившей В.И.Даля принять православие. Она свидетельствовала не столько об акте верования Далем в православие, сколько о связанном со смертью Пушкина глубоком душевном переживании, повлиявшем на всю его дальнейшую жизнь и творчество. Эмоциональная сила и выразительность воспоминаний Даля позволила им воплотиться в жанре иконы.

¹ Даль В.И. Воспоминания о Пушкине//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 226.

² Грот Я.К. Воспоминания о В.И.Дале//Грот Я.К. Труды. Т. 3. СПб., 1901. С. 399.

³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 312.

⁴ Даль В.И. Смерть А.С.Пушкина//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 229.

⁵ Там же.

⁶ Майков Л. Пушкин и Даль//Русский вестник, 1890, № 10. С. 3.

⁷ Даль В.И. Полтора слова о нынешнем русском языке//Москвитянин, 1842. Кн. II. С. 550.

⁸ Там же. С. 540.

⁹ Абрамович С.Л. Пушкин в 1833 году. Хроника. М., 1994. С. 220.

¹⁰ Грот Я.К. Воспоминания... С. 396.

¹¹ Там же. С. 397.

¹² Даль В.И. Воспоминания о Пушкине... С. 222.

¹³ Баргенов П.И. В.И.Даль//Русский Архив, 1872, № 1. С. 2027.

¹⁴ Порудоминский В. Даль. М., 1971. С. 155 (Жизнь замечат. людей)

¹⁵ Даль В.И. Воспоминания о Пушкине... С. 224.

¹⁶ Временник Пушкинской комиссии. Вып. 24. Л., 1991. С. 104—116.

¹⁷ Юдин П.Л. Памяти Пушкина. Некоторые подробности его пребывания в Оренбурге//Русский Архив, 1899, № 5. С. 138.

¹⁸ Майков Л. Указ. соч. С. 15.

¹⁹ Даль В.И. Воспоминания о Пушкине... С. 222.

²⁰ См.: Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов, 1956. С. 43.

²¹ В.И.Даль по записи П.И.Баргенова//Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей, П.И.Баргеновым. Л., 1925. С. 21.

²² См.: Фесенко Ю.П. Две заметки о Пушкине и Дале//Временник Пушкинской комиссии. Вып. 25. СПб., 1993. С. 159.

²³ Майков Л. Указ. соч. С. 3.

²⁴ Даль В.И. Воспоминания о Пушкине... С. 224.

²⁵ Там же. С. 224.

²⁶ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 381.

²⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. Изд. «Общества любителей российской словесности», 1861. С. 8.

²⁸ Цитата приведена по кн.: Бессараб М. Владимир Даль. М., 1972. С. 90.

²⁹ Данзас К.К. Последние дни жизни и кончина А.С.Пушкина в записи А.Амосова//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 331.

³⁰ Там же. С. 332.

³¹ Там же.

³² Письмо В.И.Даля В.Ф.Одоевскому. Оренбург, 5 апр. 1837 г.//Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 145.

³³ Грейцер Л. Попытка канонизации Пушкина//Антирелигиозник, 1937, № 1. С. 44—50.

³⁴ Там же. С. 48.

³⁵ Бессараб М. Владимир Даль. М., 1972. С. 169—170.

³⁶ Там же. С. 260.

В.П.Старк

ЗАПИСКА ПУШКИНА К БАРОНУ ГЕККЕРНУ

К онецом 1835 — 1836 гг. датируется в Большом академическом собрании сочинений Пушкина письмо неизвестному, впервые описаное В.Е.Якушкиным в 1881 г. в «Русской старине» (Т. XLIV. С. 540) и опубликованное Н.В.Измайловым во «Временнике Пушкинской комиссии» в 1936 г. (Вып. 2. М.; Л., 1936. С. 425), спустя 100 лет после его написания. Его автограф и подробное описание даны в книге «Рукою Пушкина» (М.; Л., 1935) между страницами 108 и 109. В новом издании книги «Рукою Пушкина» (1997) полностью повторен текст первого ее издания и на странице 105 представлен автограф.

Текст письма занимает нижнюю половину листа с записями арабских букв с их пояснениями, которые Якушкин в своей публикации обозначил так: «Написаны несколько арабских букв с переводом и объяснениями». На нижней половине листа уже без всяких пояснений воспроизведены, возможно для упражнения, несколько арабских букв столбцом с большими промежутками, именно поверх них написан черновик письма к неизвестному. Некоторые слова остались неразобранными, часть слов Пушкиным недописано. Последний слой черновика с раскрытием недописанных букв дает следующий текст:

Mons<ieur> le Ba<ron>

Ma f<emme> et mes b<elles-soeurs> ne manqueront pas de se rendre a l'invita<tion> de V<otre> Exce<llence>

Je m'empresse de profiter de cette <occasion> pour vous presenter l'ho<mmage> de m<on respect>

Перевод:

Барон.

Жена моя и свояченицы не преминут явиться на приглашение Вашего сиятельства.

Спешу воспользоваться этим случаем, чтобы заверить вас в своем уважении.

В книге «Рукою Пушкина» следующим образом обосновывается датировка записи арабских букв, а вместе с нею и «черновой текст французского письма, обращенного, вероятно, к Геккерену»: «Датируется запись араб-

ских букв временем не ранее июня 1836 г., потому что она сделана на бумаге, которой Пушкин стал пользоваться с этого времени. Может быть, безошибочно будет отнести запись к ноябрю 1836 г.— январю 1837 г., по соседству ее с письмом к Геккерену». Высказавшись впервые по поводу адресата записки, автор комментария замечает: «Волнующее впечатление производит сопоставление этих двух текстов. Очевидно, одним из средств отрезвиться от мучительной действительности в последние месяцы жизни Пушкина было для него такое отвлекающее занятие, как изучение арабских букв».

Н.В.Измайлов, публикуя это письмо, соглашается с выдвинутой датировкой, «основанной на тщательном изучении бумаги», но вносит, как он выражается, «некоторые коррективы к последним замечаниям комментатора». Сообщив, что это «неизданное письмо будет напечатано в IV томе “Писем Пушкина” (начатых под ред. Б.Л.Модзалевского)», исследователь пишет: «Это — очень официальная, очень банальная светская записка, обращенная к какому-то высокопоставленному барону, быть может из дипломатического мира (на это как будто указывает титулование “Votre Excellence”). Пушкин благодарит за приглашение на бал или иное собрание своей жены, Наталии Николаевны, и ее сестер (его “belles-soeurs”) Александрины и Екатерины Гончаровых. Если записка обращена к Геккерену, то никак не между ноябрем 1836 и январем 1837 г., а во всяком случае раньше, до их разрыва — летом или ранней осенью 1836 г., и ничего, таким образом, “волнующего” или психологически значительного в ее соседстве с арабскими буквами нет. Но еще вероятнее, что она обращена не к бар. Геккерену, а к кому-нибудь другому — французскому послу барону Баранту, саксонскому посланнику барону Люцероде, с которым Пушкин был хорошо знаком, или к иному русскому барону, одному из многочисленных баронов петербургского света. Материала для более точного определения адресата, а также для более точной датировки, записка не дает».¹

Как ни странно, высказанные знаменитым пушкинистом замечания не были учтены во 2-м, дополненном издании книги «Рукою Пушкина» (1997). К тому же за прошедшие с тех пор 60 лет появились новые материалы, которых как раз не хватало Измайлову для того, чтобы высказаться более определенно, а труд С.Л.Абрамович «Пушкин. Последний год. Хроника. Январь 1836 — январь 1837» позволяет сделать попытку найти место этой записке и уточнить имя ее адресата.

Прежде всего круг адресатов должен быть ограничен баронами, принадлежащими к главам дипломатических представительств в Петербурге, ибо, как справедливо заметил Измайлов, только в письмах к ним Пушкин мог применить обращение «Votre Excellence» и столь официальный тон, который вряд ли бы применил в обращении к своим соотечественникам. К тому же круг знакомых Пушкину баронов весьма ограничен, а тех, кто держал открытый дом и к кому применимо обращение, адекват которого в русском языке составляет «Ваше превосходительство», и вовсе мал. Перевод в Большом академическом собрании сочинений Пушкина: «Ваше сиятельство», — не совсем точен в данной ситуации, скорее следовало бы перевести именно «Ваше превосходительство», как это сделано в аналогичном случае в письме Пушкина к барону де Баранту (см. письмо от 16 декабря 1836 г.— XVI, 199,

401). Следует учесть и то, что, в соответствии с общепринятыми светскими нормами, Пушкин не мог отпустить свою жену и незамужних своячениц в дом, где сам не был принят.

Строго говоря, всем этим условиям отвечает из соотечественников Пушкина только барон Егор Федорович Мейндорф (1792—1879), генерал-майор, командир лейб-гвардии Конного полка. У них на балу был, к примеру, Пушкин 17 декабря 1836 г., о чем сохранились дневниковые записи Д.Е. Келера, воспитанника Лицея (IV курс, 1820—1826). Пушкин, собственно, и приехал к Мейндорфу вовсе не танцевать, а познакомиться с Келером, переводившим тогда записки Патрика Гордона, сподвижника Петра I. Все, что касалось личности первого русского императора, тогда особенно занимало Пушкина, работавшего над его историей. Судя по свидетельству Келера, общение между Пушкиным и Мейндорфом носило весьма непринужденный характер, не соответствующий тому официальному тону, которым написана интересующая нас записка.

К списку глав дипломатических представительств, носивших баронский титул, помимо нидерландского посланника барона Геккерна и указанных Измайловым французского посланника барона де Баранта и саксонского — барона Люцероде, следует добавить еще прусского посланника барона Либермана.

Барон Август Либерман (Liebergmann) — прусский посланник в Петербурге с ноября 1835 по 1845 гг. Существует всего одно свидетельство встречи Пушкина с Либерманом, к тому же не у последнего, а в третьем доме. А.И.Тургенев в своем дневнике записал 6 января 1836 г. о вечере у австрийского посла графа Фикельмона: «<...> в 10 час. вечера отправился к Фикельмону: там любопытный разговор наш с Пушкин. Барантом, кн. Вязем-м <...> с Либерманом о Минье».² Через несколько дней, 9 января, Тургенев писал в Москву К.Я.Булгакову о том же «восхитительном вечере» у Фикельмона: «Образовался маленький кружок, состоявший из Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского посла и вашего покорного слуги <...>».³

Еще одно весьма характерное упоминание о Либермане встречается в отчете барона Карла Люцероде своему непосредственному начальнику саксонскому статс-секретарю Зешау о дуэли и смерти Пушкина, писавшего об отсутствии на отпевании поэта «г. Либермана, отклонившего приглашение вследствие того, что ему сказали, что названный писатель подозревался в либерализме в юности, бывшей, действительно, весьма бурною, как молодость многих гениев, подобных ему».⁴ Судя по этому отзыву, Либерман только в связи со смертью Пушкина собрал о нем сведения, а значит не принимал его в своем доме. В том случае, если бы они обменивались визитами, то отказаться от приглашения прибыть на отпевание Пушкина Либерман ни в коем случае не мог бы, не нарушив приличий, что дипломат себе позволить не имел права. Следовательно, он не мог быть адресатом записки Пушкина, которая подразумевает их общение домами.

Барон Карл Август Люцероде (Lutzerode; 1794—1864) — саксонский посланник в Петербурге с октября 1832 по 1840 гг., писатель и переводчик, в том числе стихотворений Пушкина. В качестве не только дипломата, но и писателя, он принимал участие в литературной жизни столицы, встречаясь при этом с Пушкиным. Так, они были 14 июля 1833 г. на обеде, устроен-

ном в честь И.И.Дмитриева, вместе с Пушкиным участвовали в подписке на памятник Н.М.Карамзину на его родине в Симбирске. Сохранился любопытный отзыв об отношении Люцероде к Пушкину в письме казанской поэтессы А.А.Фукс на имя поэта от 20 января 1834 г.: «Я решила послать вам стихи <...> в С. Петербург на имя барона Люцероде, который уважая вас так много, верно не сочтет за труд передать вам мою посылку». Люцероде и Пушкин встречались в общих домах у Вяземских, Карамзиных и Мещерских, чему есть свидетельства. В библиотеке Пушкина сохранилась визитная карточка Люцероде. В своем донесении правительству о дуэли и смерти Пушкина, он назвал его после И.В.Гете и Д.Г.Байрона «первым поэтом современной эпохи». ⁵ Он даже отменил в день отпевания Пушкина назначенный у него танцевальный вечер, как писал об этом В.А.Жуковский в известном письме отцу поэта С.Л.Пушкину: «Люцероде, саксонский посланник, сказал собравшимся у него гостям в Понедельник ввечеру: нынче у меня танцовать не будут, нынче похороны Пушкина». ⁶ Этот печальный день приходился на понедельник, когда Люцероде еженедельно устраивал у себя вечера, на которые не требовалось особого приглашения и всякий мог приехать на них. В письмах Карамзиных несколько раз встречаются упоминания о «понедельниках» Люцероде. О вечере 23 ноября 1836 г. пишет С.Н.Карамзина: «<...> мы поехали закончить вечер у Люцероде, где, к большому удивлению, застали весь город припрыгивающим под звуки фортепиано в гостиной вдвое меньше нашей. Как любит танцевать в Петербурге! Это прямо какое-то бешенство: Люцероде собирает у себя по понедельникам едва по двадцати человек; на этот раз, услышав, что у них будут танцы, вся аристократическая толпа наших гостиных ринулась туда, теснясь в своего рода русской бане, и, если не считать ощущения удушья, очень веселились». ⁷

В понедельник 18 января 1837 г. Люцероде устроил танцевальный вечер в честь «новобрачных Геккернов», на который приехала Н.Н.Пушкина, где с нею беседовал А.И.Тургенев, записавший в своем дневнике о вечере у «Люцероде, где долго говорил с Нат. Пушкиной и она от всего сердца <...>». ⁸ С.Л.Абрамович указывает в «Хронике» под 18 января 1837 г.: «Вечером Пушкин с женой у саксонского посланника Люцероде. Предполагалось, что будет раут, но, как сообщил Вяземский в письме к Мусиной-Пушкиной, в честь молодых Геккернов были устроены танцы». ⁹ П.А.Вяземский писал: «Вечером я отправился к графине Мари.<...> Я оставался там до полуночи, а в полночь поехал к Люцероде, которые устроили вечер для молодых Геккернов. Вечер был довольно обычный, народу было мало». ¹⁰

Таким образом существует два свидетельства о вечере у Люцероде 18 января 1837 г., в первом прямо говорится о присутствии на вечере Наталии Николаевны, но ни в одном из них нет указания на то, что Пушкин также был в этот вечер у саксонского посланника.

Действительно, представляется маловероятным, чтобы Пушкин мог отпустить жену одну на вечер с танцами, на котором заведомо должен был присутствовать Дантес, однако несомненных тому свидетельств нет. Если учесть, что намерение превратить обычный раут в танцевальный вечер возникло в последний момент, то не исключено, что Пушкин и отпустил дам одних. Однако в любом случае интересующая нас записка никак не может

относиться к этому дню, так как после свадьбы Дантеса и Екатерины Гончаровой он мог распорядиться судьбою только одной свояченицы — Александрины.

Н.В.Измайлову тогда, когда он выражал свое сомнение в отношении Геккерена в качестве адресата пушкинской записки, не было известно такого источника, как письма Карамзиных (так называемая «тагильская находка»), обнаруженные в 1954 г. и напечатанные в 1960 г. В письме Александра Николаевича Карамзина брату Андрею за границу от 30 сентября 1836 г. встречается указание на интересующий нас вечер у Геккерена: «Вчера еще я был на музыкальном вечере у Геккерена, где меня представили госпоже Сухозанет <...> Наконец, я отдохнул в кругу Гончаровых <...>».¹¹ Это был музыкальный домашний концерт гастролировавшего тогда в Петербурге бельгийского скрипача Иосифа Арто, на который были приглашены великосветские знакомые Геккерена и Дантеса. Включив это сообщение в свою «Хронику», С.Л.Абрамович резонно заметила: «По всей вероятности, на этом вечере была и Наталия Николаевна, так как Александрина и Екатерина Гончаровы не выезжали без своей замужней сестры».¹² Выражение, употребленное А.Н.Карамзиным — «в кругу Гончаровых», — подтверждает это предположение, ибо только три сестры могли составить круг. Никаких других вечеров или балов в доме вообще какого-либо барона, где были бы Гончаровы, да еще без Пушкина, эта подробная летопись жизни Пушкина не фиксирует, и нам о таковых ничего неизвестно.

Но даже если считать, что адресат записки именно Геккерен, что наиболее вероятно, то следует уточнить, не могла ли она относиться к другому времени и другому визиту сестер Гончаровых в его дом.

В пользу того, что речь в записке Пушкина идет именно об этом вечере 29 сентября, говорит то, что само время подобного визита хронологически ограничено. Не говоря уже о том, что по характеру бумаги записка не могла быть написана раньше июня 1836 г., следует учесть, что и Наталия Николаевна почти все лето после рождения 23 мая младшей дочери не покидала дачи. Так, 27 июня 1827 г., когда крестили новорожденную, П.А.Вяземский писал жене: «Разве для крестин покажется жена его, а то все еще сидит у себя наверху. Вижу и кланяюсь с нею только через окошко».¹³

В 1-й половине июля Наталия Николаевна начнет выезжать, но сезон балов еще не наступил, так как гвардия пока на маневрах. Первый раз Пушкины всем семейством выехали 13 июля, проведя вечер у графини Лаваль. На другой день Екатерина написала брату Дмитрию: «Наши острова еще очень мало оживлены из-за маневров; они кончаются четвертого, и тогда начнутся балы на Водах и танцевальные вечера, а сейчас у нас только говорильные вечера, на них можно умереть со скуки. Вчера у нас был такой у графини Лаваль, где мы едва не отдали Богу души от скуки <...>».¹⁴

По-настоящему в свете Наталия Николаевна появилась лишь 31 июля в Красном Селе, да и то в трауре по свекрови, на традиционном празднике в честь окончания маневров. В этот день ее впервые после долгого перерыва мог видеть Дантес, но и то ни она, ни сестры не танцевали, «а провели весь вечер в избе у окна, слушая, как играет духовой оркестр кавалергардов».¹⁵

С начала августа Гончаровы должны были появляться на вечерах, которые устраивать на Островах могли только представители высшей знати, вла-

дельцы собственных дач. Барон Геккерн к их числу не принадлежал и устраивать вечера мог только в Петербурге. Пушкины перебрались с дачи на Каменном острове в город на новую квартиру в дом княгини С.Г.Волконской 12 или 13 сентября, судя по сообщению Екатерины в письме брату от 15 сентября: «Вот уже три дня как мы вернулись в город <...>».¹⁶

Через два дня, 17 сентября, Пушкин с женой и свояченицей отправляются в Царское Село на празднование именин Софьи Николаевны Карамзиной. Именинница писала брату: «<...> среди гостей был Пушкин с женой и Гончаровыми (все три — ослепительные изяществом, красотой и невообразимыми талиями), мои братья, Дантес, А.Голицын, Аркадий и Шарль Россет <...>». Список гостей оказался весьма длинным, и, по ее мнению, «получился настоящий бал, и очень веселый, если судить по лицам гостей, всех, за исключением Александра Пушкина, который все грустен, задумчив и чем-то озабочен». Наблюдательная С.Н.Карамзина замечает: «Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останивается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает все те же штуки, что и прежде — не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой в конце концов все же танцевал мазурку. Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них в дверях, молчаливый, бледный и угрожающий».¹⁷

В середине октября, когда ухаживания Дантеса за Наталией Николаевной стали предметом светских пересудов, Пушкин бы ни за что не отпустил Наталию Николаевну в дом Геккерна, тем более, если сам поехать не мог.

Таким образом, интересующую нас записку следует, учитывая все изложенное выше, адресовать барону Геккерну и датировать ее двадцатыми числами сентября 1836 г. (ок. 29 сентября).

¹ Козмин Н.К., Гессен С.Я., Измайлов Н.В., Казанский Б.В., Язловский Б. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты/Подг. к печати и коммент. М.А.Цявловский, Б.Л.Модзалевский, Т.Г.Зенгер. М.; Л., 1935; Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.; Л., 1936. С. 425.

² Шеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928. С. 284.

³ Московский пушкинист: Статьи и материалы. Вып. 1. М., 1927. С. 34.

⁴ Шеголев П.Е. Указ. соч. С. 398.

⁵ Там же. С. 396.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960. С. 142.

⁸ Шеголев П.Е. Указ. соч. С. 288.

⁹ Абрамович С.Л. Пушкин. Последний год. Хроника. Январь 1836 — январь 1837. С. 507

¹⁰ Нева, 1982, № 6. С. 101.

¹¹ Пушкин в письмах Карамзиных... С. 116—117.

¹² Абрамович С.Л. Указ. соч. С. 351.

¹³ Лит. наследство. Т. 16/18. М., 1934. С. 809.

¹⁴ Ободовская И.М., Дементьева М.А. Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н.Н.Пушкиной и ее сестер Е.Н. и А.Н.Гончаровых. 2-е изд., доп. М., 1978. С. 240.

¹⁵ Шеголев П.Е. Указ. соч. С. 243.

¹⁶ Там же. С. 247.

¹⁷ Пушкин в письмах Карамзиных... С. 108—109.

СРЕДЬ НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Е.А. Вильк

«ТРАГИЧЕСКОЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Характерной чертой русской философии XIX — начала XX вв. является ее органическая связь с литературной критикой.¹ В полной мере это справедливо и для философского движения Серебряного века, породившего целую плеяду мыслителей, с именами которых обычно связывается сам феномен (внутренне вовсе не однородный) особой «русской философии».

В этих обширных пересечениях философии и литературной критики начала века видное место занимает философская пушкиниана. Связь частной литературно-эстетической проблемы и философской проблематики, касающейся природы человека и культуры, в рамках философской пушкинианы была особенно тесной и, с позиции ее авторов, внутренне глубоко оправданной. Оправданной по крайней мере тем, что при всем различии высказанных в ту эпоху мнений о Пушкине, практически все критики вслед за А.А. Григорьевым, Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским продолжали воспринимать явление Пушкина как одно из центральных событий в духовной жизни России и высшее выражение всего ее творческого потенциала. С наибольшим пафосом мысль эта была высказана Антоном Карташовым, утверждавшим, что в творчестве Пушкина «произошло нечто сверхлитературное, свершилось некое событие, неложное достижение в истории русской культуры. <...> Россия увидела свое прекрасное, идеальное величие в зеркале Пушкина. И признала, что сверхчеловеческое слово Пушкина есть ее слово о себе самой. <...> Пушкин таинственно стал alter ego России, — ее другим «я»».² Такого рода установка делала суждения о Пушкине предельно ответственными и многозначными, предполагая выводы, распространяющиеся на самый широкий круг явлений русской культуры, на ее глубинные основания.

Идеи философской пушкинианы начала века, подхваченные мыслителями первой волны русской эмиграции, стали вновь открытой и все еще открываемой «территорией» пушкиноведения.³ Не столько готовые решения и завершенные формулировки, сколько сформированное проблемное поле, перспективы и наметки дальнейшего движения мысли — таков итог тогдашней философской дискуссии, оборванной во многом насильственно. Вновь обрести это проблемное поле — задача современной философской мысли. Но для обретения его недостаточно одной «доксографии», описания «мнений» в рамках истории философии и литературной критики, хотя без объек-

тивного учета и сопоставления высказанных мнений новая интерпретация обречена на повторение прежних логических ходов. Надлежит, вероятно, не только осмысливать высказанные прежними философами и критиками фундаментальные положения, но и вместе с ними и вслед за ними мыслить о самом пушкинском творчестве. Такой путь видится наиболее адекватным для подлинного понимания предшествующей философской мысли, представляющей в существе своем тот опыт, описать который можно, только соучаствуя в нем и пребывая в его стихии. Именно подобный путь — от анализа определенного аспекта прежней философской дискуссии, от обнаружения нерешенной проблемы и своего рода кризиса в ее решении к попытке «смены метода» в решении той же проблемы, предполагающей новое обращение к пушкинскому материалу — избран в данной работе. Преемственность в отношении традиции Серебряного века в настоящем случае связана не только с анализируемой проблемой, выдвинутой именно в то время, но и с обнаружением в рамках философской критики той эпохи основ предлагаемого «нового метода». Предметом анализа является для нас «трагическое» у Пушкина, понятие, к которому не раз и в самых ответственных высказываниях возвращалась философская критика Серебряного века.

Несмотря на то, что полемика по этому вопросу не получила предельной формульной заостренности, она тем не менее может быть обрисована достаточно отчетливо. Первичным был взгляд на пушкинское творчество, ведущий к отрицанию трагизма как некой доминанты, основополагающей для его проблематики. В этом случае стержнем, основной формулой пушкинского гения называлась обычно «простота». «Низкий уровень русской культуры — причина недовершенности пушкинской поэзии,— писал Д.С. Мережковский,— в то же время благоприятствует той особенности его поэтического темперамента, которая делает русского поэта в известном отношении единственным даже среди величайших мировых гениев. Эта особенность — простота. <...> Пушкин — единственный из новых мировых поэтов — ясен, как древние эллины, оставаясь сыном своего века».⁴ «Простота» в данном случае явно включает в себя смысл шиллеровской «наивной поэзии» — абсолютно естественной, непринужденной гармоничности поэтического мира, образцом которой служит поэзия греков (в особенности, Гомер). Неразложимая внутренняя цельность, ясность и гармоничность — неперемные качества подобной поэзии. Все они сохраняются даже при описании бурных порывов духа. Если трагический разлад каким-то образом и входит в сферу пушкинского творчества, то разлад этот все же — нечто случайное и неосознанное, «случайное» по отношению к всеразрешающей гармонии: «Отсутствие болезненного разлада, который губит таких титанов, как Байрон и Микеланджело, гармония природы и культуры, всепрощения и героизма, нового мистицизма и язычества — в Пушкине естественный и произвольный дар природы. <...> Он не сознал и не выстрадал своей гармонии».⁵ К точке зрения Д.С. Мережковского близки воззрения Василия Розанова: «Пушкин есть поэт мирового “лада”, — ладности, гармонии, согласованности и счастья <...> царь неразрушимого царства»,⁶ Петра Струве («ясный и тихий»⁷ Пушкин), Георгия Федотова («ясная цельность»⁸ Пушкина), о. Сергия Булгакова, превратившего «простоту» — в красоту и «софийность» пушкинской поэзии.⁹

Но были и решительные противники такого рода установок. Самую радикальную позицию занял Михаил Гершензон, рассматривавший поэзию Пушкина как выражение древнего, «языческого» дуализма, борьбы двух несводимых, вечных начал, которые он обозначил как «ущербность» и «полноту». ¹⁰ Трагедия у него предстает органической сущностной формой пушкинского творчества. Концепция Гершензона, несомненно, получила стимул от ницшеанских размышлений о трагедии, хотя и включала оригинальный набор идей и понятий. В непосредственно ницшеанских категориях мыслил о пушкинском творчестве Владимир Ильин, прямо писавший о том, что «простота», «равновесие и спокойствие» Пушкина — лишь обманчивая видимость, за которой разворачивается непримиримая схватка «диониссийского» хаоса и «аполлоновой» гармонии. ¹¹ И все же вторая точка зрения оказалась именно «альтернативной», точкой зрения меньшинства. Идея «простоты и ясности» могла считаться господствующей. Наличие в пушкинской поэзии «трагического» элемента продолжало ощущаться, но место его оставалось неопределенным.

Проблема эта со всей остротой обнаружила себя только «под занавес» всей философской дискуссии начала века, когда С.Л. Франк в своей книге «Этюды о Пушкине» (1933) обратился к предшествующей критике с упреком в «нечувствии» пушкинского трагизма: «Приходится все же изумляться, как мало замечен и учтен доселе именно трагический элемент поэзии Пушкина. И при том — как бы парадоксально это ни звучало — можно решительно утверждать, что чувство трагизма жизни есть, по меньшей мере, один из главных, доминирующих мотивов его поэзии». ¹² «Я дерзаю утверждать, что у Пушкина есть нечто вроде философии трагизма человеческой жизни». ¹³ Сам Франк попытался дать описание этой «философии трагизма», но ограничился лишь констатацией в пушкинском творчестве мотивов разлада человека и природы и иррациональных разрушительных сил внутри человека. По существу, сформулированная Франком проблема осталась неразрешенной и продолжает оставаться актуальной.

Если принять концепцию философской критики начала века, считавшей Пушкина таким явлением русской культуры, в котором сошлись все ее наиболее живительные лучи, то вопрос о смысле трагического начала у Пушкина становится еще более напряженным и ответственным. Как бы не определять и не уточнять саму сущность «трагического», проявлявшегося во множестве вариантов, общим для них является, по-видимому, фундаментальность противостояния человека и мира, нравственная и онтологическая несводимость их друг к другу. Заметим еще раз, что сами представления о человеке, как личности, индивидуальности, субъекте вины и ответственности могут быть совершенно разными, как и представления о мире и тех активных силах его, которые противостоят человеку. Но если перспектива трагического взгляда на мир вообще отсутствует в культуре или в творчестве крупнейшего ее представителя, это означает скорее всего, что представление о личности растворяется в идее гармонической целостности мира. Вспомним в связи с этим интерпретацию «Медного всадника», бесспорно, одного из трагичнейших произведений Пушкина, данную В.Г.Белинским: «В этой поэме мы видим горестную участь личности <...> и наше сокрушенное сочувствием сердце, вместе с несчастным готово смутиться; но вдруг взор наш, упав на изваяние

виновника нашей славы, склоняется долу <...> И смиренным сердцем признаем мы торжество общего над частным <...> мы хотя и не без содрогания сердца, но сознаем, что этот бронзовый гигант не мог уберечь участи индивидуальностей, обеспечивая участь народа и государства; что за него историческая необходимость и что его взгляд на нас есть уже его оправдание... И мерою трепета при чтении этой «Петриады» должно определяться, до какой степени вправе называться русским всякое русское сердце...».¹⁴ Нетрудно заметить, что «горестная участь» в данном случае отнюдь не трагическая участь, ибо индивидуальное и собственно человеческое растворяется в конечном итоге во «всеобщей правде», наполняющей сердце трепетом. Эта «всеобщая правда» осознавалась Белинским в связи с «прогрессистским» взглядом на историю и — более конкретно — в связи с гегелевским понятием синтеза противоречий. Но по цитате этой видно и то, как универсалистское восхищение прогрессом переливается в чисто партикулярное чувство национального величия и как эстетическое суждение и оценка переходят в широкую сферу идеологии и формируют критерий оценки и узнавания «своих». Нетрагическая гармония, понимаемая как стержневой мотив культуры, оказывается одним из путей к оправданию тоталитарного облика культуры.

По работам продолжателей традиций русской философии начала века в полной мере можно оценить тревожные последствия все той же «гармонической нетрагичности», приписываемой Пушкину и через него — всей русской культуре. Сошлемся прежде всего на таких позднейших авторов из русской эмиграции как Б.Башилов и А.Позов.¹⁵ «Но даже самое гениальное выражение человеческих страстей, — писал, например А.Позов, — не обладает значимостью, ни имеет ни субъективной, ни объективной ценности <...> Значение трагического — чисто отрицательное. Вот почему пророчески-мудрый Пушкин не останавливался подолгу на этой стороне своего творчества, не уделял ему много внимания».¹⁶ Гармоничность Пушкина связывается этими авторами, наследниками прежде всего русской религиозной философии, не с «прогрессистски» понимаемым синтезом (по Белинскому), а с имманентной составляющей русской религиозной культуры. Провозглашенная с предельным пафосом, эта тенденция, даже если оставить в стороне потенциальные политико-националистические выводы из нее, ведет к голословному превозношению Пушкина и презрительному умалению перед ним всей западной культуры, не знающей якобы истинной и совершенной гармонии (этими мотивами пронизана, в частности, книга А.Позова «Метафизика Пушкина», 1967).

Но как бы ни был тревожен и даже мучителен вопрос о наличии или отсутствии трагического видения мира в русской культуре и в пушкинском творчестве, опасения эти не должны приводить нас к пренебрежению многочисленными мнениями прежней критики, сконцентрировавшей интуицию целых поколений русских читателей, восхищавшихся именно простотой и гармоничностью Пушкина. Следует, видимо, сделать следующий шаг в понимании самой апории — «простота и гармоничность» либо «трагизм» и внутренний разлад, — наметившейся в философской критике начала века. Кажущаяся несочетаемость этих начал обусловлена тем, что «простота» неизменно понимается как некая естественная, гармоническая устроенность

мира, именно *мира*, космоса — как отголосок древней греческой поэзии, иными словами, как «наивное» в шиллеровском смысле.¹⁷ Два взгляда на мир как космос образуют апорию. Быть может, выход из тупика следует искать в том, что «простота» пушкинской поэзии имеет некую другую, не-наивную, нешиллеровскую природу.

На помощь здесь опять-таки может прийти наследие философской критики Серебряного века уже за пределами одной только философской пушкинианы. «Трагическое» было в ту эпоху, бесспорно, одной из самых притягательных и актуальных эстетических категорий. Вокруг этой темы строились многие книги и философские этюды Л.И.Шестова, Н.А.Бердяева, Г.П.Федотова, П.А.Флоренского, Ф.А.Степуна, С.Н.Булгакова, Вяч. Иванова. Именно наследие последнего вызывает в данном случае особый интерес. Хотелось бы обратить внимание не на широко известные «ницшеанско-диониссийские» концепции трагедии Вяч. Иванова, но на принципы трагедии, сформулированные им в статье «Достоевский и роман-трагедия» (1916), развитые позднее в его книге «Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика», (1932). До сих пор, кажется, не был осознан тот факт, что здесь, независимо от М.Бубера и значительно раньше выхода в свет его работы «Я и Ты», была намечена весьма близкая концепция «диалогического персонализма», концепция двух модусов личностного бытия, ставшая одним из оснований персоналистической философии XX в.: бытия в общении с Другим (в сфере «Я-Ты» отношений) и бытия в субъектно — объектной сфере, приводящего к онтологическому одиночеству личности.¹⁸ Первый из этих модусов бытия и у Вяч. Иванова и у М.Бубера означает вход в сакральную реальность, путь, ведущий от общения с личностью к богообщению, второй — так или иначе понимаемую богооставленность человека. В столкновении этих двух путей личностного самоопределения Вяч. Иванов увидел существо трагедии, разворачивающейся в романах Достоевского. Представляется, однако, что здесь мы имеем дело с комплексом представлений, распространяющихся на гораздо более широкую сферу русской культуры, нежели одно только творчество Достоевского. Провозглашенное Достоевским «ученичество у Пушкина» заставляет особенно внимательно отнестись к соотношению этих глубинных параметров художественного творчества.

Учитывая присущее философской критике постоянное соотнесение Пушкина с русской культурой в целом, имеет смысл определить и более отдаленные истоки «простоты», как объективно присутствующей в его творчестве, так и в интуитивной сфере восприятия в сознании его читателей. Упор на «простоте» присущ православному традици и русскому православию в частности, где эта категория акцентирована в многочисленных житиях святых, прославленных русской церковью.¹⁹ «Простота» в данном случае — прежде всего этическая и психологическая категория, свидетельствующая об отрешенности от бремени забот о вещах «мира сего» и о внутренней цельности-сосредоточенности личности. Вместе с тем, сквозь призму персоналистической традиции особенно отчетливо может быть увидена содержательная сторона этой «простоты», предполагающей не только и не столько мирское опрощение и внутреннюю самоуспокоенность, сколько сосредоточенность на молитвенном обращении человека ко Христу и, будучи «во Христе», к ближнему своему. Жизнь «в простоте» представляла собой бытие в том предельном измерении,

где речь шла только об онтологическом ядре личности, обретающем себя в стихии общения, и о самом общении по поводу бытия, об общении, сведенном к благословию, к воздаянию высшего блага.²⁰ Гармонический строй мира, отнюдь не пропадающий в этого рода литературе, мыслится всегда только результатом блага, стяженного в личном общении, иногда даже побочным его результатом.

Именно такой смысл древнерусской «простоты» следует вспомнить, обращаясь к пушкинскому «Борису Годунову», где подобная «простота» становится предметом изображения. Это произведение, безусловно принадлежащее к трагическому роду, целесообразно вычленив для анализа (в рамках данной статьи неизбежно краткого и схематичного) отмеченной выше апории «простоты» и трагизма в пушкинском творчестве.

Пушкинский Пимен, «не мудрствующий лукаво» и Патриарх Иов, «в делах мирских немудрый судия», — характеры, воплощающие пушкинское понимание простоты.

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Немного слов доходят до меня,
А прочее погбло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает —
Еще одно, последнее сказанье (VII, 17, 18).

Вдумаемся в глубокий парадокс, присутствующий в этих словах, произнесенных героем как бы на одном дыхании. Речь идет, казалось бы, об угасании жизни, о забвении всего, чем жизнь была прежде наполнена, о медленно надвигающейся «сени смертной». Но, однако, это признание старца предваряется его словами об обретении теперь, в настоящий момент, «новой жизни», и завершается оно ожиданием дня, имеющего, безусловно, не только буквальный, но и символический смысл «вечного дня», предвосхищаемого иноком. Эта «новая жизнь» оказывается связана не с чисто негативным оскудением памяти, а с переструктурированием ее содержания. «Немного лиц» и «немного слов» — это не последняя зацепка гаснущего сознания, но пространство его новой жизни: «лица», обращенные к летописцу, требующие благодарного поминовения или молитвы о прощении их грехов («Своих царей великих поминают // За их труды, за славу, за добро — // А за грехи, за темные деянья // Спасителя смиренно умоляют»; VII, 17), и «немногие слова», свидетельствующие о самом главном, о чистой или больной совести, открытой ближнему, о встрече лицом к лицу с Богом и святыми его (все это подчеркивается в последующих рассказах Пимена об Иоанне и Феодоре). «Лица» и их «речи» заменяют собой для Пимена «морскую зыбь» событийной и предметной действительности. Внутренний «покой», обретенный иноком-летописцем (ср. слова Григория: «Как я люблю его спокойный вид...»), не пуст и не абстрактно мистичен. В нем идет

немолчная беседа лиц. В этой беседе-общении познается иноком и высшее начало, привносящее «блаженство» («Но с той поры лишь ведаю блаженство, // Как в монастырь Господь меня привел»; VII, 20) — и дано оно опять-таки как свидетельство о встрече с божественным посланцем («К его одру, царю едину зримый, // Явился муж необычайно светел»; VII, 21) и с земным праведником (таким предстает в момент кончины царь Феодор — «Когда же он преставился, палаты // Исполнились святым благоуханьем, // И лик его как солнце просиял»; там же). Все это выстраивает персоналистическую перспективу личного бытия, составляющую самую суть религиозности Пимена.

Сон и явь Григория характерным образом дополняют только что обрисованную нами картину. Сон Григория являет ужас и стыд пребывания в обширном безличном мире, вместо лиц в котором «муравейник» и «кипение народа», а сам герой неудержимо взлетает на «высоту» полного одиночества, за которой следует провал в смертную бездну. В то же время явь, выходя из сна, заданы как выход в общение; мир, встречающий пробудившегося Григория, сводится не к обстановке и вещам, но к лицу — точнее, лику — Пимена, благословляющего Григория и стремящегося внести утешение в его душу. Но если сон прообразует ожидающую Григория реальность, в которой прочерчен не только буквальный, но и символический смысловой слой, то пробуждение тоже продолжает этот символический ряд, намекая на ожидающее его в будущем, уже за порогом земной реальности в вечном мире. Возникающее здесь сравнение Пимена с судьей, «приказным дьяком», подсказывает образ Небесного суда над будущим самозванцем, а на самого Пимена ложится ответ Небесного Милосердного Судии. Так выстраивается в трагедии целостная реальность сакрального мира Руси, понимаемого прежде всего как общение со святыми и со Христом. В дальнейшем в том же метафизическом регистре будут выстроены сцены с патриархом, рассказ о явлении старому пастуху царевича Димитрия. Заметим, что особенно характерно здесь избрание именно слепца для явления на нем чуда исцеления: две личностные воли касаются друг друга в полной темноте сокровенного внутреннего мира, без малейшего опосредования предметной реальностью.

Острое чувство личности, общение от сердца к сердцу становятся определяющей чертой российского социума, изображенного в пушкинской трагедии. Но при этом, кроме ослепляюще светлой его стороны, у него есть и мрачная изнанка, имеющая, однако, ту же метафизическую подоплеку. Персоналистическая углубленность, сердечная чуткость тесно связаны одновременно и с дезориентированностью во внешнем мире, отсутствием твердых, независимых от различных внешних случайностей нравственных критериев, со слабостью воли, не способной провести в мир собственный формирующий действительность замысел, с легкостью превращения народа в «толпу», с легковерием, охватывающим массы наподобие эпидемии. Феномен успеха самозванца в пушкинском изображении связан именно с этими факторами.

Два обстоятельства обеспечили народную поддержку пушкинскому Отрепьеву: острое сознание народом нравственной вины Годунова, смертного греха, тяготеющего над ним, и вера в то, что убиенный Димитрий на самом

*С. А. Неелов. Неизвестный
художник. Литография.*

*Н. А. Неелов. 1821 г.
Художник Александров.*

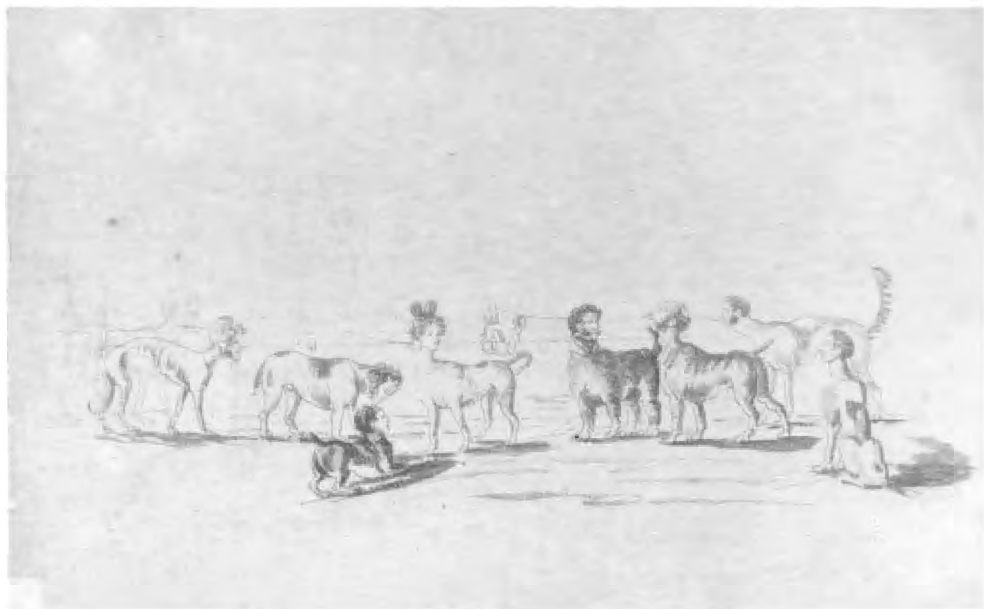
*Ю. К. Неелова. Неизвестный художник.
1810-е гг.*

Пушкин с камергерским ключем.
Неизв. худ. 1830-е г. Акварель.
Смоленский музей-заповедник.

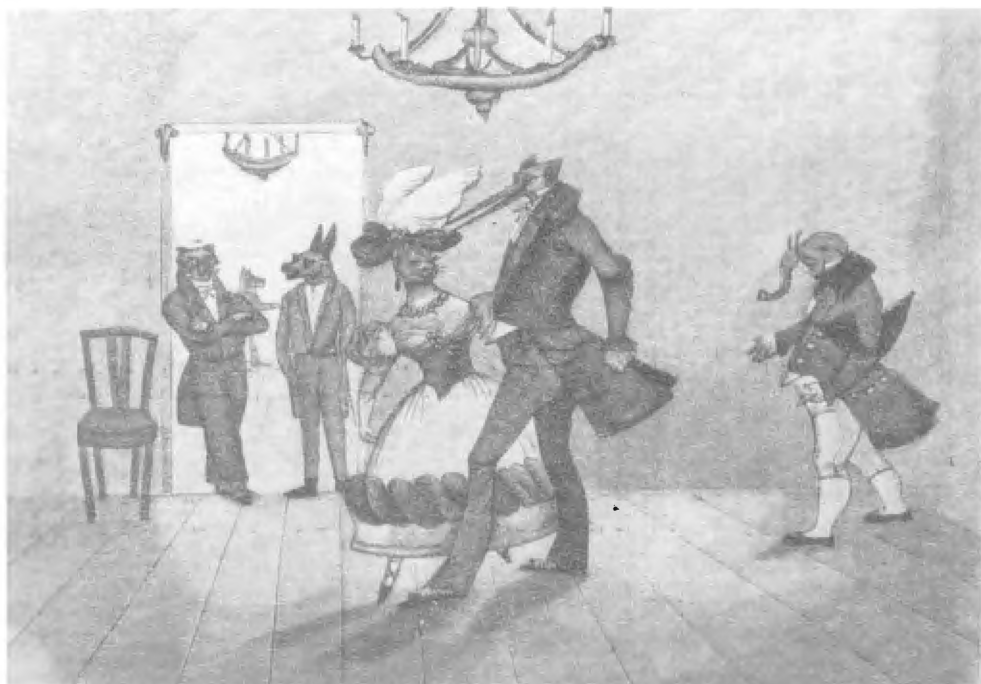
Пушкин и гр. Хвостова, р. Пашкова. По
карикатуре 20-х гг. Неизв. худ.
Акварель. ВМП.

Пушкин и его друзья в виде собак. (Фотография из собрания А. Ф. Онегина-Отто).
Неизв. худ. 1830-е г. ВМП.

Демон метромании и
стихотворец Гезель.
А. Илличевский. (?).
Карандаш. Акварель.
ИРЛИ (ПД) РАН.

Бальный вечер. (5 февраля 183... года).
Неизвестный художник. 1831 г.
Карандаш. ИРЛИ (ПД) РАН.

*Икона "Пушкин и Даль в образе
Святых Касьямы и Дамиана". 1872 г.
Неизвестный художник.
Музей истории религии
С.-Петербурга.*

*К. И. Теребнев.
Портрет А. Х. Востокова. 1837 г.
Гипс. ВМП.*

Памятник Пушкину. г. Самара.

Афиша юбилейного вечера 27 мая 1899 г. в г. Екатеринбурге.

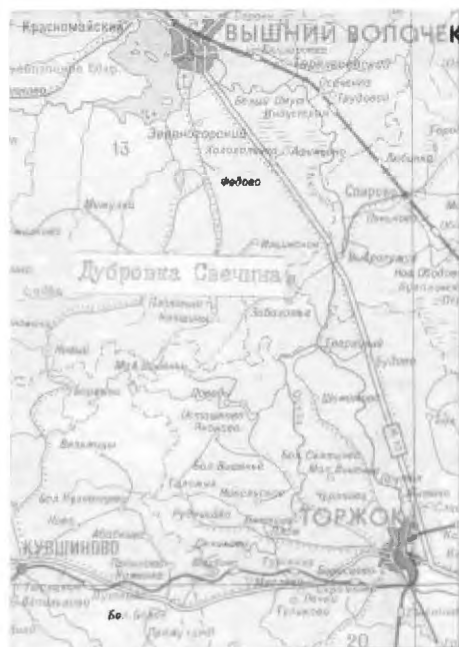
Брестъ-Литовскъ. Пушкинская ул.

Brest-Litovsk. Rue Pouschkine.

Портрет генерал-лейтенанта Никанора Михайловича Свечина. Литография К. Крайля с оригинала из собрания портретов Военной Галереи Зимнего Дворца.

Фрагмент карты Тверской области. Маршрут следования Пушкина и Соболевского от Выдропужска через Заболотье, Дубровку Свечина, Малое и Большое Вешенье в Торжок.

Усадьба Дубровка Свечина Новоторжского уезда Тверской губернии. Барский дом. Главный фасад. Современное состояние. Архитектор Н. А. Львов. 1800 — 1803 гг.

“Царскосельская осень — 98”. Лицейский бал.

*Братья Корсенко, 477 школа.
“Балда и чертенок”.*

“Царскосельская осень — 97”. Чествование победителей творческих конкурсов.

“Царскосельская осень — 97”. Вручение призов юным поэтам.

Рерих Н. К. Открытка издания Общества Святой Евгении. Литография А. Ильина.

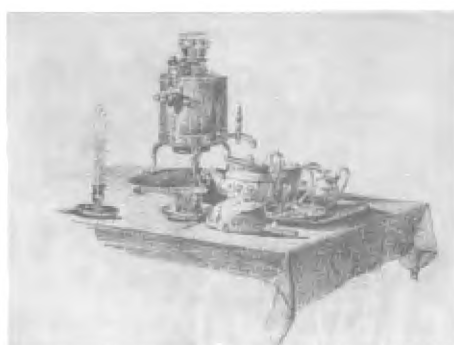
М. В. Бокариус

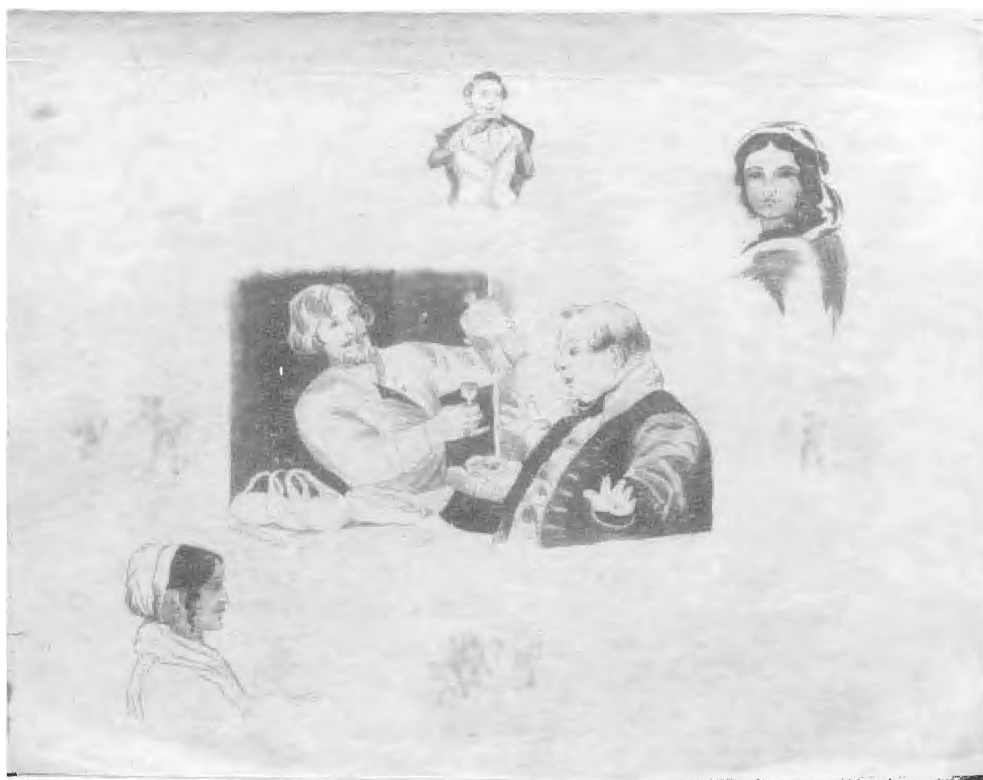
Г. Г. Гагарин. Рис. к кн. "Тарантас": Путевые сочинения. Соч. гр. В. А. Соллогуба. СПб. 1845 г.

Г. Г. Гагарин. Рисунки к книге "Тарантас".

*Г. Г. Гагарин. Лист из альбома с акварельными набросками итальянских впечатлений.
В центре рис. со стершейся подписью: «Souvenir du "Тарантас"».*

*Преподаватели школы им. А. С. Пушкина. 1926 г.
Стоит: 4-й справа — А. И. Белинский.*

Последний выпуск школы им. А. С. Пушкина (9 б класс) во дворе электромеханического техникума. 1929 г. В третьем ряду: 1-й слева А. И. Белинский.

Вид на реку и город Логон. Середина XIX в.

Султан г. Логона с И. В. Даниловым (в центре) и сотрудниками российского посольства. Апрель 1999 г.

деле жив. Один из этих моментов обусловлен острым психологическим чутьем к живому человеку, второй — чуткостью к миру иному, в котором продолжается бытие личности. В то же время оба эти момента глубоко профанируются сознанием толпы: сознание вины Годунова, накладываясь на дезориентированность и слепоту в отношении внешнего мира (ср. сцены «Девичье поле», «Лобное место», «Кремль. Дом Борисов», горькие сетования на народ самого Годунова), приводит к «бессмысленному и беспощадному» бунту, в котором гибнет и вполне реальное и осязаемое государственное благо, добытое преступным царем; вера в иную жизнь, обретенную убиенным отроком, теряя подлинность и трезвость мистического опыта, превращается в доверие к плуту-самозванцу, присвоившему себе имя убитого.

На такой основе развивается в трагедии множество локальных коллизий «русской стороны». Но всю эту систему частных противоречий в трагедии приводит в действие одно фундаментальное противоречие — мир действия, «проекта», земных замыслов и деяний, противостоящий «простоте» Руси с ее персоналистической углубленностью. Именно этот мир поманил к себе Григория. Как воплощение этого иного мира, может быть понята принявшая Григория «Польша», представляющая в целом за Европейский Запад (по крайней мере, за страны латинского ареала).

Если применительно к духовной составляющей Руси справедливо понятие «простоты», то в отношении польской среды следовало бы говорить о «цветущей сложности». Характерно повышение собственно поэтического регистра польских сцен («Дом Вишневецкого» и «Замок воеводы Мнишка»), обрамленных рифмованными фрагментами в общем массиве белого стиха. Именно внутри этих сцен возникает также *образ* поэзии и поэта. Сама поэтическая структура художественного мира трагедии попадает в область читательской и зрительской рефлексии и предстает при этом как порождение и тонкая характеристика определенного изображаемого драматургом мира, «Запада». Поэтическая форма — отчетливое и совершенное выражение формы как таковой, структуры, упорядоченности, привносимых человеком в мир. Характерно при этом, что оба «рамочных» поэтических фрагмента, о которых идет речь — разговор Самозванца с Pater'ом и беседа Мнишека и Вишневецкого, — имеют своим содержанием некий скрытый замысел, программу мирских, политических действий.

Замысел этот в обоих случаях может быть охарактеризован как «тайный», как сплетаемая в тишине интрига, что дает двойной нравственный фокус, свидетельствуя, с одной стороны, о внутренней силе и энергии, вложенной в осуществление «проекта», о слиянии самой индивидуальности героя с его замыслом, но, вместе с тем, и о нравственной пустоте, равнодушии и едва ли не презрении к человеку и людям, благодаря которым и среди которых этот замысел осуществляется. Резким контрастом выглядят наставления и призывы, обращаемые к Григорию двумя представителями духовности Руси и Запада, Пименом и Pater'ом: «Описывай, не мудрствуя лукаво, // Все то, чему свидетель в жизни будешь...» и «Притворствовать пред оглашенным светом // Нам иногда духовный долг велит; // Твои слова, деянья судят люди, // Намеренья единый видит Бог» (VII, 23, 50). Легко и соблазнительно толковать эти контрастирующие слова как обличение иезуитского «лукав-

ства» перед лицом нравственной сосредоточенности православия. Такой аспект здесь, по-видимому, действительно присутствует, но необходимо отметить и другое: неоткровенность, опаска и недоверие к суждениям «света», звучащие в словах Pater'a, не означают все же крайнего цинизма и эгоистического произвола — замысел, «проект», сосредоточенный в «намерении», мыслится преподносимым непосредственно Богу, и Бог, соответственно, выступает как покровитель и судья внеличностной объективности деяния.

Все это дает автору, с одной стороны, возможность для объективирования нравственности, становящейся в трагедии характеристикой Запада. Прекрасный пример этому — сцена с иностранными офицерами. Трусоности и смятению «православных» (так называют себя бегущие воины) противопоставит нравственная твердость Маржерета и Розена. Чуждые призвавшей их стране и плохо владеющие ее языком, они, однако, верны данной ими клятве. «Je ne bouge plus d'un pas — puisque le vin est tiré, il faut le boire» (VII, 74), — эти слова Маржерета переводят обычно: «Я не сдвинусь отсюда ни на шаг — раз дело начато, надо его кончить» (VII, 384). Заметим, однако, что вторая часть высказывания представляет собой идиому, гласящую буквально: «если вино открыли, его следует выпить», — в данном случае это буквальное значение актуализируется, ибо сквозь него просвечивает широко распространенная в европейской и русской поэзии еще со времен средневековья метафора «битвы — пира».²⁷ Произнося эти слова в критический момент боя, офицеры не просто демонстрируют свою браваду, но готовность испить до конца подносимую им судьбой чашу, положить живот своей ради клятвы своей (то есть в конечном итоге ради бегущих «православных»).

Объективированность замысла, всецелая увлеченность внешним миром, имеет, однако, и другой, тягостный и мрачный смысл. В полной мере это проявляется в хрестоматийно известной сцене «у фонтана». Для Марины, вдохновленной отвагой авантюрного замысла самозванца, не имеют уже никакой самостоятельной ценности человек, личность, сердечное откровение. И в данном случае это только проекция в сферу психологии Марины позиции «короля, папы и вельмож», которым безразлична, по признанию Григория, «правда слов» его и достоверность его личности (то есть безразличны те самые «слова и лица», составлявшие все содержание мира и истории для летописца Пимена).

Так в персоналистической перспективе можно обрисовать контуры двух противостоящих друг другу миров пушкинской трагедии. Речь идет здесь, заметим, только о «суммарной» характеристике враждующих сторон, и мы не затрагиваем возникающих в этой связи вопросов о развитии основного конфликта, о пути, пройденном каждым из протагонистов, о конечном итоге драмы, приводящей или же не приводящей к катарсису... Все это требует самостоятельного и более специализированного исследования.

В данной работе для нас важна именно исходная проблема, обнаруженная философской пушкинианой начала века, которая была выше сформулирована как противоречие «простоты» и «трагизма» пушкинского творчества. Проблема, продолжающая оставаться актуальной и в собственно литературоведческом, и в культурологическом планах. Решение ее, как нам представляется, может быть найдено на пути углубления представлений о «простоте», которую дают интерпретационные модели персоналистической фи-

лософии, с одной стороны, и хорошо согласующийся с ними материал древнерусской традиции, глубоко усвоенной Пушкиным. «Простота», понимаемая как взгляд на мир в качестве сферы исключительно личного опыта, место сокровенной встречи человека с человеком и человека с Богом, связывается с целостным строем отношений и не снимает трагизма, но выступает в виде одной из сторон трагического осмысляемого мира. Утверждение наше ограничивается, правда, пределами одной, но крайне показательной и наиболее обширной из пушкинских трагедий.

Сам ход размышлений и анализа подсказан в настоящем случае одной из тенденций философской критики Серебряного века — статьями Вяч. Иванова о Ф.М. Достоевском, включавшими обширные философские размышления более общего порядка. Самостоятельность русского мыслителя, опередившего своей концепцией схожие построения М. Бубера, представляется, в данном случае, весьма существенным моментом, ибо может служить одним из подтверждений органичности самого персоналистического дискурса, развитого впоследствии рядом западных мыслителей, для русской традиции.

¹ См. в частности: Пятигорский А. Философия или литературная критика//Ступени. № 3. СПб., 1993. С. 12—23.

² Карташов А. Лик Пушкина//Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 304.
³ Из общих работ по этой теме см.: Гальцева Г. По следам гения//Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 5—15; Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. 2-е изд. СПб., 1998. С. 10—95.

⁴ Мережковский Д.С. Пушкин//Философские течения в русской поэзии. СПб., 1896. С. 114.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Розанов В. Пушкин и Лермонтов//Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 191.

⁷ Струве П. Дух и слово Пушкина//Там же. С. 320.

⁸ Федотов Г. О гуманизме Пушкина//Там же. С. 377.

⁹ Булгаков С. Жребий Пушкина//Там же. С. 279—280.

¹⁰ Гершензон М. Мудрость Пушкина//Там же. С. 214.

¹¹ Ильин В. Аполлон и Дионис в творчестве Пушкина//Там же. С. 309—312.

¹² Франк С. Этюды о Пушкине. 3-е изд. Paris, 1987. С. 110.

¹³ Там же. С. 113.

¹⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. VII. М., 1955. С. 547.

¹⁵ Башилов Б. Непонятый предвозвеститель: Роль Пушкина в развитии русского национального мировоззрения//Бежин луг, 1992, № 1. С. 113-128; Позов А. Метафизика Пушкина. Мадрит, 1967.

¹⁶ Позов А. Указ. соч. С. 85.

¹⁷ «Природа» именно как *внешняя* для человека органическая среда его обитания стоит в центре рассуждений Ф. Шиллера. Именно к ней, согласно Шиллеру, обращает взор современный человек в поисках гармонии и естественного жизненного лада, и именно с ней «сливался» человек древний. Ср.: «<...> природа исчезла из нашей человечности, и мы находим ее во всей ее истине только вне нас, в безжизненном мире. Не наша большая естественность (имеется в виду по сравнению с древними, не знавшими сентиментального любования природой.— *Е.В.*), напротив, неестественность наших отношений, состояний и нравов побуждает нас искать в физическом мире удовлетворению пробуждающемуся влечению к правде и простоте <...> в нравственном мире нельзя надеяться найти его» (Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии//Шиллер Ф. Библиотека великих писателей. Т. IV. СПб., 1902. С. 376).

¹⁸ Приведем здесь одно из «онтологических» построений Вяч. Иванова, столь напоминающее концептуальные построения Бубера. «Зиждется этот реализм (имеется в виду реализм Достоевского, понимаемый как «реалистическое в высшем смысле слова», доступное искусству вообще.— *Е.В.*) не на теоретическом познании, с его постоянным противоположением субъекта и объекта, а на акте воли и веры <...> для обозначения этого акта Достоевский выбрал слово «проникновение» <...> Проникновение есть некий *transcensus* субъекта, такое его состояние, при котором возможным становится воспринимать чужое я не как объект, а как другой субъект. Это — не переферическое распространение границ индивидуального сознания, но некое передвижение в самих определяющих центрах его обычной координации; и открывается

возможность этого сдвига только во внутреннем опыте, а именно в опыте истинной любви к человеку, которая потому есть реальное познание, что она совпадает с абсолютной верой в реальность любимого <...> Символ такого проникновения заключается в абсолютном утверждении, всею волею и всем разумением, чужого бытия — “ты еси” <...> “Ты еси” — не значит более “ты познаешься мною как сущий”, а “твое бытие переживается мною, как мое, твоим бытием я снова познаю себя сущим”. *Es, ergo sum*) (Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 502).

¹⁹ Простота и «простость» как элементы житийной характеристики святого развернуто анализируются В.Н.Топоровым на примере житий Феодосия Печерского и Сергия Радонежского (Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995. С. 744—745; Т. 2. М., 1998. С. 395—399).

²⁰ В.Н.Топоров особо подчеркивает связь простоты св. Сергия с открытостью ближнему и любовью к ближнему. В то же время Г.П.Федотов отмечал связь этой простоты с мистическим глубиной богословия, открывшимися св. Сергию (Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 148).

²⁷ Любый перевод волюно или невольно является интерпретацией. Принятый ныне вариант перевода был впервые предложен в издании Л.Поливанова: «Я дальше не тронусь: дело начато, надо его кончать» (Сочинения А.С.Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики. Т. 3. М., 1887. С. 237). Тенденция перевода-интерпретации отчетливо проступала в комментарии: «комическое изображение русских воинов у Бера Пушкин в своей пьесе перенес на Маржерета и Розена (подобно Шекспиру, который в хрониках своих изображал комически французов)» (Там же. С. 235) Речь шла, таким образом, исключительно о комическом толковании сцены. Такое же толкование всей сцены и характеров «иноземцев» содержит и новейший комментарий: «Пушкин придавал большое значение этой сцене, в которой дан образ грубой прозы войны и достигнут яркий комический эффект через смешение трех языков, представленных в живом бытовании», «в эмоциональной речи», «Пушкин комически сопоставляет темпераментного, горячего француза и хладнокровного ливонца» (Пушкин А.С. Борис Годунов. Комментарий Л.М.Лотман и С.А.Фомичева. СПб., 1996. С. 327—328). Толкование отмеченной фразы имеет самое непосредственное значение для понимания как сцены в целом, так и образов «иноземцев». Слова «дело начато, надо его кончать», сказанные в критический момент сражения, когда ни о каком близком благополучном конце не может быть и речи, означают не более чем пустую браваду, комедийное солдафонство, в то время как в действительности в грубоватой речи офицеров высказано их подлинное трагическое мужество перед лицом смерти. Заметим, что для Пушкина весьма важно подчеркнуть именно мужество иноземцев в данном сражении, которое отмечает впоследствии Самозванец; ради чистоты этой художественной идеи поэт опускает, между прочим, фигуру Мстиславского, который, как известно по Карамзину, сыграл даже большую роль в сражении у Новгород-Северского, чем «немцы».

Относительно связи комедийности и шекспиризма в данном случае можно было бы напомнить, с одной стороны, две пушкинские цитаты. «Читайте Шекспира,— пишет Пушкин Н.Н.Равевскому,— он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей принужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежущую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий его характеру» (XIII, 198, 541); «непринужденный» язык героя трагедии, следовательно, не противоречит, по мнению Пушкина, подлинному и глубокому проявлению его характера в нужную минуту. Второе высказывание поэта позволяет оценить и его отношение к сочетанию в одной и той же сцене шекспировского театра шутливого слога и подлинного трагического ужаса: «Сцена тени в “Гамлете” вся написана шутливым слогом, но волосы становятся дыбом от Гамлетовых шуток» (XI, 73). Эти представления о шекспировском театре для Пушкина, видимо, были принципиальными. Он осуществлял их на практике в некотором смысле более последовательно, чем сам Шекспир, допуская в своих трагедиях и чисто комические сцены. Приведем на этот счет наблюдение Г.О.Винокура, отмечавшего, что Пушкин переносит в свою трагедию приемы шекспировского комического построения прозаических сцен «отнюдь не механически»: «Из пяти прозаических сцен Б.Г. две сцены (“Площадь перед собором в Москве” и заключительная) не только не комичны, но наоборот, исполнены высокого трагизма» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1935. С. 494) Элемент трагизма, по нашему мнению, явственно присутствует и в данной прозаической сцене.

А.Ю.Грязнова

**К.К.СЛУЧЕВСКИЙ
И ПРАЗДНОВАНИЕ СТОЛЕТНЕГО
ЮБИЛЕЯ А.С.ПУШКИНА
В СВЯТЫХ ГОРАХ**

Константин Константинович Случевский (1837—1904) и А.С.Пушкин, а конкретнее — Случевский и пушкинская традиция — тема, казалось бы, неожиданная. На первый взгляд, неизмеримо далеки друг от друга Пушкин и Случевский, представитель эпохи безвременья, или, как теперь принято говорить, поиска в поэзии 1880-х—1890-х гг. прошлого столетия, поэт-пессимист, скептически настроенный по отношению к современности, а в области стиха неровный и дисгармоничный. Случевский, получивший прекрасное европейское образование и ориентировавшийся в своем творчестве на западноевропейскую литературную традицию, никогда не упоминал Пушкина в ряду близких ему авторов (ни в стихотворении «Воплощение зла», ни в других программно-декларативных стихотворениях). И тем не менее, тема эта нуждается в изучении. Весьма плодотворно занимается ее разработкой Е.А.Тахо-Годи, написавшая диссертацию «К.К.Случевский и пушкинская традиция».¹

Как отмечает исследовательница, постоянное и невольное обращение (хотя бы в подтексте) к пушкинской поэзии у Случевского и его современников было вызвано тоской по глубоким чувствам, по бережно сохраняемым поэтическим ценностям «легендарных владык».² Многие исследователи, в частности, Л.И.Соболев, Е.В.Ермилова, а также современники поэта, например, В.Я.Брюсов, П.Е.Павлов и даже враждебно настроенный по отношению к Случевскому В.В.Чуйко отмечали влияние на него поэзии Пушкина.³ К.Д.Бальмонт считал, что «в преклонении перед Пушкиным и в усвоении многих элементов его поэтического творчества сходятся такие различные художники, как <...> Гоголь, <...> Тургенев, <...> Достоевский».⁴ Из современных ему «пушкинианцев», как наиболее интересных, Бальмонт выделял графа А.А.Голенищева-Кутузова и «поэтессу сказочных грез» М.А.Лохвицкую,⁵ поэтов, если так можно сказать, принадлежащих к «плеяде Случевского», но почему-то не поставил в этот ряд самого «поэта-философа, с демонической душой».⁶ Между тем и творчество, и вся деятельность Случевского — поэта, неразрывно связанного со своей национальной культурой, обнаруживают, особенно учитывая тесную преемственность поколений, его внутреннюю связь с пушкинским творчеством, показывают, что Пушкин присутствовал в поэтическом сознании Случевского.

В этом убеждают те немногие произведения или заметки поэта о Пушкине. Они малоизвестны и никогда не публиковались в изредка издаваемых или переиздаваемых сборниках Случевского на протяжении XX в.

Еще в начале своей творческой деятельности, в 1857 г., в журнале «Общезанимательный вестник» поэт опубликовал рассказ «Еще о Пушкине». В его брошюрах 1867 г. «Явления русской жизни под критикою эстетики». Случевский яростно защищал творчество Пушкина, возмущенный нигилистическим отношением к нему разночинной молодежи. В 1880 г., будучи по служебным делам за границей, поэт пишет пламенное стихотворение «Тост Пушкину». В 1899-м, юбилейном пушкинском году, Случевским созданы такие произведения, как «Кантата Пушкину», «Гимн Пушкину», стихотворение «А. С. Пушкину», а также драматическая сцена «Поверженный Пушкин». Изучением этих произведений занималась Е. А. Тахо-Годи, как и поиском пушкинских мотивов в творчестве Случевского, рассматривая многие его произведения: повесть «Мой дядя», «Рассказ-симфонию», драму «Землетрясение», поэму «Элоа», цикл «Песни из Уголка», проанализировав образ Пушкина и в последних «загробных» циклах Случевского.⁷

При этом исследователь не обратил должного внимания на претворение обширной, имеющей глубокую мировую традицию, «мефистофелевской» темы в творчестве Пушкина и Случевского. Между тем, у Случевского есть особый цикл из десяти стихотворений под названием «Мефистофель»,⁸ органически входящий в творческое наследие поэта. Очевидно, при создании цикла Случевский ориентировался прежде всего на немецкую традицию, воплощением которого был «Фауст» И. В. Гете.⁹ Но, изучая этот цикл Случевского, нельзя не обратить внимания на «Сцену из Фауста», «наиболее значительный отклик Пушкина на тему трагедии Гете».¹⁰ Хотя Пушкин, воспитанный французской культурой и Байрона, непосредственно не опирался на немецкого поэта, «Сцена» не могла не привлечь внимания Случевского, тем более, что пушкинский отрывок, по словам В. М. Жирмунского, «стоит вообще под знаком Мефистофеля как главного действующего лица».¹¹ Это произведение, как и некоторые другие демонологические по своей тематике творения Пушкина, помогает понять как особенности развития мефистофелевской традиции (в частности, новацию образа Мефистофеля у Случевского), так и прошедшие через века ее устойчивые признаки. Сравнительное изучение двух произведений показывает, что два персонажа, человек и бес, всегда четко различаемые народной и литературной традицией, начинают в «Фаусте» Гете и «Сцене из Фауста» Пушкина как бы сливаться воедино. В этих произведениях Фауст и Мефистофель дополняют друг друга, всегда находятся рядом, как две стороны одной души. Это слияние завершается в цикле Случевского. Фаустовская тема из мефистофелевского сюжета исчезает. Не человек, носящий в себе демоническое начало, не слияние человеческого и бесовского, а Мефистофель становится сущностью, истинным героем мира. В этом состоит принципиальная новизна Мефистофеля у Случевского. В то же время именно Пушкин в какой-то степени помогает такому переосмыслению демонической темы у Случевского. Что касается основных черт, характерных для образа Мефистофеля, — гордость и ложь, презрение и тоска, искушение и соблазн; присущее Мефистофелю Случевского торжество над людьми, — они свойственны и «дьявольским персонажам»

Пушкина [см. стихотворения «Демон», «Ангел», «В начале жизни школу помню я...» (II, 299, 59; III, 255)]. В нем Пушкин отмечает

<...> двух бесов изображенья.
 Один <...> был гневен, полон гордости ужасной, <...>
 Другой <...>
 Сомнительный, но лживый идеал —
 Волшебный демон — лживый, но прекрасный... (III, 255)

(выделено нами.— А.Г.)

Ср. с Мефистофелем у Случевского («Мефистофель в пространствах»:

Добродетелью лгу <...>
 И в концерте творенья, что уши дерет,
 И тогда только верно поет, когда врет,
 Я, конечно, первойшая скрипка <...> (с. 133—134).

(выделено нами.— А.Г.)

Зловещая, язвительная улыбка постоянно возникает у Мефистофеля Случевского. Он любит над людьми «потешиться» (см. стихотворение «Преступник», с. 133—136). Этот характерный мотив для литературных интерпретаций демонической темы находит свои аналогии в «Сцене из Фауста» Пушкина:

Мефистофель: Я мелким бесом извивался,
 Развеселить тебя старался <...> ,

и в результате:

Плодами своего труда
 Я забавлялся одинокий <...> (II, 435).

(выделено нами.— А.Г.)

Бесы Пушкина «тешатся», «прыгают в веселии великом» в восторге от своих забав (стихотворение «И дале мы пошли — и страх обнял меня...»; III, 282).

Сатана «с веселием на лике» целует в уста Иуду (стихотворение «Как с древа сорвался предатель ученик...»; III, 418), и проч. Этот образ как бы перекликается со стихотворением Случевского «Мефистофель в пространствах»:

Надо мной ли венец
 Не по праву горит,
 У меня ль на устах
 Не по праву царит
 Беспощадная, злая улыбка <...> (с. 133).

(выделено нами.— А.Г.)

Что касается «огненного ореола», таких черт дьявола, как гения, духа отрицания, то соответствия с ними находят у Пушкина в стихотворениях «Демон», «Разговор книгопродавца с поэтом» (II, 324—333). В стихотворении «Как с древа сорвался предатель ученик...» Сатана *жжет* своим поцелуем Иуду, как Мефистофель Случевского *жжет* в могилах грешников в стихотворении «Соборный сторож» (с. 141). В «Сцене из Фауста» Пушкина Мефистофель был вызван «из огня». Ср. со строками Случевского («Мефистофель в пространствах»):

Я велик и силен,
Я бесстрашен и зол,
Мне печали веков
Разожгли ореол.
Он все выше и выше пылает!.. (с. 133)

(выделено нами. — А.Г.)

Многие устойчивые литературные мотивы, связанные с образом Мефистофеля, также могли в произведениях Случевского преломиться сквозь творческие находки Пушкина. Например, мотив рока, судьбы, возникающий в стихотворениях цикла Случевского: «Шарманщик», «Полишинели» (с. 136, 142), мы встречаем в «Разговоре книгопродавца с поэтом» и в «Сцене из Фауста» Пушкина, где Мефистофель не случайно называет себя «психологом»:

Я «как нянька бедная хожу
За вами, слушаю, гляжу <...>»

(«Наброски к замыслу о Фаусте»; II, 380)

Ключевой для цикла Случевского мотив уничтожения Мефистофелем мира с целью создания своего нового мира:

Будет день, я своею улыбкой сожгу
Всех систем пузыри, всех миров пустельгу <...>

(«Мефистофель в пространствах», с. 133)

— аналогичен стремлению Мефистофеля Пушкина к тому же, только ему важно еще добиться, «чтобы человек сам пожелал уничтожить внешний мир, реальность», как убедительно показала М.Н.Виролайнен, анализируя «Сцену из Фауста». ¹²

Пушкина Случевский считал, по словам Л.И.Соболева, «началом русской поэзии, ее зарей», ¹³ недостижимой, но освещающей ночь современной Случевскому эпохи. Недаром у поэта есть стихотворение под названием «Заря во всю ночь», начинающееся совсем по-пушкински:

Да, ночью летнею, когда заря с зарею
Соприкасаются, сойдясь одна с другою <...> (с. 59).

Как отмечала Е.А.Тахо-Годи, «Случевский за время почти 50-летней литературной деятельности сталкивался со многими из тех, кто знал и видел Пуш-

кина, <...> издавал его сочинения, писал критические статьи».¹⁴ В 1850-е гг. поэт был увлечен биографическими подробностями в пушкинском наследии. Случевский болезненно пережил 1860-е гг. «с их гонениями на музу Пушкина» и приветствовал 1870-е — с растущим вновь интересом к поэту, который достиг высшей степени во время открытия памятника А.С.Пушкину в Москве в 1880 г. и продолжался до 1899 г., когда празднование столетнего юбилея великого поэта закрепило его признание и славу.

Случевский принимал активное участие в подготовке проектов знаменитого «опекушинского» памятника в Москве. В конце 70-х гг. прошлого века всё, связанное с этим, вызывало большой интерес у современников. Так, современник Случевского, известный поэт А.Н.Апухтин, много сил вложивший в создание памятника и собиравший на него деньги, когда его забыли пригласить на церемонию открытия, плакал, как ребенок, от горя и один, сам с собою, отмечал этот торжественный день. Случевский тоже вдали от родины, от места происходящих на ней событий, создает в честь открытия памятника свое пламенное стихотворение «Тост Пушкину».¹⁵

В 1885 г. в жизни Случевского произошло значительное событие. В свете великого князя Владимира Александровича поэт, занимавший высокий чин при дворе,¹⁶ со служебной целью посетил Святогорский монастырь и впервые побывал на могиле Пушкина. Его посещение совпало с днем рождения великого поэта — 26 мая (по старому стилю). Случевский познакомился с сыном Пушкина — Григорием Александровичем, жившем тогда в Михайловском. Это событие отразилось в книге Случевского «По Северу России» и вылилось в очерк «Мысли на могиле Пушкина (Святогорский монастырь и Михайловское)».¹⁷ Впечатления, полученные от первого посещения могилы великого поэта и этих святых мест были столь сильны, что Случевский, не задумываясь, решил отмечать столетний юбилей Пушкина не в Петербурге и Москве, а именно в Святых Горах. Необходимо сказать несколько слов о самом 100-летнем юбилее поэта.

Юбилей Пушкина затронул разные сферы российской жизнедеятельности, в том числе промышленность и торговлю. 1899 г. стал годом особого «пушкинского» товара, когда буквально все выступили со своими «пушкинскими» программами и рекламами. Д.С.Мережковский писал: «Кто-то изобретает игру “Смерть Пушкина”, лото или карты <...> готовятся пушкинские велосипедные гонки и пушкинский шоколад».¹⁸ В фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина хранятся пачки от папирос под названием «Пушкин», «Пушкинские», «Юбилейные», бутылка в виде бюста Пушкина, куски мыла с барельефным изображением поэта и многое другое.¹⁹ Вызывала критические отзывы сама организация праздника, «дорого стоившие постройки, трехцветные ковры, ненужные лестницы», малое участие простого народа «во всех этих всероссийских торжествах».²⁰ Беллетрист-народник Фаресов, собравший в своей книге «А.С.Пушкин и чествование его памяти» наиболее полный фактический материал о тех событиях, писал: для произнесения народом имени Пушкина с благоговением «довольно ли было <...> одного праздничного шума с разного рода пушкинскими обедами, ужинами, конфетками, этикетками, перьями и мылами с портретами Пушкина, и куплетами?...».²¹ Корреспондент

«Живописного обозрения» Вл. Новоселов вторил А.И.Фаресову: «<...> “Избранная публика”, избранная не по какому-либо умственному цензу, а прямо могущая платить бешеные деньги за зрелища, присутствовала на всех этих вечерах и обедах, где все поминалось священное имя поэта и где именно этим священным именем меньше всего дорожили <...>».²²

Отрицательное отношение к празднику столетней давности, в те дни выраженное в прессе, во многом сохранилось до настоящего времени. Исследователи до сих пор считают празднества 1899 г. «казенными», «официозными», хотя немало было сделано и хорошего, учитывая и большое участие в праздниках учащейся молодежи, и народные гуляния в Москве и Петербурге²³ с представлениями из доступных пониманию произведений поэта, с раздачей детям бесплатных экземпляров дешевых изданий сочинений Пушкина, и то, что юбилей поэта широко отмечался не только в столичных городах, но и в Одессе, Харькове, Казани, Омске, Перми, Житомире, Майкопе и др., в том числе за границей. Многим служащим в день рождения поэта был предоставлен праздничный отдых.

Поднялась новая волна издательской деятельности. Хочется упомянуть не только о 1-м томе Академического собрания сочинений А.С.Пушкина, но и о превосходном издании «Песни о вещем Олеге» с иллюстрациями В.М.Васнецова, юбилейнос сборнике статей о Пушкине Киевского педагогического общества, миниатюрном издании «Евгения Онегина» в брелке к часам, сборнике избранных произведений Пушкина, предназначенном для рассылки в воинские подразделения; изящных нотах, которые были изданы в юбилейный пушкинский год.²⁴ Надо сказать, что в издательской деятельности активное участие принимал тогда Случевский, имевший серьезный опыт редакторской работы.²⁵ Из печати вышли: «Пушкинский сборник» современных Случевскому писателей и поэтов (он был одним из редакторов); альманах, задуманный Случевским, с пушкинским названием «Денница», в котором приняли участие члены его «Пятниц»; «Избранные сочинения Пушкина для юношества», комиссию по изданию которых возглавлял Случевский.²⁶

Эта, безусловно, положительная сторона праздника, тоже нашла свой отклик в газетах, таких, как «Русские ведомости» и «Новое время».²⁷

Можно утверждать поэтому, что с безусловным определением юбилейных пушкинских празднеств 1899 г., как «официозных», многие авторы поспешили. Это явно одностороннее мнение. То, что отмечала столь знаменательную для России дату в основном дворянская часть населения, а не крестьяне во Пскове и Святых Горах, совершенно естественно. Об этой дате помнили и готовились в высших кругах заранее. Осенью 1898 г. при Императорской Академии наук под председательством президента великого князя Константина Константиновича была создана комиссия по организации и проведению пушкинских торжеств, в которую вошли многие известные ученые, писатели, журналисты, музыканты и художники, общественные деятели, среди которых был и Случевский, неоднократно выдвигавшийся на соискание Пушкинской премии, учрежденной Академией наук в 1882 г. после открытия памятника Пушкину и приуроченной к тогда еще далекому юбилейному пушкинскому дню. Случевский стал членом рабочей подкомиссии Академии наук, которая составляла программу чествований

великого поэта. Знаменательно, что именно в работе этой подкомиссии (как уточняет Е.А.Тахо-Годи) возникли первые, еще расплывчатые, предложения о создании учреждения-памятника Пушкину, отдаленно напоминающего будущий Пушкинский Дом. Не последнюю роль в этом играл Случевский.

Известный в те годы поэт, принадлежащий к плеяде Случевского, Аполлон Коринфский восторженно писал: «Пушкинские дни, начавшиеся задолго до 26 мая, подняли, всколыхнули в полном смысле слова всю родную Русь. Чествование является всенародным. <...> Воочию творится нечто необычайное по своей величественности, — нечто не имеющее себе примера — по общественному подъему духа».²⁸ Такая восторженность, присущая празднующей интеллигенции, была заложена уже в приветственном слове императора Николая II, оглашенном на заседании Академии наук в Санкт-Петербургской консерватории 26 мая 1899 г.: «Не имея возможности присутствовать в торжественном собрании Академии наук, посвященном чествованию столетия со дня рождения великого Пушкина, Я сердцем и умом участвую в празднестве, в котором в этот знаменательный день сливается вся Россия».²⁹

Именно такое восприятие события, учитывая особую значимость Пушкина для поэтов и творческих деятелей — современников Случевского, было характерно для интеллигенции тех лет. Большое впечатление произвели на слушателей прочитанные на торжествах в Москве глубоко лирические и воодушевляющие великим чувством стихи К.М.Фофанова, посвященные Пушкину: «В светлом мире упования...»;³⁰ горячо был воспринят в России созданный Случевским «Гимн Пушкину», положенный на музыку и прозвучавший в Пушкинском Лицее на литературно-музыкальном утре в честь Пушкина после речи И.Ф.Анненского в исполнении хора учеников;³¹ на Пушкинском заседании Академии наук было заслушано сообщение известного юриста А.Ф.Кони «О нравственных и общественных идеалах Пушкина»; а на празднике в Святых Горах, куда во главе со Случевским собрались почти все члены его «Пятниц», Т.Л.Щепкина-Куперник и К.Н.Льдов выступали со своими стихами.

«В Святых Горах, — пишет Е.А.Тахо-Годи, — состоялось одно из <...> многих, чисто литературских, <...> “академических” празднеств»,³² которые, думается, всегда должны иметь место при значительных исторических событиях.

Особую атмосферу и особую значимость пушкинским праздникам в Святых Горах придало присутствие на торжествах сыновей А.С.Пушкина Александра и Григория и племянника Л.Н.Павлищева, о котором редактор журнала «Возрождение» Н.А.Лухманова взволнованно сказала: «Мы (то есть интеллигенция, собравшаяся в Горах. — А.Г.) чествовали их, как лучшую живую память незабвенного поэта», что «так отозвалось сердце русского интеллигента на память об их отце», и что «мы были (в усадьбах. — А.Г.) не гостями, <...> а паломниками, полными лучшего человеческого чувства».³³ Корреспондент «Нового времени» тоже отмечал, что выдающимися моментами праздника являлись те, «которые давали повод публике выразить любовь и уважение к поэту в лице членов его семьи».³⁴ Особенное оживление у публики вызвало возложение к могиле поэта очень художественно выполненного венка от его семьи и вручение Александру Александровичу Пушкину диплома от

Румянцевского музея как его почетному члену.³⁵ Под воздействием лучших чувств именно Псковский комитет организации праздника принимал активное участие в сборе денег в пользу голодающих, в проектировании бесплатных читален, просветительских и других общепользных учреждений, в организации разнообразных пожертвований. По воспоминаниям современников, еще до начала празднования (25 мая) приезжих встречал в Михайловском сам Григорий Александрович Пушкин «и любезно показывал сохранившийся от времен его отца маленький флигелек слева от большого дома и другие подробности в знаменитой усадьбе».³⁶ С благодарностью и признательностью вспоминал об этом Случевский после возвращения в Петербург: «<...> Кажется, что Св. Горы не отстают от других центров чествования и имели особое счастье видеть Вас и брата Вашего, в коих предстали перед нами заветные черты лица Вашего родителя, знакомые на Великой Руси всем и каждому <...>».³⁷ В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранится это единственное письмо Случевского Г.А. Пушкину от 3 июня 1899 г., свидетельствующее о том, что переписки между ними, видимо, не существовало, несмотря на сложившиеся хорошие отношения. Это письмо было опубликовано Л.П.Февчук, многие годы хранившей в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина личные вещи поэта, и, в частности, знаменитую, специально оформленную в виде сувенира по распоряжению сына поэта, дощечку-пресс, одну из шести — обломок последней из трех сосен возле Михайловского дома, сломанной бурей в 1895 г. и в свое время воспетой Пушкиным:

<...> Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко <...> (III, 400).

Эти строки, объясняющие происхождение сувенира, выгравированы на одной из серебряных дощечек, привинченных к пластине, а на прикрепленной рядом визитной карточке младшего сына Пушкина его рукой помечено, что он «просит многоуважаемого Константина Константиновича (Случевского.— А.Г.) принять на память кусок последней сосны, воспетой его отцом».³⁸ В упомянутом письме Г.А.Пушкину Случевский выражает «глубочайшую благодарность за бесценный знак внимания Вашего ко мне, мною вовсе не заслуженного, <...> я, должен сознаться, умилен добротой Вашею, которая оставила во мне след самого яркого воспоминания о Св. Горах и встрече в них с Вами <...>».³⁹

Для деятельности Всероссийского музея А.С.Пушкина в свете изучения биографии, творчества и событий, связанных с личностью поэта, существенно, что из трех памятных сувениров-прессов, хранящихся ныне в его фондах, один, подробно описанный Л.П.Февчук в известной книге «Портреты и судьбы», принадлежал именно Случевскому.

Важно отметить, что этот предмет, интереснейшее свидетельство юбилейных пушкинских мероприятий, проводившихся в 1899 г., до сих пор в печати никогда не упоминался и не использовался среди экспонатов, имеющих отношение к 100-летию юбилею Пушкина и Святым Горам.

Знаменательно, что сын великого поэта оказал своим подарком такую честь не открыто наследующим в своем творчестве Пушкину поэтам, например, А.Н. Апухтину или К.М. Фофанову, а совсем не похожему и далеко отстоящему в творчестве от Пушкина Случевскому. Причина этого поступка кроется, видимо, не только в дружеских связях. Случевский был и поэтом, и общественным деятелем. В 1890-е гг. у него уже была своя поэтическая школа. К тому же он принимал деятельное участие в организации и проведении святогорских юбилейных торжеств.

Речь Случевского на открытии праздника в Святых Горах была коротка, что является ее несомненным достоинством. Стержнем выступления явилась не литературоведческая, а историческая оценка Пушкина, и пафос речи был близок к теме краткого очерка самого Случевского «На могиле Пушкина» 1885 г., а также речи Ф.М. Достоевского, произнесенной 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности в Москве.⁴⁰ Е.А. Тахо-Годи считает, что никто еще не говорил о близости взглядов на Пушкина двух писателей — Достоевского и Случевского.⁴¹ Признавая сам факт такой близости обоих авторов на основе изучения их творчества, подчеркнем, что у Достоевского, как у крупного художника, была в отличие от Случевского целая система оригинальных идей. Случевский, в своем творчестве и мировоззрении тяготея к системе идей Достоевского, сам подчеркивал, что именно этот писатель, «продолжатель пушкинской традиции в русской литературе», первый понял, что «расшатанный и обуреваемый дух русского человека может укрепиться и успокоиться», только осознав роль Пушкина.⁴² (Не случайно Случевский не только в очерке 1889 г. «Достоевский», но и ранее, в 1881 г., в стихотворении «После похорон Ф.М. Достоевского» (с. 199), называет Пушкина «его поэтом»).

Обращает на себя внимание в выступлениях обоих авторов на разных пушкинских чествованиях не подражание (в отношении Случевского), а родство высказываемых ими идей. Речь Достоевского глубока и обширна, в ней много лирических и исторических отступлений. Существенно в ней то, что подчеркивается всемирность и всенародность Пушкина (в основном, на примере его переводов, поэм, романа «Евгений Онегин»). По словам Достоевского, в «Онегине» «Пушкин явился великим народным писателем <...> Отметив тип русского скитальца <...>, <он> первый угадал <...> историческую судьбу его и <...> значение <...>, поставил рядом с ним тип положительной <...> красоты в лице русской женщины <...> Ни один русский писатель <...> не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин <...>, и <...> наша вера в нашу русскую самостоятельность, <...> сознательная надежда на наши и народные силы» определились именно Пушкиным.⁴³

Этой основной идее пламенной речи Достоевского созвучна идея национальной самобытности и глубокой народности Пушкина, которой проникнута речь Случевского. Это не просто отражение в миниатюре речи великого писателя, а собственные наблюдения автора, которые мы видим в уже упоминаемом очерке Случевского («Святогорский монастырь» или «Мысли на могиле Пушкина»), в основу которого легло изучение поэтом письма Пушкина П.Я. Чаадаеву 1836 г. с экскурсами в историю отечества, которым Случевский уделил особое внимание.⁴⁴ Пушкин Случевского, также как и Пуш-

кин Достоевского, проходит эволюцию — от гения-писателя до олицетворения собою спасения всего русского народа и русского государства. Как и Достоевский, Случевский значение Пушкина связывал с гражданственностью и Россией. Он писал в своем очерке: «<...> и природа, и народ, и няня Арина Родионовна <...>, все это вместе взятое <...> подняло и утвердило дух нашего поэта».⁴⁵

Со своей стороны, Достоевский, анализируя творчество Пушкина и европейскую литературу, считал, что «не было поэта с такою всемирной отзывчивостью (и способного.— А.Г.) перевоплощать свой дух в дух чужих народов <...> как Пушкин».⁴⁶ В связи с этим у Достоевского неизбежно возникла параллель между Пушкиным и Петром I, в эпоху которого весь русский народ, пусть бессознательно, но разом устремился «к самому жизненному воссоединению, к единению человеческому»,⁴⁷ а это любимая параллель и для Случевского. С его точки зрения, Пушкин разнообразен так же, как и Петр Великий, и жизни их совпадают. В равной степени охарактеризованы Петр и Пушкин в «Загробных циклах» Случевского.⁴⁸ «Пробуждение России, развитие ее могущества, ход к единству (к русскому, конечно, единству), Петр Великий», все величественные движения истории нашей, всё — в Пушкине, и вдохновляет не желать иметь другой истории, ни другого Отечества. И передает это Пушкину, по словам Случевского, «всею силою своего великого гения, своего горячего сердца подавляющему большинству людей <того> великорусского пошиба <...>, который сделал и сделает всю нашу историю».⁴⁹ «<...> И нет того угла земли Русской, где бы Пушкин не был в этот день (день своего юбилея.— А.Г.) известен».⁵⁰

Наполненная такими высокими идеями, оптимистически окрашенная речь Случевского, «мрачного» поэта-скептика, достойно открыла юбилейные пушкинские торжества в Святых Горах и выгодно отличалась от длиннейших и насыщенных холодными цитатами выступлений других участников праздника. Особенно ценно для нас, россиян, которым выпала честь в 1999 г., на исходе XX в., встретить 200-летие со дня рождения великого поэта то, что 100 лет назад, на рубеже XIX и XX вв., Пушкин вызвал столь мощный подъем духа всего русского народа.

Что касается Случевского, которому посчастливилось встретить 100-летие со дня рождения Пушкина, что бывает только один раз в истории, мы ясно видим теперь, что он, поэт-пессимист, будучи в полной мере современным для своей эпохи поэтом, всегда пытался сочетать ориентацию на западноевропейскую традицию с поиском в себе русской, в частности, пушкинской традиции. Сознательно и бессознательно выявляя в пушкинском наследии то, что было в какой-то степени близко современной ему дисгармонии, Случевский старался как бы возрождать в литературе ее пушкинский «Золотой век». По отношению к Пушкину Случевский навсегда остался таким, каким он сам себя охарактеризовал в одном из своих поздних стихотворений:

Что мне в том, что я мал и что мир так велик,
И что я побежденным остался!
Все ж я соколом был, к поднебесью привык
И к нему сколько мог порывался...⁵¹

¹ Тахо-Годи Е.А. К.К.Случевский и пушкинская традиция. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.

² Там же. С. 1. Ермилова Е.В. Поэзия на рубеже веков//Смена литературных стилей. На материале русской литературы XIX—XX веков. М., 1974. С. 81, 83.

³ Соболев Л.И. Неизвестное стихотворение К.К.Случевского//Ново-Басманная, 19. 1990. М., 1990. С. 308—312; Ермилова Е.В. Указ. соч. С. 58—59, 81, 92—93; Брюсов В.Я. Случевский — поэт противоречивый//Брюсов В.Я. Собр. соч. в 7-ми т. Т. 6. М., 1975. С. 231; Павлов П.Е. Памяти Случевского//Исторический вестник, 1904, № 11. С. 756; Чуйко В.В. К.К.Случевский//Чуйко В.В. Современная русская поэзия в ее представителях. СПб., 1885. С. 114.

⁴ Бальмонт К.Д. Горные вершины: Сб. статей. Кн. 1. М., 1904. С. 71.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ Тахо-Годи Е.А. Указ. соч. С. 14—15; Тахо-Годи Е.А. Мотивы «Пира во время чумы» в творчестве К.Случевского//Вестник Моск. ун-та, 1993, № 6. С. 39—45.

⁸ Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1962. С. 133—143. В дальнейшем ссылки будут даваться на это издание с указанием страницы в тексте.

⁹ Грязнова А.Ю. Цикл К.К.Случевского «Мефистофель» и «Фауст» И.В.Гете//Русская литература XI—XX веков. Проблемы изучения. Тезисы докладов науч. конференции 29—30 апр. 1992 г. СПб., 1992. С. 30—31.

¹⁰ Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 111.

¹¹ Там же.

¹² Виролайнен М.Н. Ловушка Мефистофеля («Сцена из Фауста») А.С.Пушкина//Анализ драматического произведения. Л., 1988. С. 108—122.

¹³ Соболев Л.И. Указ. соч. С. 309.

¹⁴ Тахо-Годи Е.А. Указ. соч. С. 4.

¹⁵ Опубликовано: Соболев Л.И. Указ. соч. С. 309—310.

¹⁶ Он был министром, камергером, имел придворное звание гофмейстера.

¹⁷ Было напечатано в одной из книг серии рассказов для юношества, издаваемой Случевским: «Книжки моих старших детей». Также см.: Случевский К.К. По Северу России. Т. 1. СПб., 1886. С. 116—121 (или в кн.: Случевский К.К. По Северо-Западу России. Т. 1. СПб., <1897>. С. 104—109).

¹⁸ См.: Мережковский Д.С. Праздник Пушкина//Мир искусства, 1899, № 13—14. Кстати, он и Случевского упоминает лишь в ряду этих событий, иронически подчеркивая, что «<...> и «вольный гений» Случевского приносит к стопам Суворина «Поверженного Пушкина», явно субъективно причисляя Случевского к тем, «чьи бесчисленные жалкие руки тянутся со своими лептами» (там же).

¹⁹ Кублицкая М.А. «Теперича Пушкин в моде...»//Дома у Пушкина. Российский журнал искусств. Тематич. вып. (№ 1). СПб., 1994. С. 91—95.

²⁰ Фаресов А.И. А.С.Пушкин и чествование его памяти. СПб., 1899. С. 44, 60; также с. 36, 38—39, 41—42, 46—47. См. также: Живописное обозрение, 1899, 6 июня.

²¹ Фаресов А.И. Указ. соч. С. 62. См. также: Стрекоза, 1899, 23 мая.

²² См.: Живописное обозрение, там же.

²³ Свидетельство чему — праздничные жетоны и письма-карточки, большей частью выполненные с большой любовью, программки и афиши, хранящиеся, как память о вокально-музыкальном вечере в Павловском вокзале (вход был бесплатный) и о Большом гулянии 15 июня 1899 г. в петербургском Зоологическом саду, и о многом другом, в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина.

²⁴ Экземпляры или проспекты этих и других интересных изданий хранятся в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина, например, проспект издания Попечительным Комитетом о страхе Красного Креста «Сказки о рыбаке и рыбке» с иллюстрациями художника Афанасьева.

²⁵ Еще в 1870—1875 гг. Случевский уже был редактором журнала «Всемирная иллюстрация».

²⁶ И постарался эту работу выполнить на высшем уровне, что отмечала современная ему критика — см.: Тахо-Годи Е.А. Указ. соч. С. 4.

²⁷ Фаресов А.И. Указ. соч. С. 19, 28; см. также: Сологуб Ф. К. Всероссийскому торжеству//Мир искусства, 1899, № 13—14.

²⁸ Север, 1899, № 22, 30 мая (или Кублицкая М.А. Указ. соч. С. 91).

²⁹ Фаресов А.И. Указ. соч. С. 20.

³⁰ Впечатление было столь сильно, что А.И.Фаресов приводит их целиком в своей книге-обзоре — см.: Фаресов А.И. Указ. соч. С. 18—19.

³¹ Мечтою Случевского было написать *кантату* к юбилейному дню, и он даже из-за этого отказался войти в специальную комиссию по отбору лучшего текста, но получилось так, что более известен он стал «Гимном» (см. Тахо-Годи Е.А. Указ. соч. С. 8). В Михайловском исполнялась кантата на стихи Я.П.Полонского; в Санкт-Петербурге на знаменитом юбилейном заседании — кантата на стихи самого К.Р. (см.: Фаресов А.И. Указ. соч. С. 33, 22).

³² См.: Тахо-Годи Е.А. Указ. соч. С. 9.

³³ Фаресов А.И. Указ. соч. С. 38—39, 41—42. Цель самого журнала «Возрождение» (1899—1900) была, кстати, возродить «многое старое, забытое <...>, ясность духа, любовь к людям, к жизни», возродить Пушкина (см.: Русские писатели. 1800—1917. Биографич. словарь. Т. 3. М., 1994. С. 418).

³⁴ Фаресов А.И. Указ. соч. С. 35.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 38.

³⁷ Цит. по кн.: Февчук Л.П. Портреты и судьбы. Из ленинградской пушкинианы. 2-е изд., доп. Л., 1990. С. 204—205.

³⁸ Там же. С. 204.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 26. Л., 1984. С. 129—149.

⁴¹ Тахо-Годи Е.А. Указ. соч. С. 5.

⁴² Там же. С. 6. См. еще: Случевский К.К. Достоевский (Очерк жизни и деятельности). СПб., 1889. Отд. оттиск.

⁴³ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 143—145.

⁴⁴ Случевский К.К. Святогорский монастырь//Случевский К.К. По Северу России в 2-х т. Т. 1. СПб., 1886. С. 116—121.

⁴⁵ Там же. С. 121.

⁴⁶ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 146.

⁴⁷ Там же. С. 147.

⁴⁸ Например, см.: Русский вестник, 1903, № 2, янв. С. 258; № 6. С. 484; или: Профессор бессмертия. Сб. мистических произведений. М., 1992. Также см.: Тахо-Годи Е.А. Указ. соч. С. 15.

⁴⁹ Случевский К.К. Святогорский монастырь... С. 119.

⁵⁰ Фаресов А.И. Указ. соч. С. 33—34.

⁵¹ Случевский К.К. «И холодной волной по железным бортам...»//Случевский К.К. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1988. С. 253.

М.А.Кублицкая

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1899 г. В ПРОВИНЦИИ

(По материалам
научно-вспомогательного фонда
Всероссийского музея А.С.Пушкина)

Старые афиши, открытки, программки, газеты, спичечные и папиросные коробки, перья и школьные тетради, обертки от конфет и морская галька — вся эта груда вещей, интересных и не очень, красивых и смешных, пожелтевших и блестящих, связана с именем Пушкина.

Столетний юбилей поэта торжественно отмечала вся Россия. В тысячах городов и городишек проходили торжественные акты в гимназиях, литературно-музыкальные вечера в театрах и народных домах, народные гулянья на площадях и в парках. Немые свидетели этих дней — музейные экспонаты — о многом могут нам рассказать.

Многое известно о праздновании Пушкинского юбилея в Петербурге: торжества в Таврическом дворце, праздничные обеды, вечера, театральные спектакли... Прилавки магазинов были завалены «пушкинскими» товарами: шоколадом, платками, духами и даже мылом с портретом поэта. Все это, зачастую в карикатурно-искаженном виде, мы видим в самых отдаленных уголках России: во Владикавказе и Гурзуфе, Ашхабаде и Одессе, Костроме и Владивостоке.

Например, две афиши, напоминающие о праздниках в уездном приволжском городе Кинешме — афиша «Чтения с туманными картинами при участии хора и оркестра семейства Шварц», проводимого кинешемским Музыкально-драматическим кружком имени А.Н.Островского, и афиша «Общедоступного спектакля» с декламацией, сценами из «Русалки» и «Бориса Годунова», «живыми картинами» и, в заключение, «Апофеозом»: «Пушкин, венчаемый Россиею».

Эти афиши подобны многим другим, так как практически такие вечера проводились везде по одному сценарию, тот же набор живых картин или сцен из произведений Пушкина встречаем во Владикавказе и Харькове, Симбирске и Выборге. Но эти пожелтевшие афиши словно оживают, когда мы читаем очевидца. Петербургский беллетрист Иван Щеглов (Леонтьев) побывал в эти дни в Кинешме. Он описывает перестроенный из солдатской казармы театр имени А.Н.Островского, соседствующий с родильным приютом и окруженный горами строительного мусора.

Щеглов отмечает «нетребовательность и добродушие» публики, которая с восторгом принимала и Мельника, похожего на ряженого святочного деда, и Князя, предлагавшего дочери Мельника «вместо старинного

ларца — бонбоньерку от Абрикосова».¹ Под бурные аплодисменты прошел «Апофеоз»: «Пушкин стоит на красном помосте, окруженный некоторыми фигурами из своих произведений (в том числе рыжий матрос с засунутыми фамильярно в карманы руками?!), и его венчает зеленым венком полногрудая женщина в блестящем кокошнике и желтом сарафане <...>».

Конфуз случился накануне, на «чтении с туманными картинами», когда к портрету Пушкина, стоящему на сцене, учащиеся кинулись возлагать венки и наломанные на улице ветки, возникла свалка. «Отчего, думалось мне, так очевидно богатеющая в промышленном отношении Кинешма оказалась вдруг такой постыдно бедной в день пушкинского юбилея, что даже не смогла приобрести пушкинского бюста? А ведь такой бюст стоит совсем не так уж дорого... Куда дешевле вот той модной купеческой шляпки, что сейчас выплыла на паперть Вознесенской церкви!» — восклицает автор.² В заключение своего очерка Щеглов пишет: «Но, благодаря Создателю, это драгоценное имя, так или иначе, отныне вошло в обиход Кинешемской жизни, будем радоваться и этому немногому!».³

Сейчас, спустя 100 лет после описываемых событий, многое видится иначе. Есть что-то трогательное в попытках «местной интеллигенции» в глухом, далеком городке, не располагая большими средствами, поучаствовать в общероссийском торжестве, поклониться великому поэту.

На страницах периодической печати публиковались фельетоны о пушкинских торжествах в провинции. В московском журнале «Будильник» за подписью «Провинциал» — несколько юмористических зарисовок.

«Заседание Глухоомутской думы.

Председатель: Господа, надо нам ассигновать сумму на празднование юбилея Пушкина, по случаю чествования памяти его...

Гласные (обращаясь друг к другу): За что и почему чествовать? Пушкин не был гласным Глухоомутской думы и даже не числился в списке обывателей нашего города».

После долгих препирательств гласные думы решают выделить «на Пушкина» 35 рублей.

«Оратор: Тридцать пять целковых не разорят, а за то от людей не отста-ли».²

Бывало и хуже. Серпуховская городская дума постановила: «Ввиду того, что Пушкин ничего особенного для Серпухова не сделал, ходатайство директора гимназии об учреждении в память Пушкина городского училища отклонить».³

Всероссийскую огласку получили препирательства в Белгородской городской думе. Фельетон об этом событии за подписью «Все тот же» не замедлил появиться на страницах художественно-юмористического журнала «Стрекоза». Назван он был: «Листок, вплетенный Белгородом в юбилейный пушкинский венок».

«Гласный И.Мачурин: Отказать! Не надо! Ишь, сто рублей!..

Гласный Н.Ильинский: Много!.. Слишком много! При двухсоттысячном бюджете сто рублей...

Гл. И.Мачурин: На какого-то там Пушкина!

Голоса: Верно!.. Так!

Гл. Н.Ильинский: Тридцать пять рублей за глаза довольно. Как вы думаете, господа гласные? Я предлагаю тридцать пять рублей. <...>

Гл. И.Мачурин: Что нам Пушкин? Какой там Пушкин? Мало ли какие там есть Пушкины? Все это газеты повыдумали... пишут... обезьяны мы!.. Много таких Пушкиных у нас есть... Чем я хуже Пушкина? Чем мы хуже Пушкинов?.. <...>

Голоса: Красненькую, куда ни шло... Нет, что уж, — слышали, сказано: тридцать пять рублей... Тридцать пять согласны!

Гл. Н.Ильинский: Картины для волшебного фонаря на них купим...

Один из гласных: Да разных там портретиков Пушкина для раздачи школьникам...

Гл. Н.Ильинский: Вот и все. Больше ничего и не надо. А главное — тридцать пять рублей». ⁶

Помогает представить себе ситуацию с пушкинским юбилеем и фельетон за подписью «Провинциал» в уже упоминавшемся «пушкинском» номере «Будильника»:

«В земстве.

— Нельзя ли, г.г. члены управы, по случаю юбилея Пушкина дороги исправить в уезде?

— Да какое же такое отношение юбилей к дорогам имеет?

— А такое, что из-за них Пушкин в нашем городе не был, потому что в его время, как и нынче, никак проехать невозможно было». ⁷

Однако «под юбилей» появилась возможность залатать дыры в городском хозяйстве, что-то построить, отремонтировать, помочь неимущим учащимся и т. п.

В книге А.И.Фаресова «Александр Сергеевич Пушкин и чествование его памяти» (СПб., 1899) упоминается общественное гулянье в Александровском парке Одессы в пользу устраиваемого «Убежища инвалидов печати» имени Пушкина; закладка «пушкинского здания для 900 учеников» в Харькове; выделение 1000 рублей в год на организацию ремесленных курсов и постановление об открытии на средства купечества коммерческого училища имени Пушкина в Вильне; открытие 5-ти новых училищ имени Пушкина в Юхновском уезде Смоленской губ.; во Владикавказе имя Пушкина было увековечено устройством общежития для учащихся горцев.

На афишах Пушкинских концертов, вечеров, праздников делались такие примечания: «В пользу Попечительства о бедном учащемся юношестве» (Астрахань); «В пользу недостаточных учениц гимназии» (Выборг) и т. д.

Разбивались Пушкинские скверы, высаживались деревья на аллеях, бульварах в честь юбилея. Так, в программе Пушкинских празднеств в Седлецкой мужской гимназии (на территории Польши, входившей тогда в состав России) указано: «30 мая 1899 года. В 6 часов вечера учениками гимназии будет произведена посадка деревьев в память А.С.Пушкина — против здания гимназии и в городском саду. При этом будет играть гимназический оркестр».

В Пензе «после панихиды, на углу Лекарской улицы и Большой Федоровки, происходило освящение “Пушкинского” бульвара. При этом было совершено благодарственное молебствие, по окончании которого посажены два дерева». ⁸

Почтовые открытки, хранящиеся в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина, запечатлели Пушкинские сады в Туле, Калуге, Тифлисе, бульвар в Житомире, сквер во Владикавказе...

И сами Пушкинские вечера использовались иногда в практических целях. Так, на «торжественном акте» в Пензенской городской думе инспектор народных училищ П.Ф.Орелкин, после неперемного «Апофеоза» (венчания бюста Пушкина венками), зачитал отчет о состоянии начального народного образования в Пензе. «Под юбилей» на средства городского общества были открыты два новых начальных училища имени Пушкина, но и при этом «<...> нигде не обучается около 1500 детей школьного возраста, главным образом по недостатку начальных училищ: существующие училища переполнены выше меры <...>». ⁹ Горячо ратующий за дело народного образования инспектор предложил ежегодно в день рождения Пушкина зачитывать доклад о состоянии начального образования в Пензе: «В нем каждый год будет отмечаться, в какой мере разгорается здесь “прекрасная заря просвещенной свободы”, о которой мечтал Пушкин». ¹⁰

Сравнивая программы торжеств в разных городах, нельзя не заметить их удивительного, скучного единообразия (конечно, это совсем не означает, что для обывателей города такие торжества не были выдающимся событием). Чувствуется указующая рука начальства. И правда, к примеру, циркуляр министра народного просвещения содержал список произведений поэты, «желательных» для чтения, и отрывков из драматических произведений для постановки. «По регламенту» проводились и «народные Пушкинские чтения», и торжественные акты в высших учебных заведениях.

В некоторых местах юбилей отмечался с особым размахом. В Костроме, к примеру, обывателям предлагалось 27 мая убрать дома флагами и иллюминировать. «Вечером 27 мая от города будет пущен фейерверк», — значится на афише. «Не правда ли, совсем как празднование Царского дня!» — замечает И.Щеглов. ¹¹

перелистывая подшивки газет 1899 г., поражаешься соседству репортажей о пышных торжествах и тревожных сообщений о голоде, поразившем Самарскую, Казанскую, Уфимскую, Вятскую губернии. Не совсем прилично выглядели праздничные обеды в честь Пушкина в такой момент. «Никакого радостного возбуждения в русском обществе нет и быть не может... Немыслимо душевное спокойствие, пока из неурожайных губерний приходит вести о постоянно усиливающемся народном бедствии <...>». ¹²

В газете «Днепровская молва» (Екатеринослав) по поводу сбора в городе средств на памятник поэту читаем: «Будем лучше скромны и не помпезны в день столетней годовщины Пушкина, проникнемся добрыми чувствами в 26 мая и вместо 30.000 рублей на медный памятник подарим лучше тридцать тысяч лошадей голодающим пахарям, а дорогостоящую помпу оставим на лучшие времена, когда голода не будет среди нас». ¹³ Но памятник все же был установлен.

Кстати, в фондах хранится интересная брошюра «Памяти Пушкину в Екатеринославе» (Екатеринослав, 1901) с подробным отчетом о сборе пожертвований, который продолжался вплоть до 1901 г. На это благородное дело пошли средства от спектакля, данного 9 июля 1899 г. в театре Общественного собрания (82 руб. 15 коп.), от гулянья, устроенного 9 августа

1899 г. в городском саду (110 руб. 30 коп.), от костюмированного вечера, устроенного 13 февраля 1900 г. в Английском клубе (143 руб. 65 коп.), пожертвования от уездных исправников (от 25 до 265 руб., давали по-разному), от городских голов (от 5 до 38 руб.), от разных неназванных лиц — 555 руб. 45 коп. Всего было собрано 6276 руб. 53 коп., недоставало для того, чтобы расплатиться за изготовление и установку памятника еще 1396 руб. 39 коп. Приводим эти цифры потому, что помимо общих слов о том, что в юбилейные и послеюбилейные дни и даже годы в разных уголках России появляются памятники поэту, сооруженные на общественные пожертвования, нам кажется интересным представить себе, как это выглядело на самом деле.

Вообще, удивительно разнообразна коллекция научно-вспомогательного фонда, посвященная юбилею Пушкина! Это, к примеру, «Пушкинский» номер газеты «Южный курьер» (Харьков), почтовая открытка с изображением памятника Пушкину в Харькове, программы торжественного собрания в Императорском Харьковском университете и праздника в Харьковской высшей женской школе; афиша «Торжественного представления с туманными и живыми картинами» в городском театре Либавы (Лиепая, Латвия), программа литературно-музыкального вечера в Либавском женском кружке, заканчивающегося, после обязательного «Апофеоза», танцами; программа вечера в Рязанской мужской прогимназии и прелестная фотокомпозиция «Чествование памяти А.С.Пушкина в Рязанской Мариинской женской гимназии» с фотографиями детей в сценах пушкинских спектаклей. Фотографом В.Сергеевым выполнена композиция «Ученическое литературно-музыкальное утро в зале Общественного собрания в г. Астрахани».

Упоминание еще об одном заслуживающем внимания факте мы находим в программе торжественного чествования 100-летия Пушкина в Уманском училище земледелия и садоводства. Это «раздача воспитанникам юбилейных медалей и избранных сочинений Пушкина». Такие акции проводились повсеместно, сочинения Пушкина раздавались не только школьникам, но и на народных гуляньях, в армии. По свидетельству А.И.Фаресова, «<...> С Высочайшего соизволения издан “Сборник избранных произведений А.С.Пушкина” для рассылки его во все роты, эскадроны, батареи и соответствующие им войсковые подразделения; всего для бесплатного снабжения войск издано 12.200 экземпляров».¹⁴

В учебных же заведениях выдавались разные издания поэта, его портреты, памятки. «Собрания сочинений и портреты Пушкина» получили учащиеся Тифлисского реального училища, о чем сообщалось в программе торжественного акта. Кроме программы литературно-музыкального утра в Александровском Учительском институте и детского вечера в «Тифлиском кружке», в фондах хранятся интересные почтовые открытки: памятник Пушкину в Пушкинском саду на Эриванской пл. Тифлиса и изданная книжным магазином К.Н.Бегичева в Тифлисе открытка с портретом поэта (якобы «с Кипренского», но на самом деле больше похожего на мрачного горца). Переносят нас в прошлое и открытки, на которых запечатлены «Женская гимназия А.С.Пушкина» в Юрьеве, «Дом имени А.С.Пушкина» в Самаре, Пушкинские улицы в Смоленске и Брест-Литовске, Пушкинский сад в Туле, Пушкинская галерея в Железноводске.

О пушкинских торжествах в Житомире, кроме почтовой открытки с изображением памятника поэту на городском бульваре (издание Г.Н.Лейбенгарца в Житомире), напоминает нам и трогательный документ: листок из ученической тетради с рукописью стихотворения ученика 2-го класса Житомирского городского двухклассного училища Виктора Терешко, заканчивающегося так:

Но от великого поэта
Остались на земле следы...
И вечно, вечно здесь на свете
Все будут знать его труды!..

Стихотворение было прочитано автором на акте городских училищ.

Юбилей Пушкина отмечался и в Вене (вечер был устроен славянскими обществами, о чем свидетельствует программа), и в Праге (вечер устраивал кружок любителей русского языка). «Заграницей» в нашем сознании остается и Финляндия, хотя в то время она входила в состав России. В Гельсингфорсе (Хельсинки) прошел музыкально-драматический вечер. Сохранившаяся программа на русском языке дает о нем полное представление. Очень интересен отпечатанный в типографии «Отчет по устройству музыкально-драматического вечера» в театре Гельсингфорса. Вот статьи расходов: «гримерам и портному», «покупка и расписка нот», «прокат и настройка пианино», «двоим военным музыкантам», «чай, хлеб и холодная закуска 60-ти исполнителям во время 12 репетиций и вечером...» — вот, оказывается, как непросто устроить вечер! Вечер дал чистого сбора 771 марку и 7 руб. 75 коп., каковые были переданы в Фонд имени Пушкина для устройства при Александровской гимназии пансиона имени поэта.

В беглом обзоре невозможно рассказать о больших, можно сказать, академических торжествах в Киеве, веренице праздников в искренне восторгалась поэтесса Одессе. Отдельного рассказа заслуживает и праздник в Святых Горах, масса музейных материалов и газетных публикаций на эту тему ждут своего толкователя.

Невозможно обойти молчанием один любопытный документ, неоднократно упоминавшийся в исследованиях, но, увы, отсутствующий в коллекции Всероссийского музея А.С.Пушкина. Это нелегальная брошюра саратовской социал-демократической группы «Несколько слов о Пушкине», выпущенная к юбилею. Возмущаясь громкими торжествами посреди народных страданий от голода и болезней, автор ее утверждает: «Ссылками и тюрьмой награждало и награждает русское правительство друзей народа и только один из них Пушкин был награжден 30-тысячной рентой и званием камер-юнкера. Этот факт наглядно показывает нам, что Пушкин не был другом народа. <...> Если мы обратимся к его произведениям, то увидим, что Пушкин никогда не интересовался народом, не любил его и не болел за него душою».¹⁵ Юбилей поэта здесь, в общем-то, только повод для пропаганды революционных идей: пусть буржуазия «<...> устраивает в честь своих героев-поэтов торжественные празднества. Мы с презрением отвернемся от этого шумного ликования буржуазии. Пускай она веселится под звуки военной

музыки и церковного пения <...> Но пусть она также помнит, что ее веселье не бесконечно». ¹⁶

В самом деле, мы знаем, как образованное меньшинство отмечало Пушкинский юбилей. В каком виде дошел он до малограмотных или вовсе безграмотных крестьян и рабочих, в села и хутора? Вопрос этот ставился и в 1899 г. К примеру, на страницах «Сельского вестника» публиковались любопытные письма крестьян о Пушкине.

Подводя итоги юбилея, журналисты отмечали его сословный характер. «Это был праздник интеллигенции, а не народа», — заявляет, например, Вл. Новоселов в заметке «Пушкинские дни». ¹⁷ Чем дальше от городов и хороших дорог, тем труднее найти приметы юбилея. Упомянутый выше Иван Щеглов в постюбилейные дни проехал по Псковщине. Даже в Святых Горах мужики довольно равнодушно отзывались о «понаехавших» господах, воспринимали торжества как не имеющие к ним никакого отношения.

Зато зримых примет юбилея было предостаточно: «В читальне, открытой при богадельне, целых два бюста Пушкина, в народной чайной портрет Пушкина, в покоях настоятеля монастыря опять несколько портретов Пушкина; в лавках “карамель Пушкин”, папиросы Пушкин <...>». ¹⁸ Итак, столичная мода на «распродажу» Пушкина в виде конфет, шоколадок, спичек и мыла докатилась и сюда...

После Святых Гор наш путешественник едет в Новоржев, городишко, который поэт не любил. «Из следов недавнего Пушкинского торжества заметил, по дороге, “единственный”, в окне одного из магазинов — носовой платок с портретом поэта... из чего вывел, что новоржевцы не чужды мстительного чувства и прибегают к Пушкину лишь в крайнем случае». ¹⁹ Наверняка это был носовой платок, выпущенный товариществом «Брокер и К» в Москве! Кроме портрета поэта и сцен из «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», «Руслана и Людмилы», на нем надпись: «В память столетия со дня рождения великого русского писателя А.С.Пушкина».

С юмором описывает автор и сцену на станции Ашева. На проходившей здесь ярмарке «среди мужицкого, преимущественно молодого поколения <...> большой эффект производит московская новинка — “карамель Пушкин”, продолговатая коробка с портретом Пушкина и картинками из его сочинений. Это в некотором роде “крик ярмарки”. <...> Перед одной из таких карамельных палаток замечаю высоченного, глазастого парня с гармоникой под мышкой, который с явным умилением рассматривает изображенную на крышке коробки сцену бала из “Евгения Онегина” и, потяя, по складам, с грубо мужицким ударением на “о”, одолевает подпись под картинкой:

Скажи мне, князь, не знаешь ты
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит?

<...> Книжных ларьков на ашевской ярмарке я что-то не заметил, и карамель-просветитель оказалась, таким образом, единственным утешительным явлением». ²⁰

Увы! При всем множестве юбилейных конфетных коробок, хранящихся в музее, именно такой: московской фабрики со сценами из «Евгения Онегина», — нет. Но есть подобные, очень интересные. Одна из них, плохо сохранившаяся, из коллекции знаменитого А.Ф.Отто-Онегина: «Карамель “Евгений Онегин”», «Паровая фабрика конфект и шоколада С.Васильева. С.-Петербург» со сценами бала у Лариных и дуэли, в центре — портрет: Яковлев в роли Онегина. Другая коробка «Карамель Пушкин» Московской фабрики «Яни» с изображением бюста Пушкина, воспроизведением с картин И.К.Айвазовского и И.Е.Репина «Прощай, свободная стихия» и А.Волкова «Дуэль Пушкина с Дантесом».

Любопытно, как смешные и «дурного вкуса» столичные вещи долетали до провинции и играли там не только просветительскую роль, но и становились образцом для подражания!

И вот мы видим в коллекции музея обертку от «Карамели Пушкин» кондитерской фабрики торгового дома «Х.Н.Манаков и К» в Архангельске, от «Карамели Пушкин» Бр. Каганов, Шавли (это уездный город Ковенской губ., Литва), от карамели «Юбилейная» паровой фабрики Бр. Крахмальниковых в Одессе. Причем на последней под портретом поэта подпись: «А.С.Пушкин. Смотри оборот». В недоумении «смотрим оборот» и видим строки из «Бесов» — совмещаем приятное с полезным!

Школьные тетради с портретом Пушкина выпускались во Владикавказе, Екатеринославе, Минске, Борисове Минской губ. В Борисове же паровой спичечной фабрикой «Виктория» Б.И.Соломонова выпускались спички в коробке с портретом Пушкина. Такой же портрет — на коробке от спичек «Салонные» акционерного общества «Молния» — в городе Мозыре Минской губ.

Интересно держать в руках коробки из-под папирос с портретом Пушкина. «Юбилейные» папиросы выпускала фабрика Иосифа Згиза, «А.С.Пушкин» — фабрика Н.А.Пилипенко, это в Киеве. В Вильне папиросы «Пушкинские» — фабрика Шишмана и наследников Друнча. В южном, теплом Ростове-на-Дону папиросы «Слава России» выпускала фабрика В.И.Асмолова и К, «Пушкина» — фабрика братьев Асланиди.

На юге — и сувениры для туристов: настоящая морская галька с аляповатым портретом поэта — приветы из Ялты и Новороссийска.

Производство «пушкинского ширпотреба» докатилось и до далекой Германии. В фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина трепетно хранится обломок расчески, на котором едва различима надпись: «...амать А.С.Пушкина — 1899». Эта по-своему уникальная вещь была прислана в музей в 1963 г. Г.Б.Григорьяном из Армении. «Место находки расчески находится в районе рудника № 7-10 (у подножия горы Башкенд). В данном месте рыли канаву для городского водопровода. Расческу я нашел в выброшенном из канавы грунте», — пишет он. По стертой надписи тогда же было установлено, что она была выпущена в Ганновере (Германия) компанией по изготовлению каучуковых гребней. Конечно, как правило, вещи попадают в музей менее экзотическим путем...

Многие, в том числе «провинциальные», юбилейные вещи пришли во Всероссийский музей А.С.Пушкина из Пушкинского музея Императорского Александровского лицея, через Пушкинский Дом. Уникальную часть

коллекции музея составляют вещи, собранные А.Ф.Отто-Онегиным. Находясь в Париже, он получал от своих корреспондентов из России много интересных «мелочей». Четыре его больших альбома заполнены юбилейными почтовыми открытками. Среди них есть интереснейшие. Вот изданный Общиной св. Евгении вид Пушкинской улице в Петропавловске (скорее всего, это не тот, что на Камчатке, а тот, что в Сибири, Акмолинской губ., на реке Ишиме). Одноэтажные деревянные дома, улица немощеная, разрытая колеями. Вот памятник Пушкину в Самаре (издание Д.П.Ефимова): в скверике, обнесенном деревянным штакетником, у подножия памятника — два мальчишки в картузах. И пароход был назван именем Пушкина! Подтверждение этому — открытка издания магазина фотографических принадлежностей Шанина, Самара — Оренбург. На ней — пассажирский пароход, плывущий по Волге: «Самара. Пароход Пушкин».

Одна из самых интересных — открытка издания магазина Бр. Крестины. Это «Святые Горы Псковской. Вид театрального зала при депо. Пожарные за юбилейным обедом». Зал украшен флажками, под потолком — керосиновые лампы. Двумя рядами стоят столы, чинно расселись пожарники в парадной — белой — форме. Столы уставлены бутылками и закуской. Запечатленное мгновенье...

Виды Пушкинского народного дома в Вологде (окна заколочены: ремонт? стройка?); Пушкинского сада в Калуге; чудный вид Пушкинской улицы в Ташкенте: широкая немощеная аллея, на ней — четыре лихих всадника в белых тюрбанах...

Об итогах празднования Пушкинского юбилея писали многие газеты. При разбросе мнений о том, «дошло ли слово поэта до русского народа», все были едины в одном: пользу юбилей принес немалую.

«Минск. Учреждается публичная библиотека (до сих пор не было).

Новочеркасск. Решено построить народный театр.

Пермь. Решено построить народный дворец.

Бердичев. На совместные средства города и купечества учреждается коммерческое училище.

Бендеры. Учреждено 35 стипендий для бедных учеников городских училищ <...>, — эти строки взяты из длинного, на целый лист, перечня, опубликованного в газете «Днепровская молва».²¹

Может быть, это и был лучший подарок юбиляру?

Грядущий 200-летний юбилей Пушкина, надеемся, принесет, помимо празднеств, презентаций и фейерверков, не меньшую практическую пользу учреждениям культуры, музеям, школам России.

¹ Шеглов И. Новое о Пушкине. СПб., 1901. С. 20.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 20.

⁴ Будильник, 1899, № 19, 23 мая. С. 8.

⁵ Цит. по: Айзеншток И. Три юбилея//Лит. современник, 1937, № 1. С. 305.

⁶ Стрекоза, 1899, № 21. С. 21.

⁷ Будильник, 1899, № 19, 23 мая. С. 8.

⁸ Пушкинские дни в Пензе/Сост. К.Н.Корольков. Пенза, 1899. С. 5.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹ Шеглов И. Указ. соч. С. 35.

- ¹² Вестник Европы, 1899, Т. 3. Кн. 6. С. 849.
- ¹³ Днепровская молва, 1899, № 8, 21 февр. С. 228.
- ¹⁴ Шеглов И. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁵ Лит. наследство. Т. 16/18. М., 1934. С. 1048—1049.
- ¹⁶ Там же. С. 1052.
- ¹⁷ Живописное обозрение, 1899, 6 июня. С. 467.
- ¹⁸ Шеглов И. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁹ Там же. С. 78.
- ²⁰ Там же. С. 80—81.
- ²¹ Днепровская молва, 1899, № 22, 6 июня. С. 681—682.

В. П. Старк

**ПУШКИНСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ
В СБОРНИКЕ В. СИРИНА
(В. В. НАБОКОВА) «ГОРНИЙ ПУТЬ»**

Сборник «Горный путь», как обозначено на его титуле, вышел в берлинском издательстве «Грани» в 1923 г., но поступил в продажу уже в конце 1922 г. Открывается сборник посвящением: «Памяти моего отца», — и эпиграфом:

...Погиб и кормщик и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Пушкин

Под этими знаменитыми стихами можно было бы и не проставлять имени автора, но Набокову хотелось сопрячь имя Пушкина с личностью своего отца, которые как бы и оказались сведенными вместе на титульном листе книги, посвященной памяти Владимира Дмитриевича Набокова, так высоко, по-пушкински, ставившего понятие чести и погибшего, как рыцарь, 28 марта 1922 г.

Рана была еще свежа, и следующий сборник стихотворений «Гроздь», вышедший одновременно с этим, сын также посвятил отцу. Позднее, в последнем русскоязычном и во многом автобиографическом романе «Дар» Набоков, определяя кровную и духовную связь между своим героем поэтом Годуновым-Чердынцевым и его отцом, напишет слова, которые в полной мере относимы к его собственному отцу: «Мой отец мало интересовался стихами, делая исключение только для Пушкина: он знал его, как иные знают церковную службу, и, гуляя, любил декламировать».¹ Это посвящение и этот эпиграф открывают в творчестве Набокова один очень существенный мотив, обозначаемый тем, что «ритм пушкинского века мешался с ритмом жизни отца». Развитие этого мотива, столь очевидное в романе «Дар», звучит и в других романах Набокова и во всех вариациях его биографического повествования. В «Других берегах» дуэль отца с издателем Сувориным, благополучно закончившаяся, уже ассоциируется с дуэлью Пушкина и дуэлью Онегина с Ленским.

Большая часть стихотворений сборника «Горний путь» была написана еще в Крыму, где Набоков, говоря его собственными словами, «окунулся в пушкинские ориенталии». Пушкин, сосланный на юг из Петербурга и оказавшийся в Крыму, сравнивает себя с изгнанником Овидием. Набоков вослед Пушкину себя сопоставляет с Овидием, но прежде всего с Пушкиным, которого назвал «блестящим примером вечного изгнанника». Биограф Набокова Брайан Бойд, первым получивший доступ к неизданным письмам и дневникам писателя, в том числе крымского периода, так характеризует набоковское ощущение себя в сопоставлении с Пушкиным: «Как поэт, повеса и изгнанник, Набоков чувствовал свою близость Пушкину. Несомненно, ему нравилось ставить себя на место страдающего поэта, но в том, как он переживал собственное изгнание — уже тогда, по его словам, с неменьшей силой, чем в последующие годы, — не было ни позы, ни просто литературной рефлексии».

Б.Бойд, цитируя неопубликованные тексты Набокова, пишет о игривой манере общения его в Крыму с Лидией Токмаковой, увлечение которой проецируется им на пушкинские романы периода южной ссылки: «Ощущая, что (легкомысленная декадентская и какая-то нереальная обстановка. — В. С.) того лета оживляет атмосферу пушкинского Крыма столетней давности, Набоков развлекал и раздражал свою подругу, комментируя свои собственные поступки или слова, будто бы припоминая их, в той несколько жеманной манере, которую она, как можно было бы предположить, вырабатывает много лет спустя в своих мемуарах (в стиле мемуаров о Пушкине): «Набоков любил вишни, особенно спелые», или «Он имел обыкновение щуриться, глядя на предзакатное солнце», или «Помню, однажды ночью, когда мы раскинулись на муравчатом берегу...»² Ориентированные на Пушкина ощущения самого себя, своего творчества, своего пути определили, в частности, и название первого сирийского поэтического сборника.

Первое стихотворение сборника, в котором очевидно выявляется переключка с пушкинскими, это «Звени, мой верный стих, витай, воспоминание!..» — своеобразная элегия с четкими приметам утраченного Набоковым усадебного рая, вызывающее ассоциацию с деревенскими стихами Пушкина. Эта ассоциация основана на прямых реминесценциях сразу с двумя пушкинскими текстами — самым первым, посвященном Михайловскому, то есть с «Деревней» (1819), и строфой из «Путешествия Онегина», своеобразной контаминацией которых являются набоковские строки:

Напротив берега я вижу мягкий скат,
на бархатной траве разбросанные бревна,
а дале — частокол, рябин цветущих ряд,
в лучах над избами горящий крест церковный
и небо ясное...

Сравним со строками из стихотворения «Деревня»:

За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...

И стихами из «Путешествия Онегина»:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор...

Последние стихи — своеобразное кредо, провозглашаемое лирическим героем, — следуют как раз за строфами, посвященными онегинскому посещению «берегов Тавриды». Спустя 100 лет Набоков как будто странствует по Крыму с томиком Пушкина в руках.

Пропушкинское восприятие Крыма явилось для Набокова своеобразным противовесом реальности, в которую он окунулся, ибо эта реальность была далека от образа, сложившегося, прежде всего, благодаря Пушкину. Его подтекст определил отношение Набокова к Крыму, как он и писал в «Других берегах»: «Крым показался мне совершенно чужой страной: все было не русское, запахи, звуки, потемкинская флора в парках побережья, сладковатый дымок, разлитый в воздухе татарских деревень, рев осла, крик муэдзина, его бирюзовая башенка на фоне персикового неба; все это решительно напоминало Багдад, — и я немедленно окунулся в пушкинские ориенталии».³

В стихотворении «Когда с небес на этот берег дикий...» второй его стих («роняет ночь свой траурный платок») явственно отзывается пушкинским из стихотворения «19 октября <1825 г.>»: «Роняет лес багряный свой убор...».

Набоковская «Элегия» проецируется на описание деревенской жизни в IV главе «Евгения Онегина»:

Березы, вкрадчиво шумящие вокруг,
учили сочетать со звуком точный звук,
и рифмы гулкие выдумывало эхо,
когда, средь тишины темнеющего дня,
бродя по прихоти тропы уединенной,
своими кликами даль мирную дразня,
я вызывал его из рощи отдаленной.

Сравним:

Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
они слетают с берегов.

Особая дань Пушкину принесена Набоковым под впечатлением посещения в конце лета 1918 г. древней резиденции крымских ханов стихотворением «Фонтан Бахчисарая (в память Пушкина)», напечатанном тогда же в сентябрьском номере газеты «Ялтинский голос», и стихотворением «Крым» уже 1920 г., включенном в сборник «Горный путь». В этом стихотворении, созданном ровно 100 лет спустя после пушкинского посещения Крыма, отозвались не

только поэма «Бахчисарайский фонтан» и стихотворение Пушкина «Фонтану Бахчисарайского дворца», но и его письмо А.А.Дельвигу от декабря 1824 г., в котором он вспоминает о реальном, не романтизированном впечатлении от фонтана Бахчисарая: «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавелой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат» [VIII (1), 438]. В каком запустении увидел дворец Набоков, нетрудно себе представить, скорее всего вода и вовсе не текла по проржавелым трубам фонтана, но, вослед Пушкину, в своих стихах, посвященных фонтану, он, игнорируя реальность, создает поэтический образ, перекликающийся с пушкинскими стихами:

И посетил я по дороге
чертог увядший. Лунный луч
белел на каменном пороге.
В сенях воздушных капал ключ
очарованья, ключ печали,
и сказки вечные журчали
в ночной прозрачной тишине,
и звезды сыпались над садом.
Вдруг Пушкин встал со мною рядом
и ясно улыбнулся мне.

Еще один пушкинский пассаж из его письма к Дельвигу отозвался в стихотворении сборника «Береза в воронцовском парке». Пушкин пишет: «Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! сердце мое сжалось: я начал уже тосковать о милом полудне, хотя все еще находился в Тавриде, все еще видел и тополи и виноградные лозы» [VIII (1), 437—438]. Набоковское стихотворение подхватывает и развивает пушкинское впечатление:

Среди цветущих, огненных деревьев
грустит береза на лугу,
как дева пленная в блистательном кругу
иноплеменных дев.

И только я дружу с березой одинокой,
тоскую с ней весеннею порой:
она мне кажется сестрой
возлюбленной далекой.

В заключительных словах пушкинского «Отрывка из письма к Д.» поставлен вопрос и дан ответ, под которым вполне мог бы подписаться и Набоков, отнеся их не только к Бахчисарая: «Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные с таким равнодушием? или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему?» [VIII (1), 439].

Стихотворение «Сон на Акрополе», написанное в Афинах 25 апреля 1919 г., но помещенное в сборнике следом за более поздним «Крым», открывается строками, прямо ориентированными на пушкинское восприятие прошедшего:

Я эти сны люблю и ненавижу.
Ты знаешь ли их странную игру?
На миг один, как стая птиц роскошных,
в действительность ворвется вдруг бывое
и вокруг тебя, сверкая закружится
и улетит, всю душу взволновав.

В этом же стихотворении заключена переключка со строками из уже цитированного «Путешествия Онегина» (вспомним — «пьяный топот трепака // Перед порогом кабака»):

Преобразились белые Афины.
Передо мной — знакомое село:
все сизые, полуслепые избы,
кабак с зеленой вывеской, часовня,
да мальчики, играющие в бабки,
да жалобно мычащая корова,
да пьяница, и пьяный русский ветер,
вадувающий рубашку на спине...

А «мальчики, играющие в бабки», отсылают читателя к последним в жизни Пушкина написанным и напечатанным стихотворениям.

Перед Александровским дворцом в городе Пушкине (Царском Селе) на полпути от Лицея до дачи Китаевой стоят две скульптуры, которым Пушкин посвятил стихотворения, когда увидел их впервые на выставке, открывшейся в сентябре 1836 г. в Академии Художеств в Петербурге. Одна из них исполнена скульптором А.В.Логановским (1810—1855) и изображает юношу, играющего в старинную русскую национальную игру — свайку. Ей посвятил Пушкин стихотворение «На статую играющего в свайку»:

Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч, — тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянуса,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать.

Вторая скульптура юноши, играющего в не менее старую русскую игру в бабки, принадлежала скульптору Н.С.Пименову (1812—1864). Ей посвящено Пушкиным стихотворение «На статую играющего в бабки»:

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость,
Вот уж прицелился... прочь! раздайся народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удалой игре.

Президент Академии Художеств А. Н. Оленин представил поэту Н. С. Пименова. Пушкин пожал ему руку и назвал его «собратом». По преданию, «А. С. Пушкин в энергическом порыве и с намернувшимися на глазах слезами, взяв в обе руки руку ваятеля, сказал громко: слава Богу, наконец скульптура на Руси явилась народной».⁴ По словам биографа Пименова П. Петрова, тут же на выставке Пушкин набросал четверостишие в записной книжке, вырвал листок и вручил художнику с приглашением к себе; Пименов не мог об этом вспоминать без волнения.⁵

Оба стихотворения были впервые напечатаны в статье Н. В. Кукольника «С.-Петербургская выставка в Императорской Академии Художеств». Стихи были предварены таким текстом: «Эти изваяния имеют и литературное достоинство! А. С. Пушкин почтил их приветственными античными четверостишиями, которыми, с обязательного согласия автора, мы имеем удовольствие украсить наше издание. Эти четверостишия равно принадлежат как отечественной литературе, так и отечественным художникам».⁶ Сравнение в первом стихотворении знаменитой статуи Дискобола работы греческого скульптора V в. до н. э. Мирона с ваянием русского мастера как раз и является свидетельством высокой оценки Пушкиным изваяний двух юношей, которую поэт высказал согласно рассказам современников. Два эти стихотворения являются последними новыми, напечатанными при жизни Пушкина.

Спустя почти столетие, в 1923 г., в первом эмигрантском поэтическом сборнике Сирина (Владимира Набокова) «Горний путь» будет напечатано стихотворение «LAWN-TENNIS»:

Юноша, белый и легкий, пестрым платком подпоясан;
 ворот небрежно раскрыт, правый отвернут рукав.
 Встал он, на гладком лугу, за черту, проведенную мелом,
 голову поднял с улыбкой, мяч серебристый подкинул, —
 выгнувшись, плавно взмахнул многострунной широкой лаштою —
 миг, — и со звуком тугим мяч отлетает и бледной
 молнией падает там, где стоит, ожидая, такой же
 юноша, белый и легкий; миг, — и со звуком ответным
 мяч возвращается вновь через сетку, чуть вздутую ветром.
 Мягкие синие тени бегут по траве озаренной.
 Поодаль зыблется вяз. На ступени, у двери стеклянной,
 лоснится лейка забытая. Дышат, блестят занавески.
 В доме прохладно и пусто, а тут, на упругой поляне,
 гонится ветер за солнцем, и будет до вечера доляться
 легких мячей перезвон, — юности белой игра...

10 декабря 1920

Мастерская пародийная переключка с пушкинскими стихотворениями очевидна. Узнавание происходит с первых строк, и дело не только в общем ритме и стихотворном размере, все, начиная с этой формальной стороны, ориентировано на стихи Пушкина. В одном стихотворении Набокова как бы сводятся оба юноши из пушкинских стихотворений, однако, играют они в игру XX в. — теннис, мастером которой был с юности автор. Теннис —

есть элемент «утраченного рая» Набокова, его России. Еще одним мостиком из тех, что постоянно наводил Набоков между собою и Пушкиным, служит эта поэтическая перекичка через столетие — своеобразная игра одного поэта с другим, игра, поэтика которой в значительной мере определяет характер первого сиринаского стихотворноо сборника «Горний путь» и предопределяет набоковские отражения пушкинских текстов, мотивов и образов во всем последующем творчестве Набокова.

¹ Набоков В.В. Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. М., 1990. С. 133.

² Boyd V. Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton, 1990. Н. 147. Пер. с англ. Г.В.Лапиной.

³ Набоков В.В. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1990. С. 268.

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 2-е изд./Под ред. Г.Н.Геннади. Т. 1. СПб., 1870. С. 520.

⁵ Петров П. Н.С.Пименов, профессор скульптуры. СПб., 1883. С. 5—6.

⁶ Художественная газета, 1836, № 940, дек. С. 141.

Т.С.Буковская

ПОСЛЕДНИЙ СПОР

Случай, рок, судьба, провидение или Божественный промысел пусть с небольшим зазором, но соединили финиш века и, должно быть, в последний раз так отчаянно, так надрывно отмечаемый юбилей Пушкина. Мне дела нет до государственного пафоса официальных торжеств, ведь все, в сущности, живо лишь «мнением народным», а в нем-то Пушкин ничего не потерял. Но, странным образом, мы все, как магнитная стрелка, ориентированы на несколько томов сочинений в стихах и прозе, менее десятка прижизненных портретов, сгусток эффектных биографических подробностей и двухвековую мифологию... Почему? Ф.М.Достоевский пытался объяснить это «всемирной отзывчивостью Пушкина, Н.В.Гоголь проецировал очерк пушкинской личности на далекое будущее, которое и наступило, представившись нашим настоящим. В категориях времени латинского языка есть давнопрошедшее — плюсквамперфект. Культурное явление тихо угасает, когда переходит в категорию давнопрошедшего... Казалось бы, 200 лет для русской культуры — срок огромный, вся европейская часть нашей истории всего лишь на 100 лет старше... Но почему-то в давнопрошедшее не превращается совсем небольшой отрезок времени, обозначенный двумя датами: 1799—1837.

Жизнь Пушкина, его земное бытие дразнит нас странными совпадениями, точным попаданием в эпоху исторических потрясений, пережитых Европой и Россией не отдельно друг от друга, а вместе, и каким-то всеохватно-страстным любопытством ко всему, что есть состав человеческой жизни. Кажется, нет в нашей культуре менее «кабинетного» писателя, чем Пушкин, хотя и принадлежит ему фраза: «Настоящее место писателя — его ученый кабинет». «Шум внутренней тревоги» и «охота к перемене мест» — эти два состояния человеческой души были необыкновенно точно угаданы им, точнее, опознаны в собственном мироощущении, и на эту точность, как на яркий свет, вот уже почти два столетия слетаются души русских писателей, художников, поэтов.

Умный до желчности В.Ф.Ходасевич, предчувствуя надвигающуюся мглу, в 1921 г. сказал, что именем Пушкина будут аукаться те, кому дорога русская культура. А.А.Блок, словно бы гипнотизируя себя и современников, уверял, что Пушкин — это веселое имя, имея ввиду, должно быть, этимологию... Вот уж и вправду — что может быть веселее пушек... От Блока

иронии никто не ждал и Пошло гулять по страницам «веселое имя». Но есть суждение о Пушкине, которое определяет очень многое в нашем нынешнем отношении к нему, и принадлежит оно не одному писателю, а едва ли не всей литературе Серебряного века, определение, дающее внутреннее оправдание едва ли не всякой жизни художника и поэта: «Жизнь Пушкина — это неповторимый пример могущества пера»... Вот оно, самое важное, — «пример могущества пера». Пусть даже и неповторяемый...

И еще — удивительный автор скрывается за каменным фасадом привычного имени. Это он скажет: «Зависеть от царя, зависеть от народа — не все ли нам равно? Бог с ними...», а в незаконченных «Египетских ночах» в импровизациях мелкотравчатого итальянца на тему «Поэт сам выбирает предмет для своих песен: толпа не имеет права управлять его вдохновением» выразит суть творчества, но ничуть ее не приукрасит, а назовет «бесплодным жаром»:

Поэт идет — открыты вежды,
 Но он не видит никого
 А между тем за край одежды
 Прохожий дергает его...
 «Скажи: зачем без цели бродишь?»
 Едва достиг ты высоты,
 И вот уж долу взор низводишь
 И низойти стремишься ты.
 На стройных ты смотришь смутно;
 Бесплодный жар тебя томит
 Предмет ничтожный поминутно
 Тебя тревожит и манит.

Кажется, во всей русской литературе только два поэта — Пушкин и Державин — и могли так головокружительно менять высоту: «Я царь — я раб — я червь — я Бог» (Державин) и «Ты — царь, живи один» или «Среди детей ничтожных мира быть может всех ничтожней он» (Пушкин), с такой стремительностью менять поле обзора — верх и низ, то устремляя взор к небесам, то опуская очи долу, являя свою особую космогонию, космогонию художника. Державинская ода «Бог» и пушкинский перевод оды Горация дают нам право говорить об этом редчайшем свойстве видеть мир с надмирных высот, откуда только различимы и смысл истории и суть творчества. 6 июля 1816 г., за три дня до смерти, дряхлеющая рука Державина вывела строки:

А если что и остается
 Через звуки лиры и трубы,
 То вечности жерлом пожрется
 И общей не уйдет судьбы.

Лицеисту Пушкину, в его 17 лет, эти строки не скажут того, что поразит его через 20 лет, но какой-то занозой они останутся в сердце, иначе зачем летом 1836 г. на каменноостровской даче он не просто вспомнит о них, но и в никуда или в тот мир, что уже за пределами человеческого бытия, обратится с ответом:

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит.

Да, несомненно, занимаясь переложением оды Горация, Пушкин сверял свой вариант с державинским переложением, но у Державина нет этого потрясающего по точности и силе упования выражения «душа в заветной лире», да и слово «затаенная» должно отнести нас к тем временам, когда и было Заповедано или Завещано Державиным Пушкину поэтическое служение, дано благословение, точнее, когда «старик Державин заметил и благословил». Но Державин в своем предсмертном стихотворении не оставляет надежды на бессмертие души, выразившей себя в творчестве, Пушкин же все предшествующее свое земное бытие меряет только бессмертием творчества. Так, за полгода до гибели Пушкина завершается спор двух огромных русских поэтов — Пушкина и Державина.

Л.Кудряцкая

**ПУШКИНИАНА
НИКОЛАЯ СТРИЖАКА**

Мы беседуем в мастерской петербургского искусствоведа и графика Николая Георгиевича Стрижака. Он работает в различных областях графических искусств, но широкую известность и популярность принесли ему созданные им экслибрисы (книжные знаки), и прежде всего его литературные серии экслибрисов. В мастерской шеголеватый порядок вещей: окна увиты диким комнатным виноградом, протянувшим свои побеги по карнизу на шторы, на «парадной» стене, как ее называет художник, — картины, эстампы, гравюры, силуэты авторские и друзей-художников. Две стены заняты стеллажами — книги по искусству, краеведению, Ленинграду-Петербургу, энциклопедии и словари, классика и, конечно, Пушкин. На стеллажах копии античных Венер и Менад, а между ними посмертные маски Пушкина, Есенина, Высоцкого...

На письменном столе — старинная мраморная лампа под зеленым абажуром, рождающая ассоциации с названием литературного кружка, членом которого был молодой Пушкин. Мы беседуем, а рядом то развалится на диване, то вспрыгнет на спинку кресла, то бродит вокруг золотисто-рыжий кот Мурлышка. Ну, прямо — ученый кот у Лукоморья.

Здесь все дышит Пушкиным!

Вспомним классическую формулу выдающегося книговеда академика А.А.Сидорова: «Экслибрис — это знак духовного единения читателя со своей книгой». Все творчество Н.Г.Стрижака четко соответствует этому определению. При этом, как считает художник, тематика сюжетов, воспроизведенных на знаке, должна быть приближенной либо к личности владельца — его профессии, увлечениям, либо к составу, тематике его книжного собрания. Сам же художник отдает явное предпочтение литературным темам, вышедшим из самой книги и вернувшимся в нее в виде владельческого знака. И это он утверждает своими работами.

Неспешно, за 35 лет в экслибристике, Стрижак создал около 450-ти прикнижных миниатюр, при этом литературная тема нашла свое воплощение более чем на 230-ти экслибрисах. И почетное место среди них занимает Пушкиниана. Великому поэту, его жизненному и творческому пути, литературным героям его произведений мастер посвятил 42 экслибриса, поэтому смело можно говорить о «Пушкиниане Николая Стрижака».

Круг литературных деятелей, чье творчество нашло отражение на экслибрисах Стрижака, обширен, однако неоднократно возвращаясь к творче-

ству одного и того же писателя или поэта, художник пришел к идее создания отдельных серий или «сюит» (это определение автора), посвященных одному писателю, поэту и объединенных единством содержания, формы и техники исполнения.

Работа над экслибрисом — именной миниатюрой — труд ответственный и кропотливый. При этом не следует забывать, что в экслибристике существует некое триединство: художник — экслибрис — владелец книги. И право именно художника определять и содержание, и форму знака. Создание «сюиты» экслибрисов, объединенных одной темой и формой — задача вдвойне интересная и трудная для художника. Связанные тематически и стилистически, графические миниатюры («сюиты») должны обладать в то же время абсолютной композиционной и смысловой завершенностью, поскольку в собрании конкретного владельца каждый из этих знаков будет жить своей самостоятельной жизнью. По окончании «сюиты» Стрижак собирает знаки в авторские малотиражные альбомчики, предпосылая им специальный титул: «Ник. Стрижак. Пушкиниана в экслибрисе. 1984 г.», «Ник. Стрижак. «Евгений Онегин» Пушкина. 1986 г.», «Ник. Стрижак. Классики на экслибрисе. 1992 г.» и др.

Выполнены экслибрисы пушкинских «сюит» в форме круга, отвечающего традициям русского искусства. Круг дает возможность художнику наиболее плотно использовать пространство для построения сюжетной мизансцены без пустот и второстепенных деталей. Основное внимание сосредотачивается на самих персонажах. Одновременно круг дает возможность использовать не линейный горизонт, а точку схода в центре круга, что позволяет так построить композицию, чтобы персонажи сюжета хорошо смотрелись на плоскости, независимо от того, на первом или дальних планах располагает их художник.

В большинстве своем изображения на знаках двухфигурные. В сопоставлении двух персонажей выражен либо основной конфликт произведения, зачастую его кульминация — Моцарт и Сальери из одноименной трагедии, Мария и Зарема («Бахчисарайский фонтан»), Германн и старая графиня («Пиковая дама»); либо главная лирическая тема — Гринев и Маша («Капитанская дочка»), Алеко и Земфира («Цыганы»), Акулина и Алексей («Барышня крестьянка»). Но экслибрис — не иллюстрация.

Изображение на знаке — как бы концентрированное выражение основной сюжетной линии произведения, и поэтому художник нередко совмещает в одной композиции разновременные сцены. В сюжет столкновения царя Бориса с юродивым введено изображение убиенного царевича Димитрия («Борис Годунов»); в знаке, посвященном «Домику в Коломне», кроме бредущей Мавруши и насмерть перепуганной старухи показана и Параша, при этой сцене не присутствовавшая; и даже в «Сказке о рыбаке и рыбке» одновременно изображены на экслибрисе и старик с неводом у бурного моря, и старуха у разбитого корыта у ветхой избушки.

Примечательной особенностью экслибрисов Николая Стрижака является то, что выполнены они в технике силуэта, причем белого силуэта на черном фоне, что создает особую иллюзорность пространства. При этом используется композиция не только профильного силуэта — автор ставит фигуры в любом ракурсе, добиваясь определенной динамики сюжетного действия. На знаках воспроизведены и характеры пушкинских персонажей, и сама ат-

«Руслан и Людмила» — Денис Цеков, школьник (Реутов, Московской обл.)

«Цыганы» — Янис Янович Петровский, рабочий (Рига, Латвия)

«Бахчисарайский фонтан» — Стефан Александрович Романенко, рабочий (Комунарск)

«Борис Годунов» — Павел Борисович Горцев, инженер (Ростов-на-Дону)

«Евгений Онегин» — Нелли Эмильевна Колесникова, педагог (Новосибирск)

«Моцарт и Сальери» — Алексей Семенович Зуев, музыковед и педагог (Винница, Украина)

«Каменный гость» — Арнольд Александрович Рысс, кандидат медицинских наук и тренер (Ростов-на-Дону)

«Барышня крестьянка» — Аланджелла Григорьевна Берзинь, инженер (Рига, Латвия)

«Домик в Коломне» — Николай Георгиевич Стрижак, искусствовед и график (Санкт-Петербург)

«Капитанская дочка» — Леонид Тимофеевич Тучков, доктор технических наук, профессор, генерал-лейтенант (Санкт-Петербург)

«Пиковая дама» — Семен Степанович Гейченко, искусствовед, Герой Социалистического Труда (Михайловское, Псковская обл.)

«Сказка о рыбаке и рыбке» —
Владлен Геннадиевич Купцов,
инженер (Новосибирск)

Глава I. «Онегин» — Влади-
мир Евгеньевич Островский,
рабочий (Донецк, Украина)

Глава II. «Друзья» — Анатолий
Семенович Коршиков (Моск-
ва)

Глава III. «Татьяна» — В. Ут-
кин

Глава IV. «Объяснение» —
Анатолий Александрович По-
пов, инженер (Воркута)

Глава V. «Сон Татьяны» — Борис Григорьевич Клюев, конструктор (Москва)

Глава VI. «Враги» — Анатолий Иванович Козюберда, кандидат технических наук (Дзержинск, Нижегородская обл.)

Глава VII. «Прощание» — Ольга Николаевна и Михаил Леонидович Порошины, техник и рабочий (Новокузнецк)

Глава VIII. Станислав Алексеевич Першин, химик (Дзержинск, Нижегородская обл.)

Глава IX. «Путешествие Онегина» — Моисей Борисович Гительмахер, инженер (Одесса)

Глава X. «Декабристы» — Владимир Александрович Шишуряк, инженер (Гатчина — Усть-Кут)

мосфера изображаемых событий: в экслибрисе «Моцарт и Сальери» — изящество линий, их повторы и чередование, словно ритмический строй самой музыки Моцарта; в знаке на сюжет «Каменного гостя» — динамические перекрестья шпаг и ножен в сцене дуэли, как воплощение неистового духа дона Гуана; в «Капитанской дочке» — тревожные, изломанные линии, словно отблески пожаров...

Использование художником белого силуэта позволило в авторских оттисках возродить еще одну давно забытую технику — рельефного тиснения (конгрева), что придает готовым оттискам неповторимое своеобразие объемности изображения. На титуле и на каждом знаке как лейтмотив воспроизведен силуэт поэта.

В окончательном варианте текста романа в стихах «Евгений Онегин» восемь глав. Глава о «Путешествии Онегина» и глава десятая, посвященная декабристам, не были завершены и сохранились фрагментарно. Однако приступая в 1986 г. к работе над «сюитой» экслибрисов «Евгений Онегин», Стрижак решил сделать в ней 10 знаков — каждый к одной из глав, включая и две незавершенных. Графическое произведение (не иллюстрация!) только ассоциативно связано с литературным текстом. Для того, чтобы даже легко узнаваемые герои нашли свой ряд в «сюите», художник поименовал свои экслибрисы, придерживаясь сюжетной линии романа и места героев в конкретной главе.

Глава I. *Онегин*. На знаке изображены Евгений Онегин и Пушкин на невских берегах на фоне Петропавловской крепости.

Глава II. *Друзья*. На экслибрисе воспроизведены спорящие за столом Онегин и Ленский.

Глава III. *Татьяна*. Татьяна у окна, и Ольга, разливающая чай.

Глава IV. *Объяснение*. Сцена объяснения Евгения с Татьяной у садовой скамейки.

Глава V. *Сон Татьяны*. Изображены спящая Татьяна и ее видения — медведь, чудовища и Онегин с ножом.

Глава VI. *Враги*. Сцена дуэли: поверженный Ленский и шагнувший к нему растерянный Онегин.

Глава VII. *Прощание*. Татьяна в сельском кабинете Онегина перед отъездом «в Москву на ярманку невест».

Глава VIII. *Поражение*. В будуаре коленопреклоненный Онегин и с протестующим жестом Татьяна.

Глава IX. *Путешествия Онегина*. Одесса. Онегин с лорнетом и разъезд гостей перед зданием старого одесского театра.

Глава X. *Декабристы*. После казни декабристов в черновиках Пушкина появляются изображения виселицы, а рядом слова: «И я бы мог, как...». В центре экслибриса изображены профили пяти казненных, а рядом — профиль Пушкина; сверху — сцена восстания с П.Г.Каховским и М.А.Милорадовичем; внизу — кандалы и лавровая ветвь.

В сюите «Пушкиниана» один из экслибрисов посвящен «Евгению Онегину» — Татьяна на затуманенном стекле пишет вензель «ОЕ». Тот же сюжет присутствует и в знаке к третьей главе онегинской «сюиты». Но решены эти сюжеты по-разному. В первом случае один знак определяет целое произведение, поэтому в нем совмещены два одновременных момента: Татьяна

рассказывает няне, что она влюблена (XX строфа), и Татьяна у окна выводит пальчиком заветный вензель (XXXVII строфа).

Сюжет знака второй сюиты точно соответствует тексту третьей главы:

Смеркалось; на столе блистая
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал <...> (VI, 70)

А далее уже знакомые строки о Татьяне у окна. Такой прием, не повторяя знака из предыдущей сюиты, позволил изобразить не только Татьяну, образ которой уже однажды найден, но и Ольгу, без образа которой «сюита», естественно, оказалась бы неполной.

В более поздней «сюите» «Классики» (1992) три из 12-ти экслибрисов с пушкинскими сюжетами на темы послания А. П. Керн, «Дубровского» и еще раз «Евгения Онегина». Сюжет для знака взят из первой главы, но из жизни совсем юного Евгения, которого не очень строгий гувернер «Слегка за шалости бранил, // И в Летний сад гулять водил» (VI, 6). Прямоугольный формат знака позволил не только увеличить размер силуэта Пушкина, но и ввести определители места — силуэты фигур, фельтеновскую решетку.

Н. Г. Стрижак не только создает экслибрисы, он — активный пропагандист этого вида малой графики: на его счету многие десятки газетно-журнальных публикаций, вступительных статей к каталогам и буклетам выставок, прочитанных докладов, книг. Он был одним из учредителей и много лет председателем Ленинградского клуба экслибристов и любителей графики. Его работы на выставках-конкурсах отмечены многими международными и национальными премиями.

В его студии-мастерской постоянно люди. Вот что об этом писала в журнале «Каскад» журналист и педагог Ирина Белова: «Я люблю Стрижака и как художника и как человека. И не я одна. В его доме постоянно люди. Коллеги, искусствоведы, журналисты. Признанные и начинающие. Сидим, разговариваем, спорим допоздна. И уходим домой с чувством вины: ведь мы идем отдыхать, а он остается работать, потому что работает он только по ночам. И тогда зажигается зеленая, старинная, совсем как в добрые старые времена лампа, на столе появляются тонкие карандаши, кисти, бумага. И начинается рождение нового маленького чуда. Легкого, изящного — многозвучного и значительного».

Быть может, это чудо — новый экслибрис Пушкинианы Николая Стрижака.

Е.Б.Добровольская

«ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ...»
(О традициях Лицейского фестиваля
«Царскосельская Осень»)

В наш город приходит осень, а с ней — ощущение праздника. Ожидание праздника. Мы с удивлением видим, как поблекшие от жары листья деревьев становятся яркими, словно полыхают огнем, а ставшая за лето жухлой трава покрывается разноцветным ковром листвы. Так природа готовит наши сердца к празднику. «Как красиво!» — выдыхают во время прогулок по парку дети, восхищенно они вторят Пушкину: «В багрец и в золото одетые леса...». Каждый раз мы переживаем приход Осени. Без Поэта. И за Поэта, и потому вместе с ним, с Пушкиным.

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов...—

так Анна Ахматова передала свое острое ощущение присутствия Поэта здесь, «в садах Лицея». Прошло еще почти 100 лет, и мы заново переживаем это удивление: «Здесь лежала его треуголка и растрепанный томик Парни...».

Не случайно здесь, в Царском Селе, зародилась идея городского фестиваля «Царскосельская Осень». Это было в начале 1990-х гг. В марте 1996 г. во Всероссийском музее А.С.Пушкина был создан сектор музейной педагогики, и научные сотрудники музея выступили с идеей Детской программы фестиваля. Нам хотелось познакомить друг с другом творчески одаренных детей, хотелось, чтобы они узнали, что делают и чем живут их сверстники в других школах. Так родилась идея фестиваля как серии встреч заинтересованных и талантливых людей — нам казалось важным объединить их вокруг музея, собрать в Лицее детей и взрослых — тех, кому дорого имя поэта. Фестивальная неделя — это встречи художников и музыкантов, поэтов и прозаиков, начинающих актеров и краеведов, и каждый раз с ними рядом их наставники и родители, те взрослые, которые «пестуют» детство.

В течение двух лет проводится в городе Пушкине Лицейский фестиваль детского творчества. Его уже можно назвать традиционным, его ждут, к нему готовятся. О зародившихся традициях, о наших открытиях и радости нашего труда мне и хотелось рассказать в этой работе.

Подготовка к фестивалю началась задолго до октябрьских дней. Сотрудникам сектора музейной педагогики Всероссийского музея А.С.Пушкина нужно было увлечь идеей фестиваля педагогов и руководителей школ, со-

брать и обобщить их предложения, определить программу, примерное количество участников, разработать критерии отбора лучших творческих работ и многое другое. Наконец, нужно было найти спонсоров, и это последнее психологически казалось самым трудным. Но случилось почти чудо — Царскосельский фонд развития культуры охотно поддержал идею Детской программы общегородского фестиваля и выделил немалую сумму на приобретение книг для победителей творческих конкурсов. Заранее, еще до начала «жарких» дней, Всероссийский музей А.С.Пушкина выделил из своих фондов призы: значки, буклеты, — ведь каждый ребенок должен был получить что-то на память в знак своей причастности к дню 19 октября!

Первым событием фестивальной недели стало открытие выставки детского рисунка под названием «Бери свой быстрый карандаш!». Более 200 работ получили мы от учеников пушкинских школ, от воспитанников художественной школы № 20, Царскосельской гимназии искусств и Дома Творчества Юных. Участниками выставки стали и юные петербуржцы (центр «Семья», гимназия № 2). Отбор работ производило непредвзятое жюри из сотрудников Всероссийского музея А.С.Пушкина. Наконец, 50 работ (а именно столько смог вместить небольшой выставочный зал) были представлены на всеобщее обозрение.

Девятого октября 1996 г. состоялось торжественное открытие выставки. Нужно было видеть, с каким восторгом дети вглядывались в собственные работы, узнавая и не узнавая их. А что же говорить о родителях, бабушках и дедушках! «Не одна слеза тут пролита!» Педагоги вспоминали, как появился на белом листе их ученика первый штрих — набросок будущей картины. Приятели юных героев дня с важностью произносили: «А я с ней (с ним) из одного класса!». Кстати, эти гордые реплики мы слышали и позже, в ходе работы выставки, и радовались вместе с нашими зрителями.

Словом, в тот первый день зал гудел, как наполненный улей! Лица у взрослых и маленьких были светлыми и добрыми. И это было счастье... Застекленные, в рамках, красовались детские работы в стенах Пушкинского Лицея, и сознание причастности к его истории ощутили и тогда все присутствующие. А что могло быть важнее для нас, устроителей выставки!

Кроме памятных подарков, юные художники получили еще один: они были приглашены на экскурсию по Лицею, которую провели для них сверстники. Ученики гимназии № 406 подготовили ее под руководством И.В.Лузиновой.

Организовать выставку было делом трудоемким, и двум сотрудникам сектора музейной педагогики было бы не справиться с этим, если бы не самоотверженная помощь наших коллег — художницы А.С.Вовк и хранителя выставочного зала С.В.Павловой.

До сих пор нам доставляет большую радость перечитывать записи, оставленные в Книге отзывов многочисленными посетителями выставки:

— «Что может быть прекраснее детского рисунка! Как талантливы наши дети! С величайшим удовольствием посмотрели выставку...» (Вихорева, учитель школы № 408);

— «Радует, что у нас подрастает талантливое поколение, сумевшее так тонко почувствовать природу творчества А.Пушкина...» (студентка факультета журналистики);

— «С удовольствием посмотрели выставку детских работ. Приятно было видеть работы наших сверстников. Сколько души вложено!» (ученики 2г класса гимназии № 406);

— «У нас появилась надежда на внимание к детскому творчеству» (ученики школы № 90 Выборгского района);

— «Совершенно потрясена работами детей. Пусть у них будет такое же большое будущее, как и у первых выпускников Лицея. Работы тронули сердце живущих теперь уже вдали от России, но близких по душевным устремлениям» (Е.Гордеева, 31 год, Киев, Украина).

Во второй фестиваль день в большом парадном зале Лицея собрались участники конкурса чтецов. «Читаем стихи А.С.Пушкина» — так назывался этот конкурс, и это была дань традиции. Не раз уже подобные чтения проходили в Лицее. Но фестиваль есть фестиваль — никогда еще не было у нас столько участников: 70 человек! — дети, искренне увлеченные пушкинской поэзией. В жюри работали сотрудники Пушкинского районного отдела народного образования, сотрудники Всероссийского музея А.С.Пушкина. Главной для нас была не идея конкурса: «Кто лучший?», — а идея сопричастности великой Поэзии: мы — Пушкину, мы — друг другу... Ученица 8-го класса 530-й школы Маша Баркова столь пронзительно прочитала пушкинскую «Сказку о медведихе», что в первую минуту ни у кого не было сил аплодировать. Эта хрупкая девочка заставила всех пережить настоящую драму, зал замер в едином переживании, и это было самым дорогим для нас.

Особой культурой исполнения стихотворений отличились воспитанницы школы № 460. Их одухотворенное, тонкое прочтение настолько запомнилось сотрудникам музея, что через год, встретившись на фестивале вновь, мы с радостью узнали наших первых лауреатов: Сашу Флейшман и Лену Дмитриеву. Отраднo было слышать в Большом зале, где некогда перед Г.Р.Державиным читал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» юный Александр Пушкин, звонкие мальчишеские голоса. Серьезно и мужественно прозвучали в исполнении Саши Некрасова (7 класс, школа № 606) строки: «Была пора: наш праздник молодой...». А сколько раз мы услышали «У Лукоморья дуб зеленый...» и «Зимний вечер»! Но при этом и мы, взрослые, и дети сознавали, что для каждого этот выход в центр Большого зала чрезвычайно важен. И потому царил доброжелательная атмосфера, лица ребят не были напряженными или скучающими, а в глазах до конца вечера светился живой интерес.

Нам, организаторам фестиваля, было важно, чтобы с днем 19 октября у детей установились особые личные отношения, чтобы этот день ждали, ему посвящали стихотворения — эту традицию особенно хотелось сохранить, и потому юным поэтам мы заранее предложили тему: «Прекрасный Царско-сельский сад». Мы не ограничивали их жанром, не выдвигали возрастных рамок. Поэтому и отклик получился широким — 30 стихотворений представили авторы, младший из которых учился во 2-м классе, а старший — в 10-м. Вслушайтесь в эти строки — таким видят парк дети, живущие в конце XX в., любящие его не менее, чем жители этих мест в XVIII или XIX столетиях, воспитанные на высокой литературе, сознающие, что пишут «вослед» Державину, Пушкину и многим великим мастерам...

Андрей Сергеев, 8 лет:

Уж осень золотая над парком власть взяла...
С деревьев листья облетели.
Орел парит над замком старым.
И Пушкин в садике Лицейском играет в мячик...
А дуб, который там растет,
Все помнит до сих пор.

Дарья Добровольская, 12 лет:

Воздушные массы ревут и шумят,
И серою дымкою небо покрыто,
И листья несутся, и листья спешат,
И ливнем осенним вся пристань умыта...
А мраморный мостик изящен и горд,
Непричастен волненью природы,
Неприступен, спокоен и тверд.
И бьются о мрамор воды.
Громада дворца к себе зовет,
В окнах огни горят.
Будут мне сниться ночь напролет
Статуи, ставшие в ряд.
Ты, о мой парк, бесконечно хорош,
Тебя воспевали поэты.
Верю, что ты всегда меня ждешь,
И оду дарю тебе эту.

Для каждого конкурса мы включали в название пушкинскую строчку, и третий день фестиваля прошел под девизом: «Рядиться никогда не лень!». Затеяв конкурс костюмов, мы знали, что он соберет большое количество участников, что понадобится сцена, потому мы обратились в городской Дом Творчества Юных (ДТЮ) за помощью. Двенадцатого октября коридоры и лестницы ДТЮ заполнили дети в костюмах героев пушкинских произведений. Взволнованные лица, нарумяненные щеки, громкие возгласы — все это неперемнная часть детского праздника. А рядом — мамы и бабушки, что-то на ходу подшивающие и прикалывающие... папы и дедушки с фотоаппаратами, степенные, но также взволнованные... Члены жюри в некотором замешательстве: «Как все дети хороши!» Вот веселой стайкой пробежали бесенята, а у окошка выстроились в ряд несколько прекрасных царевен, и у каждой своя особая статья! Коты, рыбки, петушки словно сошли со страниц пушкинских книг!

Но костюм, который сшила мама или бабушка, нужно было представить — кто выразительней? Кто наиболее естественно поведет себя на сцене, забудет о волнении и сделает смелый шаг в сказку Пушкина? Среди победителей — Саша Шестиперов, первоклассник школы № 606: никогда еще мы не видели столь нежного и ласкового Балду! А рядом с ним лукавый бесенок — Маша Балабанова (3 класс, гимназия № 406). А разве можно

забыть золотую рыбку в исполнении Даши Бабуровой (6 класс, школа № 409) — трепетная, испуганно-робкая, но в голосе столько внутренней силы, что верилось: она исполнит не только все просьбы старика, но и наши желания! А мы мечтали о том, чтобы дети запомнили этот день как праздник поэзии и радости, потому и ушли они домой довольные и награжденные подарками!

А 14 октября на сцене ДТЮ были показаны инсценировки по произведениям Пушкина. Конкурс «Под сению кулис» собрал ребят из 5-ти школ города. Первыми выступили первоклассники. В полном составе весь 1а класс школы № 606 сыграл сцены из «Сказки о царе Салтане». Нужно отметить талант и огромный труд первой учительницы ребят В.В.Смирновой, ведь дети в школу-то ходили всего полтора месяца, а выступили как дружный творческий коллектив!

Затем ученики 3в класса этой же школы представили «Сказку о попе и о работнике его Балде». Развеселая музыка захватила всех, зрителям предлагались яблоки, пряники, пирожки, на сцене водили хоровод красавицы в ярких сарафанах, а лукавый Балда лихо отплясывал удалой танец, но уже появился мрачный, важный поп, разыскивающий себе работника — так началось это красочное представление.

Чуть позже мы встретились с героями «Сказки о золотом петушке» в исполнении старшеклассников из школы № 477, они с мастерством передали восточный колорит сказки.

Некоторые творческие коллективы создали собственные литературно-музыкальные композиции. Так, ученики школы № 409 показали сцены под названием «Воображаемый разговор с Александром I» (преподаватель Г.И.Селюнина), где со всей силой было передано трагическое противостояние Поэта и Царя. Выступление семиклассников школы № 606 называлось «Мгновенья жизни яркой и прекрасной!», вместе с ними зрители пережили вновь встречу юного Пушкина и Державина, стали участниками проводов войск в грозном 1812 г., увидели юную Наталию Гончарову и последнюю в жизни поэта встречу лицейских друзей... Настоящим подарком для всех стало представление сцен из «Барышни крестьянки» десятиклассниками школы № 530. Они играли так задорно, так искренне, что заслуженно получили самые громкие аплодисменты. Нас, взрослых, не покидало ощущение важности и неповторимости того, что происходит. А как прекрасны, как одухотворены были лица детей — и актеров, и зрителей! Отраднo, что эти выступления были записаны на видео пленку и хранятся во Всероссийском музее А.С.Пушкина.

Через конкурсных дней отошла в прошлое. Нужно было подготовить и достойно провести заключительный день фестиваля. Мы назвали эту последнюю встречу «Друзья мои...», и атмосфера дружества действительно ощущалась в Большом зале Лицея 17 октября 1996 г. Состоялся концерт для гостей — педагогов и родителей, составленный из самых ярких номеров фестивальной программы. Первыми выступили юные поэты, затем — лучшие из чтецов прочитали стихотворения Пушкина. Мы вновь увидели героев пушкинских сказок и сцену из «Барышни крестьянки». С заключительным словом к гостям Лицея обратилась хранитель музея М.Н.Петай. Она выразила надежду, что юные таланты, проявившиеся в ходе Лицейского фестиваля,

будут и впредь добрыми друзьями Всероссийского музея А.С.Пушкина. А потом были интервью участников фестиваля для Царскосельского радио и кабельного телевидения, цветы и подарки. Но самым важным было то, что в этот день состоялась встреча с великим таинством пушкинского творчества, что слова поэта: «Друзья мои, прекрасен наш союз!», — наполнились для каждого из участников фестиваля сокровенным смыслом!

Минул год, и в наш город снова пришла осень. Принесла дожди и ветры, разукрасила деревья и дорожки золотыми листьями и развесила повсюду афиши фестиваля «Царскосельская Осень». С увлечением работали мы над созданием программы нового детского фестиваля. Уже в первых числах сентября передали в школы программу, условия участия в конкурсах, темы творческих работ. Сентябрь был наполнен напряженной работой. Самым трудным на этот раз оказался поиск спонсоров. В 1997 г. нам не смог помочь Царскосельский фонд развития культуры. Пришлось самим искать способ заработать деньги. Разработали цикл абонементов для школьников, распространили их по школам, на полученные деньги смогли заранее приобрести призы победителям — только что изданную книгу Е.Пролет и О.Яценко «В начале жизни школу помню я...». Хочется выразить благодарность научному руководителю музея Р.В.Иезуитовой, которая в те нелегкие дни поддерживала наш дух словом и делом. Мы бесконечно признательны сотруднику бюро «Бизнес-принт» за то, что в короткий срок безвозмездно выполнили наш заказ — визитки для победителей творческих конкурсов — бесплатный пропуск во все филиалы Всероссийского музея А.С.Пушкина. Но кроме множества организационных хлопот, были у «Царскосельской Осени-97» и другие особенности, о которых нужно рассказать.

В программу фестиваля была включена литературно-краеведческая игра «Здесь Пушкина родилось вдохновенье», разработанная сотрудниками ДТЮ Т.С.Саркисовой, Е.В.Кукушкиной и В.П.Крыловой. Ученики нескольких школ нашего города демонстрировали свои знания истории Царского Села. Каждая команда, получив маршрутный лист, должна была пройти по пушкинским местам города и ответить на предложенные жюри вопросы. Чтобы подготовиться к игре, участники должны были перечитать немало литературы, именно новые знания, полученные детьми в ходе подготовки, были важны для организаторов этой увлекательной игры. Победившая команда «Сверчки» (5—6 классы школы № 606) была приглашена в Лицей на торжественное чествование победителей всех творческих конкурсов.

Конкурс чтецов в этом году мы назвали «Читаем стихи лицейских поэтов», тем самым определив круг авторов и ограничив возраст участников — 5—9 классы. Не скроем, что пришлось выслушать претензии некоторых учителей: «Это не из школьной программы!». Но именно это мы и задумали — чтобы звучали стихи, прежде неизвестные, может быть, для наших детей, чтобы они открыли для себя новые имена, а значит, новые художественные миры, и это обогатило их душу! Почти все школы района прислали своих представителей, и 10 октября 1997 г. в Лицее звучали стихи А.А.Дельвига, А.И.Илличевского, В.К.Кюхельбекера. Самыми яркими были выступления Полины Ермаковой (9 класс школы № 606), Алеши Шустер и Наташи Цеберс (7 класс школы № 408) и Саши Гаспарян (5 класс школы № 606). Басня Илличевского в исполнении Полины не раз потом передавалась по

пушкинскому радио, а семиклассники разыграли «Сватовство» Илличевского так, что всем в зале этот автор показался очень современным! Поистине звездным было выступление Саши Гаспарян — она играла на флейте и читала «Русскую песню» Дельвига. Мелодия флейты и мелодия стиха сливались воедино, а сама Саша была воплощением юности, грации и таланта...

Через несколько дней на сцене ДТЮ проходил уже ставший традиционным конкурс «Под сению кулис». В этот раз мы объединили конкурс инсценировок и конкурс костюмов героев пушкинских произведений. Зал ДТЮ был полон. Мы увидели выступления наших старых знакомых, на год повзрослевших учеников 2а и 5в классов школы № 606. Второклассники с помощью учительницы В.В.Смирновой поставили «Сказку о золотом петушке», а пятиклассники представили композицию «Осень» по стихотворению Пушкина. Учитель литературы А.Р.Садовникова помогла своим ученикам проникнуть в тайну пушкинского стихотворения, донести ее до зрителя. Девочки в белых платьях, глубокие звуки виолончели, проникновенное звучание стиха — все это рождало ощущение пушкинской гармонии, открывшейся детям.

Еще одна композиция, показанная на фестивале, называлась «Душа в заветной лире». Шестиклассники школы № 530 с педагогом М.М.Шмулевич помогли нам перелистать страницы жизни поэта, вспомнить яркие моменты, происшедшие в жизни Пушкина зимой. Зима 1815 г.— поэтический успех, зима 1825 г.— встреча с И.И.Пушиным, подвиг дружества, зима 1831 г.— торжество любви и, наконец, зима 1837 г., ставшая последней...

А затем вновь вышли на сцену героини пушкинских сказок. Пятиклассники школы № 530 сыграли «Сказку о попе...», а их сверстники из школы № 606 — сцены из «Сказки о царе Салтане». А вслед за ними выступили ученики школы № 460 с той же сказкой, но как непохожи были два этих маленьких спектакля! И каждый по-своему талантлив! Самыми старшими были в этот день восьмиклассники из школы № 552. Они предложили вниманию зала сцены из «Русалки». Само обращение к столь сложному драматургическому материалу было важным в становлении характеров ребят, выступивших в роли актеров, а для большинства зрителей это было знакомство с неизвестным им пушкинским произведением.

Самые маленькие участники в тот день представляли костюмы героев Пушкина. Многим из них помог опыт прошлого фестиваля — Маша Балабанова из бесенка преобразилась в Ученого Кота, Даша Бабурова из золотой рыбки превратилась в золотого петушка, даже элементы костюма остались те же, но какие пышные были у этого петушка гребешок и хвост! Мы увидели юного Гвидона (Венера Шустова, 3 класс, школа № 606), а с ним рядом несколько царевен, но как ни хороши были царские наряды, их затмила сватья Бабариха (Оля Зайцева, 6 класс, школа № 406), которая характерным говорком завоевала весь зал. Оля создала незабываемый образ и заслужила дружный смех и аплодисменты зала. Взрослые же восхищались самозабвенному творчеству детей, их мгновенному перевоплощению. Это был яркий, красочный праздник!

В совсем иной тональности проходила на следующий день, 15 октября, встреча юных поэтов. Так было год назад, так и на этот раз — атмосферу, царящую в Лицейском зале, трудно передать словами. Собираются вместе

удивительные люди, умеющие тонко чувствовать, владеющие Даром Слова и Даром Понимания. Дети читают стихотворения, притихший зал ловит каждое слово, каждый вздох автора! Лица читающих озарены внутренним светом, лица слушающих светятся добротой. И не покидает ощущение неповторимости каждого мига, а сердце переполняется благодарностью судьбе, что ты — соучастник этого общего переживания...

Тема, которую мы предложили заранее, звучала так: «Мой портрет». Нам хотелось, чтобы дети создали эту творческую работу вослед Пушкину, чье стихотворение «Mon portrait» было написано в 1814 г. Юному лицеисту было тогда 15 лет. Примерно такого же возраста были и наши юные авторы. Предлагая эту тему, мы ставили вполне определенную цель: дать толчок самоосознанию ребенка, помочь ему разобраться в себе, осознать и прочувствовать свою «особенность», а узнав себя, подарить это открытие другим. Мы надеялись, что взрослые, прочитав и услышав детские «откровения», станут добрее и внимательнее к тем, кто, ошибаясь и падая, делает первые самостоятельные шаги в жизни. Какие же они, наши дети? Какими они себя ощущают? Вот, послушайте!

Настя Балагура, 11 лет:

Хрупкий цветок,
Болтливая сорока,
Радуга во время
Солнца и дождя —
Разной я бываю:
Веселю и робкой.
Вот какая я.

Света Ратанова, 15 лет:

Я словно виртуальная реальность.
Права я или не права?
Я песни жизни новая тональность,
А в этой песне старые слова...

Саша Мартьянова, 15 лет:

Возможно, что наивна я немного,
Чуть-чуть самолюбива и грустна.
Но не иду я по протоптанной дороге,
Вся в кочках, ямах, рытвинах она...

Паша Гордиевский, 14 лет:

Это мне не видение страшное —
Плод «ужастиков» ранее виденных,
То мое отражение в зеркале,
С сентября ежедневно зримое.
Лоб морщинами весь перечеркнутый,

Думу думает, не расслабляясь,
И круги под глазами синюшные —
Притомился уж больно детинушка...

Ульяна Зверева, 12 лет:

А я в тятеньку столь пригоженька,
Да и в маменьку недурна собой.
А люблю я всех — так судьбой дано:
И друзей своих, и родителей...

Даша Добровольская, 14 лет:

Во мне сто подводных течений,
Порывистых, зыбких, случайных...
Я такая одна, без сомнений.
Я тайна.

В этот день оказалась выполненной сверхзадача — дети ощутили, что их творчество необходимо и интересно другим людям, что без каждого из них мир не был бы таким полным и прекрасным!

Через день, 17 октября 1997 г., в Большом зале Лицея состоялось чествование победителей творческих конкурсов. Гости заполнили зал, и, словно по мановению волшебной палочки в руках юного Пушкина (в исполнении второклассника Володи Кудоярова), один за другим ожили герои пушкинских произведений. Нетрудно догадаться, что это были победители конкурса костюмов и инсценировок. Когда, награжденные аплодисментами, юные актеры заняли свои места, в зал вошли участники хора музыкальной школы № 45 Пушкинского района, они исполнили романсы на стихи Пушкина. Торжественно и слаженно звучали девичьи голоса, настроивая наши сердца на высокий лад. Затем мы услышали выступления юных поэтов и чтецов. Полноправными участниками лицейского праздника стали гости из Петербурга: Л. Меркина, П. Усольцева и Ф. Антонов, воспитанники музыкальной школы при Санкт-Петербургской консерватории. «Как прекрасно звучали наши инструменты!» — удивлялись они впоследствии акустике Большого зала, а зал действительно был весь наполнен музыкой. Она звучала во славу лицейского братства, во славу замечательного дня — 19 октября!

Все участники этого торжественного события были награждены памятными подарками, самым ценным из которых оказался пропуск во все филиалы Всероссийского музея А.С.Пушкина. Прозвучали слова благодарности в адрес педагогов, подготовивших своих учеников к участию в конкурсах, а также слова признательности сотрудникам Всероссийского музея А.С.Пушкина, которые организовали и провели на высоком уровне детскую программу фестиваля «Царскосельская Осень». В заключение выступил директор Всероссийского музея А.С.Пушкина С.М.Некрасов. Он сказал о том, что можно только гадать, какое будущее ждет наших лауреатов, но мы, взрослые, надеемся, что оно будет прекрасным и светлым! Вполне возмож-

но, что те, кому сегодня 10—15 лет, прославят Россию в XXI столетии, как когда-то воспитанники первого лицейского курса.

В рамках фестиваля через несколько дней была открыта выставка Детского художественного творчества. На этот раз ее участниками стали воспитанники детских домов и школ-интернатов, ребята из многодетных семей. Мы пригласили к участию в выставке фонд «Благодеяние», сотрудники которого уже на протяжении ряда лет работают с «трудными» детьми. Нам хотелось укрепить у этих детей веру в их творческие возможности, сознание необходимости их жизни на земле. Пятьдесят работ — 50 ребятишек с нелегкой судьбой, 50 пар глаз, с изумлением увидевших свои работы в залах Музея-Лицея. Царскосельское радио записало репортаж об открытии выставки, и юные художники и скульпторы давали первые в жизни интервью, они словно выросли в своих глазах, осознали свою значительность! А чуть позже, став зрителями, благодарно смотрели и слушали концерт, устроенный в их честь пушкинскими школьниками. Выступил хор учеников младшей школы (школа № 530), а пятиклассники школы № 606 показали музыкально-поэтическую композицию «Осень» (по стихотворению Пушкина). В течение нескольких месяцев работала в Лицее выставка детского творчества, за это время в Книге отзывов появилось немало восторженных откликов, вот некоторые из них:

— «Это просто потрясает! Я говорю “спасибо” всем детям, которые нарисовали такие замечательные рисунки. Здесь столько фантазии и грации, и я думаю, что не могла бы нарисовать лучше, хоть и учусь в Художественном училище» (Катя, Санкт-Петербург);

— «Какая прелесть прелести коснуться!» (Вологжанов, Киев, 9 января 1998 г.);

— «Авторы работ — настоящие петербуржцы!» (ученики 2 класса гимназии № 496);

— «Спасибо за рисунки! Сколько радостных красок!» (Миша, 11 лет; Толя, 12 лет);

— «Тепло, разумно устроена выставка, напоминает о том, как разумен и велик русский народ!» (группа врачей из городов Сибири).

«Царскосельская газета» в те дни писала: «Фестиваль, собрав общий круг людей, любящих поэта, показал нам, как тесно переплетено будущее и настоящее, и как близко прошлое».

«Времена не выбирают», — эту фразу часто повторяли мы осенью 1998 г. Осень была тревожной. Но наперекор всем политическим неурядицам и экономическим потрясениям мы за крепкими лицейскими стенами пребывали в особом мире и создавали его силой творческого воображения: мы продумывали программу нового фестиваля «Царскосельская Осень», писали сценарий Детского Бала. Все вокруг нас с напряженным вниманием слушали «Новости», листали газеты, мы же перечитывали «Евгения Онегина» и «Египетские ночи», М.И.Пыляева и Ю.М.Лотмана, воспоминания В.А.Соллогуба, А.П.Керн, А.О.Смирновой-Россет и других современников Пушкина, одержимые стремлением уловить и передать атмосферу великосветского салона, бала... Наши знакомые атаковали друг друга вопросами о курсе доллара — мы искали платья и веера для наших будущих героинь... И как тут не сказать слова благодарности директору Пушкинского Дома культуры Т.П.Си-

зовой, сотрудникам общества «Самаритяне», открывшим для участников творческих конкурсов двери своих костюмерных! Нас заботило музыкальное, художественное оформление будущего бала — и на помощь пришли директор 45-й детской музыкальной школы Т.А.Долгошеева, концертмейстер В.А.Изотов, артист В.Л.Ермаков. Организационные хлопоты разделили с нами педагоги Дома Творчества Юных Т.С.Саркисова и Е.В.Кукушкина, педагоги школы № 409 М.Б.Бондаренко, Г.И.Селюнина. Во многом благодаря энергии и опыту последней, наша мечта устроить в Лицее Детский Бал была воплощена в жизнь. «Времена не выбирают», но выбирают друзей-единомышленников, выбирают образ жизни — и, значит, нам повезло: мы смогли в эту осень противопоставить абсурду — гармонию, жесточности — любовь, безысходности — надежду. Главным событием жизни всех, кто оказывался вовлечен в орбиту фестиваля «Царскосельская Осень», стало Творчество.

Десять юных экскурсоводов — ровесников лицеистов — стали героями первого дня фестиваля. Экскурсию по Лицею девятиклассники школы № 606 подготовили еще летом 1998 г. в ходе музейной практики, а в пору золотой царскосельской осени они показывали музей младшим товарищам-пятиклассникам. Нужно было видеть и слышать, с каким жаром и те, и другие обсуждали впечатления этого дня! Для маленьких главным оказалось: «Нам рассказывали о Лицее, о Пушкине старшеклассники, которых мы видим в школе? Они уже столько знают! Но, значит, и мы так когда-нибудь сможем?» — «Да, вы сможете! Если поставите цель — добивайтесь ее исполнения!» — говорили старшие, вспоминали о прочитанных книгах, смеялись над своими прежними страхами, расспрашивали о том, когда им еще доведется выступить в роли экскурсоводов. Мы смотрели в горящие детские глаза и вспоминали слова А.П.Куницына: «Они будут полезны!». Даровать ребенку, подростку миг осознания значимости своей жизни — разве это не та высокая задача взрослых, для исполнения которой следует жить...

Строка Ф.И.Тютчева: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет...», — дала название и задала тональность конкурса чтецов. Восьмого октября в Лицее звучали стихи русских поэтов XIX — начала XX вв., посвященные Пушкину, в исполнении учеников 5—11 классов из десяти школ Пушкинского района. Нам было необычайно интересно, какие произведения выберут дети, что покажется им значительным, современным сегодня, какие слова о поэте пройдут через «грому лет», как будут произнесены.

Мы ждали от этого конкурса много открытий и не ошиблись. Ярких выступлений было столько, что жюри пришлось вносить разнообразие номинации. «За открытие новых имен» были отмечены воспитанники кадетского корпуса А.Зверев и А.Пеньков — они прочитали стихотворения А.Иванова-Классик и Л.Пальмина (1899). Проникновение в сложный авторский замысел, особая музыкальность отличали исполнение С.Арва стихотворения Б.Л.Пастернака «Тема». Зрительный зал и члены жюри (сотрудники Всероссийского музея А.С.Пушкина и Дворца Творчества Юных) были покорены артистизмом Ж.Кутыгиной (А.А.Дельвиг. «Пушкину»), И.Богатыревой (Н.Агнивцев. «Дама из Эрмитажа»), Д.Добровольской (М.И.Цветаева. «Пушкину»), П.Ермаковой (В.В.Маяковский. «Юбилейное»). Стремясь избежать «соревновательности», мы построили программу по хронологическому прин-

ципу, и такой подход позволил всем (взрослым и детям) пережить удивительные ощущения — это была звучащая антология «Венок поэту», каждому еще раз дано было осознать великую роль Пушкина в духовной жизни России.

На следующий день, 9 октября, в Лицей были приглашены те, для кого творчество стало частью жизни — юные поэты читали свои стихи, посвященные родному городу. «Отечество нам Царское Село» — эта пушкинская строка определила лейтмотив детских работ. Вот лишь некоторые строфы, которые, мы уверены, не могут не захватить своей взволнованностью, музыкальностью, поэтической образностью.

Н. Суровцева, 15 лет:

Я в городе таком живу,
Где Пушкин рос, —
Представить трудно!
И так, как я, встречал рассвет
Он царскосельским ранним утром...

А. Сокол, 11 лет:

Из разбитого кувшина,
Как слеза, чиста струя
На гранит стекает вечно,
Горесть вечную храня...

В стихотворении Г. Федотовой город показан через звуки:

Туристы, словно стая пестрых соек,
Галдят на всевозможных языках,
Кругом автобусы и пестрая реклама,
В колясочке везет ребенка мама,
Из музыкальной школы слышен Бах...

Удивительным светом наполнены четверостишия шестиклассницы Кати Соломиной:

Утренняя зала
Стоит на островке —
Муза здесь гуляла
С лирою в руке.

Прозрачные пруды,
В их отраженьи ивы
И вечные дубы —
Все это так красиво!

Стихотворение десятилетнего Феди Волкова приведем полностью; в нем слышатся пушкинские интонации, кроме того поражает абсолютная уверен-

ность ребенка в возможность чуда: «дух поэта оживает», «старинные дубы становятся вдруг молодыми», и прочувствованная им нерасторжимая связь с родной историей, родной природой...

Там, где старинные дубы
Становятся вдруг молодыми,
И дух поэта внезапно оживает,
И помнят старые деревья
его забавы и мечты,
Там я бродил... И думал я о славе,
От которой великие парили в облаках.
В тот парк тенистый все влюблялись...
Никто не позабудет никогда и садик
под названием Лицейский...
И я еще приду сюда. И снова буду
Писать про эти чудные места.

Иногда в пока еще не очень стройном детском стихотворении замечаешь строчку — откровение. «Он с небом был один», — пишет о Пушкине десятилетняя Люба Янченко. «А там, среди листвы, как в глубине эпох», — всматривается в окружающий мир двенадцатилетняя Настя Пеева, в стихотворении которой читаем:

Здесь юный лицеист
Искал души покой
И начал чистый лист
Единственной строкой.

«Единственная строка» — точный образ, не правда ли? Единственным, по-своему уникальным было каждое из 30-ти детских стихотворений, потому что за каждым из них живое чувство открытой миру души ребенка.

Многолюдно, шумно и празднично — так можно определить атмосферу конкурса костюмов пушкинских героев и инсценировок по произведениям поэта. По традиции, конкурс проходил в стенах Дома Творчества Юных. По итогам его можно сказать, что в нашем городе существует настоящий Детский Пушкинский театр с разнообразным репертуаром. «Сказки Пушкина», «Сцены из “Руслана и Людмилы”», «Читая Пушкина», «Домик в Коломне» — вот лишь некоторые названия с фестивальной афиши. К тому, что дети с удовольствием играют сказки, члены жюри уже привыкли — для нас теперь особенно интересны те акценты, которые звучат в той или иной постановке, режиссерские находки, актерское мастерство юных исполнителей.

Но вот что важно: каждый фестиваль — это уже стало доброй традицией — открывает для зрителей новые, неизвестные им прежде произведения. Так было и в 1997 г., когда мы увидели сценическое воплощение «Русалки», так случилось и на этот раз: ученики 6в класса школы № 606 и учитель литературы А.Р.Садовникова представили «Домик в Коломне». Легко и напевно звучал пушкинский текст в исполнении юных артистов, а сами мальчики —

«судари», ведущие спектакль, казалось, сошли с известной картины Г.Г.Чернецова «Парад на Марсовом поле». Около 200 человек в этот день попеременно побывали в роли актеров и зрителей, рядом с ними были их родители, родственники, друзья. Зал ДТЮ не мог вместить всех желающих! И как нелегко было членам жюри сделать свой выбор — но не было «первых», «вторых», «третьих», памятные подарки получили все участники конкурса, а представители творческих коллективов были приглашены на Лицейский Бал.

Последним событием фестивальной недели стала литературно-краеведческая игра «Парк, воспетый поэтом», в ходе которой ученики 5—6-х классов шести пушкинских школ демонстрировали свои знания истории города, архитектуры, мифологии и творчества Пушкина. Членами жюри вместе с педагогами-краеведами были шестиклассники: команда «Сверчки», ставшая победителем игры прошлого года. Вот лишь некоторые вопросы, ответы на которые должны были дать школьники: «Как назывался первый дворец в Царском Селе? Кто из поэтов первым воспел наш город? Почему “сады Лицея” называют “пантеоном воинской славы”?» В тот день парк, знакомый с детства, открывал участникам игры свои тайны. И, конечно, дарил новые! Тайну золотого осеннего дождика и шуршащих о чем-то листьев, задумчивых статуй и торжественных обелисков, таинство неподвластного времени поэтического слова.

Завершал фестиваль «Царскосельская Осень» 1998 г. Лицейский Бал, приглашения на который получили около 70-ти детей — победители творческих конкурсов, музыканты, танцоры, вокалисты. Впечатления от этого праздника настолько яркие, что, кажется, еще звучит в ушах завораживающая мелодия вальса, слышатся взволнованные детские голоса... Закроешь глаза — видишь растерявшегося от обилия впечатлений маленького Федю, словно сошедших со страниц детских сказок грациозных Любочку и Катюшу, ставшую неузнаваемой в платье с кринолином, сразу повзрослевшую Полину... Гости Лицея танцевали и записывали в альбом свои стихотворения, пели романсы, представляли маскарадные костюмы, играли в фанты и вновь танцевали. Для каждого из них, да и для нас, организаторов, это был Первый Бал! Главными ошущениями были удивление, что все это стало возможным, и восхищение красотой происходящего: как красивы наши дети, преобразенные бальными нарядами, как легко они движутся, сколько достоинства в их походке, поворотах головы! Как нужны нам всем такие «выходы» из будничного состояния в Праздник, и как естественно это происходит в лицейских стенах! Человека воспитывает красота — это хорошо сознавали мудрые организаторы Императорского Царскосельского Лицея.

Погружая ребенка в мир красоты, мы формируем его личность, его душевные качества. Вспоминаются слова Пушкина: «Счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к добру и прекрасному...». Воспоминания о Лицейском Бале уже стали частью нашей духовной биографии. «Я была здесь на балу,— совсем недавно сообщила мне во время экскурсии одна третьеклассница и добавила: — С сестрой. Моя сестра была приглашена на бал». Взгляд у ребенка в этот момент был задумчивый, благородно-теплый, и я поняла, что эта маленькая девочка ошуща-

ет себя частью большого целого с прекрасным названием «Пушкинский Лицей».

Детство всегда талантливо — эту истину подтвердил Лицейский фестиваль «Царскосельская Осень». Он помог осознать и еще одну истину: в душе каждого ребенка живет стремление к красоте, и обязанность взрослых — поддержать, развить эту естественную тягу к прекрасному. Хочется верить, что яркие и теплые воспоминания о пушкинских фестивалях окажутся незабываемыми для их участников!

ПУБЛИКАЦИИ

С.М.Некрасов

СЫН ПОЭТА

Биография генерала А.А.Пушкина, впервые публикуемая в этом альманахе, была написана его сыном Николаем Александровичем (1885—1964) в 1920-е гг. в Брюсселе. Внук великого поэта сохранил для потомства живые черты своего отца, любимого сына А.С.Пушкина «рыжего Сашки». В рукописи воспроизведены интересные эпизоды из жизни семьи поэта, его жены и детей, приведен не только послужной список А.А.Пушкина, но и сведения о его сослуживцах.

Рукопись предоставлена Всероссийскому музею А.С.Пушкина для первой публикации внуком Н.А.Пушкина, Александром Александровичем Пушкиным (род. 1942), живущим в Брюсселе последним и единственным потомком А.С.Пушкина по мужской линии.* Пользуясь случаем, хочу выразить от имени Всероссийского музея А.С.Пушкина сердечную признательность праправнуку поэта А.А.Пушкину и его жене, прапраправнучке поэта Марии Александровне (род. 1943), урожденной Дурново, за переданные в последние годы в наш музей реликвии, связанные с памятью А.С.Пушкина и его ближайших потомков.

* Всего в настоящее время в разных странах мира (Россия, Англия, Франция, Германия, Швейцария, Италия, Бельгия, США) проживает более 200 прямых потомков А.С.Пушкина. Но все они, за исключением А.А.Пушкина,— по женской линии.

Н.А.Пушкин

**ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПУШКИН (1833—1914)**

Александр Александрович Пушкин родился 6 июля 1833 года в городе С.-Петербурге. Он — старший сын великого поэта А.С.Пушкина. Когда был убит на дуэли его отец (27 января 1837 г.) Александру было всего лишь 4 года. Государь император Николай Павлович пожелал быть лично опекуном детей поэта и, взяв на себя эту обязанность,¹ до конца дней своих не переставал заботиться о своих подопечных даже тогда, когда они уже достигли совершеннолетия. Так, не раз государь настаивал, чтобы Александр Александрович поступил в Военную Академию Генерального Штаба. Вероятно, лишь из-за смерти государя, последовавшей в 1856 г., это поступление не состоялось.

До двенадцатилетнего возраста Александр Пушкин получал прекрасное домашнее воспитание вместе со своими сестрами Марией и Наталией и братом Григорием. Под руководством опытных гувернеров и гувернанток и строгим надзором матери дети Пушкины, кроме общих предметов, прекрасно изучили французский, немецкий и английский языки, которыми владели в совершенстве, удивляя иностранцев отсутствием малейшего акцента.

В 1845 г. по распоряжению августейшего опекуна оба брата Пушкины одновременно поступили в Пажеский Его Величества Корпус. Несмотря на необыкновенную дружбу, связывавшую обоих братьев, они значительно различались характерами. Гораздо более серьезный и положительный Александр окончил Корпус первым и в звании камер-пажа императрицы, тогда как его беспечный брат,² несмотря на блестящие также способности, оказался на противоположном конце класса.

Как ни странно, но прилежание по наукам и блестящие в них успехи не мешали Пушкину вытворять всевозможные шалости как в Корпусе, так и дома. Однажды англичанка, гувернантка его сестер, просила братьев Пушкиных составить для нее фразу на русском языке, чтобы поблагодарить одну из горничных, оказавшую ей какую-то услугу. С полной готовностью братья взялись за дело, но когда англичанка эти несколько слов сказала, горничная, очень обиженная, побежала жаловаться Н.Н.Пушкиной за то, что Мисс ее за услугу назвала «дурой и свиньей». Другая шалость была гораздо более серьезной.

Вместе с братьями Пушкиными в Корпусе учился один из бесчисленных мусульманских принцев, приезжавших получать в России образование. Алек-

сандр Пушкин, который был его соседом в строю, вечно его дразнил нехристом, бусурманом и грозил насильно окрестить его в православие. И вот однажды во время смотра, когда начальство, обходя фронт, миновало их, Пушкин, быстро освободив правую руку, перекрестил стоявшего рядом Ахмета и нарек ему имя христианское. Несчастный Ахмет взвизгнул и был за то наказан, но «крестного отца» своего не выдал.

В половине прошлого столетия Пажеский Корпус, видимо, еще не утратил своего первоначального полупридворного характера и не превратился в обыкновенное военно-учебное заведение. Во всяком случае, он гораздо ближе стоял к государю, часто запросто посещавшему корпус, беседовавшему и шутившему с пажами. Летом в Петергофе государь Николай Павлович часто, увидав играющих в парке пажей, становился под фонтанами и звал мальчиков к себе. Те должны были спешить к нему по мокрым ступенькам навстречу буйно бегущей воды. Взобравшийся первым наверх к царю получал от него серебряный рубль.

Тщательный подбор воспитателей и самих пажей придавал всему заведению совершенно особый характер и клал на молодых людей, окончивших в те времена Корпус, какой-то особый неизгладимый отпечаток.

Между тем, вдова А.С.Пушкина Наталья Николаевна вышла вторично замуж за генерал-майора Петра Петровича Ланского, командовавшего лейб-гвардии Конным Ее Величества полком. Между прочим, это был как будто бы единственный полк гвардейской кавалерии того времени, которым командовал человек с русской фамилией.

По окончании в 1851 г. Пажеского Корпуса оба брата Пушкины вышли одновременно в полк, которым командовал их отчим Ланской. Живя в одном доме, вращаясь в одних и тех же кругах, братья Пушкины решили сперва завести общее хозяйство и даже общие выезды. Однако в отношении выезда очень скоро произошел между ними раздел, и вот по какому поводу.

Приехав однажды в офицерское собрание, каждый отправился по своим делам, но когда, уже вечером, пора было ехать домой и Александр Александрович приказал подавать экипаж, Григорий Александрович с несколько сконфуженным видом сказал брату, что ни экипажа, ни кучера, ни лошадей больше нет, так как он все проиграл в карты. Старший Пушкин очень рассердился, выкупил за 2 тысячи рублей весь выезд с крепостным кучером вместе, но заявил категорически, что с этого момента каждый будет иметь свои отдельные выезды.

Эта совместная жизнь обоих братьев продолжалась не очень долго, так как уже в 1856 г. А.А.Пушкин женился на Софии Александровне Ланской — родной племяннице его отчима. Брак этот был чрезвычайно счастлив, и от него родилось у Пушкиных одиннадцать человек детей. За исключением старшего сына Петра и дочери Софии, умерших в младенчестве, все остальные достигли зрелого возраста. В 1857 году родился и умер маленький Петр Пушкин, а 6 августа 1858 года появилась на свет старшая дочь Александра Александровича — Наталья.

Между тем, наступала эпоха великих реформ, предпринятых государем Александром II, и когда был обнародован Высочайший манифест об освобождении крестьян 1861 года, А.А.Пушкин, желая лично принять участие в размежевании крестьян, временно покинул на два года военную службу и

принял должность мирового посредника Бронницкого уезда Московской губернии. В должности этой А.А.Пушкин пробыл с 24 июля 1862 года по 21 марта 1866 года, проживая со своим семейством в подмосковном имении Ивановском. К этому времени относятся рождения трех детей Пушкиных — Марии (4 июля 1862 г.), Александра (3 октября 1863 г.) и Ольги (28 ноября 1864 г.).

Выйдя в 1866 году в отставку, А.А.Пушкин провел лето и осень за границей, частью в Германии у сестры, а частью в Риме. В феврале 1867 года А.А.Пушкин вновь возвращается на военную службу в качестве штаб-офицера для особых поручений при Варшавском генерал-губернаторе. Откомандовав временно Малороссийским полком, А.А.Пушкин 15 июля 1870 года принял 13-й Нарвский гусарский полк, стоявший тогда в Новоградке.

К этому времени относятся многочисленные и, видимо, лучшие воспоминания Александра Александровича. Семья его еще увеличилась значительно: 27 апреля 1867 года родилась дочь Анна, 15 сентября 1868 года — сын Григорий, 19 февраля 1872 года — дочь Вера, а 10 ноября 1871 года — дочь Надежда.

Так, в тихой семейной обстановке, деля время между домом и полком, проживал Александр Александрович Пушкин до 1877 года, когда началась война с Турцией. Отправив семью в Московскую губернию, А.А.Пушкин повел полк на театр военных действий. Боевая история Нарвского полка, старого и заслуженного, под командой А.А.Пушкина пополнилась новыми блестящими страницами, и из похода полк принес новую славу и многочисленные отличия, а его доблестный командир — многие боевые ордена с мечами и золотое оружие с надписью «За храбрость».

Памятником войны 1877—1878 годов долгое время в семье Пушкиных оставались чудные серебряные часы — подарок офицеров полка, изображавшие эпизод войны (ранение башибузуками корнета А.Пушкина) и два раза в день игравшие полковой марш. На циферблате вместо цифр были написаны 12 имен городов и местечек, где у полка были стоянки или сражения с турками. Эти часы погибли уже после смерти их владельца, в 1914 году, во время погрома немецких магазинов в Москве. Они были в починке у часовщика Мозера, магазин коего был разграблен чернью.

Всегда чрезвычайно скромный, А.А.Пушкин избегал говорить о своих подвигах и даже о заслугах своего полка. После войны Нарвский полк не вернулся на свою прежнюю стоянку, получил назначение в город Седлице. А.А.Пушкин прокомандовал еще два года полком и 1 июля 1880 года принял командование 1-й бригадой той же 13-й кавалерийской дивизии. В городе Седлице 9 июня 1878 года родился последний из сыновей от первого брака Александра Александровича — Сергей.

Вскоре после его рождения скончалась София Александровна Пушкина, здоровье коей было уже давно подорвано. Во время пребывания семьи Пушкиных в Седлице вышли замуж три старшие дочери Александра Александровича за офицеров Нарвского полка: Наталья — за поручика Павла Аркадьевича Воронцова-Вельяминова; Мария — за поручика Николая Владимировича Быкова, и Ольга — за корнета Николая Николаевича Павлова. Этот последний брак оказался очень неудачным: Павлов покинул полк, промотал состояние жены и, наконец, бросил ее с маленьким сыном в Париже.

Генерал-майор А.А.Пушкин 31 октября 1881 года сдал бригаду и был зачислен в свиту Его Величества и с этого времени до 27 мая 1895 года без перерыва состоял при государе Александре III, чрезвычайно его любившем. 20 июля 1884 года Александр Александрович женился вторично на своей троюродной племяннице Марии Александровне Павловой.

А.А.Пушкин занимал квартиру в известном всем петербуржцам доме князя Мурузи на Литейном. Старший сын Александр заканчивал Пажеский Корпус, второй — Григорий — учился в Лицее, а младший — Сергей — в гимназии. Младшие дочери Анна, Надежда и Вера так же заканчивали свое образование.

Главной обязанностью генерала Пушкина в это время было сопровождение по России иностранных коронованных особ. Многочисленные иностранные ордена и портреты августейших гостей, а также всевозможные сувениры сохранялись на память об этих посещениях. 3 апреля 1885 года у Александра Александровича родился сын Николай, а 16 августа 1889 года — дочь Елена.

Пушкины вели жизнь очень светскую: придворные балы, официальные торжества, приемы и выезды зимой. Зато летом вся семья переезжала в Тульское имение Павловых — Марышко, где проживала мать М.А.Пушкиной Мария Николаевна (урожденная Васильчикова) и ее холостой брат Александр Александрович Павловы. Громадный барский дом, обычно полупустой, сразу оживал. Дети со своими гувернантками и репетиторами заполняли дом и парк.

Особенно большое оживление начиналось в июле месяце перед Марииным днем — именинами Марии Николаевны Павловой и Марии Александровны Пушкиной. В оранжереях изготовлялись букеты, весь дом убирался гирляндами из дубовых листьев и папоротника, для народа устраивались угощение и игры с призами, а вечером — домашний спектакль и фейерверк на большом Марышкинском пруду. На большом обеде присутствовали дворяне Веневского и Каширского уездов. Осенью начинался сезон охоты с борзыми и гончими. К зиме Пушкины возвращались в Петербург.

Весной 1895 года у Александра Александровича Пушкина по невыясненному поводу произошла какая-то неприятность с государем, вследствие коей он подал было в отставку. Государь и Императрица Мария Федоровна долго уговаривали его отказаться от своего намерения, но он остался при своем, и хотя полное примирение и состоялось, но Александр Александрович продолжать службу в свите Его Величества не пожелал. Сперва предлагалось назначить А.А.Пушкина Иркутским генерал-губернатором, но он от этого назначения уклонился; тогда он был назначен в Москву — членом Опекунского Совета, а некоторое время спустя и его председателем.

Весной 1895 года семейство Пушкиных уехало по обыкновению в имение, а осенью уже состоялся переезд в Москву. По сравнению с Петербургом, жизнь Пушкиных в Москве сильно изменилась. Мария Александровна в душе не слишком любившая шумную светскую жизнь, воспользовалась переездом в Москву, чтобы сократить ее до возможности. Экипажи и лошади были отправлены в деревню. Пушкины поселились в Трубниковском переулке между Арбатом и Поварской в старинном особняке, уцелевшем от Московского пожара и принадлежавшем московскому купцу Дымкову.

В Москве Пушкины нашли многочисленных друзей и знакомых, и родственников. Среди лиц, с кем они часто виделись, следует отметить, в первую очередь, старшую сестру Александра Александровича — Марию Александровну Гартунг, вдову трагически погибшего генерал-майора Леонида Николаевича Гартунга, начальника Московского Коннозаводства. Назначенный начальником Московского Коннозаводства, генерал Гартунг, по природе большой барин, ничего не понимавший в делах, попал в руки шайки мошенников, возглавлявшейся московским адвокатом. Эта шайка не только обокрала самого генерала, но и захватила казенные деньги. Привлеченный к суду за растрату, генерал Гартунг застрелился в зале суда на глазах у жены за секунду до выноса обвинительного приговора. Его вдова Мария Александровна, старшая дочь поэта, проживала в то время так же в Москве и каждый вечер аккуратно приезжала к брату играть в семейный «винт». Этот ежедневный винт продолжался до самой весны 1914 года.

В Москве же Александр Александрович нашел многих своих товарищей по Пажескому Корпусу и по Конному полку: заведовавшего дворцами князя Одоевского — Маслова; Почетного опекуна графа Олсуфьева; барона Алекс. Алекс. Бильдерлинга; Олива; Арсеньева и многих других. Из Волоколамска часто приезжали и по долгу службы гостили в Москве племянники А.А.Пушкина Гончаровы: Николай, Александр, Екатерина, Наталия и Надежда Ивановичи. Приезжали также мать и сестра Марии Александровны — Мария Николаевна и София Александровна Павловы.

По должности Почетного Опекуна А.А.Пушкин получил в свое специальное ведение Александровский и Екатерининский институты. Начальницей первого была Матильда Валериановна Веселкина, а второго — Елизавета Николаевна Талызина. Как педагогический персонал, так и все воспитанницы сохранили о генерале Пушкине совершенно исключительные воспоминания.

Да и трудно было бы не сохранить о нем самой лучшей памяти. Необыкновенно доброжелательный, справедливый и ровный характер А.А.Пушкина давал ему возможность не только поддерживать со всеми прекрасные отношения, но и легко улаживать возникавшие по временам недоразумения между педагогическим персоналом, особенно в Александровском институте, где властный характер М.В.Веселкиной не раз создавал затруднения.

Что же касается барышень-воспитанниц, то они просто обожали своего Почетного Опекуна, который любил их баловать. Ежегодно на Рождество и на Пасху всем остававшимся на праздники воспитанницам посылал А.А.Пушкин конфеты «от Альберта» или шоколадные яйца. При выпуске каждая институтка получала фотографию Почетного Опекуна, всегда за них заступавшегося и ставившего на экзаменах хорошие отметки.

С самого своего приезда в Москву А.А.Пушкин записался членом в Московский Английский клуб и вскоре был избран старшиной клуба, в каковой должности он и состоял до конца своей жизни. Великий гастроном, Александр Александрович славился своим искусством заказывать меню обедов и всегда говорил, что нужно заказывать обеды на сытый желудок для того, чтобы меню вышло бы действительно тонким; человеку голодному все кажется вкусным.

Николай II — четвертый император, при коем А.А.Пушкину довелось служить. Весной 1895 года в Москве произошло священное коронование нового государя, на котором как самому Александру Александровичу Пушкину, так и его двум старшим сыновьям Александру (Бронницкому уездному предводителю дворянства и камер-юнкеру) и Григорию (подпоручику 2-го гвардейского Стрелкового батальона) пришлось принять большое участие. После коронации Величайшим приказом от 27 мая 1895 года А.А.Пушкин был назначен председателем Московского Опекунского совета.

По окончании коронационных торжеств, омраченных, как известно, несчастьем на Ходянке, жизнь вступила опять в нормальную колею. Московским генерал-губернатором незадолго до коронации был назначен великий князь Сергей Александрович, брат покойного государя Александра III, который также очень любил и уважал А.А.Пушкина.

Большое горе постигло семью Пушкиных осенью 1898 года: 21 августа застрелился Сергей Пушкин, только что произведенный в предыдущем году в корнеты 3-го драгунского Сумского полка. Это была первая смерть среди детей Александра Александровича. Причиной самоубийства была неудачная любовь Сергея Пушкина к дочери Полтавского губернатора.

Сумской полк сделал корнету Пушкину необыкновенные похороны. До вокзала Курской ж. д. тело сопровождали все шесть эскадронов полка со штандартом, а эскадрон покойного проводил его до имения Лопасни и отдал на его могиле последние почести.

Два года спустя дочь А.А.Пушкина Вера вышла замуж за полковника Сергея Петровича Мезенцова. Венчание в присутствии многочисленных гостей состоялось в церкви при Московском архиве.

События 1904—1905 годов застали семью генерала Пушкина на новой квартире на Большой Никитской близ Кудринской площади в доме Красильщиковой. Русско-японская война, смерть великого князя Сергея Александровича, бунты в Петербурге и Москве — все это сильно волновало и возмущало А.А.Пушкина, негодовавшего на наши неудачи на Дальнем Востоке и на слабость и шаткость правительственных мероприятий. Наконец, под твердой властью П.А.Столыпина, все успокоилось и вошло в колею, увы, всего на двенадцать лет.

В 1906 году состоялась свадьба младшего из сыновей Пушкина Николая с дочерью профессора естественных наук и члена Московской городской управы статского советника А.Н.Петунникова — Надеждой Алексеевной.

В следующем, 1907 году, А.А.Пушкин переехал на новую квартиру в Николо-Песковском переулке в доме Ростовцева. В это время здоровье Александра Александровича пошатнулось, и он стал плохо слышать, что его очень раздражало. Через некоторое время глухота настолько усилилась, что ему пришлось отказаться от председательствования в Опекунском Совете.

В 1908 году скоропостижно скончалась от скарлатины одна из младших дочерей Пушкина — В.А.Мезенцова. Проводя лето в имении Лопасня, Вера Александровна поехала на станцию провожать своего мужа, который уезжал из Москвы в Ниццу к великому князю Михаилу, при коем он состоял адъютантом. Вернувшись домой, Вера Александровна почувствовала себя плохо, а через три дня ее не стало. Оказалось впоследствии, что у носильщика, переносившего вещи в вагон, дети были больны скарлатиной, которая

в молниеносной форме передалась Вере Александровне. Она похоронена рядом с братом Сергеем на Лопаснинском кладбище.

Последние годы жизни Александра Александровича Пушкина протекли зимой в Москве в доме Никольского переулка, а летом — в имении Осмешпино Тульской губернии. Скончался А.А.Пушкин в самый день объявления великой войны 1914 года от волнения, вызванного этим известием. Скончался он на руках у своего сына Николая.

А.А.Пушкин был похоронен под алтарем церкви села Марышка Аксиньинской волости Веневского уезда Тульской губернии.

Замечательно, что дети А.С.Пушкина умерли, начиная с младшей дочери Наталии в порядке, обратном старшинству. Старшая дочь Мария скончалась в 1920 году, пережив всех остальных.³

Краткая выписка из послужного списка генерала от кавалерии Александра Александровича Пушкина

В службу вступил 7 августа 1851 г.

Корнет — 7 августа 1851 г.

Поручик — 6 декабря 1853 г.

Штабс-ротмистр — 23 марта 1858 г.

Ротмистр — 12 апреля 1859 г.

Подполковник — 25 апреля 1865 г.

Полковник — 1 января 1869 г.

Генерал-майор — 1 июля 1880 г.

Генерал-лейтенант — 25 марта 1898 г.

Генерал от кавалерии — 1908 г.

Потомственный дворянин.

Получил образование в Пажеском Его Императорского Величества Корпусе. В службу вступил корнетом в лейб-гвардии Конный полк.

В отставке с 26 января 1861 г. по 24 июля 1862 г. и с 21 марта 1866 г. по 4 февраля 1867 г.

В гражданской службе с 24 июля 1862 г. по 21 марта 1866 г.

Занимал должности:

— командира 13-го гусарского Нарвского полка с 15 июля 1870 г. по 1 июля 1880 г.;

— командира 1-й бригады 13-й кавалерийской дивизии с 1 июля 1880 г. по 31 октября 1881 г.

Настоящая должность — с 27 мая 1895 г.

Участие в компаниях 1877—1878 гг.

Ордена и награды:

— орден св. Владимира IV степени — 3 апреля 1878 г.;

— флигель-адъютантом — 1879 г.;

— генерал-майором с назначением в свиту — 1880 г.;

— орденом св. Станислава I степени — 1887 г.;

— орденом св. Анны I степени — 1896 г.;

— орденом св. Владимира II степени — 1899 г.;

— орденом Белого Орла — 1903 г.;

- орденом св. Александра Невского — 1906 г.;
- генералом от кавалерии — 1908 г.;
- орденом св. Александра Невского, бриллиантовый знак — 1911 г.

Выпуск 1851 года (7 августа) Пажеского Его Величества Корпуса

1. Светлейший князь Чернышев Лев Александрович (Кавалергардский полк).
2. Попов Василий (Кавалергардский полк).
3. Барон Притвиц Иван Карлович (лейб-гвардии Конный полк).
4. Пушкин Александр Александрович (лейб-гвардии Конный полк).
5. Кавелин Павел Александрович (лейб-гвардии Конный полк).
6. Князь Гагарин Сергей Сергеевич (лейб-гвардии Конный полк).
7. Клюпфель Владислав Владимирович (Кирасирский Его Величества полк).
8. Давыдов Николай Евгеньевич (Кирасирский Его Высочества Наследника Цесаревича полк).
9. Блок Константин Александрович (Кирасирский Его Высочества Наследника Цесаревича полк).
10. Веймарн Платон Александрович (Кирасирский Его Высочества Наследника Цесаревича полк).
11. Хатов Алексей Иванович (Конно-гвардейский полк).
12. Лекс Иван Михайлович (Уланский полк с приком. кварт.).
13. Шредер Дмитрий (Уланский полк).
14. Граф Олсуфьев Адам Васильевич (лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк).
15. Граф Гаукс Иосиф Иосифович (лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк).
16. Барон Зеггелер Логин Логинович (лейб-гвардии Преображенский полк).
17. Тучков Михаил Павлович (лейб-гвардии Преображенский полк).
18. Квитницкий Владимир Ксенофонтович (лейб-гвардии Семеновский полк).
19. Ортенберг Александр (лейб-гвардии Измайловский полк).
20. Кавелин Александр Александрович (лейб-гвардии Измайловский полк).
21. Соломка Иван (3-я гвардейская Гренадерская артиллерийская бригада).
22. Полозов Николай (3-я гвардейская Гренадерская артиллерийская бригада).
23. Князь Горчаков Александр Сергеевич (6-й Уланский Волынский полк);
24. Смагин (Уланский принца Алекс. Гессенского полк).
25. Ортенберг Михаил (лейб-гвардии Петербургский гренадерский полк).
26. Барон Пиллар фон Пильхау Иван Густавович (Бородинский Егерский полк).
27. Пантюхин (Бородинский Егерский полк).
28. Барон Оффенберг Петр (Егерский генерал-фельдмаршала князя Варшавского полк).

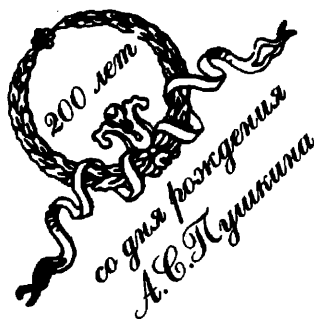
29. Барон Мейндорф Рудольф (Егерский генерал-адъютанта князя Чернышева полк).

30. Главацкий Михаил Федорович (Гренадерский саперный батальон лейб-гвардии Конно-Пионерского эскадрона и лейб-гвардии Гродненского гусарского полка).

¹ Опекунми детей Пушкина были В.А.Жуковский, С.Г.Строганов и М.Ю.Виельгорский. Николай I, не будучи формальным опекуном, поддерживал семейство поэта, о чем сказано в его записке «О милостях семье Пушкина» (см. Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С. 191—192).

² Младший сын поэта — Григорий Александрович Пушкин (14 мая 1835 — 5 августа 1905).

³ Неточность: первым из детей А.С.Пушкина скончался Григорий (1905), затем младшая дочь поэта Наталия (1913), старший его сын Александр (1914) и старшая дочь Мария, которая умерла в 1919 г.

М.В.Бокариус

**РЕДКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР «ТАРАНТАСА»
В.А.СОЛЛОГУБА
(Из собрания С.Л.Маркова)**

В отделе книжных фондов музея в старинных шкафах красного дерева хранятся книги из собрания выдающегося петербургского библиофила, архитектора Сергея Леонидовича Маркова (1905—1965). В 1982 г. к нам перешла его уникальная по редкости и сохранности пушкиниана, а в 1986 г. по завещанию В.В.Марковой-Кильгаст в дар Всероссийскому музею А.С.Пушкина поступила основная часть собрания.

Хорошо знавший Маркова И.С.Зильберштейн называл его легендарным собирателем книжных редкостей. Описание библиотеки, составленное Сергеем Леонидовичем, представляет интерес не только для узкого круга библиофилов, но и для музейных и архивных работников, исследователей русского искусства и культуры. Отдел книжных фондов в ближайшие годы подготавливает к изданию каталог марковской библиотеки. В 1995 г. нами была открыта выставка «Музей и коллекционер», на которой экспонировались книги, изобразительные материалы, гравюры, литографии и акварели В.С.Садовникова, А.М.Горностаева, В.Патерсона, М.И.Теребенева, О.А.Кипренского из этой замечательной коллекции. В музейном сборнике, посвященном описанию книжных фондов музея, была опубликована рукописная книжка, названная Сергеем Леонидовичем «Мое маленькое собрание». Тяжело раненный в 1943 г. около Одессы, он попал в плен, перенес тяжелую операцию в немецком госпитале; потеряв правую руку, он начал учиться писать левой рукой. Из крошечных листочков (11 x 7,5 см) сделал самодельную книжечку и бисерным почерком по памяти описал самые ценные и редкие вещи своего довоенного собрания, в первую очередь — пушкиниану. В состав его пушкинианы входила в том числе и ныне хранящаяся в рукописном отделе Пушкинского Дома «Записка о народном воспитании», подлинная рукопись Пушкина.

После смерти С.Л.Маркова старейший петербургский букинист и его друг Иван Сергеевич Наумов привел к ним в дом Николая Васильевича Измайлова, хранителя рукописного фонда Пушкинского Дома. Когда Валентина Владимировна Маркова открыла книжный шкаф, чтобы вынуть пушкинскую рукопись, оба встали. Валентина Владимировна предложила им сесть, но Н.В.Измайлов ответил, что перед рукописью Пушкина он должен стоять. Незадолго до войны по рукописи, найденной Марковым, была впервые издана книга В.К.Кюхельбекера «Последний Колонна» (Л., 1937).

Самодельная книжечка о самом дорогом из того, что ему удалось разыскать и собрать, прошла с Марковым через один из самых страшных немецких лагерей. Именно тогда, в годы голода, унижения и бесправия, он написал, что самым главным для него было «сберечь полностью все достоинства и особенности книги для наглядного свидетельства будущим поколениям».

Кроме каталога его книжных сокровищ, которому он посвящал все свободное время, после войны им были написаны несколько статей о самых любимых и дорогих его сердцу реликвиях.

Одна из этих статей посвящена «Тарантасу» В.А.Соллогуба (СПб., 1845), два экземпляра этого редкого издания хранятся у нас, хотя уже в 1902 г. в «Русских книжных редкостях» за № 576 сообщалось, что «“Тарантас” в полном и чистом виде в продаже встречается очень редко». Оба экземпляра особые: к первому, описанному в каталоге за № 784, были приложены подлинники рисунки Г.Г.Гагарина. По воспоминаниям В.А.Соллогуба, «Тарантас был написан текстом к рисункам князя Гагарина». Но позднее авторство иллюстраций было присвоено художнику А.А.Агину (1817—1875). В своей статье Сергей Леонидович подробно описывает экземпляр «Тарантаса», принадлежащий ему, и, сравнивая найденные им рисунки с напечатанными в книге, убедительно доказывает, что иллюстрации принадлежали Гагарину. Для этого экземпляра «Тарантаса» Сергей Леонидович заказал самому лучшему переплетчику В.А.Макарову полукожаный переплет, который позволил сохранить необрезанным столь редкий экземпляр. В примечании С.Л.Марков пишет: «Рисунки к “Тарантасу”, за исключением последнего, были куплены в 1947 г. у Ивана Сергеевича Наумова».

Нельзя не сказать несколько слов и о втором экземпляре «Тарантаса», который значится под № 784-а с автографом сочинителя. «Фронтиспис — с очень хорошо раскрашенным обрамлением, современный переплет с золототиснением. На лицевой стороне вытиснено золотом: «И.Н.Дурново». Сохранена обложка (зеленая, с гравюрами на лицевой и задней частях). На оборотной стороне лицевой части: “Подарок от сочинителя.— С.Петербург, среда, 4/16 апреля 1845 год”».

Книги из коллекции С.Л.Маркова выделены и хранятся отдельно, в тех же самых шкафах, в которых они простояли более 50 лет, мы очень дорожим ими. Помимо своей редкости и уникальности, они — память о тех, кто собирал их и хранил в блокадные зимы. Между тесно стоящих книг — в старинных рамках два небольших портрета: один из них — акварельный портрет Сергея Леонидовича в шинели на фоне портрета Пушкина, выполненный неким польским художником (собратом по несчастью) в Канаде вскоре после освобождения из немецкого лагеря; на другом — прекрасное, улыбающееся лицо Валентины Владимировны Марковой-Кильгаст, преодолевшей немалые трудности, чтобы сохранить и подарить это собрание музею. А мы, те, кто хранит эти сокровища сегодня, и те, кто придет нам на смену, по завету Сергея Леонидовича «бережем первые издания великих русских писателей для наглядного свидетельства грядущим поколениям».

С.Л.Марков

«ТАРАНТАС» В.А.СОЛЛОГУБА

В 1845 г. у книгопродавца Андрея Иванова вышла книга: «Тарантас. Путевые впечатления. Сочинение графа В.А.Соллогуба».

В.Г.Белинский писал в «Отечественных записках» в 1845 г.: «Наконец, давно ожидаемый публикою Тарантас графа Соллогуба торжественно выкатился на пустынное поле современной русской литературы. Слухи, толки и извещения о его печатании, о его великолепной наружности, давно уже возбудили общее ожидание, общее внимание. В литературном отношении публика хотя несколько знакома с “Тарантасом” по отрывку из него, напечатанному в “Отечественных записках” 1840 года,— по крайней мере, знакома с ним на столько, чтоб иметь хотя какое-нибудь представление о его содержании. Но издание, по слухам и объявлениям, должно было превзойти все, что до сих пор было у нас по части так называемых роскошных и великолепных иллюстрированных изданий. По большей части, все обещания бывают или много ниже, или хоть немного ниже исполнения, за слишком немногими исключениями. К счастью, в отношении к изданию Тарантаса, исполнение несколько не разошлось с обещаниями, и далеко превзошло самые доверчивые ожидания. Мы не говорим уже о том, что бумага, печать и вообще возможная в России типографская роскошь, соединенная со вкусом, не оставляют ничего желать, и что в этом отношении едва ли какое-нибудь русское издание может состязаться с Тарантасом.

Мы не говорим, что картинки (числом до пятидесяти) резаны на дереве мастерами своего дела и оттиснуты не по-русски; все это вещи второстепенные. Обратим лучше все наше внимание на самое сочинение картинок, на рисунок, и скажем, что, в отношении к нему, Тарантас есть не только изящное, роскошное и великолепное, но еще и русское издание. Вглядитесь в эти лица мужиков, баб, купцов, купчих, помещиков, лакеев, чиновников, татар, цыган,— и согласитесь, что рисовавший их (один известный любитель, скрывший свое имя) не только мастер рисовать, но и великий художник и знает Россию. Иностранец не мог бы так рисовать! Почти все наши политипажные картинки или переделываются с французских, или, по крайней мере, сохраняют на себе отпечаток влияния французского типа и похожи на иностранцев, обжившихся в России. Не таковы рисунки Тарантаса: это чистая, неподдельная Русь. Но не одни лица — взгляните в картинку на 48-й странице: это не только русская деревня, но и русское

небо, свинцовое, тяжелое... Автор этих картинок — художник не по званию, а по призванию, обладает карандашом, о котором можно говорить, говоря о карандаше Тони Жоано и Ораса Вернэ. И этому карандашу так повинуется русская действительность, русская природа!..»

В его статье «Русская литература в 1845 году» («Отечественные записки», 1846) о «Тарантасе» говорится: «Эта книга вдвойне интересна — и как прекрасное литературное произведение, и как изящное, великолепное издание. В последнем отношении, Тарантас — решительно первая книга в русской литературе».

Как самое примечательное русское иллюстрированное издание 40-х гг. прошлого века, «Тарантас», тем самым, может считаться и самой лучшей из всех истинно русских книг с гравюрами на дереве за все время применения ксилографии в русской печати XIX столетия. Очень важно иметь необрезанный экземпляр «Тарантаса», так как многие гравюры размещены в издании почти во всю ширину страницы и часто в переплетенной книге не остается полей около этих гравюр. Это очень снижает впечатление от издания и является большим недостатком экземпляра.

Размеры необрезанной книги — 24,6 x 32,3 см.

Если в 1845 г. В.Г.Белинский писал, что «<...> Вообще, издание стоит текста, текст стоит издания», то для нас сейчас вряд ли не первостепенное значение имеют иллюстрации этого издания.

У меня два экземпляра «Тарантаса».

Один — в современном изданию переплете, с сохранением лицевой и задней частей зеленой обложки, на которых отпечатаны гравюры 21-й и 114-й страниц. На лицевой крышке переплета с узким синей кожи корешком, украшенным золототиснением, вытиснено золотом: «И.Н.Дурново». На обороте лицевой части обложки: «Подарок от Сочинителя.— С.Петербург, Среда, 4/16 апреля 1845 г.». За шмуц-титолом, печатанным вязью в две строки красной киноварью («Тарантас. Путевые впечатления»), — фронтиспис с прекрасно раскрашенной рамкой.

Другой экземпляр, совершенно необрезанный, с немой зеленой обложкой, — в новом полукожаном переплете, служащем этому экземпляру как бы футляром. Переплетал В.А.Макаров. Фронтиспис раскрашенный, в рамке, отпечатанный золотом.

Надо сказать, что фронтисписы с хорошо раскрашенной рамкой, или, что чрезвычайно редко, с отпечатанной золотом, принадлежат только экземплярам на слоновой бумаге. В простых (веленевых) экземплярах фронтисписы были с черными рамками.

Во второй экземпляр мною вложены подлинные рисунки к «Тарантасу» князя Г.Г.Гагарина.

Много писалось об иллюстрациях этого издания.

В 1922 г. К.С.Кузьминский приписывал «составление некоторого количества иллюстраций» А.А.Агину (Кузьминский К.С. Запутанный вопрос// Среди коллекционеров, 1922, № 1). В заметке «Распутанный вопрос» (среди коллекционеров, МСМХХII, № 10) он пишет, что «роль художника Гагарина в создании этого произведения весьма невелика» и что «“Тарантас” иллюстрирован Гагариным лишь немногими рисунками, притом, как мы указывали в статье, помещенной в январской книжке, в сущности имею-

щими отдаленное отношение к тексту; главнейшие же иллюстрации принадлежат Агину, роль которого в истории русской иллюстрации отныне будет еще значительнее». В доказательство своего утверждения он приводит текст проспекта к изданию «Сто рисунков из сочинения Н.В.Гоголя: Мертвые души» (ценз<урное> разреш<ение> — 23 августа 1846 г., то есть за два месяца до ценз<урного> разреш<ения> первого выпуска издания), где говорится: «<...> мы постарались придать своему предприятию характер совершенно русского издания. Все в нем исполнено русскими: рисунки составлял А.А.Агин, гравировал на дереве Е.Е.Бернардский — художники, известные уже публике трудами своими в разных иллюстрированных изданиях, как напр<имер> “Тарантас” и другие <...>».

Почему же надо было понимать этот анонс в том смысле, что оба художника участвовали в издании «Тарантаса», если сказано, что они *известны* «трусами своими в разных иллюстрированных изданиях»?

Для примера указан «Тарантас», где участвовал Бернардский. Соображения рекламы требовали, вероятно, упоминания об участии его в этом издании, имевшем «успех до тех пор неслыханный в книжном деле», как писал В.А.Соллогуб в своих воспоминаниях.

«И другие» (иллюстрированные издания) — являются теми изданиями, в которых известен был Агин. Ведь к тому времени вышли такие книги с иллюстрациями Агина, как «Дедушка Крылов», «Физиология Петербурга» и имевший «успех небывалый», по свидетельству Белинского, «Петербургский сборник». Кроме этого, нельзя забывать иллюстраций Агина в «Художественной газете» 1841 г. и в «Литературной газете» 1844 г.

В 1923 г. тот же К.С.Кузьминский утверждал, что «Агину принадлежит не менее 25-ти иллюстраций к “Тарантасу”» (Художник-иллюстратор А.А.Агин).

В 1937 г. он также писал относительно «Тарантаса», что «теперь нет никаких сомнений в том, что, за исключением весьма немногих иллюстраций (или скорее картинок, не являющихся в строгом смысле слова иллюстрациями текста, которые действительно принадлежат Гагарину), — например, изображение кипящего самовара, стаканов и прочих “чайных орудий”, — все прочие иллюстрации выполнены Агиным». И затем: «В настоящее время установлено, что Гагарин не может ни в какой степени считаться иллюстратором этого произведения <...>» (Русская реалистическая иллюстрация XVIII и XIX вв.).

На юбилейной выставке произведений князя Г.Г.Гагарина в Академии Художеств в 1910 г. были выставлены (в витринах с альбомами) подлинные рисунки к «Тарантасу». Это указывалось в изданном тогда же каталоге.

В 1950 г. А.Н.Савинов сообщил, что «все рисунки к “Тарантасу” принадлежат только Гагарину» (Савинов А.Н. Г.Гагарин. М., 1950). Это утверждение — результат такого стечения обстоятельств, вследствие которого Савинов имел возможность познакомиться с альбомами путевых и подготовительных к «Тарантасу» рисунков Гагарина. Это, в большинстве, — рисунки с натуры. Они принадлежали вдове Л.И.Максимовского. Я видел эти альбомные рисунки к «Тарантасу» на докладе А.Н.Савинова в Доме Ученых в 1953 г. Нет сомнений, что это те рисунки, которые были выставлены на юбилейной выставке произведений Гагарина в 1910 г. Оказавшись в руках Савинова, они помогли опровергнуть бездоказательные неправильные утверждения Кузьминского.

Все рисунки, виденные мною на докладе, — именно подготовительные. Это зарисовки, эскизы, варианты. К моему экземпляру приложены в большей части законченные подписные иллюстрации.

Теперь я остановлюсь на гравюрах «Тарантаса» и приложенных оригиналах.

Гравюры, обозначенные по страницам книги	Подписи граверов	Приложенные оригиналы
Фронтиспис (с подписью внизу слева: ЖГ.)	К.КЛОТ	Распряженный тарантас (так, как изображено на фронтисписе), карандаш
5 (заставка)	грав.: Бернарнский	
9		
16		
19	БЕРН	Ларец (большего размера, чем на гравюре), карандаш
21	БЕРН...	Распряженный тарантас (так, как он изображен на гравюре), карандаш
31	БЕРН...	
37	БЕРН-	
42	(с подписью внизу слева: ЖГ.)	Самовар на столе и все то, что изображено на гравюре, но больших размеров, карандаш
48		Рисунок пером на листе с рукописным текстом, озаглавленным: «Начало путевых впечатлений»; на листе еще два рисунка (начальная буква «В» и погребец, изображенный на с. 19)
53		Рисунок карандашом и сепией (подписной)
63	Г.ГРЕЙМ	Рисунок пером (подписной)
81		Рисунок пером (с карандашной пометкой справа сверху: «Шляпу спрячь»). На гравюре вместо шляпы в руке у Феде платок
94	БЕРНАР.:	
103		Лист из альбома с акварельными набросками итальянских впечатлений, в центре которого — рисунок со стершейся карандашной подписью: «Souvenir du Tarantair». Акварель слегка пройдена лаком
104	БЕРН.	
112	БЕРНАРДСКИЙ	
114	БЕРНАР.....	
120		Рисунок сепией по карандашному наброску, местами тронутый белилами (подписной)
133	БЕРНАР.....	
144	БЕРНАРДСКИЙ	
160		
180	БЕРН—	Рисунок сепией, тронутый белилами, со следами карандашного наброска (подписной). Слева внизу (перечеркнуто тушью): 1816
203	БЕРНАРДСКИЙ	Рисунок сепией с карандашной растушевкой, тронутый белилами (подписной)
224		
239		Рисунок пером (подписной). Вместо изображенной на гравюре фигуры Ивана Васильевича — стоит Василий Иванович

Гравюры, обозначенные по страницам книги	Подписи гравюров	Приложенные оригиналы
252	БЕРНАР - -	
264		Пробный оттиск на китайской бумаге с монограммой слева внизу: ЯГ. В издании эта монограмма срезана. Может быть, положение Гагарина в то время диктовало ему воздерживаться от афиширования в печати своего имени, как иллюстратора. Этим, вероятно, объясняется и отсутствие имени автора на заглавном листе «Тарантаса».
271	рез<ал> Дерикер	
273		
285	БеРнаРдски	Рисунок сепией со слабыми следами карандашного наброска и, местами, с карандашной штриховкой тушевкой (подписной)

Кроме этих гравюр, на страницах 15, 25, 35, 45, 59, 71, 87, 99, 107, 117, 131, 143, 155, 173, 193, 215, 233, 243 и 259 — заставка с портретами Ивана Васильевича и Василия Ивановича. На тех же страницах и еще на странице 5 — заглавные буквы. Только две гравюры заглавных букв (на с. 173 и 215) имеют подпись гравера: «БЕРН...».

Если альбомные натурные зарисовки, эскизы и варианты иллюстраций, которые показывались Савиновым на докладе, совершенно убеждают в том, что автор рисунков к «Тарантасу» — Гагарин, то приложенные к моему экземпляру иллюстрации, в большинстве совершенно законченные и подписанные, именно своей законченностью и подписями окончательно документально подтверждают авторство Гагарина в выполнении замечательных рисунков к лучшему русскому иллюстрированному изданию 1840-х гг.

Эти иллюстрации, за исключением представленной в гравюре на с. 103, были куплены мною в 1947 г. у И.С.Наумова, которому дала их для продажи вдова Л.И.Максимовского. Рисунок для с. 103 был приобретен позднее.

При сличении книжных иллюстраций с приложенными рисунками устанавливаем, что на гравюрах фронтисписа и страниц 19, 21, 42, 48, 53, 63, 81, 120, 180, 203 и 239 — прямые изображения, а на гравюрах страниц 103 и 285 — зеркальные.

Трудно утверждать что-нибудь о том, кем рисованы были иллюстрации Гагарина на досках. Они настолько закончены, что могли быть перенесены на доски тем же Бернардомским, не в первый раз работавшим над рисунками Гагарина. Это могло быть сделано и самим Гагариным, тем более, что почти незаметно ни в чем различий между гравюрами и оригиналами. Во всяком случае, воплощение рисунков в гравюрах не оставляет желать ничего лучшего и полностью передает все особенности оригиналов.

А.А.Сидоров пишет, что «Агин, как мы считаем, помогал при издании «Тарантаса», перерисовывая для гравюры на дереве рисунки Гагарина, как раз в то время уехавшего за границу» (Сидоров А.А. Рисунки старых мастеров. 1956). Это утверждение совершенно бездоказательно. Если оно основывается на народном, русском, бытовом и несколько сатирическом характере иллюстраций «Тарантаса», ярко выраженном в гравюрах издания и при-

сушем творчеству Агина, то его несостоятельность тем более ясна, что сравнение законченных оригиналов с гравюрами, как уже было сказано, утверждает точность передачи рисунков в книге.

Не может же быть такое мнение результатом трудности признания значительного реалистического начала в творчестве Гагарина из-за давнего превратного представления о нем? Тем более, что Сидоров в той же книге пишет о рисунках к «Тарантасу» как «чисто реалистических, бытовых». И тут же утверждает, что «Агина, однако, от “Тарантаса” оторвать полностью нельзя. Об его участии в издании свидетельствуют современники». И так же, как в свое время Кузьминский, приводит в доказательство проспект к изданию «Сто рисунков», аналогично с Кузьминским неправильно трактуя текст этого проспекта. Но несколько далее, в статье об Агине, Сидоров пишет, что «как изобразитель “Похождений Чичикова” Агин многим обязан автору рисунков к “Тарантасу”, — как теперь ясно, — Гагарину».

Путаный человек этот А.А.Сидоров!

Обратите внимание на иллюстрацию страницы 114. Сидящий слева молодой человек, слушающий старика, мне кажется, — автопортрет Гагарина. А если это так, то этим как бы подчеркивается основная роль художника в создании «Тарантаса».

В.А.Соллогуб в своих воспоминаниях (1887, с. 188) признает: «Вообще все, что я написал, было по случаю, по заказу, — для бенефисов, для альбомов и т. п. “Тарантас” был написан текстом к рисункам князя Гагарина <...>».

В книге А.Н.Савинова «Г.Гагарин» (1951, с. 15) говорится о рукописном начале 3-й главы «Тарантаса» в одном из упоминавшихся уже альбомов. Оно — с разночтениями против печатного текста, с заставкой, заглавной буквой и концовкой. На приложенном к моему экземпляру листке, на двух его страницах, — тоже самое, написанное и нарисованное пером Гагарина. На одной стороне листка — концовка (погребец) и текст, который привожу сравнительно с книжным.

По книге (с. 23—24):

Все это в других краях возбудило бы непременно общее любопытство. Но в Москве, проходящие, привыкнув к подобным картинам, не обращали на тарантас ни малейшего внимания. Одни лишь уличные мальчишки, дергая друг друга за кафтаны, говорили между собой мимоходом: «Вишь какой едет помещик. Эк его раздуло!»

На листке:

показалось крайне странным и изумительным; Но в Москве проходящие, не обращали на Тарантас ни малейшего внимания, — привыкнув к подобным картинам. Одни лишь мальчишки дергая друг друга за кафтан говорили между собой, мимоходом: Вишь! Какой то Помещик едит в свою деревню.

На другой — иллюстрация и заглавная буква «В» с текстом *по книге* (с. 25—26):

Глава III. Начало путевых впечатлений.

Когда путешественники выехали за заставу, между ними завязался разговор:

«Василий Иванович?»

— Что, батюшка?

«Знаете ли, о чем я думаю?»

— Нет, батюшка, не знаю.

«Я думаю, что так как мы собираемся теперь путешествовать...»

— Что, что, батюшка... Какое путешествие?

«Да ведь мы теперь путешествуем».

— Нет, Иван Васильевич, совсем нет. Мы просто едем из Москвы в Мордасы, через Казань.

«Ну, да ведь это тоже путешествие».

— Какое, батюшка, путешествие. Путешествуют там за границей, в Немечине; а мы что за путешественники? Просто — дворяне, едем — себе в деревню.

На листке:

Начало Путевых Впечатлений

Выехав за заставу между путешественниками завязался разговор.

— Василий Иванович...

— Что батюшка?

— Знаете ли об чем я думаю.

— Нет, батюшка, не знаю.

— Вот о чем. Когда ученые, литераторы, антиквариации ездят по Франции или по Германии или по Италии или что теперь в моде по Африке, они делают путешествие.

— Кажется, что так.

— Следовательно, мы, которые ездим по России, мы

Несомненно, что Гагарин является инициатором текста «Тарантаса». Повидимому, некоторые места книжного текста — лишь результат обработки Соллогубом написанного Гагариным (как, например, большая часть главы 12, а также несколько страниц главы 19).

Значит, Гагарину принадлежит инициативная роль в создании «Тарантаса» не только исполнением основной ценности роскошного издания — иллюстраций, но, в некотором отношении, и участием в написании текста путевых впечатлений.

«Тарантас», как уже говорилось, очень редок в хорошем виде, а необрезанный экземпляр теперь совершенно ненаходим.

А.И.Белинский

КУЛЬТУРНАЯ РАБОТА ШКОЛ ГОРОДА ОПОЧКИ В 20-х гг. XX в.*

Занимаясь краеведческой работой и сделавшись с 1924—1925 учебногo года преподавателем литературы, я решил организовать при школе 2-й ст<упени> им. Пушкина Пушкинское общество. На эту мысль меня натолкнули и юбилейные торжества в Пушкинских Горах в честь А.С.Пушкина в связи со столетней годовщиной ссылки поэта в Михайловское (1924).

На этих торжествах я слышал вдохновенные речи Цявловского, Гроссмана, душевные разговоры этих знатоков творчества Пушкина и его эпохи с президентом Академии наук, председателем Пушкинского общества А.П.Карпинским, с местными крестьянами и учителями. Из уважения к памяти поэта, Карпинский, уже глубокий старик, ни разу не сел в экипаж, запряженный для него, и по всем памятным уголкам прошел пешком (Михайловское — Пушкинские Горы — Тригорское — Воронич).

В ознаменование примечательной годовщины в жизни поэта решено было открыть в Пушкинских Горах школу крестьянской молодежи, хотя население и представители Пушкинского общества из Ленинграда предлагали школу 2-й ступени. Через года 2 этот вопрос снова был поднят заведующим Пушкинским заповедником Павловым Ф.П.,¹ поддержан населением и разрешен в пользу школы 2-й ступени.

На юбилейных торжествах присутствовала группа советских писателей, возглавляемых Садофьевым И. Они приняли участие в вечере, на котором Садофьев читал стихотворения своего авторства, а Шишков В.— рассказ «Провокатор», доставивший большое удовольствие слушателям.²

Организацию Пушкинского общества в Опочке было нелегко осуществить. Пришлось связаться по этому поводу с Ленинградом. Президент Академии наук А.П.Карпинский как председатель Пушкинского общества в Ленинграде, обращался с письмом к председателю опочецкого райисполкома; организация общества была разрешена как филиал Ленинградского Пушкинского общества.³

Первыми членами Пушкинского общества в Опочке были учащиеся Пушкинской школы 2-й ступени. Председателем Общества был избран преподаватель обществоведения Рощевский П.И. (коммунист), Владимирова И.В. (кандидат в члены партии) и учительница Рогова А.М.— заместителями пред-

* Публикация и примечания Л.А.Белинского и А.М.Гордина

седателя, казначеем Ратьковский Владимир Рафаилович, и ответственным секретарем — я.⁴

Целью общества была популяризация имени и творчества поэта. Члены общества (12 человек) решили один раз в месяц устраивать вечера, посвященные памяти поэта. Каждый вечер должен был начинаться докладом. Художественная часть вечеров заполнялась декламацией, пением, музыкальными номерами на тексты произведений Пушкина.

Первый вечер был приурочен к годовщине смерти А.С.Пушкина. Доклад «Дуэль и смерть Пушкина» было поручено сделать мне. Зал школы им. Пушкина был наполнен до отказа. Пришли на вечер учителя, ученики старших классов, врачи, служащие. Ученики декламировали стихи М.Ю.Лермонтова «Смерть поэта», А.П.Кольцова «Лес» и др. Белинская Люда сыграла на рояле похоронный марш.

Первый вечер удался. В члены общества записались новые люди. Среди учеников нашлось много поклонников поэта. Они принимались в общество со званием «Юных пушкинистов». Между учениками и гражданами города распространялись открытки с видами пушкинских уголков, портретами поэта, его семьи, друзей. Открытками нас снабжало Пушкинское общество в Ленинграде. За 5 лет распродали несколько тысяч открыток.

В дальнейшем прочитали доклады Владимир Порфирьевич Михайлов на тему «Предки Пушкина» (Ганнибалы, Пушкины), Корчинский И.Н.— «Пушкин в музыке», Владимиров И.В.— «Друзья Пушкина», Михайлов М.М.— «Няня Пушкина Арина Родионовна».

Чтобы придать обществу большую прочность, заинтересовать больший круг людей, сделать вечера еще более содержательными, для докладов мы выписывали профессоров и преподавателей, связанных с Пушкинским обществом. Общество настолько зарекомендовало себя, что школьный зал перестал вмещать всех желающих присутствовать на вечерах общества. Собрания перенесли в зал городского клуба вместимостью на 400 человек. Скоро и здесь стало тесно.

С докладами о Пушкине выступали: 1) проф<ессор> Владислав Евгеньевич Максимов-Евгеньев на тему «Пушкин и Некрасов»; 2) Медведев П.Н. «Пушкин в нашей современности» и «Пушкин и Грибоедов»; 3) Золотарев С.А. «Борис Годунов» — история произведения, значение его для русской литературы; 4) Троицкий Л.С. «Пушкин, Некрасов и наша современность».⁵

В художественной части вечеров принимала участие сотрудница журнала «резец» Карельская из группы ЛАПП;⁶ она прочла стихотворение своего авторства «Дуэль Онегина с Ленским».

Доктор Бельский (из Ленинграда), рекомендовавшийся пушкинистом, критиком и литератором, читал стихотворения Пушкина.

Ученики Гиртциус В., Карлайтис Э., Лаврова В., Хохренкова В., Сандлер, Почепцов Н. неоднократно выступали с декламацией произведений поэта.

Среди членов кружка оказалось много любителей музыки и пения, которые выступали с музыкальными номерами, привлекая очень интересный репертуар.

На рояле играли: Скворцова З.И., Каминская А.В., Будзинский А.В., Будзинская Э.Л., ученики — Белинские Лидия и Любовь,⁷ Борткевич Е.

На скрипке солировали Коченовский С.И., Ухорский А.А., Серебряков А.С., Суйя А.И. (виолончель), Юкнат А.И. (скрипка и виолончель). Руководил музыкальной частью Корчинский И.Н.

В пении большое участие принимали: О.И.Игнатович, Елена и Вера Николаевна Кудрявцевы (последняя поет в опере театра им. Станиславского в Москве, жена С.Я.Лемешева, а в 1920-х гг.— ученица Пушкинской школы), Николай Владимирович Загорский, Геннадий Федорович Никифоровский, хор любителей пения под руководством П.Ф.Никифоровского.

Когда материальные средства общества упрочились, решено было организовать обучение скрипичной игре молодых членов общества. Общество уплачивало Авдию Ивановичу Суйя за обучение 10 р.<ублей> в месяц. Через несколько месяцев составилась небольшой симфонический оркестр (12 человек), в котором приняли участие ученики Ухорский, Серебряков и др.

Репертуар оркестра был довольно разнообразный, интересный: на рояле исполнялись поппури из «Пиковой дамы», поппури из «Евгения Онегина», «Реквием» Моцарта, похоронный марш Бетховена. На скрипке поппури из оперы «Евгений Онегин», квартет (скрипка, виолончель, рояль) разыграл антракт из «Бориса Годунова» М.И.Мусоргского, романс «Не искушай меня без нужды». Оркестр играл «Эльфы» из оперы «Сон в Иванову ночь», музыка Ипполитова-Иванова, «Последние аккорды» Ф.Шопена и др. На скрипке замечательно солировал Коченовский С.

Интересно были исполнены сказки Пушкина и «Сон Татьяны» (мелодекламация со скрипкой и роялем), причем «Сон Татьяны» одновременно разыгрывался на сцене учащимися. Студент Малинин для этого номера давал световые эффекты с помощью проекционного фонаря. Получилась поистине сказочная картинка.

Хор учащихся и любителей исполнял песни из «Евгения Онегина», «Русалки», «К няне» (музыка Покровского), «Буря мглою...» Даргомыжского и др.

С докладами и концертами общество выходило в клуб полка, в клуб железнодорожников, выезжало в Пушкинские Горы, проводило экскурсии комсомольцев и ж.-д. служащих и рабочих в Пушкинский заповедник.

К числу интересных мероприятий общества надо отнести устройство викторины по произведениям Пушкина. О ней было объявлено за 3 месяца до ее проведения. Тексты из произведений поэта было поручено выбрать мне. Я отобрал 20 выдержек. Все участники викторины, которых оказалось 15 человек, были приглашены на сцену. Участники викторины на каждый прочитанный текст давали ответ на отдельных листках со своею фамилией. Надо было назвать произведение, из которого взят текст, героя, которому принадлежат слова, время написания произведения и т. п. Кроме 15-ти, сидевших на сцене, из публики, переполнившей зал, несколько человек подавали ответы. Лучшие из них были даны казначейским служащим Павлом Григорьевичем Горенковым (окончил Городское училище в Опочке).

Премия (Полное собрание произведений Пушкина) была присуждена ученику школы 2-й ступени Сергею Телепневу, который правильные ответы дал на 19 вопросов.⁸ Ему этот подарок был вручен в торжественной обстановке на ближайшем собрании общества.

Летом с учениками и группами граждан города Опочки мне приходилось ездить в экскурсии на могилу поэта в Пушкинские Горы, Михайловское,

Тригорское, Вороничи.⁹ Каждый уголок, каждую тропинку этих прекрасных мест, освященных памятью поэта, я изучал по произведениям Пушкина, по воспоминаниям А.П.Керн, И.И.Пушина, Е.И.Фок и др., по брошюрам Устимовича, Гарриса, Васильева-Ушкуйника, Гладкого и др., стараясь во время экскурсий не упустить из внимания экскурсантов ни одного достопамятного холма, ни одной дорожки, аллеи, ни одного дерева и проч. Там, где жил, творил свои бессмертные произведения наш поэт, старались побывать и мы, вспомнить произведения Александра Сергеевича, прочувствовать их.

Ученики, готовясь к экскурсии, писали рефераты, разучивали стихотворения Пушкина, связанные с заповедными местами, и произносили их в соответствующих местах заповедника. Когда читали «Опять на родине», всегда удивлялись точности поэта в описании тех мест, которые до последнего времени сохранились в том виде, как о них говорил поэт. «Прощание с Тригорским»¹⁰ у многих вызывало слезы. Ученик Ленчевский Н. сказал: «Как тут хорошо! Теперь мы понимаем, почему Александр Сергеевич мог написать такие хорошие стихи». Экскурсия рассчитывалась на два дня. Но каждый раз поступали заявления о желании еще побродить по заповедным уголкам. С большим удовольствием ученики откликались на приглашение сплести из полевых цветов венки на могилу поэта. Много старания вкладывалось в это дело. Набирали самые красивые цветы, подбирали их и сплетали с искусством, с любовью, чтобы венок действительно украсил могилу.

В больших экскурсиях принимала участие учительница К.М.Властелица, умело направлявшая внимание учащихся на важные объекты и дававшая ценные данные о них (например, хорошо рассказала историю могилы поэта).

В одну из таких экскурсий ученики встретились в Пушкинских Горах с преподавателем Ленинградской школы Красновым, который приехал в заповедник для прочтения лекции на тему «Пушкин у истоков народного творчества». После лекции, интересной по содержанию и красивой по языку, ученики выступили со своими номерами, приготовленными для экскурсии. Слушатели наградили лектора и учеников аплодисментами. Все расходилось, довольные вечером.

Это было 5 июня 1927 г. День был дождливый. Вечером прошел ливень, размывший дороги, затопивший луга. В 7 часов 15 минут вечера на холме, где находится могила поэта, произошел оползень почвы с северной стороны. Упало много старых деревьев, рухнула часть ограды на протяжении 10 саженей. От края обвала до храма было всего 7 шагов.

Это второй обвал; первый был в 1902 г., когда раскрылась могила поэта. Зав<едающий> Пушкинским заповедником Ф.П.Павлов составил комиссию, написавшую акт об обвале, в которую включил учителей Еф. П. Павлова и Н.Г.Боровского, трех представителей волисполкома — Руднева, Андреева, Васильева — и меня. Акт 6 июня был отправлен в Пушкинский Дом (Ленинград). Комиссия, выехавшая из Пушкинского Дома, приняла меры к восстановлению порядка на холме и к предупреждению дальнейших обвалов.

Время и стихии — такие факторы, против которых часто бессилен человек. Они сказываются и на заповедных уголках им. Пушкина, совершая свое разрушительное действие. Прекрасная ель, на которую, по преданию, повесил свирель Пушкин, подверглась разрушительным атакам жучков-то-

чильщиков и стала хиреть. Комиссия химиков, присланная Академией наук, начинила старушку химикалиями и надолго предупредила гибель красавицы. Зато береза-седло, тоже в Тригорском парке, где часто сиживал поэт, прекратила свое существование. В 1925 г. вихрем сломало на высоте 2 — 2¹/₂ саженной от земли оба ствола, и теперь торчат, как роги, остатки хорошего дерева.

От 3-х сосен вблизи Михайловского, у дороги, размытой дождями, остались 2 пня, выжженные внутри пастушками. Зато по другую сторону дороги, ближе к Савкиной горке, молодая роща разрослась, вошла «в меру возраста совершенна».

К сожалению, стихиям помогают и люди. В парке Тригорского срублены 15 дубов из 24-х, игравших роль солнечных часов и служивших современникам Пушкина. Местные жители говорили, что дубы срубили на дрова для отопления Вороничской школы с разрешения (или по распоряжению) Опочекского отдела народного образования в 1920—1921 гг.

На могильном холме произведен ремонт: площадка около могилы зацементирована, баллюстрада восстановлена полностью, но рядом разрушены могилы архимандрита монастыря и детская могила Нюси Карповой, а кресты с этих могил валяются под откосом.

Бронзовые крест и урна с памятника выломаны. По-видимому, воры надеялись хорошо заработать, считая их золотыми. Одновременно были похищены из музея самовар, поднос, зеркало и еще кое-что из вещей, принадлежавших поэту.¹¹ Некоторые уворованные вещи были изъяты у крестьянина Велейской волости.

Особенно неприятную картину разрушения представляет старинный храм (сооружен в 1569 г.), рядом с которым могила поэта. Его называют «музеем». В этом «музее» стекла выбиты, двери выломаны, внутри гнездятся голуби, сырость, птичий помет. Лупится позолота, краска с икон, некоторые из которых старинные. Исторические ценности с ярлыками «Арх. муз.» № 21, 28, 38 и др. валяются, где попало. Везде валяется газетная бумага, мусор.

Старинные колокола скоро будут сняты, так как уже проданы как металлолом, а среди них колокол времен Ивана Грозного.¹²

В боковом приделе храма-музея устроены нары для допризывников, а потом здесь устроили хлебный склад.

Говоря о Михайловском, приходит на память проживавшая здесь, в доме для престарелых писателей, Варвара Васильевна Тимофеева-Починовская. Когда-то она была личным секретарем Ф.М.Достоевского и помещала свои повести в журнале «Время», редактировавшемся Достоевским.

Необыкновенно бодрая, несмотря на свои преклонные годы, Варвара Васильевна горячо отзывалась на разговоры, резолюции, предложения по поводу Пушкинского заповедника. Она до глубины души возмущалась разговорами о возможной реконструкции Михайловского, имевшей целью «украсить» заповедник постройками, дорожками, прудами, мостами и проч.¹³ Огонь, горевший в ее сердце, передавался на лице старушки. С языка ее сыпался целый фейерверк слов. Пушистые седые волосы поднимались, как отцветший одуванчик. Казалось, тщедушная энтузиастка взлетит на воздух, поднимаемая кипевшей внутренней силой. Но с ней не хотели считаться. Многие пожимали плечами, не понимая, как может доживающая

последние годы, а, может быть, дни пенсионерка чем-то возмущаться, что-то желать, предлагать. А все ее выступления были продиктованы исключительно любовью, уважением к поэту.

Варвара Васильевна печально кончила свою жизнь, она ослепла. В.М.Никифоровский, Н.А.Якшурский и другие учителя своим вниманием, радушием, материальной помощью старались скрасить последние годы жизни единственной писательницы-пенсионерки, жившей в Пушкинской колонии. После нее остались интересные воспоминания о Достоевском, о жизни в Михайловском, о пожаре в Михайловском в 1918 г. Записки эти переданы, кажется, в Пушкинский Дом. Многие члены Пушкинского общества в Опочке слушали выдержки из них в самом начале 20-х гг. XX в.¹⁴

Пушкинское общество просуществовало до ноября 1930 г., когда по независящим от него обстоятельствам прекратило свою культурную работу.¹⁵

Можно с уверенностью сказать, что краеведческие кружки и Пушкинское общество имели облагораживающее большое культурное влияние на молодежь и взрослое население, прививали учащимся новые формы борьбы за знание, обогащали научный, культурный багаж молодежи и взрослых.

Александр Иванович Белинский (1886—1977) — сын священника Псковской епархии, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, педагог с полувековым стажем, краевед и фольклорист.

6 ноября 1930 г. А.И.Белинский был арестован. По приговору «тройки» он получил 5 лет лагерей по статье 58¹⁰. Освободившись в конце 1934 г., работал в Новгородской обл., куда переехала высланная из Опочки жена. После войны жил и учительствовал в пос. Пола Парфинского района Новгородской обл., где и похоронен.

¹ Федор Павлович Павлов заведовал Пушкинским заповедником в 1927—1928 гг.

² «Провокатор» Вячеслава Яковлевича Шишкова (1873—1945) — довольно благостный рассказ из жизни послереволюционной деревни, написан в 1818 г. Илья Иванович Садофьев (1889—1965) — пролетарский поэт, рабкор дооктябрьской «Правды».

³ Основано в 1926 г. под именем Общества друзей Государственного заповедника «Пушкинский уголок». В 1931 г. преобразовано в Пушкинское общество, действовавшее до начала 1950-х гг. В 1990 г. воссоздано.

⁴ «Общество было уже на большой дороге,— делает важное пояснение А.И.Белинский,— когда ГПУ стало ставить ему палки в колеса. Между прочим, было предложено переизбрать секретаря, заместителя и казначея, т. е. отводились — я, Рогова, Ратьковский. Были голоса за закрытие общества. Этим хотели заявить протест против предложения ГПУ. Но большинство решило подчиниться <...> так как подобные протесты были не понятны сотрудникам ГПУ. Они, пожалуй, были бы довольны закрытием общества. Членов правления переизбрали, но работа не пострадала, так как старые члены правления не прекратили своей работы» (из неопубликованной автобиографии).

⁵ В.Е.Евгеньев-Максимов (1883—1955) — профессор Ленинградского университета, литературовед, специалист по творчеству Н.А.Некрасова. Павел Николаевич Медведев (1892—1938) — критик и литературовед, преподавал в ленинградских вузах, был репрессирован. Сергей Алексеевич Золотарев — литературовед, автор работ по истории педагогики. Леонид Сергеевич Троицкий — доцент Педагогического института им. А.И.Герцена, занимался методикой преподавания литературы в школе.

⁶ «Резец» — двухнедельный литературно-художественный журнал, приложение к «Красной газете». Выходил в Ленинграде с 1924 по 1939 гг., печатал преимущественно рабкоров. ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей.

⁷ Дочери А.И.Белинского.

⁸ Сергей Сергеевич Теплепнев — сотрудник ГНИИ цветных металлов (Москва), потомок старинного купеческого рода.

⁹ По воспоминаниям опочканки З.С.Предэ, поход ее класса в Пушкинские Горы был пешим (40 км).

¹⁰ Имеется в виду стихотворение 1817 г. «Простите, верные дубравы...». «Опять на родине» — под таким заглавием, начиная с анненковского издания сочинений Пушкина (Т. 3. 1855. С. 52) печаталось стихотворение «...Вновь я посетил...». Взято из первой строчки стихотворения в редакции В.А.Жуковского (Современник, 1837. Т. 5. С. 320).

¹¹ Явная неточность, так как мемориальных вещей в заповеднике в то время не было.

¹² Большой колокол XVIII в. все же уцелел, он погиб при взрыве колокольни в 1944 г. «В 1923 году экскурсанты были свидетелями закрытия монастырского храма. В “девятник” (9-я пятница после Пасхи) при большом стечении народа милиция, коммунисты, комсомолы из монастыря выносили иконы в Пятницкую церковь. Стенания, вопли, истерики богомольцев раздирали воздух. Толпа мешала разрушению храма. Полиция (sic!) пустила в ход хлысты, лошадей, которыми давили людей, стараясь оттеснить их. В монастырском храме обещали устроить музей. Были собраны старых изданий Евангелия, Апостолы и другие богослужебные книги, митры, посохи. Все это без всякого порядка было поставлено у солеи» (из неопубликованной биографии А.И.Белинского).

¹³ Увы, этот план — в значительно большем объеме — осуществлен и продолжает осуществляться в наши дни.

Часть мемуаров В.В.Тимофеевой (1850—1931), относящихся к Пушкинскому уголку, опубликована А.И.Давыдовым: Михайловская пушкиниана: Сб. статей науч. сотрудников Музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское» (Вып. 1. М., 1996. С. 6—28). См. также: Будылин И.Т. Золотая точка России. Пушкинский край. Основные события и даты. М., 1996. С. 51—57.

¹⁵ «О работе общества в городе много говорили. Часто повторялось моя имя как деятельного члена общества. Пушкин стал интересовать очень широкие круги. Партийные работники стали поговаривать, что Пушкиным в Опочке больше интересуются, чем Лениным, Сталиным, чем вопросами политики. <...> опочечкое ГПУ, как позднее стало известно, следило за работой общества и моей в частности. Людям этого учреждения (Черепанов и Ко) было не понятно, почему я так настойчиво занялся Пушкиным, почему профессора и другие докладчики из Ленинграда останавливаются у меня. Подозрительность или “бдительность” их особенно обострилась в связи с разгромом Пушкинского общества в Ленинграде (были арестованы проф. С.Ф.Платонов, Беляев и еще около 10 человек) и выступлением П.Н.Медведева в Пскове, где он читал лекцию о Пушкине. На вопрос одного из присутствующих на лекции: “Почему теперь нет таких поэтов, как Пушкин?” — ответил: “Соловьи зимой не поют”» (из неопубликованной автобиографии А.И.Белинского).

ХРОНИКА

Н.К.Телегова

ОБ ЭКСПЕДИЦИИ НА РОДИНУ А.П.ГАНИБАЛА*

В апреле 1999 г., с 15-го по 25-е, состоялась экспедиция редактора журнала «Наш следопыт» Игоря Васильевича Данилова в область Экваториальной Африки, в два соседние государства — Камерун и Чад. Целью было отыскание родины предка А.С.Пушкина — Абрама Петровича Ганнибала (1696—1781). Экспедиция подтвердила версию о том, что город Логон на реке того же названия (а некогда и небольшое княжество) действительно был родиной экзотического предка Пушкина.

Версия об Абиссинии — Эфиопии, придуманная зятем Ганнибала А.К.Роткирхом, женатым на младшей дочери его Софии, никогда Пушкиным в качестве родины прадеда не называлась. «Немецкая биография», составленная Роткирхом, утверждала обратное. Себя поэт называл «потомок негров безобразный» и т. п. Сведения роткирхова текста (копию с которого Пушкин имел, как и сокращенный перевод его) он использовал в неоконченном романе «Арап Петра Великого», но нигде не употреблял название родины своего чернокожего предка. Пушкин знал, что Абиссиния названа была неверно, но где лежали земли далекой африканской страны с городом Логоном, упомянутым самим Ганнибалом в качестве места своего рождения, было ему неизвестно. Он бережно хранил и полный, и несколько сокращенный варианты документа 1742 г., в котором — и только в нем, и только однажды! — Ганнибал упоминал Логон и просил императрицу Елизавету Петровну выдать ему герб: «Родом я низайший из Африки, тамошнего знатного дворянства, родился во владении отца моего, в городе Логоне, который и кроме того имел под собой еще два города».

Мальчика 6—7-ми лет похитили работорговцы, или интригами старших жен миарре (князя) он отдан был в качестве части налога в соседнее сильное государство (этот обычай засвидетельствован ныне экспедицией). Затем дальней дорогой увезен в центр торговли «черным товаром», город Триполи, и попал в Константинополь — как симпатичный и очень темнокожий, что ценилось — в качестве будущего пажа султана. В России он оказался в 1704 г.

Зачем и почему сочинил Эфиопию Роткирх? Прежде всего потому, что названия действительной родины тестя он просто не знал. Эфиопия же —

* Так писал свою фамилию сам прадед Пушкина.

страна, известная с античных времен и включенная в круг исторически значимых. К тому же роман «Расселас, принц Абиссинский» С.Джонсона (1759; немецкий перевод Ф.Шиллера — 1785) был в большой моде в 1780-е гг, когда и сочинил свой текст Роткирх.

Двести лет спустя чрезвычайный интерес к правнуку африканца сосредоточил внимание на семейном документе Ганнибалов и позволил сначала теоретически — это первым предположил В.В.Набоков в своей работе «Пушкин и Ганнибал» (1962), а затем при помощи топографических изысканий, которые выполнил парижанин африканского происхождения Д.Гнамманку — утвердиться в догадке о подлинном местонахождении родины Ганнибала.

В России абсолютно убедительная версия поддержана была нами — см. юбилейную статью к 300-летию Ганнибала (Russian studies. Vol. 2, № 2. SPb., 1996. P. 58—93), а также в двух публикациях: Комментарий к первому изданию подлинника «Немецкой биографии» А.Роткирха//Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 17 (М., 1997. С. 49—61); Приложение к главе «Абрам Ганнибал» В.Набокова//Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин» (СПб., 1998. С. 737—748).

Не доставало практического подтверждения версии. Теперь это сделано — И.В.Данилов рискнул полететь в «неведомое царство» и привез дополнительные доказательства: родина Ганнибала, город Логон, существует и находится на севере Камеруна, у границы с Чадом. Подробности и свидетельства вскоре будут опубликованы. Султан Логона любезно принял И.В.Данилова и передал для Пушкинского Дома подарки. Возможно, что Его Величество посетит Петербург, тем более, что он сам является прямым потомком князя Логона, от которого происходил и Ганнибал. В обсуждении результатов экспедиции принял участие директор Всероссийского музея А.С.Пушкина С.М.Некрасов.

Указатель произведений А. С. Пушкина

- Ангел («В дверях эдема Ангел нежный...») 231
Андрей Шенье («Меж тем как изумленный мир...») 81, 135
Аквилон («Зачем ты, грозный аквилон...») 137—143
<Арап Петра Великого> 82, 310
Арион («Нас было много на челне...») 139, 142, 251
- Барышня крестьянка 262, 264, 273
Бахчисарайский фонтан 134, 254, 262, 263
«Беги, сокройся от очей...» (Вольность. Ода) 77
Бесы («Мчатся тучи, вьются тучи...») 143, 248
«Благословляю новоселье...» (Новоселье) 144—150
Борис Годунов 14, 36, 60, 81, 134, 178, 223—226, 228, 241, 247, 262, 263, 304
Бородинская годовщина («Великий день Бородина...») 202
«Буря мглою небо кроет...» (Зимний вечер) 271, 305
«Была пора: наш праздник молодой...» 13, 271
- «В дверях эдема Ангел нежный...» (Ангел) 231
«В еврейской хижине лампада...» 35
«В надежде славы и добра...» (Стансы) 10
«В начале жизни школу помню я...» 231, 274
- «В те дни, когда мне были новы...» (Демон) 231
«Великий день Бородина...» (Бородинская годовщина) 202
Веселый пир («Я люблю вечерний пир...») 131
«...Вновь я посетил...» 306, 309
Вольность. Ода («Беги, сокройся от очей...») 77
Воображаемый разговор с Александром I 35, 141, 142, 273
Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи...») 93, 271
«Воспомянем упоенной...» (Элегия) 102
«Все миновалось!..» (Измены) 102
- Гавриилиада 81, 106
«Гляжу как безумный на черную шаль...» (Черная шаль) 161
<Гости съезжались на дачу...> 186, 188
- «Дар напрасный, дар случайной...» 35
19 октября <1825 г.> («Роняет лес багряный свой убор...») 34, 253, 274
Делибаш («Перестрелка за холмами...») 142
Демон («В те дни, когда мне были новы...») 231
Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок!..») 252
Дневники 16, 17, 24, 198, 201
Домик в Коломне 262, 264, 281
«Дубравы, где в тиши свободы...» 102
<Дубровский> 268
«Духовной жаждою томим...» (Пророк) 35

- Евгений Онегин 12, 13, 36, 40, 76, 77, 81, 82, 103, 113, 130, 133, 136, 164, 184, 191, 192, 234, 237, 247, 248, 251—254, 262, 263, 265—268, 278, 305, 311
- Египетские ночи 133, 259, 278
- Замечания о бунте 151
- Записка о народном воспитании 294
- «Зачем ты, грозный аквилон...» (Аквилон) 137—143
- Зимний вечер («Буря мглою небо кроет...») 271, 305
- «И дале мы пошли — и страх обнял меня...» 231
(Из Пиндемонти) («Не дорого ценю я громкие права...») 143
- Измены («Все миновалось!..») 102
- История Петра 188, 205
- История Пугачева 151, 205
- К*** («Я помню чудное мгновенье...») 268
- Кавказский пленник 161, 163, 164
- «Как с древа сорвался предатель ученик...» 231, 232
- Каменноостровский цикл 35, 139
- Каменный гость 264, 267
- Капитанская дочка 10, 14, 29, 103, 151, 153, 157, 173, 206, 207, 262, 264, 267
- <Кипренскому> («Любимец моды легкокрылой...») 97
- Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии?...») 202
- «Кто знает край, где небо блещет...» 13
- «Любимец моды легкокрылой...» (<Кипренскому>) 97
- Медный всадник 36, 82, 220, 221
- «Меж тем как изумленный мир...» (Андрей Шенье) 81, 135
- «Мне скучно, бес...» (Сцена из Фауста) 230—232, 239
- Мои замечания об русском театре 165
- «Мой первый друг, мой друг бесценный!..» (<И.И.Пушину>) 118
- Моцарт и Сальери 262, 264, 267
- «Мчатся тучи, вьются тучи...» (Бесы) 143, 248
- На статую играющего в бабки («Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено...») 255
- На статую играющего в свайку («Юноша полный красоты, напряженья, усилия чуждой...») 255
- Наброски к замыслу о Фаусте 232
- «Навис покров угрюмой ноши...» (Воспоминания в Царском Селе) 93, 271
- «Над Невою резво вьются...» (Пир Петра Первого) 10, 66—68
- «Нас было много на челне...» (Арион) 139, 142, 251
- «Не дорого ценю я громкие права...» (Из Пиндемонти) 143
- Новоселье («Благословляю новоселье...») 144—150
- Няне («Подруга дней моих суровых...») 305
- О дворянстве 18
- О народном воспитании 17, 18
- «О чем шумите вы, народные витии?...» (Клеветникам России) 202
- «Однажды странствуя среди долины дикой...» (Странник) 35
- «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...» (Осень) 269, 275, 278
- «Он между нами жил...» 13
- Опровержение на критики 135
- Осень («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...») 269, 275, 278
- Отрывок из письма к Д<ельвигу> 254
- «Перестрелка за холмами...» (Делибаш) 142
- Песнь о вещем Олеге 27, 28, 234
- Пиковая дама 76, 262, 264, 305
- Пир во время чумы 193, 239
- Пир Петра Первого («Над Невою резво вьются...») 10, 66—68
- Письма:
— П. де Баранту (16 дек. 1836 г.) 213
— В.Ф.Вяземской (конец апр. 1830 г.) 103
— П.А.Вяземскому (25 мая и ок. сер. июня 1825 г.) 167, 169

- П.А.Вяземскому (2-я пол. нояб. 1825 г.) 135
- П.А.Вяземскому (27 мая 1826 г.) 13
- П.А.Вяземскому (ок. 25 янв. 1829 г.) 133
- П.А.Вяземскому (16 марта 1830 г.) 15, 24
- П.А.Вяземскому (3 июля 1831 г.) 195
- П.В.Нащокину (21 июля 1831 г.) 16, 196
- П.В.Нащокину (27 мая 1836 г.) 111
- неустановленному лицу (П.А.Вяземскому или В.К.Кюхельбекеру, апр.— 1-я пол. мая 1824 г.) 105
- неустановленному лицу (Геккерну, конец 1835 — 1836 гг.) 212—217
- П.А.Осиповой (29 июня 1831 г.) 194
- П.А.Плетневу (2-я пол. янв. 1826 г.) 105
- П.А.Плетневу (ок. 11 июля 1831 г.) 195
- П.А.Плетневу (ок. 16 июля 1831 г.) 196, 197
- П.А.Плетневу (22 июля 1831 г.) 196
- М.П.Погодину (конец июня 1831 г.) 194, 195
- Н.Н.Пушкиной (8 дек. 1831 г.) 147
- Н.Н.Пушкиной (ок. 30 сент. 1832 г.) 147
- Н.Н.Пушкиной (19 сент. 1833 г.) 207
- Н.Н.Пушкиной (11 окт. 1833 г.) 130
- Н.Н.Пушкиной (3 июня 1834 г.) 187
- Н.Н.Пушкиной (2 окт. 1835 г.) 114
- Н.Н.Пушкиной (4 мая 1836 г.) 147
- Л.С.Пушкину (30 янв. 1823 г.) 163, 164
- Н.Н.Раевскому (младшему) (2-я пол. июля 1825 г.) 228
- К.Ф.Рылееву (2-я пол. июня — авг. 1825 г.) 136
- А.И.Тургеневу (1 дек. 1823 г.) 100
- «Подруга дней моих суровых...» (Няне) 305
- «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...» 13
- Полководец («У русского царя в чертогах есть палата...») 135
- Полтава 82
- «Последняя туча рассеянной бури!..» (Туча) 143
- Поэт и Чернь (Поэт и толпа) см. Чернь («Поэт по лире вдохновенной...»)
- «Приветствую тебя, пустынный уголок!..» (Деревня) 252
- Пророк («Духовной жаждою томим...») 35
- «Простите, верные дубравы!..» 306, 309
- Путешествие в Арзрум 82
- Путешествие из Москвы в Петербург 25
- <И.И.Пушину> («Мой первый друг, мой друг бесценный!..») 118
- Разговор книгопродавца с поэтом 130, 132, 231, 232
- <Роман в письмах> 111
- «Роняет лес багряный свой убор...» (19 октября <1825 г.>) 34, 253, 274
- Русалка 241, 242, 275, 281, 305
- Руслан и Людмила 161, 164, 247, 263, 271, 281
- <Русский Пелам> 167
- «Свободы сеятель пустынной...» 35
- Сказка о золотом петушке 273, 275
- Сказка о медведихе 271
- Сказка о попе и о работнике его Балде 272, 273, 275
- Сказка о рыбаке и рыбке 239, 262, 265
- Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 273, 275
- Стансы («В надежде славы и добра...») 10
- Станционный смотритель 29
- Странник («Однажды странствуя среди долины дикой...») 35
- Сцена из Фауста («Мне скучно, бес...») 230—232, 239
- Туча («Последняя туча рассеянной бури!..») 143
- «У русского царя в чертогах есть палата...» (Полководец) 135
- Фонтану Бахчисарайского дворца («Фонтан любви, фонтан живой!..») 254
- Цыганы 185, 262, 263

- Черная шаль («Гляжу как безумный
на черную шаль...») 161
- Чернь (Поэт и Чернь; Поэт и толпа)
(«Поэт по лире вдохновенной...») 133
- Элегия («Вспоминаньем упоенной...»)
102
- «Юноша полный красоты, напряженья,
усилия чуждой...» (На статую
играющего в свайку) 255
- «Юноша трижды шагнул, наклонился,
рукой о колено...» (На статую
играющего в бабки) 255
- «Я люблю вечерний пир...» (Веселый
пир) 131
- «Я памятник себе воздвиг
нерукотворный...» 8, 133, 259, 260
- «Я помню чудное мгновенье...» (К***)
268
- Mon portrait («Vous me demandez mon
portrait...») 276

Указатель имен

- Абрамович С.Л. 211, 213, 215—217
Абрикосов, коммерсант 242
Агин А.А. 295, 297, 298, 300, 301
Агнивцев Н. 279
Адам М. 155, 158
Айвазовский И.К. 248
Айзеншток И. 249
Аксаков И.С. 196
Аксаков С.Т. 44, 114, 117, 125
Александр I 16, 17, 19, 21—23, 34, 35, 53, 90, 92—95, 98, 103, 105, 115, 116, 138, 141, 142, 154, 188
Александр II (Александр Николаевич) 39, 52, 53, 62, 65, 115, 195, 197, 198, 200, 286, 290
Александр III 288
Александра Михайловна, вел. кнж. 195
Александра Николаевна, вел. кнж. 85, 195, 197, 198, 200
Александра Федоровна, имп. 53, 85, 195, 196, 198, 200—202
Александрова Е.Н. 80
Александрова Т.Г. 37—42
Алексеев Н.С. 41
Алексей Михайлович, царь 159
Алексий I (Симанский) 172
Алмазова В.П. см. Шереметева В.П.
Амалия, принцесса Баденская 160
Амосов А.Н. 95, 211
Анна Иоанновна, имп. 159
Анненков П.В. 106, 136
Анненский И.Ф. 235
Антонов Ф. 277
Апухтин А.Н. 40, 233, 236
Аракчеев А.А. 17
Арапов П.Н. 166
Арва С. 279
Арендт Н.Ф. 41
Арина Родионовна 41, 237, 304, 305
Арто И. 216
Аруэ М.Ф. см. Вольтер
Архарова Е.А. 197, 200
Архипов А. 72, 74
Асварищ Б.И. 108, 110
Асланиди, братья 248
Асмолов В.И. 248
Афанасьев, художник 239
Ахматова (Горенко) А.А. 269
Бабинцев Н. 68
Бабурова Даша 273, 275
Байрон Д.Г. 134, 135, 215, 219, 230
Бакунин А.М. 97
Бакунин А.П. 100
Бакунина (Саблукова) Е.А. 99
Бакунина Е.П. 99
Балабанова Маша 272, 275
Балагура Настя 276
Бальмонт К.Д. 229, 239
Бантыш-Каменский Н.Н. 173, 174
Барант де П. 84, 85, 87, 213, 214
Баратынский Е.А. 40, 81, 174, 176
Барклай-де-Толли М.Б. 35
Барков И.С. 167
Баркова Маша 271
Бартенев И.А. 69, 74
Бартенев П.И. 50, 105, 106, 131, 136, 190, 206, 211
Бартенева И.Ю. 50
Баташкова В.Н. 69, 74
Батеньков Г.С. 120, 125, 127
Батюшков К.Н. 40, 101, 102, 163, 166
Бах И.С. 280
Бахметьев А.Н. 101
Башилов Б. 221, 227

- Бегичев К.Н. 245
Белиловский В.А. 193
Белинский А.И. 303—309
Белинский В.Г. 76, 203, 211, 220, 221, 227, 296, 297, 298
Белинский Л.А. 303
Белинская Любовь 304
Белинская Люда 304
Белова И. 268
Бенедиктов В.Г. 40
Бенкендорф А.Х. 8, 9, 15, 16, 19, 23, 25, 143, 198, 202
Беннер Ж.А. 98
Беннигсен Л.Л. 101
Бенуа, m-lle 113
Бергнер А. 118, 120, 121, 123—127, 129
Бергсон А. 189
Бердяев Н.А. 222
Березкина С.В. 104—106
Берзинь А.Г. 264
Берилова А.П. 160
Бернардский Е.Е. 298—300
Бессараб М. 211
Бестужев М.А. 113, 117
Бестужев Н.А. 61, 65, 121—123
Бестужева Е.А. 123
Бестужев-Марлинский А.А. 113, 117, 180
Бестужев-Рюмин П.Н. 71
Бетховен Л. ван 7, 305
Бибиков А.И. 156, 158
Бильдербек Л.Ф. 174
Билдерлинг А.А. 289
Битов А.Г. 12—14
Благово Д.Д. 74, 115, 117
Благой Д.Д. 158
Блок А.А. 40, 258
Блок Г.П. 158
Блок К.А. 292
Блудов Д.Н. 40
Блудова Л.Д. 40
Бобрищев-Пушкин П.С. 127
Богатырева И. 279
Богданов М. 74
Бойд Б. 252
Бокансон Ж. 113
Бокариус М.В. 294, 295
Бондаренко М.Б. 279
Борель П. 43
Борисоглебский М.В. 165, 166
Боровков А.Д. 21
Боровский Н.Г. 306
Борткевич Е. 304
Борх И. 188
Борх (Голынская) Л.В. 188
Боткин М.П. 108, 110
Бошняк А.К. 104
Бредихина О.Б. 39
Бригген А.Ф. 126
Брокгауз Ф.А. 153, 158
Броневский Д.Б. 49
Брюллов К.П. 99, 164
Брюммер К.Ф. 46
Брюммер (Остен-Сакен) О.М. 46
Брюсов В.Я. 229, 239
Брюсов П. 80
Буало Н. 12
Бубер М. 222, 227
Бубликов Т. 159
Будзинская Э.Л. 304
Будзинский А.В. 304
Будьлин И.Т. 309
Буковская Т.С. 258—260
Булгаков К.Я. 214
Булгаков С.Н. 219, 222, 227
Булгарин Ф.В. 178, 181, 185
Бутурлин М.Д. 112, 113, 117
Быков Н.В. 287
Быкова (Пушкина) М.А. 287
Бюлер Ф.А. 83, 87, 88
Бялый В. 268
Вадковский Ф.Ф. 60
Вальберх И.И. см. Лесогоров И.И.
Варфоломеев А.П. 118—129
Васильев С., фабрикант 248
Васильев-Ушкуйник 306
Васильчикова А.И. 200
Васильчикова М.Н. см. Павлова М.Н.
Васильцовский 174
Васнецов В.М. 234
Вацуро В.Э. 180
Веймарн П.А. 292
Вельгорский М.Ю. см. Виельгорский М.Ю.
Вельтман А.Ф. 80
Венгеров С.А. 181, 184, 190
Веневитинов Д.В. 40
Вергилий 67
Вересаев В.В. 202
Верне О. 297

- Веселкина М.В. 289
 Веселовский А.А. 180
 Вигель Ф.Ф. 174, 180
 Виельгорский (Вельгорский) М.Ю. 17, 186, 201, 293
 Виланд К.М. 102
 Вилло 98
 Вильк Е.А. 218—228
 Виноградов А.К. 158
 Виноградов В.В. 180
 Винокур Г.О. 228
 Виrolайнен М.Н. 232, 239
 Вихорева, учительница 270
 Владимир Александрович, вел. кн. 233
 Владимиров И.В. 303, 304
 Властелица К.М. 306
 Вовк А.С. 270
 Воейков А.Ф. 51—53, 176
 Воейкова (Протасова) А.А. 52
 Волков А. 248
 Волков Федя 280—282
 Волконская Е.С. 120, 121
 Волконская З.А. 81, 132, 133
 Волконская С.Г. 111, 217
 Волохонская Т.П. 130—136
 Волконский С.Г. 119—121
 Волконский М.С. 120, 121
 Волконский П.М. 108, 194, 195, 199
 Вологжанов 278
 Вольтер (Аруэ М.Ф.) 9, 10, 132
 Вольровский В.Д. 173, 175
 Воронцов М.С. 105
 Воронцов-Вельяминов П.А. 287
 Воронцов-Дашков И.И. 85, 86
 Воронцова Е.К. 33
 Воронцова-Вельяминова (Пушкина) Н.А. 286
 Востоков А.Х. 54—58
 Востокова (Гальберг) А.И. 54
 Вульф А.Н. 184
 Вульф Н.Г. 41
 Вучинович Н. 192, 193
 Высоцкий В.С. 261
 Вяземская (Гагарина) В.Ф. 103, 134, 162, 200
 Вяземская М.Г. см. Разумовская М.Г.
 Вяземский П.А. 13, 15, 17, 24, 37, 40, 56, 77, 86, 105, 133, 134, 136, 140, 157, 158, 162, 167, 169, 172, 176, 180, 186, 187, 190, 195, 215, 216
 Габриадзе Р.Л. 14
 Гагарин Г.Г. 295, 297, 298, 300—302
 Гагарин С.С. 292
 Гагарина В.Ф. см. Вяземская В.Ф.
 Гагарина Л.Ф. см. Полуектова Л.Ф.
 Гаген Г. 47
 Гаген (Гамм) Л.Ф. фон 47
 Гаген М.Д. 47
 Гаген Т. 47
 Галкина Т.И. 194—202
 Гальберг А.И. см. Востокова А.И.
 Гальберг К.И. (К.Г.) 55
 Гальберг С.И. 54, 57
 Гальцева Г. 227
 Гамалея Н.Ф. 193
 Гамм А.А. 47, 50
 Гамм А.М. 47
 Гамм А.П. 47
 Гамм А.Ф. 44, 45, 47—50
 Гамм Д.Ф. см. Шильдер-Шульднер Д.Ф.
 Гамм Л.Ф. см. Гаген Л.Ф. фон
 Гамм Максимилиан Ал-др. 47, 50
 Гамм (Остен-Сакен) Мария Ал-др. 47
 Гамм П.А. 47, 50
 Гамм Ф.О. 47
 Ганнибал А.П. 6, 38, 41, 42, 310, 311
 Ганнибал И.А. 38, 41, 42
 Ганнибал (Пушкина) М.А. 101, 171
 Ганнибал Н.О. см. Пушкина Н.О.
 Ганнибал О.А. 171
 Ганнибал П.А. 38, 41, 42
 Ганнибал П.И. 80
 Ганнибал С.А. см. Роткирх С.А.
 Гаррис 306
 Гартунг Л.Н. 289, 291
 Гартунг (Пушкина) М.А. 59, 114, 285, 289, 293
 Гаршин В.М. 64
 Гаспарян Саша 274, 275
 Гастфрейнд Н. 180
 Гау В.И. 108
 Гаукс И.И. 292
 Гегель Г.В.Ф. 221
 Гедеонов И.М. 127
 Гейтман Е.И. 99, 100
 Гейченко С.С. 264
 Геккерн Л.Б. де Беверваард (Геккерен) 86, 212—217

- Геккерт (Гончарова) Е.Н. 38, 189, 213, 215, 216
Геннади Г.Н. 257
Генрих III Валуа 115
Герардова Е.С. 69
Герцен А.И. 112, 117, 308
Гершензон М.О. 65, 167, 172, 220, 227
Гесдерфер М. 74
Гессен С.Я. 217
Гете И.В. 7—11, 215, 230, 239
Гинзбург Л.Я. 182, 189
Гиртциус В. 304
Гительмахер М.Б. 266
Главацкий М.Ф. 293
Гладкий 306
Глинка С.Н. 41
Глинка Ф.Н. 190
Глинский Б.Б. 117
Глушковская (Иванова) А.И. 162
Глушковский А.П. 161, 162, 164—166
Гнамманку Д. 311
Гнедич Н.И. 101, 102, 162, 163, 176
Гогенлоэ 87
Гоголь Н.В. 207, 211, 218, 229, 258, 298, 301
Годеин, ген.-л. 198
Голенищев-Кутузов А.А. 229
Голенищев-Кутузов М.И. 35, 101
Голицын А.Б. 178
Голицын А.Н. 35, 199, 217
Голицын В.Б. 62, 171
Голицын Д.В. 169, 171
Голицын С.Ф. 169, 171
Голицын Ф.С. 171
Голицына (Чернышева) А.Г. 171
Голицына Е.И. 76
Голицына (Чернышева) Н.П. 171
Гольтгоер Ф.Г. 49
Гольнская Л.В. см. Борх Л.В.
Гомер 67, 219
Гончаров А.А. 38
Гончаров А.И. 289
Гончаров А.Н. 38, 71, 195
Гончаров Д.Н. 71, 216, 217
Гончаров Н.А. (ум. 1785) 38
Гончаров Н.А. (1787—1861) 38
Гончаров Н.И. 289
Гончарова А.А. см. Нестерова А.А.
Гончарова А.Н. см. Фризенгоф А.Н.
Гончарова Е.И. 289
Гончарова Е.Н. см. Геккерт Е.Н.
Гончарова Над. Ив. 289
Гончарова Нат. Ив. 289
Гончарова Н.Н. см. Пушкина Н.Н.
Гончарова Н.П. 38
Гораций 259, 260
Гордеева Е. 271
Гордиевский Паша 276
Гордин А.М. 106, 303
Гордин Я.М. 15—26
Гордон П. 214
Горенко А.А. см. Ахматова А.А.
Горенков П.Г. 305
Горностаев А.М. 294
Горчаков А.М. 44
Горчаков А.С. 292
Горцев П.Б. 263
Гославский М. 40
Градова Б.А. 57
Гранин Д.А. 7—11
Грановская Н.И. 129
Грейг А.С. 203
Грейцер Л. 209—211
Греч Н.И. 177, 205
Грибоедов А.С. 40, 76, 164, 166, 183, 304
Григорович Д.В. 203
Григорьев А.А. 218
Григорян Г.Б. 248
Гроссман Л.П. 84, 85, 89, 181, 187, 303
Грот Я.К. 43, 189, 211
Грязнова А.Ю. 229—240
Губар П.В. 37, 40
Гурьев А.Д. 192, 193
Гюго В. 12, 14
Давиньон А. 44, 119—122
Давыдов А.И. 309
Давыдов Д.В. 40, 162, 166, 178
Давыдов Н.Е. 292
Давыдов С.И. 160
Дагер Л.Ж.М. 119
Даль В.И. 78, 105, 106, 115, 203—211
Даль Л.В. 208, 209
Даль Ю. 207
Дамье Н.А. 65
Данзас Б.К. 124, 126, 128
Данзас К.К. 84, 86, 87, 90, 95, 126, 173, 208, 211
Данзас Т.Б. см. Семечкина Т.Б.

- Данилов И.В. 310, 311
 Данилова (Перфильева) М.И. 162, 163, 165
 Дантес Геккерн Ж.К. 38, 83, 85, 86, 89, 134, 189, 215—217, 248
 Даргомыжский А.С. 305
 Д'Аршиак Ж.Е.Л.М.К. 84
 Д'Аршиак Л.А.О.Д. 83—89
 Д'Аршиак (Жерар) Л.Ф.Е. 84
 Дебрянская (Чернышева) М.Г. 170, 171
 Дебрянская М.М. см. Неелова М.М.
 Дебрянская Н.М. 170
 Дебрянская Т.М. 170
 Дебрянский М.Ф. 170, 171
 Дебрянский Н.М. 170
 Дебрянский П.М. 170
 Декамп 12
 Дельвиг А.А. 41, 44, 174, 176—178, 254, 274, 275, 279
 Дементьева М.А. 74, 217
 Державин Г.Р. 9, 40, 43, 54, 112, 132, 156, 259, 260, 271, 273
 Дерикер 300
 Джонсон С. 310
 Дидло Ш.Л. 160—166
 Дидро Д. 9
 Дмитриев И.И. 40, 139, 140, 168, 176, 180, 186, 215
 Дмитриева Лена 271
 Добровольская Даша 272, 277, 279
 Добровольская Е.Б. 269—283
 Добролюбов Н.А. 190
 Долгоруков М. 52
 Долгоруков Я.Ф. 35
 Долгошеева Т.А. 279
 Доливо-Добровольский Ф.И. 111
 Домашников И. 53
 Достоевский Ф.М. 44, 117, 218, 222, 227, 229, 237, 238, 240, 258, 307, 308
 Дроздов В.М. см. Филарет, митрополит
 Друнч, фабрикант 248
 Дубровский А.В. 128
 Дурново И.Н. 295, 297
 Дурново М.А. см. Пушкина М.А.
 Дурова Н.А. 113
 Дымков, купец 288
 Дюма (отец) А. 12, 14
 Екатерина Павловна, вел. кн. 98
 Елагина А.П. 38
 Елена Павловна, вел. кн. 35, 85
 Елизавета Алексеевна, имп. 97—101, 103, 113, 160, 198
 Елизавета Петровна, имп. 38, 152, 310
 Ентальцев А.В. 66
 Епатко Ю.Г. 59—65
 Ермаков В.Л. 279
 Ермакова Полина 274, 279, 282
 Ермилова Е.В. 229, 238, 239
 Ермолов А.П. 16, 35
 Есенин С.А. 261
 Ефимов Д.П. 249
 Ефремов П.А. 37, 144, 145, 147, 150, 202
 Ефрон И.А. 153
 Жадимировский П.А. 204
 Жандр А.А. 76
 Жемчужников Л.М. 115—117
 Жерар (Тимбрюн-Тембронн де Валенс) Л.Р.Э. 84
 Жерар Л.Ф.Е. см. Д'Аршиак Л.Ф.Е.
 Жерар М.Е. 84
 Жирмунский В.М. 230, 239
 Жихарев С.П. 76, 190
 Жихарев С.С. 184, 190
 Жоано Т. 297
 Жуи Э. 175, 179
 Жуйкова Р.Г. 190
 Жуковская (Рейтерн) Е. 51
 Жуковский В.А. 17, 32, 38—40, 51—53, 56, 60, 80, 86, 89, 140, 141, 143, 161, 163, 176, 183, 186, 195, 197, 200, 202, 205, 208, 215, 293, 309
 Жуковский П.В. 52
 Забочень О. 68
 Завалишин Д.И. 208
 Загорский Н.В. 305
 Загряжская М.А. см. Свечина М.А.
 Загряжская Н.К. 16, 195
 Загряжский Н.А. 41
 Зайцева Оля 275
 Залесская Бонивентура И. 40
 Захаржевский Я.В. 194
 Зверев А. 279
 Зверева Ульяна 277
 Згиз И. 248
 Зеггелер Л.Л. 292
 Зейдлиц К.К. 38, 52

- Зеленцов К.А. 72
Зенгер Т.Г. 217
Зенф К. 51
Зешау 214
Зигерн-Корн Ю.А. 203—211
Зильберштейн И.С. 65, 294
Зичи М. 64
Золотарев С.А. 304, 308
Золотова О.Н. 173—180
Зотов Р.М. 161, 165, 166
Зув А.С. 264
Зызина В.А. 39
- Иван Грозный 307
Иванов, надворный советник 174
Иванов Ал-др Андр. 107—110
Иванов Андр., книгопродавец 296
Иванов Андр. Андр. 107, 109, 110
Иванов Антон 107—110
Иванов А.И. 107, 110
Иванов Вяч. Ив. 222, 227, 228
Иванов Е.П. 40
Иванов П. 43
Иванов С.А. 108
Иванов Ф.Ф. 140
Иванов-Класеик А. 279
Иванова А.И. см. Глушковская А.И.
Ивашев В.В. 39
Ивашев В.П. 39, 80
Ивашев П.В. 39
Ивашева-Дедагто К.П. 80
Игнатович О.И. 305
Иезуитова Р.В. 137—143, 274
Изергина Н.П. 178—180
Измайлов А.Е. 162, 163, 175—179
Измайлов Н.В. 143, 212—214, 216, 217, 294
Изотова В.А. 279
Иколина М. 162
Илличевский А.И. 182, 274, 275
Ильин В. 220, 227
Инзов И.Н. 193
Иона, игумен 104, 105
Ипполитов-Иванов М.М. 305
Ирвинг В. 177
Истомина А.И. 163—165
- Кавелин А.А. 292
Кавелин П.А. 292
Кавос К.А. 160, 161
Казанский Б.В. 217
- Каменская (Толстая) М.Ф. 113, 114, 117, 199, 200, 202
Каминская А.В. 304
Капша К.Н. 46
Капша М.Н. см. Остен-Сакен М.Н.
Капша Ник. 46
Капша (Остен-Сакен) Нат. Максимилиан. 46
Карамзин Ал-др Ник. 216
Карамзин Андр. Ник. 216
Карамзин Н.М. 16, 18, 25, 59, 60, 162, 175, 176, 215, 228
Карамзина С.Н. 186, 215, 217
Каратыгина А.М. 190
Карл X 59
Карлайтис Э. 304
Карлгоф В.И. 56, 58
Карнеев 80
Карпинский А.П. 303
Карпова В.И. см. Кривцова В.И.
Карпова Е.В. 54—58
Карпова Нюся 307
Каррик А. 63, 65
Каррик В. (В.А.) 61, 63, 64
Карташов А. 218, 227
Карцев Я.И. 41
Катанов В. 65
Катанская Л.А. 89
Катенин П.А. 102, 164
Каховский П.Г. 267
Каченовский М.Т. 176
Квитницкий В.К. 292
Келер Д.Е. 214
Кениг Г.И. 88
Керн (Маркова-Виноградская) А.П. 113, 114, 117, 268, 278, 306
Кибальник С.А. 227
Кильгаст В.В. см. Маркова В.В.
Кипренский О.А. 97—103, 164, 245, 294
Киреевский И.В. 35
Киреевский П.В. 35
Кирпичников А.И. 89
Кирхнер, иезуит 112
Киселев Н.Д. 168
Киселев П.Д. 168, 169, 171
Киселев С.Д. 168
Киселева А.Д. см. Неелова А.Д.
Киселева (Ушакова) Е.Н. 168
Китаева А., домовладелица 200, 255
Клевцов С.С. 132

- Клот К. 299
 Ключев Б.Г. 266
 Клюпфель В.В. 292
 Княжнин Я.Б. 140, 164
 Кобеко Д. 50
 Козлов И.И. 39, 195
 Козловский И.А. 160
 Козмин Н.К. 217
 Козюберда А.И. 266
 Коковцев В.Н. 50
 Колесникова Н.Э. 263
 Коллер 85
 Колосова Ал-дра 160
 Колосова А.М. (младшая) 81
 Колосова (Неелова) Е.И. 160, 165
 Кольман К. 74
 Кольцов А.П. 304
 Комовский С.Д. 182
 Кондаков С.Н. 57
 Кони А.Ф. 235
 Константин Константинович, вел. кн. (К.Р.) 234, 239
 Константин Николаевич, вел. кн. 195, 200
 Константин Павлович, вел. кн. 195, 198, 200
 Коняев Н. 117
 Коринфский А.А. 235
 Корнель П. 164
 Коровин К.А. 67, 111
 Корольков К.Н. 249
 Корф М.А. 17, 21, 22, 26, 182, 189
 Корчинский И.Н. 304, 305
 Коршиков А.С. 265
 Котляревская П.С. 40
 Коченовский С.И. 305
 Кочубей В.П. 15, 24, 195
 Кочубей М.В. 195, 198
 Кочубей Н.В. 102, 103
 Краевский А.А. 38
 Крамской И.Н. 125
 Красильщикова, домовладелица 290
 Красовская В.М. 166
 Крестовский Вс. В. 40
 Кривцов Н.И. 59, 60, 62, 76
 Кривцов П.И. 60, 62
 Кривцов С.И. 59—65
 Кривцова (Сафонович) А.В. 62
 Кривцова А.И. 61
 Кривцова (Карпова) В.И. 60, 62, 65
 Крупенников Л.Ф. 41
 Крылов И.А. 54, 56, 76, 102, 139, 140, 160, 188, 298
 Крылова В.П. 274
 Крюгер Ф. 108, 110
 Кубасов И.А. 180
 Кублицкая М.А. 239, 241—250
 Кудояров Володя 277
 Кудрицкая Л. 261—268
 Кудряцева В.Н. 305
 Кудряцева Е.Н. 305
 Кузьминский К.С. 297, 298, 301
 Кукольник Н.В. 99, 256
 Кукушкина Е.В. 274, 279
 Куницын А.П. 92, 279
 Купцов В.Г. 265
 Кураев М.Н. 27, 28
 Кутузов М.И. см. Голенищев-Кутузов М.И.
 Кутыгина Ж. 279
 Кюстин А. 186, 190
 Кюхельбекер В.К. 37, 80, 90, 105, 174, 182, 274, 294
 Лаваль, графиня 216
 Лаврова В. 304
 Лангер В.П. 43—45, 48—50
 Ланда С.С. 36, 75
 Ланде Ж.Б. 159
 Ланская Н.Н. см. Пушкина (Гончарова) Н.Н.
 Ланская С.А. см. Пушкина С.А.
 Ланской П.П. 286
 Лапина Г.В. 257
 Лаплас П.С. 10
 Лаппо-Данилевский К.Ю. 158
 Ласунский О.Г. 180
 Лафонтен Ж. де 138—140, 143
 Лебедева Э.С. 104, 106
 Леваш А.В. 153
 Левашов А.К. 153
 Левкович Я.Л. 89, 158, 180
 Левшин В. 70, 71, 74
 Лейбенгарц Г.Н. 246
 Лекс И.М. 292
 Лемешев С.Я. 305
 Ленин В.И. 21, 158, 309
 Ленчевский Н. 306
 Леонтьев И. см. Щеглов И.
 Лермонтов М.Ю. 62, 65, 131, 189, 190, 304
 Лесогоров (Вальберх) И.И. 160, 161

- Либерман А. 214
Либрович С. 99, 103
Лихачев Д.С. 3, 158, 190
Логановский А.В. 255
Логвинская Э.Я. 69
Логинова В.С. 120, 121
Ломоносов М.В. 10, 54
Ломоносов С.Г. 173
Лонгинов М.Н.
Лопатина Н.А. 158
Лотман Л.М. 228
Лотман Ю.М. 114, 117, 131, 136, 190, 278
Лохвицкая М.А. 229
Лувель Л.П. 76
Лузинова И.В. 159—166, 270
Лунин М.С. 121
Лухманова Н.А. 235
Львов Н.А. 155, 158
Льдов К.Н. 235
Людовик XVI 23
Люстрих Я. 161
Люцероде К.А. 213—215
- Мазепа И.С. 78
Мазер К.П. 121
Мазур Т.Р. 69—74
Майков А.Н. 56, 58
Майков Л.Н. 103, 138, 190, 204, 206, 207, 211
Макаров А.В. 170
Макаров В.А. 295, 297
Макаров М.Н. 170
Макарова (Неелова) Н.А. 170
Максимов-Евгеньев В.Е. 304, 308
Максимовский Л.И. 298, 300
Малевский Ф. 40
Малинин, студент 305
Малинина Т.А. 58
Малиновская Н.Б. см. Мешкова-Малиновская Н.Б.
Малиновский А.В. 39
Малиновский В.Ф. 39, 49, 90—96
Малиновский И.В. 39, 90, 91, 94
Манаков Х.Н. 248
Мария Михайловна, вел. кнж. 197
Мария Николаевна, вел. кн. 109, 195, 197, 198, 200
Мария Павловна, вел. кн. 197
Мария Федоровна, имп. 40, 98, 99, 197, 288
- Марков А.Н. 97—103
Марков С.Л. 40, 67, 294—302
Маркова-Виноградская А.П. см. Керн А.П.
Маркова-Кильгаест В.В. 67, 294, 295
Мартре Д. де 80
Мартьянова Саша 276
Мартынов А.Е. 80
Мартынов И.И. 91, 93, 95
Маслов Д.Н. 173
Матюшкин Ф.Ф. 43, 124, 173
Машковцев Н.Г. 107, 110
Маяковский В.В. 135, 279
Медведев П.Н. 304, 308, 309
Медведева И.Н. 180
Медженис А. 86
Мезенцов С.П. 290
Мезенцова (Пушкина) В.А. 287, 288, 290, 291
Мейлах Б.С. 92
Мейндорф Е.Ф. 214
Мейндорф Р. 293
Меликов Л.П. 46
Меликов М.П. 46
Меликов П.Л. 46
Меликова (Остен-Сакен) А.М. 46
Мельгунов Н.А. 88
Менделеев Д.И. 64
Меншиков А.С. 168, 169, 171
Меншиков А.Д. 171
Меншикова Е.П. см. Неелова Е.П.
Мердер, ген.-м. 197
Мережковский Д.С. 219, 227, 233, 239
Меренберг (Пушкина) Н.А. 59, 111, 216, 285, 291, 293
Мериме П. 158
Меркина Л. 277
Местр Ж. де 21, 23, 26
Местр К. де 40, 52
Мешкова-Малиновская Н.Б. 39
Мещерский И.И. 74
Микеланджело Буонарроти 219
Миллер Н.И. 49
Милонов М.В. 162, 163
Милорадович М.А. 267
Минье Ф.А. 214
Миرون, др.-греч. скульптор 256
Мироненко С.П. 124
Мироненко С.В. 124
Михаил Павлович, вел. кн. 24, 35, 85, 86, 187, 190, 199

- Михайлов В.П. 304
 Михайлов М.И. 191—193
 Михайлов М.М. 304
 Михайлова В. 159
 Михайлова Л.Б. 90—96
 Мицкевич А. 40, 81
 Модзалевский Б.Л. 57, 89, 106, 144, 150, 195, 213, 217
 Мозер, часовщик 287
 Моисеев, фотограф 124, 125, 127, 128
 Мойер (Протасова) М.А. 52
 Монахова Е.Н. 66—68
 Морво Г. де 192
 Мордвинов Н.С. 22, 23, 35
 Моцарт В.А. 267, 305
 Музовской, духовник 199
 Мунд Н.П. 166
 Муравьев А.Н. 71
 Муравьев М.Н. 101
 Муравьев Н.М. 97, 101, 102, 114, 121
 Муравьев Н.Н. 71
 Муравьева (Чернышева) А.Г. 65
 Муравьева Е.Ф. 100—102
 Муравьев-Апостол И.М. 80
 Муравьев-Апостол М.И. 60, 119, 121, 124, 125, 127, 128
 Муравьева-Апостол П.В. 41
 Мурузи, домовладелец 288
 Мусина-Пушкина 215
 Мусоргский М.И. 305
 Муханов П.А. 119—121
 Мыльников А.С. 157
 Мятлев И.П. 167, 172
- Набоков В.В. 251—257, 311
 Набоков В.Д. 251
 Надеждин Н.И. 185
 Надсон С.Я. 40
 Назарова Г.И. 144—150
 Назимов М.А. 128
 Наполеон Бонапарт 10, 16, 59, 101, 112, 138, 141, 192
 Нарская В.А. см. Нашокина В.А.
 Нарышкин Д.Л. 188
 Наумов И.С. 40, 294, 295, 300
 Нашокин П.В. 16, 39, 111, 114, 144—150, 186, 190, 196
 Нашокина (Нарская) В.А. 39
 Нашокина Е.П. 39
 Нашокина С.П. 39
 Неелов А.В. 170, 171
- Неелов А.П. 195
 Неелов В.Г. 169, 170
 Неелов Г.Г. 169
 Неелов Н.А. 170, 172
 Неелов С.А. 167—172
 Неелова (Киселева) А.Д. 168, 171
 Неелова Е.Д. 40
 Неелова Е.И. см. Колосова Е.И.
 Неелова (Меншикова) Е.П. 168, 171
 Неелова (Дебрянская) М.М. 170, 171
 Неелова Н.А. см. Макарова Н.А.
 Неелова Н.Н. см. Приклонская Н.Н.
 Неелова (Штакельберг) Ю.К. 172
 Некрасов Н.А. 64, 125, 284, 304, 308
 Некрасов Саша 271
 Некрасов С.М. 30—36, 50, 277, 311
 Немировский Е. 58
 Нератов А.А. 45, 50
 Нессельроде К.В. 24, 85, 87, 105
 Нестерова (Гончарова) А.А. 38
 Никитин В.А. 129
 Никитин И.С. 114
 Никитина Е.И. 114
 Никифоровский В.М. 308
 Никифоровский П.Ф. 305
 Николаев Е. 69, 74
 Николай Михайлович, вел. кн. 153, 158, 166
 Николай Николаевич, вел. кн. 197—201
 Николай I (Николай Павлович) 8, 10, 15, 16, 23, 34, 35, 40, 53, 60, 85, 87, 98, 116, 119, 142, 143, 186, 188, 194—202, 285, 286, 293
 Николай II 235, 290
 Ницше Ф. 220, 222
 Новиков Н.С. 104, 105
 Новицкая А. 162
 Новоселов Вл. 233, 247
 Новосильцева С.В. см. Энгельгардт С.В.
 Ньепс Н. 119
- Ободовская И.М. 74, 217
 Оболенский, князь 131
 Оболенский Е.П. 119, 121, 124
 Оболенский М.С.
 Овидий 67, 252
 Овчинников В. 79
 Овчинников Р.В. 157, 158
 Огарев Н.П. 40

- Одоевский В.Ф. 208, 211
Озеров В.А. 160, 164
Оклер К. 89
Оленин А.Н. 76, 188, 256
Оленин П.А. 101, 188
Олсуфьев А.В. 292
Ольга Николаевна, вел. кнж. 195, 197, 198, 200
Ольденбургский Г., принц 98
Онегин (Отто) А.Ф. 52, 53, 188, 248, 249
Опекушин А.М. 233
Орелкин П.Ф. 244
Орлов А.Г. 151
Орлов А.Ф. 40
Орлов Вл. 57
Орлов М.Ф. 40
Орлова Е.Н. 65
Орлова (Раевская) Ек. Ник. 40
Орлова К.А. 69
Орлова-Чесменская А.А. 160
Ортенберг А. 292
Ортенберг М. 292
Осипова П.А. 194
Остен-Сакен А.М. см. Меликова А.М.
Остен-Сакен А.Р. 46
Остен-Сакен А.Ф. 47
Остен-Сакен В.Ф. 46
Остен-Сакен Г.А. 46
Остен-Сакен Г.Р. 46
Остен-Сакен (Энгельгардт) Е.Е. 47
Остен-Сакен Максимилиан Ал-др. 47
Остен-Сакен Мария Ал-др. см. Гамм М.А.
Остен-Сакен М.М. 46
Остен-Сакен (Капша) М.Н. 46
Остен-Сакен Н.А. 47
Остен-Сакен (Энгельгардт) Н.Е. 44
Остен-Сакен Н.М. см. Капша Н.М.
Остен-Сакен О.А. 47
Остен-Сакен О.М. см. Брюммер О.М.
Остен-Сакен Р.Р. 46
Остен-Сакен Р.Ф. 47
Остен-Сакен С.М. 47
Остен-Сакен Ф.Р. 44—46
Островский А.Н. 241
Островский В.Е. 265
Остроумова-Лебедева А.П. 67
Отто А.Ф. см. Онегин А.Ф.
Оффенберг П. 292
Павел I (Павел Петрович) 17, 38, 41, 42, 169, 173
Павлищев Л.Н. 136, 235
Павлищев Н.И. 196, 202
Павлищева (Пушкина) О.С. 185, 196—198, 200—202
Павлов А.А. 288
Павлов Е.П. 306
Павлов Н.Н. 287
Павлов П.Е. 229, 239
Павлов Ф.П. 303, 306, 308
Павлова М.А. см. Пушкина М.А.
Павлова (Васильчикова) М.Н. 288, 289
Павлова (Пушкина) О.А. 287
Павлова С.А. 289
Павлова С.В. 43—50, 270
Пальмин Л. 279
Панаев В.И. 176
Панов Н.А. 119—121
Пантюхин 292
Панченко А.М. 190
Парни Э. 269
Паскалис, графиня 40
Паскевич И.Ф. 197, 201
Пастернак Б.Л. 279
Патерсон В. 294
Пеева Настя 281
Пекарский И. 61
Пеньков А. 279
Перов В.Г. 209
Перовский В.А. 203, 205, 206
Перовский Л.А. 203
Перфильева М.И. см. Данилова М.И.
Першин С.А. 266
Песталоцци И.Г. 61
Пестель П.И. 60
Петай М.Н. 273
Петр I 16, 17, 25, 66—68, 78, 85, 159, 170, 174, 196, 205, 214, 238
Петр III 152
Петрарка Ф. 162
Петров А.П. 29
Петров Павел 107
Петров П.Н. 58
Петровский Я.Я. 263
Петряев Е.Д. 180
Петунников Н.А. 290
Петунникова Н.А. см. Пушкина Н.А.
Пешуров А.Н. 41
Пилипенко Н.А. 248
Пиллар фон Пильхау И.Г. 292

- Пименов Н.С. 255—257
 Платонов С.Ф. 309
 Плетнев П.А. 38, 105, 195, 197, 200
 Плюшар 80
 Погодин М.П. 78, 144—149, 177, 194
 Погодин Н. 205
 Поджио А.В. 121, 122
 Поджио И.В. 120—122
 Позов А. 221, 227
 Покровский, композитор 305
 Покровский Е.А. 115, 117
 Полевой К.А. 134, 136, 177, 178
 Полевой Н.А. 136, 178, 185
 Поливанов А.Ю. 156
 Поливанов И.Ю. 156
 Поливанов Л. 228
 Поливанов Ю.И. 155
 Поливанова (Свечина) А.М. 155
 Полозов Н. 292
 Полонский Я.П. 239
 Полторацкий А.А. 185
 Полуектова (Гагарина) Л.Ф. 200
 Пономарева С.Д. 176, 177
 Поньрко Н.В. 190
 Понятовский А.С. 132
 Попов А.А. 265
 Попов В. 292
 Попов М.М. 136
 Пороховщиков А.А. 172
 Пороховщикова (Приклонская) В.А. 172
 Порошин М.Л. 266
 Порошина О.Н. 266
 Порудоминский В. 211
 Потемкин Г.А. 152, 156
 Почепцов Н. 304
 Предэ З.С. 308
 Приклонская В.А. см. Пороховщикова В.А.
 Приклонская (Неелова) Н.Н. 172
 Приклонский А.Г. 172
 Принцева Г.А. 65
 Притвиц И.К. 292
 Пролет Е.В. 51—53, 274
 Протасова А.А. см. Воейкова А.А.
 Протасова М.А. см. Мойер М.А.
 Прянишников Н.Е. 211
 Пугачев Е.И. 16, 21, 24, 41, 75, 79, 82, 151—154, 156, 157, 205—207
 Пукирев В.В. 62
 Пуле де М. 136
 Пушкин А.А. (1833—1914) 6, 59, 111, 114, 235, 236, 284—293
 Пушкин А.А. (1863—1916) 287, 288, 290
 Пушкин А.А. (р. 1942) 284
 Пушкин А.Ф. 171
 Пушкин В.Л. 41, 101, 103, 168, 172
 Пушкин Г.А. (1835—1905) 59, 233, 235, 236, 285, 286, 293
 Пушкин Г.А. (1868—1940) 287, 288, 290
 Пушкин Л.С. 40, 88, 133, 163
 Пушкин Н.А. 6, 284—293, 288, 290, 291
 Пушкин П.А. 286
 Пушкин П.Л. 101
 Пушкин С.А. 287, 288, 290, 291
 Пушкин С.Л. 77, 80, 101, 169—172, 202, 215
 Пушкина А.А. 287, 288
 Пушкина В.А. см. Мезенцова В.А.
 Пушкина М.А. см. Ганнибал М.А.
 Пушкина М.А. (1832—1919) см. Гартунг М.А.
 Пушкина М.А. (1862—1939) см. Быкова М.А.
 Пушкина (Дурново) М.А. 284
 Пушкина (Павлова) М.А. 288
 Пушкина Над. Анат. 40
 Пушкина Н.А. (1836—1913) см. Меренберг Н.А.
 Пушкина Н.А. (1859—1912) см. Воронцова-Вельяминова Н.А.
 Пушкина Н.А. (1871—1915) 287, 288
 Пушкина (Петунникова) Н.А. 290
 Пушкина (Гончарова) Н.Н. 17, 38, 59, 71, 74, 103, 111, 112, 114, 130, 147, 157, 185, 187—189, 195—198, 207, 212—217, 273, 285, 286
 Пушкина (Ганнибал) Н.О. 101, 168—171, 196—198, 201, 202
 Пушкина О.А. см. Павлова О.А.
 Пушкина О.С. см. Павлищева О.С.
 Пушкина София 286
 Пушкина (Ланская) С.А. 286, 287
 Пушкина (Ржевская) С.Ю. 171
 Пушин Ваня 124
 Пушин И.И. (1798—1859) 91, 92, 96, 104, 118—130, 182, 189, 208, 275, 306
 Пушин И.И. (США) 125, 126

- Пушина А.И. 127, 128
Пушина М.Н. 128
Пыляев М.И. 278
Пятигорский А. 227
- Радишев А.Н. 158
Раевская Е.Н. см. Орлова Е.Н.
Раевский Н.Н. 101, 119
Раевский Н.Н. (младший) 102, 228
Разумовская (Вяземская) М.Г. 86
Разумовский А.К. 90—93, 95, 99, 100
Расин Ж. 12
Распопов А.П. 131
Ратанова Света 276
Ратьковский В.Р. 304, 308
Рейнбот П.Е. 44, 45, 48—50
Рейнсдорп И.А. 151, 152
Рейтерн Г. фон 38, 51
Рейтерн Е. см. Жуковская Е.
Рейтерн Е.Е. 51
Реморова Н.Б. 143
Репин И.Е. 125, 248
Рерих Н.К. 66—68
Решис Е.К. 80
Ржевская (Соковнина) Д.Г. 170
Ржевская Е.И. см. Чернышева Е.И.
Ржевская С.Ю. см. Пушкина С.Ю.
Ржевский А.И. 171
Ржевский И.И. 170, 171
Ржевский Н.Г. 173
Ржевский Ю.А. 171
Ришелье Д. де 192
Рогова А.М. 303, 308
Родионов Р.Р. 38
Розанов В.В. 219, 227
Розен А.Е. 61, 65
Роллан Р. 7
Романенко С.А. 263
Россет Аркадий 217
Россет А.О. см. Смирнова-Россет А.О.
Россет Ш. 217
Ростовцев, домовладелец 290
Ростопчина Е.П. 40
Роткирх А.К. 310, 311
Роткирх (Ганнибал) С.А. 310
Рошевский П.И. 303
Руденская М.П. 44, 50, 92
Руденская С.Д. 44, 50
Рудольф, герцог 7
Румянцев Н.П. 103
Румянцев-Задунайский П.А. 103
- Рунич Д.П. 55
Русло, гувернер 132
Рылеев К.Ф. 37, 40, 80, 81, 136
Рысс А.А. 264
Рыхлевский А.И. 178, 179
Рюрик 116
- Саблукова Е.А. см. Бакунина Е.А.
Савинов А.Н. 298—302
Савостьянов К.И. 134, 136
Садовников В.С. 294
Садовникова А.Р. 275, 281
Садофьев И.И. 303, 308
Салтыков И.П. 169—171
Салтыкова (Чернышева) Д.П. 170, 171
Санасарян Т.К. 36, 75—82
Сандлер 304
Саркисова Т.С. 274, 279
Сатин Н.М. 62, 65
Сафонович, Орловский губ. 62
Сафонович А.В. см. Кривцова А.В.
Севчин Д.М. 155
Свечин И.М. 155
Свечин И.Н. 156
Свечин М.Г. 155, 156
Свечин Н.Е. 154
Свечин Н.М. 151—158
Свечин Н.С. 154
Свечин П.А. 153, 154
Свечина Анаст. Мих. см. Поливанова А.М.
Свечина Анисья Мих. 155
Свечина (Энгельгардт) Е.В. 156
Свечина (Загряжская) М.А. 155
Свечина М.Т. 155
Свечина П.М. 155
Свечина (Соймонова) С.П. 154
Свиньин П.П. 176
Свистунов П.Н. 125
Седова Г.М. 83—89
Селезнев И.Я. 180
Селюнина Г.И. 273, 279
Семевский М.И. 121, 122, 124, 125, 128
Семенко И.М. 89
Семенова Е.С. 164
Семенов-Тянь-Шанский П.П. 116, 117
Семечкина (Данзас) Т.Б. 49, 126, 128
Семячкин 56
Сенковский О.И. 178
Сергеев Андрей 272

- Сергеев В. 245
Сергей Александрович, вел. кн. 290
Сергий Радонежский 228
Серебряков А.С. 305
Серсей, граф 84
Сидоров А.А. 261, 300, 301
Сизова Т.П. 278
Симанская (Пороховщикова) О.А. 172
Симанский В.А. 172
Симанский С.В. см. Алексей I
Скальковский К.А. 165
Скворцова З.И. 304
Скотт В. 177
Слонимский Ю.И. 165
Случевский К.К. 229—240
Смагин 292
Смирнов Г.(Ю.) В. 110
Смирнов Н.М. 186, 187, 190
Смирнов-Сокольский Н.П. 108
Смирнова В.В. 273, 275
Смирнова-Россет А.О. 196—198, 200—202, 278
Смирновский 72—74
Соболев Л.И. 229, 230, 239
Соболевский А.М. 126, 157, 158
Соболевский С.А. 88, 134, 136, 167, 186, 190
Соймонова С.П. см. Свечина С.П.
Соквинна Д.Г. см. Ржевская Д.Г.
Сокол А. 280
Соколов П.Ф. 108
Соколова Т.М. 69
Солдатова Л.М. 181—190
Соллогуб В.А. 60, 84, 85, 87—89, 132, 187, 188, 190, 197, 278, 294—302
Соллогуб С.И. 200
Соловьев Н.В. 44, 48, 50
Сологуб Ф. (Тетерников Ф.К.) 239
Солодовников И. 151
Соломина Катя 280
Соломка И. 292
Соломонов Б.И. 248
Сомов О.М. 176
Сонцов М.М. 187
Сперанский М.М. 15—20, 22—26
Срезневский И. 57
Сталин И.В. 20, 309
Станиславский К.С. 305
Старк В.П. 212—217, 251—257
Степанова А. 159
Степун Ф.А. 222
Столыпин П.А. 290
Стоюнин В.Я. 138
Стрижак Н.Г. 261—268
Строганов С.Г. 293
Строганова С.В. 55
Струве П.Б. 219, 226
Суворин А.С. 239, 251
Суворов А.А. 201
Суворов А.В. 156
Суйя А.И. 305
Сукин А.Я. 60
Сумароков А.П. 139, 140
Суровцева Н. 280
Сухозанет, г-жа 216
Сушкова Е.П. 184
Тальони М. 165
Талызина Е.Н. 289
Тарасенко-Орешков Н.И. 38
Тарасова Л.А. 68
Татаринов А.В. 151—158
Тахо-Годи Е.А. 229, 230, 232, 234, 235, 237—240
Телепнев С.С. 305, 308
Телетова Н.К. 79, 167—172, 310, 311
Телешева (Телешова) Е.А. 164, 165
Телушкин Н. 108
Теньер 175
Теппер де Фергюсон В. (Л.-В.) П. 44
Теребенев А.И. 55, 58
Теребенев В.И. 55
Теребенев И.И. 55, 56
Теребенев К.И. 54—58
Теребенев М.И. 294
Теребенев П.К. 57, 58
Терешко Виктор 246
Тетерников Ф.К. см. Сологуб Ф.
Тизенгаузен В. (В.-С.) К. 119, 121
Тимбрюн-Гембронн де Валенс Л.Р.Э. см. Жерар Л.Р.Э.
Тимофеева-Починовская В.В. 307, 308, 309
Титов А.Н. 160
Титов С.Н. 160
Тихобразов Н. 109
Токмакова Л. 252
Толбин В.В. 150
Толстая Е.П. 198
Толстая М.Ф. см. Каменская М.Ф.
Толстой Д.В. 198
Толстой Ф.И. 183

- Толстой Ф.П. 74, 113, 199
Томашевский Б.В. 138, 140, 142, 143, 158
Томилов А.Р. 98
Топоров В.Н. 228
Троицкий Л.С. 304, 308
Трубецкой С.П. 124, 127
Трунов Г.В. 122
Тукманова А.И. 160
Тунни, фотограф 64
Тургенев А.И. 60, 85—87, 100, 134, 136, 186, 187, 190, 214, 215
Тургенев И.С. 37, 44, 125, 229
Тургенев Н.И. 77, 80, 81
Тучков Л.Т. 264
Тучков М.П. 292
Тынянов Ю.М. 92
Тырков Ал. Дм. 201
Тырков Ал-др Дм. 201
Тютчев Ф.И. 279
- Уваров С.С. 17, 35
Уварова Н.И. 107—110
Усольцева П. 277
Успенский Г.П. 72, 74
Устимович 306
Устинов А.М. 62
Уткин В. 265
Уткин Н.И. 51, 100, 102, 103
Ухорский А.А. 305
Ушакова Е.Н. см. Киселева Е.Н.
- Фаресов А.И. 233, 239, 240, 243, 245
Февчук Л.П. 236, 240
Федоров Г. 25
Федотов Г.П. 219, 222, 227, 228
Федотова Г. 280
Фелленберг 60, 61
Феодосий Печерский 228
Фесенко Ю.П. 206, 211
Фет Анна Аф. 114, 116
Фет Аф. Аф. 44, 114—117
Фикельмон К.Л. 200, 201, 214
Филарет (Дроздов), митрополит 35
Флейшман Саша 271
Флоренский П.А. 222
Фок Е.И. фон 306
Фок М.Я. фон 25
Фомичев С.А. 143, 228
Фонвизин Д.И. 156, 158, 164
Фонвизин М.А. 126
- Фонвизина Н.Д. 124, 126
Фофанов К.М. 40, 235, 236
Франк С.Л. 220, 227
Фридрих II Великий 10
Фридрих К.Д. 51
Фризенгоф (Гончарова) А.Н. 38, 213, 216, 217
Фукс А.А. 215
- Хатов А.И. 292
Хвостов Д.И. 176, 181
Хвостова (Пашкова), графиня 184
Ходасевич В.Ф. 258
Хомутов М.Г. 39
Хомутов С.Г. 39
Хомутова А.Г. 39, 134
Хомяков А.С. 125
Хохренкова В. 304
Худеков С.Н. 166
- Цветаева М.И. 279
Цеберс Наташа 274
Цеков Денис 263
Цицианов П.Д. 16
Цявловский М.А. 100, 101, 103, 106, 144—146, 150, 190, 217, 303
- Чаадаев П.Я. 35, 237
Черейский Л.А. 59, 65, 89, 154, 158, 172
Черкезова Е.В. 80
Чернецов Г.Г. 107—110, 282
Чернецов Н.Г. 110
Чернышев А.И. 153
Чернышев Г.П. 170, 171
Чернышев З.Г. 169, 170
Чернышев И.Г. 169, 170
Чернышев Л.А. 292
Чернышев П.Г. 170
Чернышева А.Г. см. Голицына А.Г.
Чернышева А.Г. (1804—1832) см. Муравьева А.Г.
Чернышева Д.П. см. Салтыкова Д.П.
Чернышева (Ржевская) Е.И. 170, 171
Чернышева М.Г. см. Дебрянская М.Г.
Чернышева Н.П. см. Голицына Н.П.
Чуйко В.В. 229, 239
- Шаликов П.И. 176, 181
Шанин, фотограф 249
Шаховской А.А. 76, 160, 164

- Шванвич А.М. 151, 152—154
 Шванвич М.А. 151—153, 156, 157
 Шварц П. 70, 71, 74
 Шевич А.И. 198
 Шевич Л.И. 198
 Шевич М.Х. 198
 Шевырев С.П. 132, 133, 145, 177, 185
 Шекспир У. 228
 Шель Ф. 174
 Шемиот 172
 Шереметев С.В. 40
 Шереметева (Алмазова) В.П. 40
 Шестиперов Саша 272
 Шестов Л.И. 222
 Шиллер И.Ф. 219, 222, 227, 310
 Шиллинговский П.А. 67
 Шилов К.В. 65
 Шильдер-Шульднер (Гамм) Д.Ф. 47
 Шильдер-Шульднер Л.Э. 47
 Шильдер-Шульднер М.Э. 47
 Шильдер-Шульднер О.Э. 47
 Шильдер-Шульднер Ф.Э. 47
 Шильдер-Шульднер Э.А. 47
 Шимановская Е. 40
 Шимановская М. 40
 Шишкин А.П. 167
 Шишков А.С. 35, 175, 176
 Шишков В.Я. 303, 308
 Шишман, фабрикант 248
 Шишурак В.А. 266
 Шляпкин И.А. 30
 Шмаров Ю.Б. 172
 Шмудевич М.М. 275
 Шольц В.Б. 41
 Шольц Ф.Е. 161
 Шопен Ф. 305
 Шредер Д. 292
 Штакельберг Ю.К. см. Неелова Ю.К.
 Штейнгель В.В. 127
 Штейнгель В.И. 127
 Шувалов И.И. 10
 Шустер Алеша 274
 Шустова Венера 275
- Щеглов (Леонтьев) И. 241, 242, 244,
 247, 249, 250
 Щеголев П.Е. 89, 181, 185, 188—190,
 217, 293
- Щепкина-Куперник Т.Л. 235
 Щербатов М.М. 158
- Эвальд В.Ф. 57
 Эзоп 139, 140
 Эйдельман Н. 79
 Эйлер Л. 54
 Эльчич Д. 192
 Энгельгардт А.Е. 46
 Энгельгардт В.Е. 43, 44, 46, 49
 Энгельгардт Е.А. 43—50, 118, 122
 Энгельгардт Е.В. см. Свечина Е.В.
 Энгельгардт Е.Е. см. Остен-Сакен Е.Е.
 Энгельгардт М.Е. 46
 Энгельгардт Н.Е. см. Остен-Сакен Н.Е.
 Энгельгардт (Новосильцева) С.В. 44
 Эстеррейх 80
 Эшби Ф. 65
- Юдин П.Л. 211
 Юзефович М.В. 130, 182, 190
 Юкнат А.И. 305
 Юрьев Ф.Ф. 37
 Юстиниан, имп. 191
 Юсупов Н.Б. 35
- Язловский Б. 217
 Языков Н.М. 52
 Яковлев, артист 248
 Яковлев Л. 176
 Яковлев М.А. 81
 Яковлев М.Л. 173—175, 181
 Яковлев Н.Л. 175
 Яковлев П.Л. 173—180
 Яковлева М.А. 111—117
 Якушкин В.Е. 212
 Якушкин Е.И. 123—125, 128
 Якушкин И.Д. 80, 119, 121, 123
 Якшурский Н.А. 308
 Янченко Люба 281, 282
 Яремич С.П. 108
 Яценко О. 274
- Bauchet-Filleau Н. 89
 Boyd В. 257
 Cherge Ch. 89
 Keening 89

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

Пушкин и наша культура

Д.А.Гранин Вблизи престола	7
А.Г.Битов Пушкин и Дюма (Пушкин во Франции)	12
Я.М.Гордин Человек против хаоса (Пушкин и мы)	15
М.Н.Кураев «Заветов грядущего вестник...»	27
А.П.Петров «Весь мой дальнейший путь связан с этим именем...»	29

Дела музейные

С.М.Некрасов Творческая биография писателя как основа литературно-монографической экспозиции	30
Т.Г.Александрова Из рукописно-документального собрания Всероссийского музея А.С.Пушкина	37
С.В.Павлова Новое о лицейских материалах	43
Е.В.Пролет Рисунки В.А.Жуковского из фонда оригинальной графики Всероссийского музея А.С.Пушкина	51
Е.В.Карпова Новая атрибуция скульптурного портрета А.Х.Востокова	54
Ю.Г.Елатко Неизвестная фотография декабриста С.И.Кривцова (По материалам фотофонда Всероссийского музея А.С.Пушкина)	59

Е.Н.Монахова

«Старинная петровская песня» (Иллюстрация Н.К.Рериха
к стихотворению Пушкина «Пир Петра Первого»
в собрании Всероссийского музея А.С.Пушкина) 66

Т.Р.Мазур

Комнатные растения в жилом интерьере XIX в. 69

Т.К.Санасарян

Литературная экспозиция Всесоюзного Музея А.С.Пушкина
(Итоги и перспективы. Анализ образно-семантической структуры.
Тематическое обоснование и маршрут новой экспозиции в доме
Волконских) 75

Поиски и находки**Г.М.Седова**

Неизвестный портрет виконта д'Аршиака и другие новые материалы
его биографии 83

Л.Б.Михайлова

«Вчера свершился первый подвиг мой— открытие Лицея...»
(История одной архивной находки) 90

А.Н.Марков

«Любимец моды легкокрылой...»
(О.А.Кипренский в Царском Селе в 1813 г.) 97

С.В.Березкина

Об эпитимийце Пушкине 104

Н.И.Уварова

Еще раз «О мнимом портрете Александра Иванова» 107

М.А.Яковлева

«С послушной куклою...» 111

А.П.Варфоломеев

Пушин, Иван Иванович
(К истории создания и датировке фотопортретов) 118

Перечитывая Пушкина**Т.П.Волохонская**

«И славен буду я...» 130

Р.В.Иезуитова

«Зачем ты, грозный аквилон...»
(О судьбе одного болдинского автографа) 137

Г.И.Назарова	
Адресат стихотворения Пушкина «Новоселье»	144
А.В.Татаринов	
«Слышано от Н.Свечина» («Подъезжая к Торжку»)	151

Вокруг Пушкина

И.В.Лузинова	
«Душой исполненный полет...»	159
Н.К.Телетова	
Забытые родственные связи А.С.Пушкина — С.А.Неелов	167
О.Н.Золотова	
Павел Лукьянович Яковлев— литератор пушкинской эпохи	173
Л.М.Солдатова	
Поэт и толпа (Карикатуры на Пушкина)	181
М.И.Михайлов	
«И что чума?...»	191
Т.И. Галкина	
Высочайший двор в Царском Селе летом 1831 г.	194
Ю.А.Зигерн-Корн	
«И побратался с ним не для здешнего мира...» (К истории взаимоотношений А.С.Пушкина и В.И.Даля)	203
В.П.Старк	
Записка Пушкина к барону Геккерну	212

Средь новых поколений

Е.А.Вильк	
«Трагическое» в творчестве Пушкина и некоторые проблемы философской критики Серебряного века	218
А.Ю.Грязнова	
К.К.Случевский и празднование столетнего юбилея А.С.Пушкина в Святых Горах	229
М.А.Кублицкая	
Пушкинский юбилей 1899 г. в провинции (По материалам научно- вспомогательного фонда Всероссийского музея А.С.Пушкина)	241
В.П.Старк	
Пушкинские отражения в сборнике В.Сирина (В.В.Набокова) «Горный путь»	251

Т.С.Буковская	
Последний спор	258
Л.Кудрицкая	
Пушкиниана Николая Стрижака	261
Е.Б.Добровольская	
«Души прекрасные порывы...» (О традициях Лицейского фестиваля «Царскосельская Осень»)	269

Публикации

<i>С.М.Некрасов</i>	
Сын поэта	284
Н.А.Пушкин	
Генерал от кавалерии Александр Александрович Пушкин (1833—1914)	285
<i>М.В.Бокариус</i>	
Редкий экземпляр «Тарантаса» В.А.Соллогуба (Из собрания С.Л.Маркова)	294
С.Л.Марков	
«Тарантас» В.А.Соллогуба	296
А.И.Белинский	
Культурная работа школ города Опочки в 20-х гг. XX в.	303

Хроника

Н.К.Телетова	
Об экспедиции на родину А.П.Ганибала	310
Указатель произведений А.С.Пушкина	312
Указатель имен	316

ПУШКИНСКИЙ МУЗЕУМ

Альманах

Редактор Г.Г.Мартынов
Художник В.Н.Дзюба
Художественный редактор М.П.Шафрова
Технический редактор Л.Е.Голод
Корректор А.И.Утищев

ЛР № 065126 от 25.04.97
Подписано в печать 21.05.99. Формат 70×100¹/₁₆.
Объем 21,0 печ. л.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Заказ № 107 . Тираж 2000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП «Искусство России»
Комитета Российской Федерации по печати.
СПб., Промышленная, 38/2.

